

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

НАУКА

— 1727 —

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 83 № 5 2024 Сентябрь—Октябрь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 77-66705 от 28.07.2016

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСЛ РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2024
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2024
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2024

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 83 No. 5 2024 September–October

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 77-66705, July 28, 2016

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zharebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2024
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2024, Том 83, Номер 5

Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма	
<i>Р. И. Воронцов, М. Н. Приемышева</i>	5
О текстологических проблемах публикации романа «Бесы» в составе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (1974 и 2021 гг.)	
<i>К. А. Баршт, М. Я. Дымарский</i>	25
Системы организации знаний в филологических информационных ресурсах	
<i>А. Б. Антопольский</i>	41
«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои»	
<i>О. А. Богданова</i>	53
Возможности цифрового комментирования произведений русской классики (на примере рассказа И. А. Бунина «На даче»)	
<i>Е. Р. Пономарев</i>	64
Эпическое слово: сопоставительный анализ номинаций <i>мира</i> в «Старшей» и «Младшей Эдде»	
<i>Т. В. Топорова</i>	73
М. Н. Муравьев, Я. Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян	
<i>А. Д. Ивинский</i>	85
Есть ли пословичное изречение в начале «Фесмофориазус» Аристофана?	
<i>С. А. Степанцов</i>	96
Особенности номинации лиц в описаниях Москвы начала XIX века (на материале статей Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы»)	
<i>В. С. Савельев, Ли Вэнвэнь</i>	103
Юлий Айхенвальд в спорах о театре. Статья первая	
<i>Е. А. Тахо-Годи</i>	113
Бестиарные образы в автобиографической книге Эудженио Монтале «Динарская бабочка»	
<i>Л. Е. Сабурова</i>	128
Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц	
<i>А. С. Глаголева</i>	137
Идейный субстрат «Слова о полку Игореве» в интерпретациях китайских русистов	
<i>Ли Цзивэй</i>	150

Рецензии

Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О. А. Богданова; отв. ред. В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 8. 672 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте»)	
<i>Н. Г. Коптелова</i>	157

Хроника конференции

Хроника конференции с международным участием «Пятые Григорьевские чтения» по теме «Художественный текст: корпусные методы исследования»	
<i>З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева</i>	161

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2024, Volume 83, Issue 5

The Russian Academic Explanatory Lexicography as Part of the European Tradition of Dictionary-Making: Genesis of the Principles of Normativity and Historicism <i>R. I. Vorontsov, M. N. Priemysheva</i>	5
On Textual Problems of Publishing the Novel “Demons” as a Part of the Complete Works of F. M. Dostoevsky (1974 and 2021) <i>K. A. Barsht, M. Ya. Dymarsky</i>	25
Systems of Knowledge Organizing in Philological Information Resources <i>A. B. Antopolsky</i>	41
“We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...”: the Estate World in G. Sh. Yakhina’s Novel “My Children” <i>O. A. Bogdanova</i>	53
Possibilities of Digital Commenting on works of Russian Classics (On the Example of Ivan Bunin’s Story “At the Dacha”) <i>E. R. Ponomarev</i>	64
Epic Word: a Comparative Analysis of the Nominations of the <i>World</i> in the Elder and Younger Eddas <i>T. V. Toporova</i>	73
Muravyov, Kniazhnin, Voltaire and Le Franc de Pompignan <i>A. D. Ivinskiy</i>	85
Is There a Proverbial Expression at the Beginning of Aristophanes’ <i>Thesmophoriazousae</i> ? <i>S. A. Stepantsov</i>	96
Features of the Nomination of Persons in Descriptions of Moscow at the Beginning of the 19 th Century (Based on the Articles of N. M. Karamzin in the Magazine “Vestnik Evropy” [“Messenger of Europe”]) <i>V. S. Savelyev, Li Wenwen</i>	103
Yuly Aykhenwald in the Debate About the Theater. Article One <i>E. A. Takho-Godi</i>	113
Bestiary Images in the Autobiographical Book “The Butterfly of Dinard” by Eugenio Montale <i>L. E. Saburova</i>	128
Verbs with the Meaning of Visual Perception as the Basis for the Formation of Particles <i>A. S. Glagoleva</i>	137
How did the Chinese Russianists Interpretate the Leading Theme in “The Tale of Igor’s Campaign” <i>Li Ziwei</i>	150

Reviews

Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: a Collective Monograph, comp. by O. A. Bogdanova, ex. ed. V. G. Andreeva, O. A. Bogdanova. Moscow: IWL RAS Publ., 2024. Issue 8. 672 p. (Series: “Russian Estate in a Global Context”) <i>N. G. Koptelova</i>	157
--	-----

Chronicles

Chronicle of the Conference with International Participation “Fifth Grigoryev’s Readings” on the Topic “Literary Text: Corpus Methods of Research” <i>Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva</i>	161
---	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050018

Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма

© 2024 г. Р. И. Воронцов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
roman.vorontsov.86@gmail.com

© 2024 г. М. Н. Приемышева

Доктор филологических наук,
заведующая отделом лексикографии современного русского языка,
заместитель директора Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
mn.priemysheva@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена проблеме формирования представлений о нормативности и историзме толкового словаря в русской академической лексикографии. Анализ ведется на пересечении отечественной и зарубежных словарных традиций. Устанавливаются факты культурного влияния зарубежных лексикографий на толковые словари русского языка, выявляются национально-специфические факторы, определившие развитие словарного дела в России. Делается вывод о том, что оригинальная отечественная лексикографическая теория, основанная на осмыслении национального и зарубежного опыта, складывается к 1940-м годам, что позволяет реализовать ряд крупнейших словарных проектов во второй половине XX в.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407, <https://rscf.ru/project/23-28-00407>

Ключевые слова: история лексикографии, толковый словарь, русская академическая лексикография, европейская лексикография, нормативность, историзм.

Для цитирования: Воронцов Р.И., Приемышева М.Н. Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 5–24. DOI: 10.31857/S1605788024050018

The Russian Academic Explanatory Lexicography as Part of the European Tradition of Dictionary-Making: Genesis of the Principles of Normativity and Historicism

© 2024 Roman I. Vorontsov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
roman.vorontsov.86@gmail.com

© 2024 Marina N. Priemysheva

Doct. Sci. (Philol.),
 Head of the Modern Russian Lexicography Department,
 Deputy Head of the Institute for Linguistic Studies
 of the Russian Academy of Sciences,
 9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
 mn.priemysheva@yandex.ru

Abstract. The article deals with the genesis of ideas of normativity and historicism in an explanatory dictionary, which is typical of the Russian academic lexicography. The analysis is carried out with respect to the Russian and the foreign traditions of dictionary-making. The authors uncover cases of cultural influence of foreign lexicographic methodologies on the Russian explanatory dictionaries. Moreover, the national specific factors are described that have also determined the development of lexicography in Russia. The conclusion is made that the Russian original lexicographic theory based on the interpretation of both national and foreign experience has been formed by 1940s, which helped to implement a number of major lexicographic projects in the second half of the 20th century.

Acknowledgements. The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407>

Key words: history of lexicography, explanatory dictionary, Russian academic lexicography, European lexicography, normativity, historicism.

For citation: Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. *Russkaya akademicheskaya tolkovaya leksikografiya v kontekste evropejskoj slovarnoj tradicii: formirovanie leksikograficheskikh principov normativnosti i istorizma* [The Russian Academic Explanatory Lexicography as Part of the European Tradition of Dictionary-Making: Genesis of the Principles of Normativity and Historicism]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 5–24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050018

1. Введение

Общий взгляд на развитие национальных лексикографий позволяет увидеть в них много схожих динамических черт и в то же время отметить целый ряд специфических, характерных только для данного народа и языка, особенностей. Общевропейское единство эволюционных процессов в области лексикографической деятельности, убедительно показанное В.Г. Гаком [1], прежде всего, обусловлено *функциями*, для выполнения которых предназначаются словари в разные исторические периоды. Так, на ранних этапах истории лексикографии словари служат справочным и учебным целям, поэтому их появление в форме различного рода рукописных лексиконов, глоссариев, вокабуляриев, азбуковников, призванных разъяснить значения непонятных и иноязычных слов, закономерно для развития письменности и литературы на всех европейских языках. Появление же в национальной лексикографии *толкового* словаря всегда свидетельствует о том, что язык начинает осмысляться как значимый общественный институт, как инструмент государственной политики, и поэтому возникновение толковой лексикографии определяется не столько потребностью данного общества в справочных изданиях,

сколько идеологическими целями, в том числе политическими, социальными, историко-культурными. Именно толковый словарь, создание которого свидетельствует о «совершеннолети» литературного языка и лингвистической зрелости общества, оказывается инструментом, способным решать как научные, так и дидактические задачи [1, с. 13–15].

Высокий уровень развития национальной лексикографии недостижим без разработанной лексикографической теории, которая, собственно, и позволяет интерпретировать словарь как *научное* описание литературного языка. Однако специфика любого словарного описания состоит в том, что оно не может быть полностью сведено к «какой бы то ни было форме научной речи» [2, с. 50], ибо составление словаря представляет собой не столько научную, сколько междисциплинарную *культурную* практику [3, с. 13]. Известные французские лексикографы А. Рей и С. Делесаль объясняют такую «культурологичность» толкового словаря его отнесенностью к «вторичным моделирующим системам» культурного и мировоззренческого порядка — системам, которые семантически организуют тексты, производимые социальным коллективом [4, с. 264]. Любой словарь, таким образом,

транслирует общественную идеологию периода его создания (см. [5]).

В определенном смысле поэтому развитие словарного дела может быть уподоблено *литературному процессу*, протекающему в данном обществе. Неслучайно еще в середине XIX в. академик Я.К. Грот связывал прогресс в области лексикографии со «степенью литературного развития нации» [6, с. 149], характеризуя толковый словарь как особый литературный жанр.

Так, подобно национальной литературе национальная лексикография всецело определяется окружающим ее культурным контекстом и, в том числе, подвергается влиянию иностранных словарных традиций. Именно этим взаимовлиянием, которое, впрочем, происходит на фоне общего для всех европейских народов культурогенеза, и обусловлено концептуальное единство европейских толковых лексикографий. В самом общем приближении оно сводится к тому, что лексикографический континуум осознается социумом как антиномия *нормативного* и *полного* словарей [7, с. 30], представляющих собой полюса на ценностной шкале лексикографии. В других терминотипах речь может идти о прескриптивном и дескриптивном словарях [8, с. 2], академическом словаре и словаре-справочнике (или тезаурусе) [9], нормативном словаре языка и историческом словаре языка и культуры [4]. Эти терминологические оппозиции, конечно, не синонимичны друг другу, тем не менее невозможно отрицать концептуальное единство путей осмысления лексикографической проблематики в разных национальных традициях.

При этом ценностные ориентации, безусловно, различаются. Если в итальянской, французской, испанской, российской культурах преобладает нормативная толковая лексикография, то в англоязычных и некоторых других странах (Германии, Нидерландах, Дании, Швеции и др.) приоритет отдается словарям исторического тезаурусного типа. Любопытно, что в тех культурах, где доминирует нормативный подход, даже полные исторические словари тяготеют к динамическому описанию литературной *нормы* (как, например, исторический *Trésor de la langue française*, описывающий французский язык XIX–XX вв., но в то же время декларирующий наличие в своей структуре и «нормативного элемента» [10, с. 622]).

Научное соотношение и аксиологическая значимость типов нормативного и полного (исторического) словарей определяют сущностную специфику каждой из национальных толковых лексикографий. В отечественной традиции

обсуждение типологической проблематики почти всегда предваряет разработку новых словарных концепций и вот уже более двухсот лет сохраняет актуальность и остроту. При этом решение данной проблемы в каждом конкретном толковом словаре обуславливается не только экспертным мнением авторитетных лексикографов, но и, прежде всего, культурно-исторической спецификой эпохи, в которую этот словарь создается.

В настоящей статье будет предложен обобщенный взгляд на пути формирования представлений о нормативном и историческом толковом словаре в истории российской лексикографии. Ниже будет показано, что данное проблемное поле в разные периоды может определяться и универсальными тенденциями в развитии лексикографии, и влиянием иностранных традиций, и усилением национально-специфических факторов, — однако во всех случаях оно обусловлено культурно-исторически. Фундаментом для его построения каждый раз становится объединение национального словарного опыта и воспринятых и творчески интерпретированных достижений зарубежной лексикографии.

2. Генезис представлений о нормативности и историзме толкового словаря в европейской и русской лексикографии XVII–XIX вв.

2.1. Традиция нормативной лексикографии

Появление первых толковых словарей в Европе было связано с осознанием роли единого литературного языка в централизации нации и государства, с необходимостью «законодательно» закрепить социальный престиж отдельных диалектов или языков элитарных общественных групп. Цель научных сообществ и академий, создававшихся в XVI–XVIII вв. в странах Европы, состояла в том, чтобы «установить общеупотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку во всех сферах жизни и деятельности людей <...>, во всех жанрах литературы» [11, с. 13]. Единственным верным решением этой задачи было составление нормативного толкового словаря.

В 1583 г. во Флоренции создается Академия делла Круска (*Accademia della Crusca*¹), которая

¹ Сама метафора в названии Академии была показательной. Как отмечается в Словаре Брокгауза и Эфрона, «Crusca (Accademia della C.; собств. “академия клея”) — итальянское ученое учреждение, поставившее себе целью очищение языка “как муки от клея”; основано во Флоренции поэтом Грацини в 1582 г. <...>. К<руска> послужила образцом для французской академии и аналогичных немецких обществ XVII в.» [12, с. 857]. В настоящее время слово *crusca* чаще переводится как *отруби* — ‘побочный продукт мукомольного производства’.

подготовила и в 1612 г. издала *Vocabolario degli Accademici della Crusca* — нормативный словарь образцового итальянского языка, «очищенного» от всего того, что нарушало его красоту и ясность. Словарь создавался на основе произведений классических флорентийских литераторов XIV в. (Данте, Петрарка, Боккаччо) с целью кодификации тосканского диалекта. Академия делла Круска в свою очередь послужила образцом для создания Французской Академии, которая была основана в 1635 г. кардиналом Ришелье и задача которой также заключалась в изучении и совершенствовании французского языка и в создании его словаря — *Dictionnaire de l'Académie française* (первое издание — в 1694 г.). Позднее, в 1713 г., в Испании создается Королевская академия, одним из результатов деятельности которой стал шеститомный *Diccionario de la lengua castellana*, иначе называемый *Diccionario de Autoridades* («Словарь авторитетов»), изданный в период с 1726 по 1739 г. Целью словаря также стала кодификация образцового словарного состава испанского языка на базе кастильского диалекта.

Проблемами языка и литературы, по аналогии с Французской Академией, стали заниматься созданная в 1700 г. Прусская академия наук (в 1744 г., при Фридрихе II, после объединения ее с Берлинским литературным обществом переименована в Королевскую академию наук), Шведская академия, основанная по распоряжению короля Густава III в 1786 г., а также общества, созданные в Бельгии, Нидерландах, Дании, однако словарная работа в них или не велась вовсе, или началась позднее и на других основаниях.

В Англии и Германии толковая лексикография не была напрямую связана с деятельностью специально созданных академий, однако в этот же период, во второй половине XVIII — начале XIX в., в этих странах также появляются толковые словари, авторитетность которых была определена популярностью итальянского и французского академических словарей. Так, рассматривая крупные словари английского языка, акад. И.И. Срезневский отмечал: «Влияние Итальянской Академии della crusca и Академии Французской, распространяясь по всей образованной Европе, не миновало и Англии: первые замечательные словари английского языка для англичан были в значительной степени подражаниями словарей этих Академий — по мысли, если не по исполнению» [13, ч. IV, с. 235]. Срезневский подробно анализирует в этом контексте следующие издания: *A Dictionary of the English Language* С. Джонсона (1755), *A New Dictionary of the English*

Language Ч. Ричардсона (1836—1837). В Германии словарями подобного типа стали *Versuch einen vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundart* И.К. Аделунга (1766—1786) и *Wörterbuch der Deutschen Sprache* Й.Г. Кампе (1807—1812) (см. [14]).

Нормативные задачи словарей, подготовленных в XVII—XVIII вв. академиями, научными обществами или отдельными лексикографами по их образцу, подчеркивают «важность толкового словаря для языковой нормализации в централизованном государстве» [1, с. 17] и позволяют утверждать, что нормативный толковый словарь в определенный исторический период становится одним из инструментов национальной политики по централизации государства и интеграции общества.

В рамках этой европейской культурно-идеологической традиции закономерным стало создание в 1783 г., по инициативе княгини Е.Р. Дашковой и по указу Екатерины II, Академии Российской — учреждения, призванного заниматься проблемами русского языка и русской словесности². Важнейшим результатом ее деятельности стало издание «Словаря Академии Российской» (САР) в 1789—1794 гг. Лексикографическая направленность отечественной Академии свидетельствует о влиянии опыта аналогичных европейских учреждений, однако концептуальное сходство русского и европейских словарей, преследующих цель очищения и упорядочения языка, «скорее, вызвано сходством языковых ситуаций» [11, с. 14]: в России XVIII в., как и ранее в европейских странах, национальный язык, существовавший

² Из воспоминаний Е.Р. Дашковой: «Однажды мы с императрицей прогуливались в ее царскосельском саду, беседуя о красоте и богатстве русского языка. Я выразила ее величеству удивление тем, что, будучи сама сочинительницей и только любя наш язык, она до сих пор не учредила Российской Академии, необходимой нам, поелику у нас тогда еще не было установленных правил и добротного словаря, кои избавили бы нас от глупого обыкновения употреблять иностранные понятия и слова, и это при том, что мы обладаем собственными и гораздо более выразительными. “Не знаю, как так получилось, — ответила мне императрица, — ибо вот уже несколько лет как я мечтаю об этом и даже отдала на этот счет некоторые распоряжения”. — “Это тем более удивительно, ваше величество, — сказала я, — ведь нет ничего легче: поелику в Европе существует уже несколько подобных Академий, и надобно только выбрать”. — “В таком случае, — ответила императрица, — прошу вас составить для меня план сего предположения”. — “Но, — возразила я, — было бы лучше, ежели бы вы приказали одному из ваших секретарей представить вам все, что касается Французской, Берлинской и некоторых других Академий с предложениями о том, что следует отменить или, наоборот, привести для устройств нашей Академии”» [15, с. 345].

в условиях двуязычия (церковнославянский и русский, латынь и французский, испанский, итальянский и т.д.), начинал приобретать самостоятельный статус, что, в свою очередь, требовало регламентации языкового употребления³.

Для истории и теории российской лексикографии этот этап в развитии отечественной филологии невозможно переоценить.

Первым важнейшим следствием деятельности Академии Российской стало то, что в России, как и в ряде европейских стран, выбравших Словарь Французской академии за образец, сформировался *высокий авторитет академического словаря*. Как отмечал Я.К. Грот, «в русской литературе нельзя не признать благотворного значения Академии в деле выполнения задачи составления словаря. <...> Без Российской академии, которая в 11 лет составила свой первый словарь, у нас, может быть, еще и до сих пор не было бы подобного труда» [6, с. 149]. Особенную авторитетность и самому изданию, и, как следствие, всей русской академической лексикографической традиции придал тот факт, что в создании словаря приняли участие не только выдающиеся ученые, но и писатели, поэты, государственные и общественные деятели эпохи (Е.Р. Дашкова, Я.В. Брюс, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов, астроном С.Я. Румовский, настоятель Исаакиевского собора Г.М. Покорский и др. [17, с. 60]).

Вторым следствием влияния европейской лексикографии стало то, что САР, ориентируясь на французский академический словарь в своем целеполагании — отразить эталонный язык образованных слоев общества, встал в ряд аналогичных по концепции изданий (словаря Академии делла Круска, испанского Словаря авторитетов) и задал в России традицию отражения в толковом словаре *языковой нормы*, иными словами, придал импульс развитию *нормативной лексикографии*. Нормативность словаря достигалась за счет тщательного отбора слов, допустимых и рекомендованных для широкого употребления. В словарь не включались слова, «благопристойности противны», а также узкоспециальная, устаревшая,

областная лексика и иностранные слова, «введенные без нужды» [17, с. 124].

Третьим важным следствием усвоения европейской нормативной традиции в России стало устойчивое представление об особенном лексикографическом авторитете *литературного языка*. САР первым отразил языковую норму как норму *литературную*. Несмотря на то что в русском академическом словаре, так же, как и в Словаре Французской академии, значения в основном иллюстрируются речениями (лишь периодически в САР встречаются цитаты из произведений Ломоносова и церковных текстов), оба эти словаря в своих нормативных оценках «ориентируются на “bel usage” — языковое употребление, принятое в аристократических кругах и у лучших писателей» [11, с. 20].

Впоследствии в российской лексикографии — как нормативной, так и исторической — литературная основа приобретет еще большее, во многом определяющее значение. Ядром эмпирической базы всех русских толковых словарей, начиная со «*Словаря русского языка*» под ред. Я.К. Грота (1891–1895) и заканчивая современными словарями, станут выписки из образцовых, классических произведений русской словесности. В европейской нормативной лексикографии этот принцип последовательно проводился в XVII–XVIII вв. итальянской и испанской академиями⁴, в России же он утвердился позднее, причем этому парадоксально способствовало усвоение нашей лексикографией принципиально иной традиции — исторической — с ее вниманием к реальному языковому факту и строгим требованием научной доказательности (см. далее).

«Литературоцентризм», характерный для отечественной культуры при осмыслении феномена языковой нормы, имеет глубокие ментальные, национально-культурные корни (см., напр.: [18]–[20]). Представляется важным, что сам выбор русской элитарной культурой конца XVIII в. «нормативного» пути для национальной толковой лексикографии и кодификации *литературного языка* обусловлен традиционно высоким престижем древнерусской книжности, печатного слова в истории русской культуры, сформировавшимся под влиянием церковнославянского языка.

³ Из «Краткого начертания Академии»: «2. Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение. 3. К достижению сего предмета должна сочинить прежде всего Российскую грамматику, Российский словарь, риторику и правила стихотворения. 4. Как такового рода книги не могут быть сочинены одним человеком, то и нужно общество» [16, с. 16–17].

⁴ Х. Касарес, сравнивая испанский Словарь авторитетов со Словарем Французской академии, остроумно замечает: «Первые испанские академики, напротив (в отличие от французских. — Р.В., М.П.), обладая примерной скромностью, никогда не претендовали на то, чтобы им верили на слово, и прибегали к совпадающим между собой свидетельствам писателей, уже отмеченных славой» [7, с. 29].

Об особой роли языка литературы при создании толкового словаря свидетельствует и выделяемый И.И. Срезневским (автором первой в российской лексикографии научной типологии словарей) тип «литературного», или «писательского», словаря. «*Литературный*» словарь, в отличие от словаря «*народного языка*» и словаря «*филологического*»⁵, должен «не переводить слова, под которыми подразумевают те или иные понятия, а самим понятиям давать определенное название», «в нем отмечены все условия как чистоты и правильности, так и богатства языка» [13, ч. I, с. 150]. Обосновывая взаимосвязь между уровнем развития литературы и литературным словарем, Срезневский отмечает: «Великие писатели были всегда отличными знатоками своего языка, его истолкователями, и всегда оставляли по себе материалы для его грамматики и словаря. Они, говорят, даже обогащали язык» [Там же]. Кроме того, по Срезневскому, в «литературном» словаре «должны быть отличены слова употребительные от неупотребительных, слова, годные всегда или в известных случаях, от вовсе негодных. <...> Должны в нем помещаться слова однозначные и подобнозначные с обозначением особенного смысла каждого из них и их ценности литературной. <...> В нем необходимы указания на выражения писателей и на выражения народные, как на свидетельства и примеры подлинного, правильного и изящного употребления слов. В нем необходимо наконец и соблюдение правил общепринятого правописания и обозначение грамматических подробностей» [13, ч. I, с. 150–151].

Взгляд на типологию И.И. Срезневского с высоты сегодняшнего дня, с учетом всех современных достижений теории лексикографии, позволяет по достоинству оценить глубину идей лексикографа XIX в. Предложенный им тип «литературного» словаря базируется на *функциональном* подходе к описанию лексики, учитывает ее *стилистическое* расслоение и призван давать языковым фактам *нормативную* оценку. В этой характеристике угадываются контуры

нормативно-стилистического словарного типа, буквально выстраданного отечественной лексикографией в ходе реализации академических словарных проектов XX в. (см. об этом [21]; [22]). Истоки же этой научной традиции, как представляется, следует искать в первом русском нормативном толковом словаре — САР, ориентированном в том числе на отражение функциональных разновидностей языка (за счет использования помет «*просто*», «*просторечие*» и «*простонародное*» при характеристике слов живого, собственно русского разговорного языка, противопоставленного языку «славенскому» [17, с. 107]).

Таким образом, доминирующей традицией в Европе XVIII в., в период, на который пришлось и зарождение российской толковой академической лексикографии, было влияние итальянской и французской лексикографических школ, ориентированных на создание нормативно-стилистических словарей. Начиная с первого академического толкового словаря (САР) важнейшим базовым принципом российской толковой лексикографии становится принцип *нормативности*, заключающийся в отражении в словаре только такой лексики, которая соответствует, по мнению его создателей, *литературной норме*.

2.2. Традиция исторической лексикографии

В начале XIX в. в различных странах Европы начинает складываться другая, противоположная нормативной, традиция составления словарей. В этот период, характеризовавшийся утратой абсолютизма в результате Великой французской революции и ростом национального самосознания европейских народов после завершения наполеоновских войн, под влиянием возросшего общественного и научного интереса к национальной истории, этнографии, фольклору, в связи с расцветом романтизма в искусстве и становлением сравнительно-исторического метода в языкознании на смену нормативности приходит новый принцип фундаментальной толковой лексикографии — принцип *историзма*.

Понимаемый как исторический метод работы с языком, историзм толкового словаря подразумевал объединение в одном лексикографическом произведении хронологически обширного языкового материала, лексики национального языка за всю его письменную историю или за отдельный период развития. Своего рода манифестом историзма в толковой лексикографии, осознанно противопоставленного нормализаторской традиции Французской Академии, стал словарь немецкого языка Якоба и Вильгельма Гриммов

⁵ По мнению И.И. Срезневского, словарь «народного» языка «должен быть хранителем, истолкователем всех фактов образованности народа, насколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объяснений слов тем более в нем необходима, чем теснее связана она с особенностями жизни народа», тогда как цель «филологического» словаря — «отвечать на все вопросы о языке», включать «данные о корнях языка, их превращениях, их первообразных значениях, о формах образования слов в зависимости от смысла, им придаваемого <...>, данные об истории корней, форм словных и слов в отношении к звукам и понятиям, им выражаемым» [13, ч. I, с. 148, 151–152].

(*Deutsches Wörterbuch*), работа над которым началась в 1830 г., а первый том вышел в 1854 г.

В Предисловии к его изданию, переведенном на русский язык и опубликованном Я.К. Гротом в 1859 г. (что само по себе говорит о большом значении, которое придавали словарю Гриммов их современники, в том числе за пределами Германии), Я. Гримм подчеркивает несколько принципиальных отличий немецкого словаря от предшествующей традиции: это словарь «народного» языка, он «составляет резкую противоположность со словарями других языков, возникшими в ученых обществах и изданными на счет правительств, как было во Франции, в Испании и в Дании»; этот словарь «должен быть святилищем языка, хранить все богатство его и содержать открытый к нему доступ. Собрание слов растет как соты и становится драгоценным памятником народа, которого прошедшее и настоящее в нем сливаются» [6, с. 148–151]⁶.

Словарь Гриммов становится первой научно обоснованной попыткой создания *исторического мезауруса* («сокровищницы») живого национального языка. При этом чрезвычайно важно учитывать, какой именно смысл вкладывался Я. Гриммом (и другими немецкими учеными его времени) в понятие «исторический». По утверждению С.В. Смирницкой, термин *история* для Гримма является синонимом термина *эмпирия*, что означает, прежде всего, внимание к источникам, точное и строгое изучение деталей, живое, непосредственное наблюдение фактов языка, которое возводится Гриммом «в высшую добродетель историка и языковеда» [23, с. 140–161]. Рассматривая язык как отражение исторических судеб народов, романтик Гримм «защищает присущую любому языку органичность, сбалансированность старых и новых форм, исконного и заимствованного» и поэтому «решительно возражает против любого насильственного вторжения в сферу языка» [23, с. 160–161], понимая под таким вторжением, в первую очередь, попытки языковой нормализации и кодификации.

Концепция словаря Гриммов в полной мере отвечала духу своего времени — с его вниманием

к национальной истории, с требованием научной доказательности и приоритетом позитивного знания над философскими спекуляциями. Именно поэтому она породила импульс, приведший к возникновению новых лексикографических проектов и дискуссий в Европе. Историческая традиция, манифестированная словарем Гриммов, впоследствии становится магистральной в тех странах, где не было традиции академической нормативной лексикографии, и — типологически конкурентной там, где такая традиция существовала.

В конце 1850-х годов в Англии, при Королевском филологическом обществе, под руководством Дж. Мюррея начата работа по созданию будущего исторического Оксфордского словаря — *A New English Dictionary on Historical Principles*, в 1882 г. начал выходить многотомный словарь голландского языка (*Woordenboek der Nederlandsche Taal*), в 1898 г. — словарь шведского языка (*Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien*), в 1919 г. — датский словарь (*Ordbog over det Danske Sprog*). Эти словари включают лексику письменных текстов, начиная с XII в. (Оксфордский словарь), с XVI в. (словари голландского и шведского языков) или — как словарь датского языка — с 1700 г.

Интересно в этом отношении изменение типологической принадлежности Словаря Шведской академии (работа начата в 1850-е годы). Я.К. Грот при его анализе отмечает, что сначала за образец был взят нормативный Словарь Французской академии, но затем шведские лексикографы пришли к необходимости иллюстрирования слов из произведений классической литературы от «короля Густава I и введенной им реформации» (т.е. с XVI в.) [6, с. 135], что фактически сделало их словарь историческим.

В тех культурах, где толковая лексикография успешно развивалась в рамках нормативной традиции, практика разработки исторических словарей возникла позднее в качестве ее альтернативы. Так произошло, например, в Испании (см. известную монографию Х. Касареса, поводом для создания которой стало «решение Испанской королевской академии о выпуске большого Исторического словаря испанского языка» [7, с. 17]), во Франции (ср. *Trésor de la langue française* под ред. П. Имбса, издававшийся в 1971–1994 гг. или *Dictionnaire historique de la langue française* А. Рея, вышедший первым изданием в 1992 г.) и в Италии (где первый исторический словарь — *Tesoro della Lingua Italiana delle Origini* — создается в настоящее время).

⁶ Несмотря на то что словарь Гриммов был историко-этимологическим и включал лексику различных диалектов административно раздробленной Германии, он фактически выполнял ту же функцию, что и академические словари в централизованных государствах, а именно — интегрирующую: этимологический принцип был призван показать генетическую общность различных диалектов немецкого языка и, тем самым, — единство Германии. Словарь стал сводным словарем лексики немецких диалектов с XV в. в исторической перспективе.

Сильное впечатление немецкий словарь Гриммов произвел и на российских лексикографов. Во второй половине 1850-х годов его обсуждают на заседаниях Второго отделения Императорской Академии наук, с высокими оценками концепции Гриммов в академических «Известиях» выступают Я.К. Грот [6] и И.И. Срезневский [24]. Однако в целом, несмотря на безусловное немецкое влияние, традиция исторической лексикографии, возникавшая в России в первой половине XIX в., была обусловлена не столько словарем Гриммов, сколько единством развития идейно-научной и культурно-художественной европейской парадигмы и — не в последнюю очередь — собственно русскими национальными факторами.

Так, коренной перелом в развитии толковой лексикографии в России происходит уже при издании *«Словаря церковнославянского и русского языка»* 1847 г., который «порывает с нормативными тенденциями предшествующего периода» [25, с. 220]. Во многом обусловленный замыслом архаиста А.С. Шишкова, занимавшего пост президента Российской Академии до 1841 г. (см. [26]), словарь совместил в себе три языковые стихии: церковнославянскую, славяно-русскую и собственно русскую [17, с. 174], — и тем самым приблизился к идеалу «сокровищницы языка» раньше, чем этот поворот совершился в западно-европейских лексикографиях.

Таким образом, концепция полного исторического словаря к середине XIX в. уже получила на русской почве первую попытку воплощения, и именно с ней связывалось тогда будущее российской толковой лексикографии. В 1853 г. (за год до выхода первого тома словаря Гриммов) И.И. Срезневский излагает близкий к гриммовскому взгляд на концепцию очередного словаря русского языка: «Если Академия и не предполагает свой Словарь делать историческим, то все-таки она должна включить в его состав все, чем выражается образованность русская со всеми своими знаниями и понятиями и о современности, и о прошедшем, особенно своем отечественном. Если это так, то нельзя ограничить состав Словаря кругом слов общеизвестных и общепотребительных во всех слоях народа одинаково: такой сборник слов русских для русских почти бесполезен. Напротив того, каждый из русских, пользуясь общим достоянием языка, употребляет для выражения своих понятий очень много слов, хотя менее или более не всем известных, но тем не менее незаменимых никакими другими, и, следовательно, составляющих часть необходимую в составе русского языка. <...> Всякое из таких

слов, вошедшее в состав языка не по чьей-нибудь личной прихоти, а по необходимости, с одинаковым правом должно занять свое место в русском словаре. Обилие этих слов в языке есть признак богатства языка; обилие их в словаре есть признак полноты его» [27, с. 165].

Однако, несмотря на стремительное развитие исторического языкознания в России во второй половине XIX в., воплощение этого словарного замысла было отложено. И.И. Срезневский посвятил себя сбору материалов для исторического словаря древнерусского языка, и только в самом конце века А.А. Шахматов, возглавивший словарную работу в Академии наук, приступил к реализации толкового *«Словаря русского языка»* (1897–1930) по типу исторического тезауруса (см. далее).

Итак, к середине XIX в. в европейской и, в том числе, в российской толковой лексикографии стала преобладать историческая традиция. Такая перемена в типологических ориентациях лексикографии была, прежде всего, связана с общим изменением социокультурного климата — ростом национального самосознания народов, возникновением романтизма в литературе и искусстве, развитием сравнительно-исторического языкознания и гуманитарной науки в целом. Можно предположить, что стадийность в типологических предпочтениях фундаментальных словарей и их взаимосвязь с идейными, художественными и социально-политическими традициями эпох свидетельствуют о связи развития фундаментальной лексикографии национальных языков с прогрессом в области литературы и филологической культуры народов.

Тем не менее было бы совершенно неверно полагать, что нормативная толковая лексикография вовсе сошла со сцены. В 1835 и 1877 гг. выходят шестое и седьмое издания типологически неизменного Словаря Французской академии, в течение почти всего XIX в. ведется работа над пятым изданием словаря Академии делла Круска, в России в конце столетия выходит первый том нормативного *«Словаря русского языка»* под ред. Я.К. Грота (о нем см. далее). Поэтому можно сделать следующий вывод: к середине XIX в. в европейской толковой лексикографии сформировались два различных базовых принципа, определявшие в свою очередь все остальные характеристики фундаментальных толковых словарей (состав словника, исторические границы материала, характер и объем иллюстраций). Этими принципами были: 1) *принцип нормативности*, предполагающий описание ограниченного словарного состава литературного языка в его

стилистическом расслоении, и 2) *принцип историзма*, позволяющий описывать в словаре всю лексику национального языка за определенный исторический период.

Возникновение данных словарных методологий на разных стадиях культурного развития европейских народов стало необходимым следствием смены социокультурных парадигм. Однако само осознание и отвлеченное осмысление этих принципов как научных и культурных сущностей потребовало десятилетий и стало важным шагом на пути к формированию лексикографической теории.

3. Рецепция зарубежного опыта в истории российской лексикографии: проблема нормативности и историзма толкового словаря

Хотя интерес российских ученых к иностранным словарям сопровождает нашу толковую лексикографию на всем протяжении ее истории, все же нельзя не заметить некоторые моменты особенно пристального внимания к зарубежному опыту. Всякий раз, когда отечественная лексикография подводит итог прежней традиции и вступает на путь поиска новых идей, именно зарубежные словарные проекты оказываются точкой опоры для выработки новых концепций. При этом, поскольку любая лексикография не только развивается в соответствии с универсальными культурными тенденциями, но и, прежде всего, глубоко укоренена в национальной культуре, важнейшей задачей лексикографов оказывается адаптация заимствованных идей, их творческая интерпретация в связи с национальной языковой и культурной спецификой.

Созданию первого толкового словаря русского языка (САР) предшествовало всестороннее изучение его лексикографического образца — Словаря Французской академии. Для российских академиков французский словарь был не только незаменимым источником лексикографических решений, но и одним из немногих доступных им справочных пособий по вопросам лингвистики (помимо французского словаря авторы САР располагали только «Российской грамматикой» М.В. Ломоносова и рукописью раздела о частях речи из «Российской грамматики» А.А. Барсова [11, с. 17]).

Таким образом, с самого основания Российской Академии зарубежный лексикографический опыт оценивался как чрезвычайно значимый. Неслучайно в 1831 г., при обсуждении концепции следующего академического словаря, действительный член Академии М.М. Сперанский утверждал:

«Для установления сих правил (для составления Славяно-русского словаря. — *Р.В., М.П.*) надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и рассмотреть правила, кои наблюдаемы были в других государствах; не мы первые сочиняем словарь: нужно посмотреть, на каких основаниях составляли его в Академии Делла Круска, в Парижской и Джонсон в Англии. То, что там придумано основательно, принять; другое сменить своим» (цит. по: [6, с. 190]). Показательно, что все образцы, к которым отсылает Сперанский, относятся к нормативной лексикографической традиции, — однако уже с 1820-х годов Российская Академия, возглавляемая А.С. Шишковым, постепенно двигалась в направлении полного исторического словаря, каковым в итоге и стал академический словарь 1847 г. [26, с. 154].

Почти сразу после издания этого словаря во Втором отделении Императорской Академии наук наступает период активной дискуссии по вопросам лексикографии. Значимость этого периода трудно переоценить. По сути дела, именно тогда российской лексикографией был сделан первый серьезный шаг к выработке теоретической платформы с положенной в ее основу оригинальной словарной типологией (см. выше и в [13, ч. I]).

Очень большое внимание уделяется в это время изучению зарубежного лексикографического опыта. Серьезную аналитическую работу проводит акад. И.И. Срезневский. В своем четырехчастном очерке «Обозрение замечательнейших из современных словарей» [13] он подробно останавливается на анализе французской и английской лексикографических традиций — от их истоков до середины XIX в. Крупнейшие словари Франции и Англии рассматриваются Срезневым в связи с «неизбежностью и важностью вопроса», «между какими именно памятниками того же рода придется новому “русскому словарю” занять место» [13, ч. I, с. 145].

Обозревая большое количество словарей различных европейских языков, ученый рассматривает несколько критериев (порядок расположения слов, язык толкований и некот. др.), но одну из важнейших антиномий лексикографии он связывает с подходом к отбору слов, включаемых в словарь. В частности, Срезневский пишет: «Флорентийская Академия della Crusca и Академия Французская первые дали значение этому вопросу <...>. Многие образованные люди остаются непоколебимы при убеждении, что в словаре должны занимать место только те слова, которые годны для употребления в кругах образованного общества <...>. Это мнение, впрочем, находит себе

защитников всего менее между лексикографами, в кругу которых развилось мнение совершенно противоположное. Всякое слово, каково бы оно ни было, если только оно принадлежит языку народа, или употреблено хоть раз в книге, и может на себе остановить внимание или недоразумение читателя, должно занять свое место в словаре, которого цель не оценивать достоинство слов и выражений, а объяснять их значение и определять круг их употребления» [13, ч. II, с. 157–158]. Аналогичные взгляды И.И. Срезневский высказывал и ранее (см. выше), однако теперь он подкрепляет их отсылкой к только что вышедшему первому тому словаря Я. и В. Гриммов, которые, по словам академика, «держатся почти такого же мнения о полноте словаря» [13, ч. II, с. 159].

К иному заключению в это же время приходит акад. Я.К. Грот, сосредоточивший усилия на осмыслении опыта шведской, немецкой и датской лексикографий в сопоставлении с классической «французской» (=нормативной) традицией [6]. Этой традиции Грот противопоставляет традицию «немецкую» (=историческую, этимологическую), ярчайшим представителем которой является, безусловно, словарь Гриммов: Грот подвергает его концепцию глубокому и подробному анализу, критикует отдельные аспекты, но в целом дает очень высокую оценку. Наиболее значимым «упреком» в адрес Гриммов (сделанным, впрочем, вслед за выступлением «германских критиков») становится указание на «слишком ученое направление» и «непрактичность» их словаря, его несоответствие запросам широкой аудитории. Проецируя это на российскую почву, Грот формулирует, на наш взгляд, важнейший для отечественной лексикографии тезис: «То, что слишком учено для германской публики, конечно никуда бы не годилось для русской. Вот почему мы в своих лексикографических трудах должны, кажется, еще *более брать в пример французов, нежели немцев*: словари первых отличаются особенно своею применимостью к потребностям общества. Отсюда не следует, чтоб нам не нужно было принимать в соображение и начал, которыми руководствуются немцы; но при этом мы должны остерегаться их умозрительных увлечений (курсив наш. — Р.В., М.П.)» [6, с. 171–172].

Таким образом, в трудах Я.К. Грота и И.И. Срезневского на основе широкого изучения опыта зарубежной лексикографии отчетливо определяются два противопоставленных принципа разработки толкового словаря — нормативный и исторический. Волею судьбы оба они будут попеременно реализованы в одном лексикографическом

произведении — следующем академическом «*Словаре русского языка*» (1891–1930). Его первый том, созданный под редакцией Я.К. Грота (буквы А–Д), станет образцом *нормативного* словаря литературного языка, тогда как последующие тома и отдельные выпуски, подготовленные А.А. Шахматовым и его последователями, станут воплощением *исторического тезаурусного* подхода (см. далее).

Очередным важным с точки зрения усвоения и интерпретации зарубежного лексикографического опыта периодом становится раннесоветская эпоха 1920–1930-х годов Толковая лексикография в это время характеризуется двумя основными процессами. Во-первых, продолжается тезаурусный проект «шахматовской редакции» академического словаря — вплоть до 1930-х годов, когда он был сначала скорректирован в пользу нормативности в «*Словаре русского языка*» под ред. акад. Н.С. Державина, а затем полностью прекращен (см. [28]). Во-вторых, в связи с неотложными потребностями молодого советского государства в нормативной толковой лексикографии возникает утилитарное «ортологическое» направление, нацеленное на создание краткого «словаря для пользования (и учения) всех» (В.И. Ленин) (см. [29]). Однако в этот же период возникает и тезис о необходимости глубокого синтеза национальной лексикографии и лучших из зарубежных традиций — чтобы выработать, наконец, единый, научно обоснованный подход к словарной работе.

Так, в 1927 г. в статье, посвященной лексикографическим перспективам Академии наук, акад. В.М. Истрин пишет: «Словарная работа над русским языком должна исходить, во-первых, из научных данных общего характера, на которых основываются словарные работы всюду, где существуют филологические науки, а во-вторых, из своих особых исторических условий» [30, с. 1667]. И в этом же году для изучения лексикографического опыта во Францию командировается зам. председателя Словарной комиссии АН СССР Л.В. Щерба (см. [31]), с именем которого впоследствии и будет связано появление уникальной отечественной теории лексикографии.

Л.В. Щерба, обладавший огромным опытом практической словарной работы, был, безусловно, и одним из лучших знатоков мировой лексикографии своего времени. В его фундаментальной работе 1940 г. «Опыт общей теории лексикографии» [9], где широкое обобщение лексикографической проблематики представлено в виде системы оппозиций («противоположений»), типологически соотнесены крупнейшие мировые словари, в том числе и российские, и таким

образом установлена концептуальная связь между ними. В противопоставлениях первом («словарь академического типа — словарь-справочник»), третьем («thesaurus — обычный словарь») и шестом («неисторический словарь — исторический словарь») интерпретирована основная антиномия в истории фундаментальных европейских лексикографий, соотносимая (в зависимости от принадлежности к той или иной культуре) с прескриптивным и дескриптивным подходами к описанию языка, с принципами нормативности и полноты толкового словаря, с идеями литературного и национального языка как объекта лексикографии, с принципом отражения языка единого реального человеческого коллектива и принципом показа всех фактов употребления языка народа в исторической и культурной перспективах.

Сущностный принцип нормативного («академического») словаря, по Щербе, заключается в том, что в его основе «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [9, с. 90], т.е. важен не объем и характер словника, а то, что этот словник представляет собой некоторое функционирующее в реальной речевой практике лингвистическое единство, называемое автором «Опыта...» *системой языка*. С другой стороны, в основе «словарей-справочников», противопоставленных нормативному типу, «вовсе не лежит какого-либо единого языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вообще не образуют какой-либо системы»; кроме того, чаще всего в основе таких словарей (близких к тезаурусному типу) «лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически» [9, с. 90].

Щербовские противопоставления позволили интерпретировать исходную оппозицию нормативного и полного толковых словарей в терминах *синхронии* (отражение среза актуальной для языковой системы данного периода лексики с нормативно-стилистическими рекомендациями) и *диахронии* (максимальное включение в словарь лексики за длительный период его существования). Тем самым было обозначено различие задач, выполняемых противопоставленными словарными типами, и следовательно, научно обоснована необходимость разработки и того, и другого словаря. Однако, учитывая организационную сложность реализации крупных словарных проектов, Щерба все же допустил и возможность объединения типологически разных словарей в одном

лексикографическом издании: «Если нельзя сделать двух словарей, надо вступить на путь компромиссов, четко их оговаривая» [9, с. 97].

Так, учение Л.В. Щербы, основанное на осмыслении лучших достижений европейской и российской лексикографии, стало у нас первой полноценной лексикографической теорией, легшей в основу всех последовавших за ней толковых словарей русского языка. И первым проектом, попытавшимся воплотить эти идеи, стал «*Словарь современного русского литературного языка*» (БАС-1), соединивший в себе нормативный и исторический подходы к описанию русской лексики от эпохи Пушкина до современности (см. далее).

4. Пути практической реализации нормативного и исторического подходов к описанию лексики в толковых словарях русского языка

Из всего вышеизложенного следует, что, возникнув под влиянием французской словарной традиции, русская академическая толковая лексикография в дальнейшем каждый раз, при подготовке очередного словаря, вырабатывала новые теоретические основания, которые — в связи с различными научными и социокультурными факторами — или приближались к исходным нормативным установкам, или, напротив, удалялись от них в область историко-тезаурусной лексикографии. Отсутствие единого магистрального пути в эволюции лексикографических подходов стало специфичным для российской лексикографии сценарием развития — в отличие от лексикографий других европейских культур. Так, например, во Франции толковые словари вплоть до сегодняшнего дня осмысляются как произведения «дидактические» [2], или нормативные. И наоборот, в английской лексикографии принципиальным типологическим параметром словаря начиная с XIX в. признается дескриптивизм, понимаемый как регистрация фактов языка и отказ от любого нормализаторства [32, с. 128].

Несмотря на то что в каждой развитой национальной лексикографии сегодня, безусловно, представлены словари, относящиеся к различным типам, фундаментальная толковая лексикография того или иного языка всегда тяготеет к одному из описанных векторов развития. Вследствие этого лексикографии, пошедшие нормативным путем, позднее были вынуждены обратиться к разработке особых исторических словарей; и напротив, выбор дескриптивного подхода позволил создавать гибридные словари, которые одновременно с описанием современного языка решали и проблему показа его истории.

В российской толковой лексикографии XVIII — начала XX в. каждый последующий академический словарь создавался на иных основаниях, чем предыдущий. Первый из них — *«Словарь Академии Российской»* (1789–1794), впитавший в себя нормативную традицию, — ориентировался на образцовое словоупотребление и следовал принципам отбора слов, заложенным Словарем Французской академии, что предполагало исключение или ограничение в словнике устаревших, простонародных, иностранных и диалектных единиц [17, с. 124]; [33, с. 18]. И хотя понятие нормативности появится в отечественной филологии только в 1920–1930-е годы, в САР впервые были реализованы принципы, которые мы позже будем относить к неотъемлемым свойствам нормативно-стилистического словаря, а именно: 1) в нем описана актуальная для языкового коллектива лексика (активный и пассивный словарный запас носителя современного языка в синхронии), 2) объектом описания является русский литературный язык (включаются только «благопристойные» слова и выражения, а источниками словаря и иллюстративного материала являются образцовые литературные и церковные тексты); 3) в словаре отражены актуальные нормы орфографии и грамматики; 4) стилистические пометы носят рекомендательный характер. Показательным является и небольшой объем словника — 40–50 тысяч единиц.

Следующий фундаментальный академический словарь — *«Словарь церковнославянского и русского языка»* (1847) — строится на совершенно иных основаниях. В предисловии к словарю декларируется: «Для удовлетворения требованиям нашего времени Словарь должен <...> быть сокровищницей языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» [34, с. XI]. Следствием такого подхода становится очень широкий объем включаемой лексики (церковнославянской, собственно русской, областной, новых слов и отчасти индивидуально-авторских образований) — всего более 110 тысяч единиц.

Словарь 1847 г. заложил в традиции нашей лексикографии новый — исторический — подход: 1) в словарь включалась лексика из всей литературы, известной носителям языка, т.е. словарь становился «сокровищницей» языка, объект его описания — русский национальный язык письменного периода; 2) использовавшиеся в словаре функционально-стилистические пометы, носили не нормативный, а генетический характер; 3) источниками словаря являлись памятники

древности, церковные тексты, художественная литература, народные говоры. Единственным элементом прошлой традиции в словаре 1847 г. осталось отражение актуальных для носителей языка норм правописания и грамматики.

Таким образом, в середине XIX в. в российской лексикографии наступает период историзма, обусловленный как накоплением собственного опыта, так и общей для всех европейских культур тенденцией развития словарного дела. В этот период, отмеченный повышенным вниманием к национальной истории и этнографии, создаются такие авторские тезаурусы, как *«Толковый словарь живого великорусского языка»* В.И. Даля и *«Материалы для словаря древнерусского языка»* И.И. Срезневского, под эгидой Академии наук издается *«Опыт областного великорусского словаря»*. Подготовка очередного толкового словаря начинается только в 1886 г. под руководством акад. Я.К. Грота, и первым шагом на этом пути становится формирование эмпирической базы словаря — картотеки с выписками из лучших русских писателей.

Гротовский *«Словарь русского языка»* (том 1) (1891–1895) представляет собой уникальное произведение лексикографии. Задуманный и реализованный в период господства тезаурусного подхода, он — в силу оригинальных научных воззрений своего редактора (см. выше) — оказался образцом словаря современного русского литературного языка и заложил фундамент для будущей концепции нормативности толкового словаря, впервые изложенной в трудах Л.В. Щербы и ставшей одним из важнейших достижений отечественной теории лексикографии XX в. Однако дальнейшее издание академического словаря (1897–1929), которое после смерти Я.К. Грота возглавил акад. А.А. Шахматов, вернуло российскую толковую лексикографию в русло историзма. Если Грот, рассматривая нормативную и историческую традиции как равноправные, считал «французский» путь более предпочтительным ввиду его большей пользы для широкой аудитории, то Шахматов в духе «немецкого» историко-этимологического подхода признает нормативность «недостатком» академического словаря. С известной долей радикализма он утверждает: «Главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление», поэтому «странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить. <...> Вот почему академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее

Словарь должен содержать не плоды сочинительства и “научных” соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т.д.» (цит. по: [35, с. 902–903]).

Научный авторитет А.А. Шахматова и соответствие его словарной концепции духу времени определили развитие отечественной лексикографии на несколько десятилетий — и, тем не менее, не привели к завершению словаря. Расширение словарной эмпирической базы, накопление огромного количества материалов, обусловленное лексикографической традицией историзма⁷, не позволило завершить начатый проект. Представляется, что причиной этому стал именно резкий отказ Шахматова от любого проявления нормативности и связанного с ней селективного подхода к отбору материала, что было подкреплено идеями и методами немецкой науки и лексикографии, оказывавшими значимое влияние на российскую лингвистику второй половины XIX в. Так, согласно оценке В.В. Колесова, которая вполне может быть применена и к «шахматовской редакции» словаря, научные методы немецкого исторического языкознания «помогли собрать бесконечное число конкретных фактов, но осмыслить их не сумели» [37, с. 189]⁸.

Неслучайно в 1929 г. Л.В. Щерба, выступая с острой критикой словаря А.А. Шахматова, указывает на его *бессистемный*, хаотический характер и подчеркивает, что из поля зрения его авторов «совершенно ускользнула задача составления словаря русского *литературного* языка⁹ (курсив наш. — *Р.В., М.П.*)» (цит. по: [35, с. 905]) — задача, которую успешно решал в своем словаре

Я.К. Грот. А для Щербы, напомним, нормативное описание литературного языка — это именно описание его *системы*, функционирующей в речевой практике языкового коллектива как целостный сложный объект.

Несмотря на то что в концепции очередного академического «*Словаря русского языка*» под ред. акад. Н.С. Державина (1930–1937) была сделана попытка уйти от историзма предыдущего издания (словарь должен был описывать лексику современного языка и отражать нормативный язык нового строя в противоположность нормативному языку господствовавшего ранее класса), сам дух исторического подхода сохранился, что нашло отражение в одном из рабочих названий словаря — «Толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии» (см. [28]). И поскольку авторы вынужденно опирались на шахматовские выпуски, их словарь остался типологически спорным и не завершенным.

По решению Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г., следующий академический словарь — будущий семнадцатитомный «*Словарь современного русского литературного языка*» (БАС-1) — должен был стать одновременно и *толково-историческим*, и *нормативным* [39, с. 80]. В отличие от предшествовавших словарей, типологическая природа которых определялась естественным ходом развития литературы и лексикографии, типологические особенности БАС-1 представляют собой совокупный результат целого ряда исторических причин, в том числе конъюнктурно-политических.

Так, по своим теоретическим установкам словарь должен был отразить *нормативный* русский литературный язык текущего периода («эпохи диктатуры пролетариата и победы социализма» [40, с. 26]), но при этом он должен был охватывать языковой материал начиная с эпохи Пушкина, то есть быть *толково-историческим*. Кроме того, учитывая сроки издания, определенные административным путем (планировавшиеся 15 томов должны были быть подготовлены к концу пятилетки), лексикографы вновь были вынуждены начать работу на основе материалов «шахматовской редакции», что не могло не отразиться на облике нового словаря.

В концепцию БАС-1, таким образом, был изначально заложен компромисс, обозначенный Л.В. Щербой как допустимый, но требующий строгого обоснования (см. выше). Тем не менее на практике конфликтность поставленных перед академическим словарем задач привела к целому ряду методологических противоречий,

⁷ Вероятно, отчасти это связано и с культурным влиянием позитивизма, во многом определившего пути научного познания эпохи (во всяком случае, именно так объясняются схожие явления в итальянской лексикографии начала XX в. [36, с. 49]).

⁸ Ср. также оценку, которую дает «Немецкой грамматике» Я. Гримма Антуан Мейе: «Самые мелкие подробности отмечаются в ней со старанием или, лучше сказать, с благоговением; но тонкая и сложная игра действий и воздействий, которыми разъясняются языковые явления, еще полностью не освещена; это скорее собрание наблюдений, а не объяснений» [38, с. 452].

⁹ Подчеркнем значимое отличие в понимании нормативности у Щербы: «Некоторые (и в частности, Шахматов. — *Р.В., М. П.*) <...> готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [9, с. 97].

которые с первых шагов работы возникали у авторов словаря и вызывали закономерную критику у специалистов.

Нормативность в БАС-1 реализуется в формировании словника (в словарь включается лексика современного литературного языка), в отражении современной нормы при орфографической и грамматической характеристике слова, в расположении значений многозначного слова (от наиболее актуального к устаревшим или специальным), в стилистической характеристике слова с точки зрения действующей литературной нормы. Важнейшей формой отражения последней является иллюстрирование значений цитатами из произведений художественной и научно-популярной литературы, при этом обилие приводимых цитат в нормативном БАС-1, безусловно, является наследием исторического тезауруса А.А. Шахматова (см. [41]).

Историзм БАС-1 реализуется в показе первой лексикографической фиксации слова, всех его орфографических, орфоэпических, грамматических вариантов, которые нашли отражение в толковых и энциклопедических словарях начиная с XVII в., в иллюстрировании каждого значения рядом цитат в хронологическом порядке. Широкое понимание современного литературного языка как относящегося к периоду «от Пушкина до наших дней» способствует тому, что историзм концепции словаря влияет и на его словник: в словарь широко включается областная и устаревшая лексика (подробно о проблеме нормативности и историзма БАС-1 см. [42]).

В лексикографической дискуссии середины 1960-х годов, когда подводились итоги составления БАС-1 и намечались перспективы дальнейшей словарной работы, главным упреком словарю был именно компромисс между историзмом и нормативностью, повлекший за собой противоречия в описании лексики. Акад. В.В. Виноградов, признававший огромное научное и социальное значение словаря, в то же время утверждал, что БАС-1 не стал ни толково-историческим, ни нормативно-стилистическим, в связи с чем даже «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [43, с. 25]. Это же подчеркивал и Ю.С. Сорокин: «Для исторического словаря он (БАС-1. — *Р.В., М.П.*) оказался и недостаточно полным, и недостаточно точным; эволюция словоупотребления за полтора столетия не показывается в нем с достаточной последовательностью, а в оценке материалов сталкиваются точки зрения разных эпох; принцип нормативной оценки с точки зрения нашей современности явно

мешает установлению ясной исторической перспективы, а для нормативного словаря нашей эпохи он недостаточно определен в самом своем составе и недостаточно конкретен в своих оценках и рекомендациях» [21, с. 24].

Результатом дискуссии вокруг БАС-1 стал консенсус о том, что следует разграничить задачи нормативно-стилистического и исторического описания лексики в словарях разных типов — толковых и исторических. Именно это послужило отправной точкой для развития исторической лексикологии и лексикографии в нашей стране. Однако в последующих изданиях БАС-1 сохранился присущий ему типологический синкретизм, обусловленный стихийным слиянием двух базовых лексикографических традиций.

Разработка нормативно-стилистического словаря современного русского языка, не обремененного историческими задачами, стала приоритетной целью советской академической лексикографии еще во время работы над БАС-1 (подробнее об этом см. [22]; [29]). Так, в 1957–1961 гг. публикуется Малый академический словарь — «*Словарь русского языка*» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС-1), основанный одновременно на академической традиции¹⁰ и на опыте составления «*Толкового словаря русского языка*» под ред. Д.Н. Ушакова (1934–1940). Согласно известной типологии С.И. Ожегова, МАС-1 стал толковым словарем среднего типа — «с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» [44, с. 91–92].

Оба толковых словаря (Большой и Малый), продолжая традицию русской академической лексикографии, единственные из всех прочих толковых словарей русского языка сохраняют следующие академические принципы:

- являются фундаментальными (многотомными);
- описывают современный литературный язык в его стилистическом расслоении, т.е. относятся к нормативно-стилистическому типу;
- ориентированы и по словнику, и по отражаемой семантике, и по характеру иллюстративного материала на собственно литературный язык;
- иллюстрируя значения цитатами из художественной литературы, позволяют не только

¹⁰ Характерно использование для МАС-1 лаконичного названия, отсылающего к словарям под редакцией Я.К. Грота, А.А. Шахматова и Н.С. Державина, — «Словарь русского языка».

регистрировать лексический фонд русского языка, но и показывать его богатство и функционально-стилистическое разнообразие.

Таким образом, если благодаря БАС-1 русская толковая лексикография обрела опыт (пусть и не безошибочный) создания комплексного нормативно-исторического словаря литературного языка и пришла к выработке методологии собственно исторической лексикографии, то МАС-1 и его дальнейшие издания вернули словарное дело в нашей стране на путь нормативной академической лексикографии, «непревзойденный образец» которой, по словам В.В. Виноградова [25, с. 231], был предложен Я.К. Гротом в конце XIX в.

Заключение

Типологические характеристики фундаментального толкового словаря любого языка имеют не только научные, но и, прежде всего, культурологические основания. Если справочная, дидактическая, учебная лексикография в большей степени развивается по универсальным законам, то эволюция *толковой* лексикографии в целом ряде европейских культур шла параллельно с процессами централизации государств и интеграции обществ и была обусловлена ходом социокультурного и литературного развития наций. Именно поэтому национальные толковые лексикографии имеют как типологически общие закономерности в своем развитии, так и индивидуальные особенности, обусловленные ментальными, социальными и историко-культурными традициями каждого из народов.

В XVII–XVIII вв. культурно-историческая специфика эпохи Просвещения с характерным для нее абсолютизмом государственной власти и расцветом классицизма в искусстве закономерно привела к созданию национальных академий и обществ, призванных изучать языки и литературу с целью их очищения и закрепления в нормативных словарях, кодифицирующих государственный литературный язык (Италия, Франция, Испания). В XIX в., после завершения наполеоновских войн, в странах Европы возникает тенденция к росту национального самосознания народов, развивается романтизм, идеалистическая философия и, как следствие, формируется такая толковая лексикография, которая описывает лексику национальных языков за длительные периоды существования письменности или литературы (Германия, Англия, Швеция, Нидерланды, Дания).

Культурологическая обусловленность этих двух традиций подтверждается целым рядом закономерностей: первая из них оказалась в большей степени свойственна романским языковым культурам, вторая — германским; первая была связана с развитием государственности, вторая — с развитием науки и истории; в основе первой лежит приоритет национальной литературы, в основе второй — идея общности и единства нации.

В европейской теории лексикографии эти два различных подхода к описанию словарного состава — лексики литературного языка как образцового и лексики национального языка как сокровищницы его культуры и истории — обусловили формирование двух противопоставленных лексикографических принципов — нормативности и историзма. И в полной мере последствия этого теоретико-методологического конфликта испытала на себе российская толковая лексикография, ставшая в конце XVIII в. неотъемлемой частью европейского культурно-исторического процесса.

Зарубежный опыт всегда осмыслялся отечественными лексикографами как чрезвычайно значимый, отсюда пристальное внимание русских ученых к крупнейшим словарям европейских языков. Рецепция этого опыта привела к тому, что в различных толковых академических словарях русского языка нашли отражение обе фундаментальные лексикографические традиции. Но, в отличие от других стран Европы, ни одна из них не стала в России доминирующей.

Нормативная академическая традиция возникла в русской лексикографии под влиянием французского опыта: Академия Российская была создана по образцу Французской Академии, а «Словарь Академии Российской» (1789–1794) — по аналогии со Словарем Французской академии. Но если французский академический словарь по сей день выходит на тех же нормативных основаниях, то каждый из последующих академических словарей русского языка основывался на принципах, отличных от предыдущего.

Так, при создании академического «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847) преобладающим стал принцип историзма: словарь включил лексику церковнославянской и собственно русской языковых стихий, впервые представив собой тезаурус («сокровищницу») национального языка. Следующий академический словарь, напротив, был задуман Я.К. Гротом как строго нормативный, и лучший образец реализации этого принципа представлен в его первом томе (1891–1895). Однако в последующих томах

этого издания (1897–1930), выходявших уже под редакцией А.А. Шахматова, с максимальной полнотой реализовался исторический принцип лексикографии: лексика национального языка представлена в нем за длительный период истории языка по всей территории его распространения. Возникновение принципа историзма в российской лексикографии XIX в. можно связать и с общеевропейской тенденцией эпохи, и с непосредственным влиянием немецкой словарной традиции, ярчайшим представителем которой был, безусловно, словарь Я. и В. Гриммов.

С конца XVIII в. вплоть до 1930-х годов российская академическая толковая лексикография продолжала поиск своей оригинальной специфики на пересечении нормативного и исторического подходов к словарному описанию языка. Результатом этого полуторавекового поиска стала лексикографическая теория акад. Л.В. Щербы (1940). Предложенная им типология словарей основана как на практическом опыте, так и на осмыслении разных словарных традиций в их взаимодействии и взаимовлиянии. Выработанное Щербой представление о нормативности как фундаментальной категории, определяющей объект описания в толковом словаре («единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [9, с. 90]), обусловило значительный прогресс дальнейшей отечественной лексикографии. Во второй половине XX в. был реализован целый ряд крупнейших словарных проектов, и прежде всего — Большой и Малый академические словари русского языка (и их переиздания).

Новую актуальность изучение зарубежных лексикографических проектов приобретает на современном этапе развития лексикографии, который, прежде всего, отмечен цифровизацией — тенденцией, объединяющей едва ли не все национальные словарные культуры. Сегодня накоплен большой опыт создания словарей в онлайн-формате, и российские лексикографы, вступая на этот путь, должны учитывать имеющиеся результаты. Однако, как было показано выше, развитие толковой лексикографии в нашей стране протекает на пересечении общемировых и национальных тенденций. Поэтому представляется, что именно этой «кросс-культурной» традиции и должен быть отдан приоритет.

Так, по нашему мнению, наиболее перспективной для выработки новой системы толковых словарей русского языка в современных технологических условиях по-прежнему остается *нормативно-стилистическая* концепция Л.В. Щербы [9],

развитая впоследствии Ю.С. Сорокиным [21] и Г.Н. Складневской [45] (ее современное прочтение см. в [22]). Реализация этой концепции в онлайн-среде позволит пересмотреть существующие подходы к словарному описанию лексико-стилистических норм как в синхронном плане, так и с учетом их исторической динамики. И безусловно, этот процесс будет происходить в условиях культурно-технологического взаимодействия российской и зарубежных лексикографий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (Учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. М.: Рус. яз., 1977. С. 11–27.
2. Дюбуа Ж., Дюбуа К. Педагогическая речь словаря // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. М.: Рус. яз., 1977. С. 38–50.
3. Adamska-Sałaciak A. Lexicography and theory: Clearing the ground // International Journal of Lexicography. 2019. Vol. 32. No. 1. Pp. 1–19.
4. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 261–300.
5. Голубева-Монаткина Н.И. Идеологический компонент в словарных дефинициях (на материале современных французских толковых словарей) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 55–59.
6. Грот Я.К. К соображению будущих составителей русского словаря (1858–1885) // Труды Я.К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 129–192.
7. Касаpec X. Введение в современную лексикографию. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 354 с.
8. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. New York: Oxford University Press, 2008.
9. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.
10. Asher R.E. Trésor de la langue française: Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). Tome premier: A: Affiner: a review // The Modern Language Review. 1975. Vol. 70. No. 3. Pp. 620–626.
11. Захарова Е.А. Отражение лексикографической практики «Словаря Академии Французской» в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) //

- Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / Ред. А.А. Костин, Н.Д. Кочеткова, И.А. Малышева. СПб.: [б.и.], 2009. С. 13–25.
12. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XVIa. СПб., 1895.
 13. *Срезневский И.И.* Обзорение замечательнейших из современных словарей // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1854. Т. III. Вып. IV. Стб. 145–164 (части I–II); Вып. V. Стб. 177–187 (часть III); Вып. VI. Стб. 235–248 (часть IV).
 14. *Смолонкина Е.А.* Восемнадцатый век в истории немецкой лексикографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 80–83.
 15. *Дашкова Е.Р.* Из «Записок» о деятельности в Академии наук и Российской Академии / Пер. С.Н. Искюля // Е.Р. Дашкова. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 331–350.
 16. Известия о учреждении и упражнениях Императорской Российской Академии // Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1805. С. 1–23.
 17. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. 610 с.
 18. *Алпатов В.М.* Литературный язык в России и в Японии (Опыт сопоставительного анализа) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 93–116.
 19. *Алпатов В.М.* Литературный, стандартный, общий язык // Язык и действительность: сб. научных трудов памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 45–53.
 20. *Германова Н.Н.* Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. М.: Либроком, 2011. 224 с.
 21. *Сорокин Ю.С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.
 22. *Воронцов Р.И.* Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 5–22.
 23. *Смирницкая С.В.* Якоб Гримм — историк языка // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 136–162.
 24. *Срезневский И.И.* Заметки по поводу чтения мнений Я. Гримма о словаре // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1859–1860. Т. VIII. Вып. 3 Стб. 214–217.
 25. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // В.В. Виноградов. Избранные руды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 206–242.
 26. *Приемышева М.Н.* Лексикографическая деятельность Российской Академии в 20–30-е гг. XIX в.: на пути к новому академическому словарю // Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / Ред. А.А. Костин, Н.Д. Кочеткова, И.А. Малышева. СПб.: [б.и.], 2009. С. 149–158.
 27. *Срезневский И.И.* Замечания касательно нового издания русского словаря. Записка академика И. Срезневского // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1853. Т. II. Вып. V. Стб. 164–167.
 28. *Приемышева М.Н., Стукова Е.Г.* Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н.С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 195–212.
 29. *Приемышева М.Н., Стукова Е.Г.* К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 5–23.
 30. *Истрин В.М.* Работа над «Словарем русского языка» // Известия Академии наук СССР. VI серия. 1927. Т. 21. Вып. 8. [Извлечения из протоколов заседаний Академии Наук СССР]. С. 1661–1673.
 31. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Ч. II.: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1927. С. 52–54.
 32. *Ступин Л.П.* Проблема нормативности в истории английской лексикографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 164 с.
 33. Dictionnaires et réseaux des lexicographes aux XVIIe et XVIIIe siècles / Ed. I. Galleron. Paris: Honoré Champion Éditeur, 2023. 268 p.
 34. Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
 35. *Приемышева М.Н.* Тезаурус русского языка в концепции А.А. Шахматова: pro et contra // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 887–909.
 36. *Уваров В.Д.* Субъективное и объективное в словаре (Из опыта итальянской лексикографии) // Переводная и учебная лексикография / Сост. В.Д. Уваров. М.: Рус. яз., 1979. С. 43–52.
 37. *Колесов В.В.* Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1984. С. 163–199.

38. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. 510 с.
39. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.
40. Проект Словаря современного русского литературного языка / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 98 с.
41. *Стукова Е.Г.* Принцип историзма в русской толковой лексикографии: от «шахматовской» редакции «Словаря русского языка» к семнадцатитомному Большому академическому словарю // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2024. № 211. С. 255–267.
42. *Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В.* Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.
43. *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
44. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.
45. *Скляревская Г.Н.* Новый академический словарь: Проспект. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 64 с.
- of Lexicography. Edited by B.Y. Gorodetsky]. Moscow: Progress, 1983, pp. 261–300. (In Russ.)
5. Golubeva-Monatkina, N.I. *Ideologicheskij komponent v slovarnyh definicijah (na materiale sovremennyh francuzskih tolkovykh slovarej)* [The Ideological Component in Dictionary Definitions (Based on the Material of Modern French Explanatory Dictionaries)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 1, pp. 55–59. (In Russ.)
6. Grot, Ya.K. *K soobrazheniyu budushchih sostavitelej russkogo slovaryâ (1858–1885)* [To the Consideration of Future Compilers of the Russian Dictionary (1858–1885)]. *Trudy Ya.K. Grot. II. Filologicheskie razyskaniya* [Proceedings of Ya.K. Grot. II. Philological Research]. St. Petersburg, 1899, pp. 129–192. (In Russ.)
7. Casares, J. *Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu* [Introduction to Modern Lexicography]. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1958. 354 p. (In Russ.)
8. Atkins, B.T.S., Rundell, M. *The Oxford guide to practical lexicography*. New York: Oxford University Press, 2008.
9. Shcherba, L.V. *Opyt obshchej teorii leksikografii* [Experience of the General Theory of Lexicography]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Izvestiya AN SSSR. Department of Literature and Language]. 1940, No. 3, pp. 89–117. (In Russ.)
10. Asher, R.E. Review: *Trésor de la langue française: Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). Tome premier: A: Affiner. The Modern Language Review*. 1975, Vol. 70, No. 3, pp. 620–626.
11. Zakharova, E.A. *Otazhenie leksikograficheskoy praktiki “Slovaryâ Akademii Francuzskoj” v “Slovarë Akademii Rossijskoj” (1789–1794)* [Reflection of the Lexicographic Practice of the “Dictionary of the French Academy” in the “Dictionary of the Russian Academy” (1789–1794)]. *Rossijskaya Akademiya (1783–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov. Red. A.A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva* [Russian Academy (1783–1841): Language and Literature in Russia at the Turn of the 18th–19th Centuries. Ed. A.A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva. St. Petersburg, 2009, pp. 13–25. (In Russ.)
12. *Enciklopedicheskij slovar. Izd. F.A. Brokgauz i I.A. Efron. T. XVIa* [Encyclopedic Dictionary. Ed. F.A. Brockhaus and I.A. Efron. Vol. 16a]. St. Petersburg, 1895. (In Russ.)
13. Sreznevsky, I.I. *Obozrenie zamechatelnejshih iz sovremennykh slovarej* [Review of the Most Remarkable Modern Dictionaries]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1854. T. III. Vyp. IV. Stb. 145–164 (chasti I–II); Vyp. V. Stb. 177–187 (chast III); Vyp. VI. Stb. 235–248 (chast IV)* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences on the Department of Russian Language and Literature. 1854. Vol. III. Issue IV. Stb. 145–164 (parts I–II); Issue V. Stb. 177–187 (Part III); Issue VI. Stb. 235–248 (Part IV). (In Russ.)

REFERENCES

1. Gak, V.G. *O nekotorykh zakonomernostyakh razvitiya leksikografii (Uchebnaya i obshchaya leksikografiya v istoricheskom aspekte)* [On Some Patterns of Lexicography Development (Educational and General Lexicography in Historical Aspect)]. *Aktualnye problemy uchebnoj leksikografii. Sost. V.A. Redkin* [Actual Problems of Educational Lexicography. Comp. V.A. Redkin]. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 1977, pp. 11–27. (In Russ.)
2. Dubois, J., Dubois, K. *Pedagogicheskaya rech slovaryâ* [Pedagogical Speech of the Dictionary]. *Aktualnye problemy uchebnoj leksikografii. Sost. V.A. Redkin* [Actual Problems of Educational Lexicography. Comp. V.A. Redkin]. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 1977, pp. 38–50. (In Russ.)
3. Adamska-Sałaciak, A. Lexicography and theory: Clearing the ground. *International Journal of Lexicography*. 2019, Vol. 32, No. 1, pp. 1–19.
4. Rey, A., Delessale, S. *Problemy i antinomii leksikografii* [Problems and Antinomies of Lexicography]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIV: Problemy i metody leksikografii. Pod red. B.Yu. Gorodeckogo* [New in Foreign Linguistics. Issue XIV: Problems and Methods

14. Smolonogina, E.A. *Vosemnadcatyj vek v istorii ne-meckoj leksikografii* [The Eighteenth Century in the History of German Lexicography]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2015, No. 3, pp. 80–83. (In Russ.)
15. Dashkova, E.R. *Iz “Zapisok” o deyatelnosti v Akademii nauk i Rossijskoj Akademii. Per. S.N. Iskyulya* [From “Notes” on Activities at the Academy of Sciences and the Russian Academy. Trans. S.N. Iskul]. *E.R. Dashkova. O smysle slova “vospitanie”. Sochineniya, pisma, dokumenty* [E.R. Dashkova. About the Meaning of the Word “Education”. Writings, Letters, Documents]. St. Petersburg, 2001, pp. 331–350. (In Russ.)
16. *Izvestiya o uchrezhdenii i uprazhneniyah Imperatorskoj Rossijskoj Akademii* [News about the Establishment and Exercises of the Imperial Russian Academy]. *Sochineniya i perevody, izdavaemye Rossijskoyu Akademiei* [Writings and Translations Published by the Russian Academy]. St. Petersburg, 1805. pp. 1–23. (In Russ.)
17. *Istoriya russkoj leksikografii. Otv. red. F.P. Sorokoletov* [History of Russian Lexicography. Ed. by F.P. Sorokoletov]. St. Petersburg: ILS RAS Publ., 1998. 610 p. (In Russ.)
18. Alpatov, V.M. *Literaturnyj yazyk v Rossii i v Yaponii (Opyt sopostavitelnogo analiza)* [Literary Language in Russia and in Japan (Experience of Comparative Analysis)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1995, No. 1, pp. 93–116. (In Russ.)
19. Alpatov, V.M. *Literaturnyj, standartnyj, obshchij yazyk* [Literary, Standard, Common Language]. *Yazyk i dejstvitel'nost': Sb. nauchnyh trudov pamyati V.G. Gaka* [Language and Reality: Collection of Scientific Works in Memory of V.G. Gak]. Moscow, 2007, pp. 45–53. (In Russ.)
20. Germanova, N.N. *Teoriya i istoriya literaturnogo yazyka v otechestvennom i angloyazychnom yazykoznanii* [Theory and History of Literary Language in Russian and English Linguistics]. Moscow: Librocom Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)
21. Sorokin, Yu.S. *O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka* [About the Normative and Stylistic Dictionary of the Modern Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1967, No. 5, pp. 22–32. (In Russ.)
22. Vorontsov, R.I. *Normativno-stilisticheskij tolkovyj slovar kak “momentalnaya fotografiya” sovremennogo slovoupotrebleniya: novyj vzglyad na uchenie Yu.S. Sorokina* [Normative and Stylistic Explanatory Dictionary as a “Snapshot” of Modern Word Usage: A New Look at the Teachings of Yu.S. Sorokin]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2024, No. 31, pp. 5–22. (In Russ.)
23. Smirnitskaya, S.V. *Yakob Grimm — istorik yazyka* [Jacob Grimm — Historian of Language]. *Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoj poloviny XIX veka. Otv. red. A.V. Desnickaya* [Understanding Historicism and Development in Linguistics of the First Half of the 19th Century. Ed. A.V. Desnitskaya]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 136–162. (In Russ.)
24. Sreznevsky, I.I. *Zametki po povodu chteniya mnenij Ya. Grimma o slovare* [Notes on Reading the Opinions of Ya. Grimm about the Dictionary]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1859–1860. T. VIII. Vyp. 3 Stb. 214–217* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences on the Department of Russian Language and Literature. 1859–1860. Vol. VIII. Issue 3. Stb. 214–217]. (In Russ.)
25. Vinogradov, V.V. *Tolkovyje slovari russkogo yazyka* [Explanatory dictionaries of the Russian language]. *V.V. Vinogradov. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [V.V. Vinogradov. Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 206–242. (In Russ.)
26. Priemysheva, M.N. *Leksikograficheskaya deyatelnost Rossijskoj Akademii v 20–30-e gg. XIX v.: na puti k novomu akademicheskomu slovaru* [Lexicographic Activity of the Russian Academy in the 20–30s of the 19th Century.: On the Way to a New Academic Dictionary]. *Rossijskaya Akademiya (1783–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov. Red. A.A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva* [The Russian Academy (1783–1841): Language and literature in Russia at the Turn of the 18th–19th Centuries. Ed. A. Kostin, N.D. Kochetkova, I.A. Malysheva]. St. Petersburg, 2009, pp. 149–158. (In Russ.)
27. Sreznevsky, I.I. *Zamechaniya kasatelno novogo izdaniya russkogo slovary. Zapiska akademika I. Sreznevskogo* [Remarks on the New Edition of the Russian Dictionary. Note by Academician I. Sreznevsky]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1853. T. II. Vyp. V. Stb. 164–167* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences on the Department of Russian Language and Literature. 1853. Vol. II. Issue V. Stb. 164–167]. (In Russ.)
28. Priemysheva, M.N., Stukova, E.G. *Akademicheskij “Slovar russkogo yazyka” pod redakciej akademika N.S. Derzhavina (1929–1937 gg.) v istorii russkoj tolkovoj leksikografii* [Academic “Dictionary of the Russian Language” edited by Academician N.S. Derzhavin (1929–1937)]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2020, No. 17, pp. 195–212. (In Russ.)
29. Priemysheva, M.N., Stukova, E.G. *K sodержaniyu ponyatiya “normativnyj slovar” v otechestvennoj tolkovoj leksikografii: normativno-stilisticheskaya vs ortologicheskaya tradicii* [On the Content of the Concept of “Normative Dictionary” in Russian Explanatory Lexicography: Normative-Stylistic Vs Orthological Traditions]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2024, No. 32, pp. 5–23. (In Russ.)
30. Istrin, V.M. *Rabota nad “Slovarem russkogo yazyka”* [Work on the “Dictionary of the Russian language”]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. VI seriya. 1927. T. 21.*

- Vyp. 8. [Izvlecheniya iz protokolov zasedaniy Akademii Nauk SSSR]* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. VI Series. 1927. Vol. 21. Issue 8. [Extracts from the minutes of the meetings of the USSR Academy of Sciences]]. Pp. 1661–1673. (In Russ.)
31. *Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1927 g. Ch. II.: Otchet o nauchnykh komandirovkah i ekspeditsiyah* [Report on the Activities of the USSR Academy of Sciences for 1927 Part II.: Report on Scientific Trips and Expeditions]. Leningrad, 1927, pp. 52–54. (In Russ.)
 32. Stupin, L.P. *Problema normativnosti v istorii anglijskoj leksikografii* [The Problem of Normativity in the History of English Lexicography]. Leningrad: Publishing House of LSU, 1979. 164 p. (In Russ.)
 33. Dictionnaires et réseaux des lexicographes aux XVIIe et XVIIIe siècles. Ed. I. Galleron. Paris: Honoré Champion Éditeur, 2023. 268 p. (In French)
 34. *Slovar cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sost. Vtorym ot. Akad. Nauk. T. I–IV* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, Comp. The Second Ed. Acad. Sciences. Vol. I–IV]. St. Petersburg, 1847.
 35. Priemysheva, M.N. *Tezaurus russkogo yazyka v koncepcii A.A. Shakhmatova: pro et contra* [Thesaurus of the Russian Language in the Concept of A.A. Shakhmatov: Pro Et Contra]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sb. st. k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo. Ot. red. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva* [Academician A.A. Shakhmatov: Life, Creativity, Scientific Heritage. Collection of Articles on the 150th Anniversary of the Scientist's Birth. Ed. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 887–909. (In Russ.)
 36. Uvarov, V.D. *Subektivnoe i objektivnoe v slovare (Iz opyta ital'ianskoj leksikografii)* [Subjective and Objective in the Dictionary (From the Experience of Italian Lexicography)]. *Perevodnaya i uchebnaya leksikografiya. Sost. V.D. Uvarov* [Translational and Educational Lexicography. Comp. V.D. Uvarov]. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1979, pp. 43–52. (In Russ.)
 37. Kolesov, V.V. *Stanovlenie idei razvitiya v russkom yazykoznanii pervoj poloviny XIX v.* [Formation of the Idea of Development in Russian Linguistics of the First Half of the 19th Century]. *Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoj poloviny XIX veka. Ot. red. A.V. Desnickaya* [Understanding Historicism and Development in Linguistics of the First Half of the 19th Century. Ed. A.V. Desnitskaya]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 163–199. (In Russ.)
 38. Meye, A. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropejskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, Leningrad: State Social Economy Publishing House, 1938. 510 p. (In Russ.)
 39. *Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR* [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1937, No. 7–8, Chronicle, p. 80. (In Russ.)
 40. *Proekt Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Ot. red. I.I. Meshchaninov* [Project of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language. Ed. I.I. Meshchaninov]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938. 98 p. (In Russ.)
 41. Stukova, E.G. *Princip istorizma v russkoj tolkovoj leksikografii: ot "shahmatovskoj" redakcii "Slovarya russkogo yazyka" k semnadcatitomu Bolshomu akademicheskomu slovaru* [The Principle of Historicism in Russian Explanatory Lexicography: From the "Shakhmatov" Edition of the "Dictionary of the Russian Language" to the Seventeen-Volume Great Academic Dictionary]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Bulletin of the RSPU named after A.I. Herzen]. 2024, No. 211, pp. 255–267. (In Russ.)
 42. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N., Puritskaya, E.V. *Principy normativnosti i istorizma v russkoj akademicheskoj leksikografii: eshche raz o tipe bolshogo tolkovogo slovarya* [Principles of Normativity and Historicism in Russian Academic Lexicography: The Great Explanatory Dictionary Type Re-Examined]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2023, No. 28, pp. 5–27. (In Russ.)
 43. Vinogradov, V.V. *Semnadcatitomnyj akademicheskij slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznanija* [The Seventeen-Volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its Significance for Soviet Linguistics]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1966, No. 6, pp. 3–26. (In Russ.)
 44. Ozhegov, S.I. *O trekh tipah tolkovykh slovaroj sovremennogo russkogo yazyka* [On Three Types of Explanatory Dictionaries of the Modern Russian Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1952, No. 2, pp. 85–103. (In Russ.)
 45. Sklyarevskaya, G.N. *Novyj akademicheskij slovar: Prospekt* [New Academic Dictionary: Prospect]. St. Petersburg: ILS RAS Publ., 1994. 64 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 3 июля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on July 3, 2024

Revised on July 14, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050022

О текстологических проблемах публикации романа «Бесы» в составе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (1974 и 2021 гг.)

© 2024 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
ORCID: 0000-0002-1152-4083
konstantin_barst@pushdom.ru

© 2024 г. М. Я. Дымарский

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48,
старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
ORCID: 0000-0002-1796-7686
dym2005@list.ru

Резюме. В статье содержится анализ текстов двух академических публикаций романа Ф.М. Достоевского «Бесы» — в составе Полного собрания сочинений в 30 т. (1972–1990) и выходящего в настоящее время Полного собрания сочинений в 35 т. Анализируются связанные с этими публикациями текстологические и историко-литературные проблемы, рассматриваются характерные для каждого из изданий методология и ошибки, анализируются плюсы и минусы обоих изданий. Указывается на важность вопроса о принципиальном несоответствии пунктуации XIX в. современной норме, опирающейся прежде всего на структурно-семантический принцип расстановки знаков препинания и разработанной значительно детальнее сводов XIX в. Сохранение отдельных элементов архаической пунктуации при чтении текста носителем современной пунктуационной нормы оказывает разрушительное действие на смысл. В статье рассматривается ряд примеров, показывающих неприменимость в современной эдиционной академической традиции элементов старой орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, текстология, академические издания романа «Бесы» Ф.М. Достоевского, орфография и пунктуация, интонационная и структурно-семантическая пунктуация, текстологическая подготовка как перевод.

Для цитирования: Баршт К.А., Дымарский М.Я. О текстологических проблемах публикации романа «Бесы» в составе Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского (1974 и 2021 гг.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 25–40. DOI: 10.31857/S1605788024050022

On the Textual Problems of Publishing the Novel “Demons” as a Part of the Complete Works of F. M. Dostoevsky (1974 and 2021)

© 2024 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute
of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
ORCID: 0000-0002-1152-4083
konstantin_barsht@pushdom.ru

© 2024 Mikhail Y. Dymarsky

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
48 River Moyka Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia,
Senior Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
ORCID: 0000-0002-1152-4083
konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article contains an analysis of the texts of two academic publications of F. M. Dostoevsky's novel “Demons” — as a part of the Complete Works in 30 volumes (1972–1990) and the currently published Complete Works in 35 volumes. The textual and historical-literary problems associated with these publications are analyzed, the methodology and errors characteristic of each of the publications are considered, the pros and cons of both publications are analyzed. The importance of the issue of the fundamental discrepancy between punctuation of the 19th century and the modern norm, based primarily on the structural and semantic principle of punctuation marks and developed in much more detail than the codes of the 19th century, is pointed out. The preservation of individual elements of archaic punctuation when reading a text by a carrier of a modern punctuation norm has a destructive effect on meaning. The article considers a number of examples showing the inapplicability of elements of old spelling and punctuation in the modern traditional academic tradition.

Key words: F.M. Dostoevsky, textual studies, academic editions of the novel “Demons” by F.M. Dostoevsky, spelling and punctuation, intonation and structural-semantic punctuation, textual preparation as translation.

For citation: Barsht, K.A., Dymarsky, M.Ya. *O tekstologicheskikh problemakh publikacii romana “Besy” v sostave Polnogo sobraniya sochinenij F.M. Dostoevskogo (1974 i 2021 gg.)* [On the Textual Problems of Publishing the Novel “Demons” as a Part of the Complete Works of F.M. Dostoevsky (1974 and 2021)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 25–40. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050022

Важнейшими задачами текстолога при публикации памятника русской литературы в составе академического собрания сочинений являются сохранение авторской воли писателя, правильно понятой и научно обоснованной, и ликвидация или, по крайней мере, снижение коммуникативного напряжения между произведением и современностью. Для достижения этих целей усилиями поколений текстологов были выработаны эффективные средства: научно обоснованная модель перевода текста литературного памятника на современный русский язык и историко-литературный комментарий, разъясняющий то, что

перевести по той или иной причине не удалось. Необходимость такого рода перевода диктуется постоянно идущим процессом изменения естественного языка. Указанный принцип в равной степени касается и «Повести о стоянии на Угре», перевод которой на современный русский язык ни у кого не вызывает удивления, и произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, казалось бы, написанных не так уж давно, но также требующих значительной текстологической обработки.

Парадокс заключается в том, что трудности такого рода перевода тем выше, чем меньше

временная дистанция между памятником и современностью: в таких случаях слишком велико искушение под благовидным предлогом «сохранения авторской воли» сделать минимум изменений в оригинальном тексте, вплоть до желания законсервировать его в виде незыблемого и неизменяемого «канонического текста». О неначужности такого подхода написано уже достаточно много, поэтому остановимся на тенденции к максимально полному сохранению в памятнике литературы элементов прижизненного издания, на вопросе о необходимости отделения следов авторской воли от рутинных следов архаической грамматики русского языка, существовавшей в период создания произведения, опасности их непродуманного смещения и, тем самым, подмены авторской воли существовавшими в период создания произведения явлениями орфографии и пунктуации. Такого рода замены могут привести к тяжелым последствиям: конфликту публикуемого текста с современным языком, приносящей значительный вред ложной трактовке авторской воли писателя и не укреплению, а, напротив, разрушению коммуникативной связи между памятником и современной культурой — то есть фактически к уничтожению результата текстологической работы.

Нет необходимости доказывать обоснованность задачи адаптации литературного памятника к современной языковой среде, закрепленной в более чем вековой научной традиции Пушкинского Дома, в текстологических инструкциях ко всем полным собраниям сочинений, изданным институтом, и сотни раз аргументированной в трудах ведущих текстологов. О подготовке текста в соответствии с современными языковыми нормами не раз писал С.А. Рейсер [1, с. 123–124]; [2, с. 13], о необходимости строго учета фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи говорил Д.С. Лихачев [3, с. 9–20], на категорическую недопустимость буквалистского подхода к тексту литературного памятника указывал Б.М. Эйхенбаум [4, с. 65], о текстологическом «чванстве», покушающемся на «читательскую самостоятельность» реципиента, писал А.Л. Гришунин [5, с. 242], о необходимости адаптации памятника к нормам языка эпохи писала В.С. Нечаева [6, с. 29–88]. Из современных исследователей проблемы ломки смысла при его «аутентичном» воспроизведении описала С.В. Березкина [7, с. 107], казалось бы, вопрос исчерпан.

Этот же круг требований ясно выражен и в изданном под руководством Г.М. Фридлендера Полном собрании сочинений в 30 т. [8].

В текстологической инструкции нового Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. читаем: «Предпринимаемое Институтом русской литературы (Пушкинский дом) новое академическое Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского <...> представляет второе, исправленное и дополненное издание Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах, подготовленного и выпущенного Институтом русской литературы (Пушкинский дом) в 1972–1990 гг.»; «6.5.8. Тексты Ф.М. Достоевского печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации, с отклонениями от них, оговоренными в предисловии». В преамбуле к 35-томному Полному собранию сочинений подтверждено, что текстологической основой издания остается первое Полное собрание сочинений, изданное на современном русском языке [9, с. 5]. Однако исполнение этой задачи странным образом не идет по намеченному пути.

Основная причина этого заключается в том, что русская пунктуация XIX в. и современная различны функционально и структурно. Степень регламентированности постановки знаков препинания в XIX в. была несравненно ниже современной, жанра свода правил правописания до середины 1880-х годов не существовало, лишь в 1885 г. вышло первым изданием «Русское правописание» Я.К. Грота. Правила обычно излагались в пособиях по грамматике русского языка (наиболее авторитетными были «Практическая русская грамматика» Н.И. Греча, 1-е изд. СПб., 1827, и «Русская грамматика» А.Х. Востокова, 1-е изд. СПб., 1831); они охватывали весьма ограниченный круг пунктуационных ситуаций: разделение самостоятельных предложений точками, однородных членов и частей сложного предложения запятыми, использование точки с запятой, вопросительного и восклицательного знаков, многоточия, в некоторых случаях — двоеточия и тире. В то же время множество пунктуационных ситуаций оставалось вне рассмотрения и кодификации: такие явления, как выделение вводных компонентов, обособление второстепенных членов, оформление вставных конструкций, сочетание нескольких факторов (например, оформление внутренней границы сложного предложения, первая часть которого завершается обособленным членом, стык союзов, сочетание союза и вводного слова или частицы и мн. под.), еще не имели должного осмысления и описания в теоретическом синтаксисе русского языка. В подобных ситуациях пишущим оставалось действовать по наитию. Во многих случаях интуиция подсказывала пишущим стремление отразить с помощью знаков препинания

интонационное оформление конструкции: в результате пунктуация в прижизненных изданиях русской классической литературы XIX в. нередко выглядит как интонационная. Интуитивно принятые пунктуационные решения, во-первых, отличались широкой вариативностью, во-вторых, во многих случаях на фоне норм современного русского выглядят неприемлемыми.

Очевидно, что пытаться создать в тексте памятника русской литературы некий гибрид правописания XIX и XXI вв. — задача смелая, но бессмысленная в общекультурном плане, несостоятельная в плане научном и для самого текста опасная, поскольку в итоге автор оказывается под угрозой предстать в глазах современного читателя человеком безграмотным, скверно владеющим русским языком, не говоря уже об опасности привития учащемуся поколению навыков ненормативного правописания в случае переиздания текста для массового читателя в русле обычной практики. Такая стратегия никак не способствует и сохранению авторской воли писателя.

Казалось бы, после трудов Д.С. Лихачева совершенно ясно, что буквализм в литературоведении — вещь порочная, идея «канонизации» различных элементов текста литературного памятника идет вразрез со всем, что мы знаем о структуре художественного текста и динамике развития национального языка [10, с. 154–178]. Намерение вернуть в Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского — и тем самым внедрить в сегодняшнюю языковую действительность — архаическую пунктуацию XIX века, с которой язык расстался более ста лет назад, выглядит как чрезвычайно амбициозный, однако со всей очевидностью неосуществимый проект, создающий вдобавок серьезные помехи взаимодействию современной культуры с текстами Ф.М. Достоевского. Известно, что знаки препинания в прижизненных изданиях принадлежат далеко не только Достоевскому, но в большей степени его жене, переписывавшей стенограммы продиктованного ей текста, а также наборщику, которому писатель предлагал «угадывать» запятые и расставлять их, руководствуясь собственным эстетическим вкусом. Объяснено, что текстолог, готовящий издание литературного памятника на современном русском языке, — это не смелый экспериментатор-парадоксалист, твердо решивший оставить свое имя в анналах науки, но скромный переводчик, филолог и культуролог, проясняющий и углубляющий канал связи между творчеством писателя и современным читателем. Даны исчерпывающие разъяснения, почему нельзя смешивать две разнородные, несовместимые

пунктуационные системы, создавая внешне безграмотный текст, полный двусмысленностей, нелепостей и смысловых ошибок [11, с. 34–48]. Казалось бы, вопрос исчерпан, однако выход десятого тома собрания сочинений Достоевского с романом «Бесы» убеждает нас, что работа над ошибками далеко не завершена, и обязывает нас снова обратиться к этому вопросу — с единственной целью: вернуть подготовку издания в русло пушкинодомской текстологии, а творческое наследие Достоевского — из области маргинального антинаучного эксперимента в сферу академической науки.

Парадоксом выглядит тот факт, что эпиграф к роману «Бесы», взятый писателем из одноименного стихотворения А.С. Пушкина, полностью соответствует нормам современного русского языка, чего не скажешь о самом тексте произведения Достоевского. Буквалистское сохранение лишних, затрудняющих чтение и мешающих пониманию смысла фразы интонационных знаков, равно как и сохранение пустоты на месте требуемых современными правилами знаков, сохранение немислимых сегодня сочетаний знаков препинания выглядит как ничем не обоснованная претензия текстолога.

1. Лишние или отсутствующие в нужных местах знаки

Вот несколько примеров введения в текст лишних пунктуационных знаков, никаким образом не требуемых для формирования правильного смысла. Читаем: «*Искание Бога*», — как называю я всего проще... [12, с. 217]. Возникает вопрос: к чему здесь запятая и тире после кавычек? Это ли сохранение авторской воли Достоевского, или здесь просто спутаны вводное предложение и авторские слова в конструкции с прямой речью, которой здесь нет?

В другом случае интонационная запятая после вынесенного влево топики *насчет замечания вашего о моей непрактичности* со всей очевидностью соответствует предрематической паузе, но не соответствует современной норме: *Насчет замечания вашего о моей непрактичности, напому вам одну мою давнишнюю мысль: что...* [12, с. 418]. Интонационная запятая после *непрактичности* мешает правильному пониманию текста, создавая эффект «претыкания», как в стародавние времена называли пунктуацию. Она могла бы быть уместной пометой для декламатора, но ведь научное издание памятника литературы создается с иными целями.

Еще пример: *После чего он вытащил портрет своей, уже двадцать лет тому назад скончавшейся, немочки...* [12, с. 69]. Действительно, слева и справа от определения, выраженного развернутым причастным оборотом, возможны интонационные паузы, но пунктуационное обособление не только противоречит современной норме, но и вносит неуместный оттенок однородности этого определения и предшествующего ему определения *своей*.

В ряду такого рода случаев в новой версии текста романа «Бесы», вопреки требованиям текстологической инструкции, наблюдаются неожиданные «исправления» верных решений, принятых в первом Полном собрании сочинений писателя. В ПСС₁ читаем:

... хотя сам был в это дело отчасти замешан сообщениями ему из-за границы инструкциями [13, с. 444].

В издании 2023 г. эта фраза выглядит иначе:

...хотя сам был в это дело отчасти замешан, сообщениями ему из-за границы инструкциями [12, с. 495].

Ничем не мотивированная запятая может быть объяснена, со стороны ее автора, кем бы он ни был, только стремлением отразить с ее помощью паузу при чтении вслух, со стороны текстолога — буквалистским повторением издания 1873 г., текстологическая опора на которое совершенно правильна, чего не скажешь о представленном в нем подходе к подготовке текста.

В другом случае скрупулезное воспроизведение лишней запятой из издания 1873 г. [14, с. 177, 3-я пагинация], зачем-то разделяющей два связанных одиночным союзом *и* однородных сказуемых, ничем не способствуя отражению «авторской воли писателя», лишь создает эффект хромящей фразы:

...подбил его основать разбойничью шайку, и для пробы велел убить и ограбить первого встречного [12, с. 462].

Отдельного внимания заслуживает тенденция текстолога к немотивированному усилению обособлений. В ПСС₁ в своем естественном виде преобладает фраза:

Сгоряча — и, признаюсь, от скуки быть конфиден- том — я, может быть, слишком обвинял его [13, с. 66].

В новом издании парное тире, которого вполне достаточно для выделения конструкции, совмещающей признаки вставки и обособленного обстоятельства с оттенком попутного добавления, по неясным причинам усилено парной запятой:

Сгоряча, — и признаюсь, от скуки быть конфиден- том, — я, может быть, слишком обвинял его [12, с. 71].

Аналогичный пример:

Твердое его намерение лишить себя жизни, — философское, а по-моему, сумасшедшее, — стало известно там [12, с. 467].

Парное тире (вместо парной запятой) использовано здесь с целью придания обособленному определению оттенка попутного комментария. Добавлять при этом стандартные запятые, при которых определение остается обособленным, но лишается указанного значения, со всей очевидностью избыточно и никаким образом не способствует уточнению смысла.

Сочетания знаков препинания стихийной нормой XIX в. не были регламентированы и потому варьировали в довольно широких пределах (ср. ниже примеры сочетания точки с запятой и тире при оформлении прямой речи), в современном академическом своде такого рода сочетания кодифицированы весьма строго [15, с. 312–320]. Основания, которые могли бы послужить оправданием столь вольному отступлению от правил грамматики, найти трудно. Апелляция к авторской воле выглядела бы здесь малоубедительно, поскольку очевидное стремление автора придать выделяемым компонентам статус попутного комментария, как уже сказано, прекрасно реализуется заменой парной запятой на парное тире.

Непредвиденный и явно не запланированный автором смысл возникает в результате ничем не обоснованного обособления обычного обстоятельства:

...что многим из наших дам, на этот раз, тотчас же показалось особенно подозрительным [12, с. 254].

Выделенное запятыми словосочетание *на этот раз* подразумевает противопоставление чему-то, что было «в другой раз», однако этого значения в контексте нет.

Можно ли счесть необходимым уточнением творческого замысла Достоевского отсутствие запятой, отделяющей в сложноподчиненном предложении главное от придаточного? Именно это наблюдаем в следующем примере:

(3) *...ведь это не всё ли равно что вся площадь кричит?* [12, с. 91].

Аналогичный пример:

О, тут совсем не то что с Пушкиными, Гоголями, Мо- льерами... [12, с. 74].

Может быть, *не то что* понято текстологом как цельный оборот или часть градационного союза? На самом деле здесь нет ни того, ни другого: перед нами стандартное сложноподчиненное предложение.

В следующем случае отсутствие запятой перед вторым союзом *да* превращает его из противительного в соединительный, а заодно лишает двойственности, противоречивости душевное состояние героини, которой одновременно и хорошо, и грустно:

... солнце заходит, да такое большое, да пышное, да славное, — любишь ты на солнце смотреть, Шатушка? Хорошо да грустно [12, с. 127].

Еще один пример немотивированного отсутствия запятой:

...и довольно, довольно, пожалуйста без вопросов, больше ничего теперь не скажу [12, с. 193].

Правила позволяют снять запятую после вводного слова или перед ним, если оно относится только к обороту, в начале или конце которого оно находится [15, с. 264]. Однако в данном случае перед нами не вводное слово, а этикетное междометие, на которое действие этого правила не распространяется.

В другом случае необходимая запятая отсутствует также, по-видимому, в связи с устаревшим представлением о том, что знаки препинания прежде всего отражают интонационное оформление речи:

...обратился я к Алексею Нилычу с отдаленным вопросом: вы, говорю, и за границей и в Петербурге еще прежде знали Николая Всеволодовича [12, с. 89].

В этих и подобных им случаях налицо буквальное повторение интонационной запятой или ее отсутствия в прижизненном издании 1873 г. [14, с. 21, вторая пагинация], а также давно уже признанного спорным в текстологическом отношении издания 1920-х годов [16], использование в котором интонационных запятых еще можно было бы оправдать тем, что современная пунктуационная система окончательно укрепилась только к середине XX в.

Не меньшее недоумение вызывает последовательный отказ от выделения запятыми выражения *между прочим* — и там, где он может быть обоснованным, и там, где никаких оснований для этого нет. *Между прочим* может функционировать в языке и как вводный компонент в значении ‘кстати, к слову’, и как обстоятельство образа действия со значением ‘попутно, помимо другого’,

восходя к косвенному дополнению. В первом случае оно подлежит обязательному выделению запятыми, во втором — нет [17, с. 247–248, 510]. Разграничение двух разных функций *между прочим* не всегда выглядит очевидным; можно, однако, утверждать, что связь *между прочим* со сказуемым — глаголом речи является признаком его обстоятельственной функции; расположенное в середине предложения *между прочим* с большей вероятностью является вводным компонентом, а расположенное в абсолютном конце — обстоятельством; позиция в абсолютном начале предложения амбивалентна. В одних случаях опора на эти признаки может дать убедительный результат, в других — нет. Например, в предложении:

Между прочим, сообщил, что накануне вечером, часов в девять (значит, часа за три до пожара), был у Марьи Тимофеевны [13, с. 431]

возможна двоякая трактовка функции *между прочим*. С одной стороны, явная связь этого компонента с глаголом речи *сообщил* указывает на его обстоятельственную функцию. С другой стороны, контекст не дает однозначной поддержки значения ‘попутно, помимо другого’:

Катастрофа с Лизой и смерть Марьи Тимофеевны произвели подавляющее впечатление на Шатова. Я уже упоминал, что в то утро я его мельком встретил, он показался мне как бы не в своем уме. Между прочим, сообщил, что накануне вечером, часов в девять (значит, часа за три до пожара), был у Марьи Тимофеевны. Он ходил поутру взглянуть на трупы, но, сколько знаю, в то утро показаний не давал нигде никаких.

Встреча повествователя и Шатова произошла *мельком*: это не создает впечатления обстоятельного разговора, затрагивающего различные темы; в то же время в следующей фразе повествователь сообщает, что Шатов «ходил поутру взглянуть на трупы», и можно полагать, что повествователь узнал об этом именно от Шатова: тогда обстоятельственная трактовка *между прочим* становится осмысленной. Следует также обратить внимание на то, что вводное *между прочим* имеет не только значение ‘кстати, к слову’, но и выделительную, акцентирующую функцию: оно указывает на то, что высказывание содержит информацию, на которую следует обратить особое внимание; это значение прекрасно согласуется с содержанием фразы. Таким образом, двойственная природа *между прочим* в данном случае разрешает как наличие, так и отсутствие запятой, поэтому целесообразна апелляция к прижизненному изданию в надежде на то, что в нем могла быть отражена авторская воля. Следовательно, вариант:

Между прочим сообщил, что накануне вечером, часов в девять (значит, часа за три до пожара), был у Марьи Тимофеевны... [12, с. 481]

имеет право на существование.

Но в следующем случае никаких оснований для того, чтобы снимать запятые при *между прочим*, имевшие место в ПСС₁, нет и быть не может:

Для того между прочим вы и сплотились в отдельную организацию свободного собрания [12, с. 516].

Здесь *между прочим* не связано с глаголом речи, находится в середине предложения и имеет значение ‘кстати, к слову, обратите особое внимание’, является вводным компонентом. Отсутствие запятых здесь не просто ошибочно, но ведет к искажению смысла: возникает перспектива ложного истолкования, будто члены революционной организации выбирали, для чего им сплотиться, и выбрали сразу несколько целей, в то время как подразумевается, безусловно, одна вполне определенная цель.

Ничем не мотивированное отступление от правила о выделении запятыми вводного компонента обнаруживается и в следующем случае:

...ведь все-таки она себя оскандалила, кроме того я ей про «ладью» наговорил... [12, с. 451].

Очевидно, что подобные ошибки, останавливая недоуменное внимание читателя и отвлекая его от содержания, не способствуют вдумчивому восприятию текста и никак не свидетельствуют об авторской воле писателя.

Заметим, что наряду с обилием такого рода ошибок в новом тексте «Бесов» встречается и правильное пунктуационное оформление:

...кроме того, был обличен в скудости убеждений... [12, с. 30].

Но в большинстве случаев механическое возвращение архаической пунктуации прижизненного издания романа «Бесы» в современную публикацию едва ли не полностью лишило текст романа вводных слов и словосочетаний. Особенно серьезно это сказалось на часто употребляемом вводном *однако*:

И однако же особа была обижена и письмом, и стихами [12, с. 230].

С ортологической точки зрения, это банальная ошибка, никак не помогающая сохранить авторский стиль писателя, с точки же зрения формирования текстового смысла — она порождает ложное истолкование, так как в таком написании

возникает феномен некой «однако же особы», заставляющий читателя углубиться в размышления, кто бы это мог быть.

Еще примеры:

И однако ж я совершенно не понимал... [12, с. 119];

И однако мне-то, мне каково! [12, с. 68];

И однако все эти грубости и неопределенности... [12, с. 71];

И однако через несколько времени... [12, с. 430].

Конечно, *однако* в изолированном употреблении в абсолютном начале предложения может функционировать как противительный союз, но в сочетании с другими союзами это слово возвращается туда, откуда и пришло: становится вводным. Отсутствие обязательных запятых заставляет читать фразы, подобные приведенным, как безграмотные — и недоумевать, чего всем этим желал добиться текстолог.

Во фразе:

*К тому же честью клянусь, тут Липутин: «Пошли да пошли, всякий человек достоин права переписки»... [12, с. 230] — из-за отсутствия обязательной запятой при вводном предложении *честью клянусь* возникает значение, что персонаж клянется честью применительно к *чему-то*, хотя такого рода управления у глагольного фразеологизма *клясться честью* не существует.*

Подобного рода участь постигла в новом издании «Бесов» и другое вводное слово — *конечно* — в частотном для Достоевского сочетании с частицей *уж*:

...и уж конечно была рада письму важной старушки... [12, с. 184].

Внимательный читатель может даже заподозрить в этом случае скрытый смысл конечного характера радости героини; однако не приходится сомневаться, что выражение такого смыслового оттенка вряд ли входило в творческие намерения писателя. Аналогичные примеры:

...завывая к себе нигилиста, господин Кармазинов уж конечно имел в виду сношения его с прогрессивными юношами... [12, с. 185];

...уж конечно не расположен в ту минуту к чему-нибудь трагическому... [12, с. 419];

Она вскрикнула и упала в обморок (о, уж конечно в настоящий обморок)... [12, с. 437].

В следующем примере уничтожение запятой перед двумя обстоятельствами, уточняющими предшествующее обстоятельство *раньше всех нас*, создает ложное впечатление, будто «все мы» одновременно находились в Петербурге пять или

шесть лет назад и тогда же познакомились с Николаем Всеволодовичем, только Лебядкин «всех нас» в этом несколько опередил:

А что вы спрашиваете про капитана Лебядкина, то тот раньше всех нас с ним познакомился в Петербурге, лет пять или шесть тому... [12, с. 90].

Еще одно слово, с которым связана ошибка, систематически встречающаяся в новой публикации «Бесов», — это *наконец*. Оно может быть трактовано как наречие со значением ‘в конечном итоге, после всего, напоследок, под конец, в результате всего’ [17, с. 266–267]; в этом случае оно располагается, как правило, в начале предложения или, во всяком случае, перед составом сказуемого, которое оно распространяет в роли обстоятельства со значением времени и образа действия. Его омоним, вводное слово *наконец*, «указывает на то, что слово (выражение), которое следует далее, заключает сказанное ранее или является последним; также выражает недовольство, нетерпение, досаду» [17, с. 266–267] и располагается в середине или конце предложения; типичная для него позиция — после сказуемого. Во множестве случаев в новой публикации романа «Бесы» именно вводное слово *наконец* не выделено запятыми, уводя мысль читателя к бесплодной попытке трактовать описываемое действие героя как итоговый результат некоего процесса:

Скажешь ли наконец что-нибудь? [12, с. 62];

...двое единственных свидетелей брака, Кириллов и Петр Верховенский, и, наконец сам Лебядкин... [12, с. 212];

Если он решится наконец сегодня утром вам сделать визит... [12, с. 78];

Умоляю вас наконец (так и было выговорено: умоляю)... [12, с. 88].

В погоне за формально понятой «авторской волей» текстолог волю писателя, всегда направленную на то, чтобы быть правильно понятым, искажает или вовсе отменяет. Рассмотрим предложения:

Во всяком случае, я бы не полезла на твоем месте за такую дрянью в карман [13, с. 135].

Во всяком случае в данном случае означает ‘по крайней мере [17, с. 70, 358–359], так или иначе’ и является вводным компонентом. В новом издании «Бесов» обнаруживаем:

Во всяком случае я бы не полезла на твоем месте за такую дрянью в карман [12, с. 148].

Вместо вводного компонента здесь возникает обстоятельство условия, и оказывается, что персонаж

принципиально готов к тому, чтобы лезть «за такую дрянью в карман», только не во всяком, а лишь в некоторых особых случаях. Крайне сомнительно, что Достоевским имелся в виду именно такой смысл. Этот пример не единичен, ср.:

Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни... [13, с. 61];

Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни... [12, с. 63].

В прижизненном издании романа запятая отсутствует, но смысл, подразумевавшийся писателем, бесспорно, связан с вводной, а не обстоятельственной функцией сочетания *во всяком случае*. Отсутствие запятой ломает смысл фразы, рисуя перед Степаном Трофимовичем Верховенским обширный круг самых разнообразных случаев, при которых он обязан теперь «доставить честь» Даше Шатовой.

Обеднение смысла — одно из частотных следствий вольных упражнений с пунктуацией при подготовке академического издания произведения русского классика. В предложении:

...статью его, написанную с страшною претензией на самую наивную поэзию, и при этом на психологию [13, с. 70]

запятая перед союзом *и* подчеркивает его присоединительный (а не соединительный) характер (ср. *при этом*). Снятие этой запятой лишает союз *и* присоединительного значения и уравнивает «поэзию» и «психологию» в статье персонажа. Задуманный Достоевским и выраженный повествователем намек на несовместимость наивной поэзии с психологией при этом исчезает.

В других случаях оказывается поражен не только оттенок значения, но и общий смысл фразы. Пример такого рода:

Бедный друг мой был так настроен или, лучше сказать, так расстроен... [12, с. 132].

Отсутствие запятой перед *или*, употребленным здесь в качестве не разделительного, а пояснительного союза (в значении ‘то есть’), приводит к существенному изменению общего строя фразы: союз воспринимается как обычный разделительный, и в результате читателю предлагается выбирать из двух возможных вариантов, противопоставляя их друг другу, «настроен» или «расстроен» был «бедный друг».

Еще пример:

...очень умен, но, может быть и помешан [12, с. 90].

В таком пунктуационном оформлении, во-первых, необъяснима запятая, отделяющая *но* от сложного сказуемого *может быть помешан*. Во-вторых, неизбежная при отсутствии запятой после *может быть* трактовка *может быть помешан* как сложного сказуемого уничтожает предположительную модальность и превращает фразу чуть ли не в вердикт врача: Ставрогин умен, но при этом имеются отдельные признаки помешательства, не дающие, однако, полной клинической картины. Между тем никаких клинических признаков помешательства говорящий не подразумевает, он лишь не исключает того, что Ставрогин — при всем своем уме — еще и душевнобольной, и эта гипотетическая модальность выражается вводным *может быть*, которое должно быть выделено запятыми с обеих сторон.

Буквальное воспроизведение пунктуации XIX века в современном издании временами порождает откровенные ошибки, принуждающие читателя проделывать бесполезный поиск смысла в несуществующих словосочетаниях — например, **собственно хотеть*:

То есть я собственно хочу сказать, что, оставляя его тогда в Петербурге... [12, с. 81].

Отказ от современной пунктуационной системы в угоду интонационным знакам, присутствующим или отсутствующим в прижизненном издании, заставляет читателя отвлекаться от сюжетной интриги и глубоких философских идей, которыми поглощены персонажи романа, и метаться в поисках ответа на ребусы и загадки, порожденные неполнотой текстологического оформления. Восстановив необходимые запятые, получаем осмысленное высказывание:

То есть я, собственно, хочу сказать, что, оставляя его тогда в Петербурге... [13, с. 75].

Иной вариант пунктуационного недоразумения представляет собой смешение союза-частицы с междометием, образующееся при отсутствии выделения запятыми. В новом издании «Бесов» читаем:

А это отставной капитан; прежде он только штабс-капитаном себя называл... [12, с. 85]

вместо задуманного Достоевским:

А, это отставной капитан; прежде он только штабс-капитаном себя называл... [13, с. 78].

Вместо эмоционального возгласа здесь появляется хладнокровная интонация опытного экскурсовода: «А это отставной капитан....», резко

выпадающая из контекста сцены романа, где описана догадка Степана Трофимовича, который вначале не понимает, о ком идет речь, а затем его осеняет, что речь идет именно о капитане Лебядкине.

2. Формально допустимые текстологические решения, влекущие за собой существенные искажения смысла

Разумеется, в значительном числе случаев пунктуационные решения старых изданий случайно совпадают с современной нормой или, во всяком случае, не вступают в формальное противоречие с ней. Однако в ряде случаев такие решения ведут к коренному изменению смысла фразы. Например:

Алексей Нилыч даже нагайку вырвали-с, изломали и в окошко выбросили, и очень поссорились [13, с. 79].

В этом предложении два союза *и*. Закономерен вопрос: это повторяющийся соединительный союз или два разных союза? А если два разных, то каковы функции каждого из них? Версия о повторяющемся союзе должна быть сразу исключена: ряд **и в окошко выбросили, и очень поссорились* бессмыслен. Следовательно, запятая перед вторым союзом поставлена не по правилу о повторяющемся союзе. Она же и подсказывает адекватную интерпретацию фразы. Первый союз вводит последний однородный член в ряду *вырвали, изломали и выбросили*: на этом однородный ряд закрыт. Запятая перед вторым союзом *и* обращает его из обычного соединительного в присоединительный, что отвечает смысловой структуре: три первых действия являются составляющими основного события — *поссорились*, — но никак не исчерпывают его. Поэтому целостная квалификация события не должна стоять в одном ряду с номинациями отдельных его составляющих.

В новом же издании читаем:

Алексей Нилыч даже нагайку вырвали-с, изломали и в окошко выбросили и очень поссорились [12, с. 86].

Иерархия события и его составляющих в этом случае уничтожается, смысл фразы искажается, а вопрос о функции второго союза *и* становится неразрешимым. Возникает ложный семантический оттенок одновременности и несвязанности этих действий: Алексей Иванович, возможно, с кем-то ссорился, попутно и независимо от этого нанося непоправимый ущерб нагайке.

Сравним два варианта фразы:

Вдруг толпа расступилась и образовался небольшой пустой круг около лежавшей Лизы [12, с. 460];

Вдруг толпа расступилась, и образовался небольшой пустой круг около лежавшей Лизы [13, с. 413].

Очевидно, что перед нами сложносочиненное предложение, части которого по общему правилу должны разделяться запятой. Отсутствие запятой может быть оправдано наличием «общего второстепенного члена» — темпорального детерминанта *вдруг*. Однако, если этот детерминант считать общим для обеих частей конструкции, это означает, что события обеих частей происходят одновременно. Между тем «пустой круг» мог образоваться только после (и вследствие) того, как толпа расступилась; следовательно, детерминант не является общим и распространяет свое действие только на первую часть предложения. Поэтому запятая обязательна, а ее отсутствие искажает смысл фразы и, разумеется, авторскую волю Достоевского.

Еще один пример грубого искажения смысла при формально допустимом пунктуационном оформлении:

...поднес на тарелке записку, маленькую бумажку незапечатанную, с двумя строчками карандашом [12, с. 199].

Читателю сообщается о «маленькой незапечатанной бумажке» (!!), в то время как Достоевский, разумеется, имел в виду *незапечатанную записку*. *Маленькая бумажка* здесь — обособленное приложение, *с двумя строчками карандашом* — обособленное распространенное несогласованное определение, *незапечатанная* является обособленным определением, т.к., хотя оно одиночное и согласованное, оно находится в ряду однородных определений и приложений в постпозиции. Исчезновение этого обособления искажает смысл фразы, заставляя предположить существование в мире Достоевского феномена «запечатанных бумажек».

Подобного рода грамматических казусов в новом издании романа «Бесы» немало. Вот еще один пример: достаточно ясная фраза Петра Степановича Верховенского:

...как-с? примочки? это очень, должно быть, полезно [13, с. 144]

обретает в новом издании вид:

...как-с? примочки? это очень должно быть полезно [12, с. 158].

В первом случае вводный компонент *должно быть* вносит в предложение модальность предположительности — вероятно, с некоторой иронической коннотацией, — во втором случае возникает сложное сказуемое *должно быть полезно*, и

предложение резко меняет модальность, превращаясь в безапелляционный вердикт о несомненной полезности примочек, мало совместимый с общей тональностью разговора.

Подобного рода семантический сбой мы видим во фразе:

Я вас конфиденциально спросил совсем нечаянно [12, с. 83],

обретающей подлинный смысл при правильной пунктуации:

Я вас конфиденциально спросил, совсем нечаянно [13, с. 77].

В первом варианте отсутствие запятой приводит к тому, что герой Достоевского неожиданно для себя задал вопрос *конфиденциально*, в то время как ранее, вероятно, намеревался сделать то же официально и/или прилюдно. Мы видим, как исчезновение одного знака резко меняет значение фразы.

Еще один пример из текста нового издания «Бесов»:

Не знаю, для чего, я поворотил за ним назад; не знаю, для чего, я пробежал подле него десять шагов [12, с. 76].

В основе этой конструкции лежат два сообщения повествователя: *я поворотил за ним назад, я пробежал подле него десять шагов*, — образуя диктум высказывания. В обоих случаях действия не только не были вызваны какой-то определенной целью, но даже самому повествователю кажутся не вполне объяснимыми. Этот смысл формирует модус высказывания. Для выполнения этой творческой задачи автор выбрал наиболее сильное средство: целое сложноподчиненное предложение *не знаю для чего*, хотя подобный модус мог быть выражен и значительно проще, например с помощью наречия *зачем-то*. В конструкциях, где придаточное состоит из одного слова, запятая не ставится, поэтому перед *для чего* она не нужна. Однако всё сложноподчиненное предложение с обстоятельственной функцией (*не знаю для чего*), выражающее модус, должно отделяться запятой от главной части, выражающей диктум: ведь перед нами бессоюзная конструкция. Следовательно, оптимальное соответствие пунктуации смысловой структуре фразы выглядит так:

Не знаю для чего, я поворотил за ним назад; не знаю для чего, я пробежал подле него десять шагов.

Этому варианту не соответствуют решения как ПСС₁, так и ПСС₂. В новом издании ошибочна запятая перед *для чего*, а в издании 1974 г. изменен состав диктума и модуса: из последнего изъято

обстоятельственное для чего, и смысл всего высказывания существенно изменился:

Не знаю, для чего я поворотил за ним назад; не знаю, для чего я пробежал подле него десять шагов [13, с. 71].

Следующий пример также формально допускает двоякое пунктуационное оформление, но только одно из них способно претендовать на соответствие авторскому замыслу. И в новом, и в предыдущем академическом издании «Бесов» читаем:

А не заметили ли вы в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей... [12, с. 89]; [13, с. 82].

В этой фразе отсутствие обособления *в течение лет* заставляет воспринимать его как обычный обстоятельственный (темпоральный) детерминант. Однако он находится в необычной для детерминанта позиции, ведь при нейтральном порядке слов — даже в вопросительном предложении — он должен был бы находиться в абсолютном начале фразы. Смещенный же в середину, он приобретает характер своеобразного попутного пояснения. Говорящий поясняет важный оттенок смысла вопроса: начав спрашивать, не заметил ли собеседник некоторого «уклонения идей», но произнеся еще только *не заметили ли вы*, он решает уточнить, что его интересует не какое-либо одномоментное наблюдение, впечатление, а результат длительных наблюдений. Этот акцент во фразе Липутина важен тем, что он подчеркивает длительность знакомства Алексея Нилыча со Ставрогиным и якобы вытекающее из этого хорошее знание свойств его характера. Такое обособление обстоятельственного выражения возможно и с точки зрения современной пунктуационной нормы¹, а кроме того, оно органично согласуется с речевой манерой Липутина: его фраза разворачивается толчками, с запинками и прерываниями (ср. многократный повтор *говорю*). Следовательно, более точным является вариант:

А не заметили ли вы, в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей...

Иногда пунктуационные провалы при публикации текста «Бесов» выглядят как простые грамматические неловкости автора, если принять версию, что именно это и есть полное и точное выполнение авторской воли Достоевского. Именно такое впечатление производит фраза:

¹ «Обстоятельства, выраженные существительными в формах косвенных падежей с предлогами, обособляются для попутного пояснения или смыслового выделения. Такое обособление факультативно» [15, с. 247]

Первая записка была от третьего дня, вторая от вчерашнего, а последняя пришла сегодня, всего час назад; содержания самого пустого, все о Кармазинове и обличали суетное и честолубивое волнение Варвары Петровны... [12, с. 77].

Отсутствие запятой перед *и обличали* заставляет читателя воспринимать *о Кармазинове и обличали* как однородные сказуемые при подлежащем *все*. Между тем синтаксическая структура предложения отнюдь не такова. Подлежащее во второй части этого предложения (после точки с запятой) — *записки*, но оно опущено во избежание повтора. *Содержания самого пустого* — первое сказуемое при этом подлежащем; *все² о Кармазинове* — уточняющее определение к прилагательному *пустого* в составе сказуемого (возможна трактовка *все о Кармазинове* как подлежащно-сказуемостной структуры, но это не изменяет ее уточняющей — а следовательно, подчиненной — роли по отношению к главному сказуемому *содержания самого пустого*); второе сказуемое — *обличали*. Запятая необходима для того, чтобы «закрыть» обособленное уточняющее определение и исключить чтение **все о Кармазинове и обличали*, довольно бессмысленное. Поэтому единственно возможным здесь представляется вариант:

Первая записка была от третьего дня, вторая от вчерашнего, а последняя пришла сегодня, всего час назад; содержания самого пустого, все о Кармазинове, и обличали суетное и честолубивое волнение Варвары Петровны [13, с. 72].

Справедливости ради следует заметить, что на этом высказывании, как и на очень многих в романе, лежит яркий отпечаток разговорности; в данном случае это проявляется в типичной разговорной компрессии содержания, которая ведет к стиранию границ компонентов структуры. В устной речи это компенсируется интонацией, на бумаге же легко возникают разночтения — особенно если пунктуационное оформление конструкции не способствует прояснению смысловых отношений между компонентами. Очевидно, что, если бы высказывание имело стандартный для письменной речи вид, разночтения были бы вряд ли возможны:

**Первая записка была от третьего дня, вторая от вчерашнего, а последняя пришла сегодня, всего час назад;*

² Вариант с буквой *ё* не рассматриваем, в таком случае она присутствовала бы в прижизненном издании и наверняка сохранялась бы в последующих, поскольку употребление *ё* для разграничения дифференцирующих написаний было кодифицировано еще Я.К. Гротом и сохраняется до сих пор, причем в качестве примера обычно и приводятся написания *все / всё*.

записки были содержания самого пустого, все о Кармазинове, и обличали...

3. Невозможные сочетания знаков препинания

Особое удивление вызывает неожиданное для издания, подготовленного в соответствии «с нормами современного русского языка», сочетание знаков препинания при оформлении прямой речи, разорванной словами автора (подчеркнуто):

Ох, сюда! — указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело в него опустилась с помощью Маврикия Николаевича; — не села б у вас, матушка, если бы не ноги! — прибавила она... [12, с. 142].

По действующим правилам, если первая часть прямой речи завершается восклицательным или вопросительным знаком, после разрывающих ее слов автора ставятся точка и тире, а вторая часть прямой речи начинается с прописной буквы, как это и сделано в издании под редакцией Г.М. Фридлендера:

Ох, сюда! — указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело в него опустилась с помощью Маврикия Николаевича. — Не села б у вас, матушка, если бы не ноги! — прибавила она... [13, с. 130].

Что могло руководить текстологом, принявшим решение о такой замене? Можно предположить следующее. В XIX в. восклицательный и вопросительный знаки нередко использовались в середине предложения, не имея функции знака конца высказывания и указывая только на наличие особого интонационного выделения:

— Я отделаю этих господ, как они того заслуживают. Как?! обижать моего друга Греча! Вот я их! [Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856)]³;

Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: «Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?!..» Он остановился и не закончил своей речи [Н.В. Гоголь. Старосветские помещики (1835–1841)].

Если представить себе, что прямая речь Прасковьи Ивановны не разорвана словами автора и оформлена подобным образом, то она должна была бы выглядеть так: *Ох, сюда! не села б у вас, матушка, если бы не ноги!* В таком случае подчеркивалась бы цельность реплики персонажа (хотя, заметим, здесь она весьма сомнительна); для того, чтобы сохранить эту цельность, текстолог мог сознательно допустить отступление от действующей грамматической нормы. В таком случае в текстологическом комментарии к роману требовалось бы указать на это отступление от правил

и аргументировать это отступление. По причине отсутствия двенадцатого тома с комментарием к «Бесам» мы не можем утверждать, что такого комментария нет, возможно, мы его увидим. Но в отсутствие подобных разъяснений обсуждаемое пунктуационное решение порождает лишь недоумение. Между тем таких примеров на страницах нового издания не один десяток [12, с. 83, 103, 104, 144, 145, 146 и др.].

4. Орфографические казусы

Есть некоторые вопросы и к орфографии нового издания романа «Бесы». Избыточно верное следование букве прижизненного издания романа ведет к решениям, которые прямо противоречат современной норме и могут быть квалифицированы, с ее точки зрения, только как орфографические ошибки. Такова в новом издании, например, фраза

...что-то новое, очень уж не похожее на прежнюю тишину [12, с. 19].

Прилагательное, в отличие от причастия, нечувствительно к наличию зависимых слов в отношении к слитному / раздельному написанию с частицей *не*; «оторвать» ее от прилагательного могут только несколько слов, задаваемых списком (ПАС, § 147). В рассматриваемом примере ни какого-либо из этих слов (*вовсе не*, *далеко не* и т.п.), ни противопоставления (с союзом *а/но*) нет, поэтому нет и условий для выбора раздельного написания. Единственно верным является решение, выбранное в издании 1974 года:

...что-то новое, очень уж непохожее на прежнюю тишину [13, с. 20].

Давно уже сложилась традиция, закреплённая в словарях и текстах русской классической литературы, что слово *Бог* пишется с заглавной буквы только в случаях, если речь идет об одной из ипостасей Троицы или для называния имени Верховного Существа в иной монотеистической религии, во всех остальных случаях — в пословицах и поговорках, упоминаниях языческих божеств и пр. — со строчной [15, с. 178–182]. Этот принцип однозначно соответствует заповеди: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20:7). Однако текстолог нового издания «Бесов» безбоязненно вводит прописную букву в ситуациях, когда о Боге и речи нет, например в междометиях:

...в этом, ей-Богу, есть как будто какая-то великодушная твердость... [12, с. 122].

³ Примеры с паспортизацией в квадратных скобках заимствованы из Национального корпуса русского языка.

Одновременно с этим написано со строчной имя Бога, в которого хотел бы обратиться Кириллов (оставляем в стороне философско-религиозный аспект его утопической претензии):

Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут всё, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог [12, с. 102].

Трудно увидеть в соотношении двух приведенных решений какую-либо внятную логику.

Сохранение в тексте памятника литературы старинных слов и экзотических написаний — распространённая и имеющая свои резоны текстологическая практика; однако дело как раз в этих резонах. Одно дело пресловутые «слёзы первые любви», где замена на современное написание уничтожает либо смысл, либо размер стиха, другое — сохранение архаического написания *отсоветывал* [12, с. 73]. Удалось ли новому изданию «Бесов» улучшить тем самым наше представление об авторской воле Достоевского, или все-таки стоило прислушаться к решению И.А. Битюговой, предпочитавшей написание *отсоветовал* [13, с. 68]?

5. Исправление ошибок, допущенных в первом издании

Все эти ошибки и казусы, нарушения текстологической инструкции, увлеченность буквализмом тем более обидны, что текстологом нового академического издания «Бесов» проведена значительная работа, сделаны существенные исправления некоторых огрехов, допущенных в первом Полном собрании сочинений писателя. Например, в издании 1974 г. читаем:

...скажу тебе, что и я получила дней шесть тому назад тоже анонимное, шутовское письмо [13, с. 135].

Здесь вызывает сомнения запятая, превращающая определения в однородные; ведь анонимные письма отнюдь не регулярно бывают шутовскими [12, с. 148].

Еще одно исправление ошибки, допущенной в предыдущем академическом издании:

...что Кириллов, которому через час какой-нибудь предстояло умереть (все-таки Петр Степанович это имел в виду) казался ему чем-то вроде уже получеловека... [13, с. 470].

Отсутствующая запятая, закрывающая придаточное предложение после вставной конструкции в скобках, восстановлена [12, с. 525].

Еще один пример верного исправления:

...кроме тех особенных случаев когда успех дороже истины... [13, с. 156];

...кроме тех особенных случаев, когда успех дороже истины... [13, с. 171].

Временами игнорируя повторяющийся союз *и*, новое издание справедливо исправило эту же ошибку, допущенную в первом академическом собрании сочинений:

Они и Шатова знают и супругу Шатова знают... [13, с. 76];

Они и Шатова знают, и супругу Шатова знают... [12, с. 82].

В первом академическом издании ПСС читаем:

Правда, у него накопилось, что рассказать... [13, с. 68];

В новом издании справедливо заменено:

Правда, у него накопилось что рассказать... [12, с. 73].

Действительно, трактовка предложения как стандартного сложноподчиненного с изъяснительным придаточным в старом издании является натянутой. Глагол *накопиться* явным образом не принадлежит к группе лексем со значением речи, мысли, чувства, волеизъявления, способным присоединять изъяснительные придаточные. Зато здесь очевидна перекличка с безличными конструкциями типа *Мне есть что рассказать / Мне нечего рассказать / У меня найдется о чем рассказать / У меня не нашлось о чем рассказать*. Главный член таких конструкций образуется сочетанием бытийного глагола, отрицательного или вопросительно-относительного местоимения и инфинитива (в примерах выделены полужирным) [18, с. 120–121]. Очевидно, что перед нами не сложное предложение, запятая в нем не нужна.

Нельзя также согласиться и с трактовкой в издании 1974 г. фразы:

Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою... [13, с. 200].

Верная пунктуационная интерпретация приведена в новом издании:

Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою... [12, с. 218].

Действительно, союз *или* здесь употреблен не столько как разделительный, сколько как пояснительный: он вводит альтернативную номинацию с градацией по степени важности,

подчеркнутой частицей *даже*. Конструкция не противопоставляет одно другому, но отражает ход мысли говорящего; в ней нет признаков логической дизъюнкции (никто не предлагает великому народу примириться — на выбор — с первостепенной или второстепенной ролью). Всё это делает запятую перед *или* обязательной.

Во фразе:

Все концы точно как ножницами обрезывает [12, с. 97]

новое издание «Бесов» справедливо усмотрело отсутствие сравнительного оборота, налицо сказуемое со сравнительным союзом, и в соответствии с этим убрало запятые, выделяющие словосочетание *точно ножницами* [13, с. 89].

В другом случае — во фразе

...и стал ей необходим, как воздух [13, с. 379],

казалось бы, сравнительный оборот все же есть, однако запятая не нужна по иной причине: здесь присутствует устойчивый оборот, исключающий необходимость знака. Соответствующее исправление было сделано в ПСС₂ [12, с. 421].

В новом издании «Бесов» исправлена также неверная текстологическая трактовка фразы

...вам до ее здоровья всё равно, что до здоровья серой кошки... [13, с. 179].

В данном случае *все равно что* представляет собой единый сравнительный союз, семантически эквивалентный *как*, вводящий главный член безличного предложения; соответствующее исправление было внесено [12, с. 195].

Аналогичным образом исправлено обособление мнимого сравнительного оборота:

...отправился своею дорогой, оставив меня в дураках. Было всё равно, как бы я сам поднял... [13, с. 71].

Всё равно как бы здесь также представляет собой единый союз со сравнительной функцией, эквивалентный *словно*. Версия старого издания (с запятой) ущербна еще и тем, что возникает смысл, будто кому-то — скорее всего говорящему — было все равно, хотя на самом деле утверждается обратное — глубокая заинтересованность в этом деле. В новом издании с удовлетворением читаем:

...отправился своею дорогой, оставив меня в дураках. Было всё равно как бы я сам поднял... [12, с. 77].

Еще одна ошибка, вызванная неверной оценкой потенциального сравнительного оборота, в старом издании:

Инженер сидел, как будто нахохлившись, и прислушивался с неловким нетерпением [13, с. 75].

Сравнительного оборота здесь нет, равно как нет и оснований сравнения, *как будто* в этом контексте не союз, а частица. Правильно в новом издании:

Инженер сидел как будто нахохлившись и прислушивался с неловким нетерпением [12, с. 81].

В новом издании исправлена также ошибка в тексте стихотворения капитана Лебядкина, посвященного Лизе Тушиной, где выставлена ошибочная запятая, явно взятая из издания 1874 г.:

Милостивая государыня, Елизавета Николаевна! [13, с. 106]

На наш взгляд, словосочетание *Милостивая государыня Елизавета Николаевна* представляет собой единое обращение, внутри которого нет оснований для постановки запятой. Представление о том, что это два обращения, несостоятельно, так как в этом случае было бы целесообразно разделить их восклицательным знаком. Поэтому в новом издании правильно:

Милостивая государыня Елизавета Николаевна! [12, с. 115].

В следующей фразе предшествующего академического издания:

Были из них и такие, которые уже возненавидели Лизавету Николаевну, и, во-первых, за гордость... [13, с. 88] —

налицо логическая ошибка, порожденная лишней запятой. Союз *и* сливается в данном случае с вводным словом, и если разделить их запятой, то возникает неразрешимый вопрос, что с чем связывает союз. Союз имеет здесь не соединительное, но присоединительное значение, он выполняет вводную функцию вместе с *во-первых*. В новой версии правильно:

Были из них и такие, которые уже возненавидели Лизавету Николаевну, и во-первых, за гордость... [12, с. 95].

В новом издании исправлено искажающее смысл отсутствие запятых при вводной конструкции *по крайней мере*:

Я застал его как бы пьяного; первые пять минут по крайней мере я думал, что он пьян [13, с. 95];

Я застал его как бы пьяного; первые пять минут, по крайней мере, я думал, что он пьян [12, с. 105].

Суммируя наши наблюдения, делаем вывод, что ошибки и непродуманные текстологические решения содержатся в обоих изданиях. Различия

же заключается в том, что в Полном собрании сочинений под рук. Г.М. Фридлендера эти ошибки имеют характер недочетов при в целом верно выбранной методологии и последовательном воплощении в жизнь текстологической инструкции. В издании же 2021 г. все обстоит в точности наоборот: текстологическая инструкция забыта, буквалистский подход с воспроизведением пунктуации и частично орфографии прижизненного здания, неверная методология — и при этом ряд весьма точных исправлений ошибок, сделанных в предыдущем издании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. 136 с.
2. Рейсер С.А. Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
3. Лихачев Д.С. Текстология: Краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. 102 с.
4. Эйхенбаум Б.М. Редактор и книга. Выпуск 3. М.: Искусство, 1962. 98 с.
5. Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 413 с.
6. Нечаева В.С. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии: сб. ст. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 29–88.
7. Березкина С.В. «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3. С. 97–109.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2013. 814 с.
10. Баршт К.А. Край и середина аутентичности. Заметки о текстологии Достоевского // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 154–178.
11. Баршт К.А. О текстологии произведений Ф.М. Достоевского, интонационной пунктуации XIX века и грамматической норме современного русского языка (на материале 9-го тома Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. СПб.: Наука, 2020. 1029 с.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 34–48.
12. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Т. 10. СПб.: Наука, 2021. 580 с.
13. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 520 с.
14. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. 977 с.
15. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 301 с.
16. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений. Т. 7. Л.: Гос. изд-во, 1927. 616 с.
17. Пахомов В. М., Свинцов В.В., Филатова И.В. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник. М., 2012. 577 с.
18. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общей редакцией С.Г. Ильенко; отв. ред. М.Я. Дымарский. М.: Издательство Юрайт, 2016. 391 с.

REFERENCES

1. Reiser, S.A. *Paleografija i tekstologija novogo vremeni* [Paleography and Textual Criticism of Modern Times] Moscow: Prosveshhenie Publ., 1970. 136 p. (In Russ.)
2. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of Textology] 2nd ed. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
3. Likhachev, D.S. *Tekstologija: kratkij ocherk* [Textual Criticism: A Brief Essay] Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1964. 102 p. (In Russ.)
4. Eichenbaum, B.M. *Redaktor i kniga* [Editor and Book]. Issue 3. Moscow: Iskusstvo Publ., 1962. 98 p. (In Russ.)
5. Grishunin, A.L. *Issledovatel'skie aspekty tekstologii* [Research Aspects of Textual Studies]. Moscow: Nasledie Publ., 1998. 413 p. (In Russ.)
6. Nechaeva, V.S. *Problema ustanovlenija tekstov v izdaniyah literaturnykh proizvedenij XIX i XX vekov* [The Problem of Establishing Texts in Publications of Literary Works of the 19th and 20th centuries]. *Voprosy tekstologii* [Topics in the Study of Textual Criticism. Collective monography]. Moscow: Edition ASUSSR Publ., 1957, pp. 29–88. (In Russ.)
7. Berezkina, S.V. “Unizhennye i oskorblennye” *Dostoevskogo: tri teksta, tri izdaniya* [“Humiliated and Insulted” by Dostoevsky: Three Texts, Three Editions]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2011, No. 3, pp. 97–109. (In Russ.)
8. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
9. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 35 t.* [Complete Works in 35 Vols.]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 814 p. (In Russ.)
10. Barsh, K.A. *Kraj i sredina autentichnosti. Zametki o tekstologii Dostoevskogo* [The Edge and the Middle of Authenticity. Notes on Dostoevsky's Textology].

- Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2020, No. 4, pp. 154–178. (In Russ.)
11. Barsht, K.A. *O tekstologii proizvedenij F.M. Dostoevskogo, intonacionnoj punktuacii XIX veka i grammaticheskoy norme sovremennogo russkogo jazyka (na materiale 9-go toma Polnogo sobranija sochinenij F.M. Dostoevskogo v 35 t. SPb.: Nauka, 2020. 1029 s.)* [On the Textual Criticism of F.M. Dostoevsky's Works, Intonation Punctuation of the 19th Century and the Grammatical Norm of the Modern Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 34–48. (In Russ.)
 12. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 35 t.* [Complete Works in 35 Vols.]. Vol. 10. St. Petersburg: Nauka Publ., 2021. 580 p. (In Russ.)
 13. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Vol. 10. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 520 p. (In Russ.)
 14. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. St. Petersburg: Tipography K. Zamyslovskogo Publ., 1873. 977 p. (In Russ.)
 15. *Pravila russkoj orfografii i punktuacii* [Rules of Russian Spelling and Punctuation] *Polnyj akademicheskij spravocnik* [The Complete Academic Handbook]. Ed. by V.V. Lopatin. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 301 p. (In Russ.)
 16. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenij* [The Complete Collection of Works of Art]. Vol. 7. Leningrad: Gov. Publ. House, 1927. 616 p. (In Russ.)
 17. Pakhomov, V.M., Svintsov, V.V., Filatova, I.V. *Trudnye sluchai russkoj punktuacii: Slovar-spravocnik* [Difficult Cases of Russian Punctuation: Dictionary-Reference]. Moscow, 2012. 577 p. (In Russ.)
 18. *Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksis: Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata* [Modern Russian language. Syntax: Textbook and Workshop for Academic Undergraduate Studies]. Ed. by S.G. Ilyenko, M.Ja. Dymarsky. Moscow: Jurajt Publ., 2016. 391 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 8 июля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 24 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on July 8, 2024

Revised on July 24, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050035

Системы организации знаний в филологических информационных ресурсах

© 2024 г. А. Б. Антопольский

Доктор технических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ale5695@yandex.ru

Резюме. Вводится и обсуждается понятие *система организации знаний* (Knowledge Organization System, KOS). Рассматриваются подходы к типологии KOS. Анализируется база данных BARTOC, содержащая наиболее полный перечень KOS, в том числе более 130 филологических KOS. Описываются филологические KOS, относящиеся к следующим типам: авторитетные списки, терминологии и глоссарии, иерархические классификации, системы метаданных, тезаурусы, онтологии, а также некоторые уникальные KOS. Отдельно рассматриваются российские филологические KOS. Предлагается создание базы данных российских филологических KOS как компонента инфраструктуры российского научного информационного пространства.

Ключевые слова: система организации знаний, тезаурусы, онтологии, метаданные, классификации, глоссарии.

Для цитирования: Антопольский А.Б. Системы организации знаний в филологических информационных ресурсах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 41–52. DOI: 10.31857/S1605788024050035

Systems of Knowledge Organizing in Philological Information Resources

© 2024 Alexander B. Antopolsky

Doct. Sci. (Tech.),
Head Researcher at the Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the RAS (INION RAN),
51-21 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117997, Russia
ale5695@yandex.ru

Abstract. The concept of knowledge organization system (Knowledge Organization System, KOS) is introduced and discussed in this article. Approaches to the typology of KOS are considered. The BARTOC database is analyzed, containing the most complete list of KOS, including more than 130 philological KOS. Philological KOS related to the following types are described: authority lists, terminologies and glossaries, hierarchical classifications, metadata systems, thesauri, ontologies, as well as some unique KOS. Russian philological KOS are considered separately. It is proposed to create a database of Russian philological KOS, as a component of the infrastructure of the Russian scientific and scholarly information space.

Key words: knowledge organization system, thesauri, ontologies, metadata, classifications, glossaries.

For citation: Antopolsky, A.B. *Sistemy organizacii znaniy v filologicheskikh informacionnyh resursah* [Systems of Knowledge Organizing in Philological Information Resources]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024. Vol. 83, No. 5, pp. 41–52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050035

Введение

Системы организации знаний (Knowledge Organization System, KOS) — это обобщающий термин для довольно широкого класса лексических и семантических инструментов, которые используются для навигации, поиска, комплектования и других задач при создании и эксплуатации различных информационных систем и ресурсов, как традиционных (библиотеки, архивы, музеи), так и современных цифровых (базы данных, порталы, сайты и др.). Этот термин вытеснил из употребления раньше более распространенные термины *языки индексирования* или *информационные языки*.

KOS образуют тематический и семантический каркас любой автоматизированной информационной системы (АИС) и поэтому являются ее важнейшей частью. В тоже время быстрое развитие информационных технологий приводит к столь же быстрой смене KOS. Например, информационно-поисковые тезаурусы, которые доминировали в документальных АИС в 1970–1990-е годы, сейчас почти не разрабатываются, им на смену приходят семантически более развитые онтологии.

Кстати, эта смена парадигм KOS является одной из причин увеличивающегося разрыва в пользовании между традиционными и цифровыми АИС, поскольку традиционные системы, такие как библиотеки, не могут легко изменять KOS, так как необходимо обеспечивать преемственность фондов. Особенно этот разрыв становится заметным при использовании для информационных задач и процессов инструментов искусственного интеллекта, таких как технологии нейросетей и больших языковых моделей.

В этой связи при обсуждении путей развития АИС в гуманитарной сфере, в том числе в филологии, часто слышен пессимизм в отношении перспектив использования и развития уже разработанных KOS. Однако автор убежден что будущее у KOS есть, но нужно суметь встроить их в новые технологии, в том числе в технологии нейросетей.

Типология KOS

Типология KOS в настоящее время еще не вполне установлена, дискуссию на эту тему можно прочитать, например, в [1]. Наиболее распространенным можно считать подход, предложенный Г. Ходж [2] и представленный в табл. 1

На самом деле разновидностей KOS известно гораздо больше. Достаточно взглянуть на

типологию KOS, которую предложили Р. Суза и соавторы [3], см. Рис. 1.

В базе данных BARTOC, анализируемой ниже, используются следующие типы KOS (приводится алфавитный список в русском переводе, без обсуждения):

- Авторитетные списки
- Глоссарии
- Онтологии
- Предметные рубрики
- Семантические сети
- Синонимические ряды
- Словари
- Списки
- Справочники
- Схемы классификации
- Схемы категоризации
- Тезаурусы
- Терминология

В задачу настоящей статьи не входит анализ различных подходов к типологии KOS, тем более что многие разновидности KOS, встречающиеся в литературе и в информационной практике, плохо различаются между собой. В цит. работе [1] имеется обширный перечень литературы, посвященный этому предмету.

Практически мы будем использовать типологию KOS, близкую к классификации Г. Ходж, но более отвечающую интуитивному представлению об их структурном и функциональном сходстве (табл. 2).

Заметим, что некоторые конкретные KOS, в том числе описанные ниже, являются уникальными и не помещаются в эту типологию.

Область анализа

В предлагаемом обзоре будут рассмотрены, главным образом, специальные KOS в области филологии, имеющиеся в наиболее представительном перечне KOS, получившем название Базовый регистр тезаурусов, онтологий и классификаций (BARTOC, <https://bartoc.org/>).

BARTOC представляет собой базу данных KOSa также сервисов и реестров KOS. База данных содержит описания 3,5 тыс. KOS, а также 129 сервисов и реестров KOS. BARTOC был основан Андреасом Ледлом как Базельский регистр тезаурусов, онтологий и классификаций в библиотеке

Таблица 1. Классификация KOS по Г. Ходж (2000)

Категории KOS	Общие характеристики категорий	Конкретные типы KOSS
Списки	Линейные и менее структурированные системы; упор делается на списки терминов (часто снабженных определениями)	Авторитетные файлы, Глоссарии, Системы метаданных, Словари
Классификации и категоризации	Иерархически структурированные системы; акцент на создании предметных наборов	Тематические рубрики, Схемы классификации, Таксономии, Схемы категоризации
Списки отношений	Сложные и высокоструктурированные системы; акцент делается на связях между терминами и концепциями	Тезаурусы, Семантические сети, Онтологии

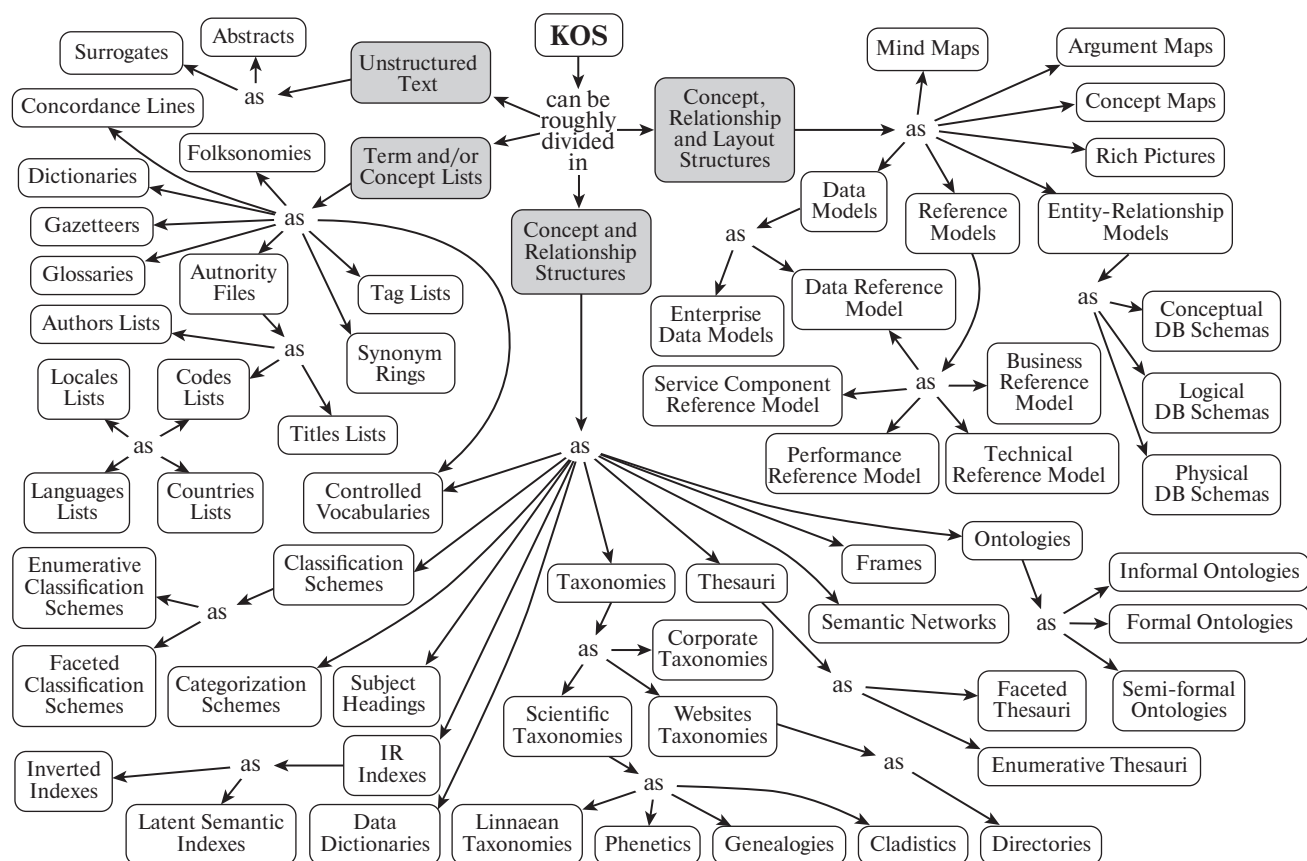

Рис. 1. Классификация KOS, предложенная Р. Суза и др.

Базельского университета, Швейцария. В 2020 г. база данных переехала в Verbund Zentrale des GBV (VZG), Германия, была переименована и перенесена с Drupal на новую техническую инфраструктуру. Реализация полностью доступна как Open Source.

Основная цель BARTOC — собрать как можно больше KOS в одном месте, чтобы добиться

большой наглядности, выделить их особенности, сделать их доступными для поиска и сопоставимыми, а также способствовать обмену знаниями. BARTOC включает KOS из любой предметной области, на любом языке, в любом формате публикации и с любой формой доступности. Интерфейс поиска BARTOC доступен на 20 европейских языках и предоставляет два варианта

Таблица 2. Предлагаемая классификация KOS

Категории KOS	Общие характеристики категорий	Конкретные типы KOS
Нормативные списки	Линейные системы, упор делается на характер применения	Списки, Авторитетные файлы, Контролируемые словари
Термины	Термины и сведения о них, включая определения	Словари, Глоссарии, Терминология
Таксономии	Иерархически упорядоченные системы	Классификации, Таксономии, Предметные рубрики, Схемы категорий
Отношения понятий	Сложные и структурированные системы; акцент делается на связях между терминами и понятиями	Тезаурусы, Семантические сети, Системы метаданных, Тематические карты, Графы знаний, Онтологии

поиска: базовый поиск по ключевым словам и расширенный поиск.

Последний имеет следующие фильтры: тип KOS, язык, тематика, лицензия доступа а также ссылка на сервис или реестр, через который доступны термины и понятия, образующие данную KOS.

Описания KOS включают следующий набор реквизитов:

- Аннотация
- Наименования
- Сокращение
- Тип KOS
- Тема (предмет)
- Языки
- Дата создания
- URI
- Домашняя страница

Следует иметь в виду, что собрание KOS в базе данных BARTOC не является исчерпывающим и BARTOC – не единственный реестр KOS. В этой базе данных каталогизировано (<https://bartoc.org/registries>) 129 реестров KOS, включая 91 хранилище или сервис с полным доступом к словарному содержанию, т.е. реестры, через которые доступны термины и понятия, входящие в данный KOS. Описания реестров включают:

- Аннотация
- Наименования
- URI

Сервисы (API)

- Домашняя страница
- Дата создания
- Тип
- Словари

Некоторые KOS, не вошедшие в базу данных BARTOC, в том числе системы метаданных лингвистических ресурсов, рассмотрены в работе автора [4]. Также в базе данных BARTOC совершенно недостаточно представлены российские филологические KOS. Они будут описаны в отдельном разделе настоящей статьи.

Всего в базе данных BARTOC представлено 133 KOS, отнесенных к языку и литературе. Очевидно, что в это число не вошли KOS универсальной тематики, которые составляют большую часть массива KOS. Отобранные KOS разделены на 4 категории в соответствии с приведенной выше классификацией и далее сгруппированы в соответствии со структурным и функциональным сходством. KOS с неработающими ссылками исключены.

Авторитетные (нормативные) списки

Авторитетные или нормативные списки, также часто называемые контролируемыми словарями, представляют собой линейные списки допустимых значений тех или иных полей информационного ресурса.

Так, например, среди большого числа авторитетных списков Отдела публикаций Евросоюза (<https://op.europa.eu/en/web/eu-vocabularies/>

authority-tables) несколько списков имеет чисто лингвистический характер. Это:

список авторитетных грамматических альтернативных названий;

список грамматических чередований;

список авторитетных имен грамматического сознания;

грамматический список авторитетных родовых имен;

авторитетная таблица грамматических чисел;

список авторитетных систем письма и другие.

К авторитетным спискам следует отнести также названия и коды языков, зафиксированные в нормативных документах

К ним относятся:

Стандарты ISO (639-1 и 639-2) <http://publications.europa.eu/resource/authority/language>

Реестр языковых субтегов IANA (сокращенные коды языков), определенные Инженерной группой Интернета (IETF) <http://www.iana.org/assignments/language-subtag-registry>

Атлас исчезающих языков ЮНЕСКО <http://www.unesco.org/languages-atlas>

Еще пример авторитетного списка — перечень языковых уровней устанавливается в ресурсе *Владение языком* http://www.ddialliance.org/Specification/DDI-CV/LanguageProficiency_1.0.html

Словари, глоссарии, терминология

В данном разделе представлены филологические словарно-терминологические ресурсы. Они включают несколько подтипов.

Толковые или энциклопедические словари по лингвистике:

Словарь лингвистических терминов, используемых при морфологическом, синтаксическом и прагматическом анализе текста <http://www-01.sil.org/linguistics/glossaryoflinguisticterms>

Англо-испанский толковый словарь лингвистических терминов <https://babel-linguistics.com/wp-content/uploads/2013/08/Glossary-Linguistics.pdf>

Интернет-словарь лингвистической терминологии (греко-английский и англо-греческий) <http://users.uoi.gr/gjxydo/lexicon/glossary.html>

Специальные лингвистические словари:

Англо-немецкий глоссарий терминов и определений письменного и устного перевода <https://>

babel-linguistics.com/wp-content/uploads/2013/08/Glossary-Translation.pdf

Испано-французский глоссарий французского глагольного спряжения <https://bartoc.org/en/node/17703>

Словарь языков мира <https://www.termcat.cat/ca/diccionaris-en-linia/130>

Словари и терминологические ресурсы отдельных языков:

Среднефранцузский словарь <http://www.atilf.fr/dmf>

Валлийский национальный терминологический портал <http://termau.cymru>

Euskalterm Ресурс баскского центра терминологии и лексикографии <http://www.euskara.euskadi.net/r59-euskalte/eu/q91EusTermWar/kontsultaJSP/q91aAction.do>

Терминологический портал Люксембурга <https://data.legilux.public.lu/vocabulaires/legal-subject-theme>

Элементарный шумерский словарь <http://gizidda.altervista.org/ebooks/Daniel-Foxvog-SumerianGlossary.pdf>

Профессиональный словарь жестового языка. Алфавитный указатель понятий с рисунками и комментариями на немецком языке <http://www.sign-lang.uni-hamburg.de/projekte/plex/plex/lemmata/indizes/deutscha.htm>

Литературные словари:

Словарь поэтических терминов <http://www.poetryfoundation.org/learning/glossary-terms>

Словарь литературных терминов http://www.ohio.edu/people/hartleyg/ref./abrams_mh.pdf

Литературные термины и средства английского языка для языкового искусства <http://steinhardt.nyu.edu/metrocenter/resources/glossaries>

Испанская средневековая поэзия <http://vocabularios.caicyt.gov.ar/pmc>

В разделе представлены также несколько комплектов словарей:

Словари по эпиграфике проекта EAGLE <https://www.eagle-network.eu/resources/vocabularies/> материал — техника исполнения — тип надписи — тип объекта — украшение — критерии датировки — состояние сохранности

Термины Северной Кореи. Информация о терминах, используемых в реальной жизни в Северной Корее инструментов сравнения языков Южной и Северной Кореи <https://bartoc.org/en/node/20111>

Схемы классификации и таксономии

Это самый большой раздел филологических KOS базы данных BARTOC. Основные KOS данного типа – это классификации библиотек филологических факультетов ряда университетов, прежде всего германских. Перечень классификаций, имеющих в BARTOC, приводится ниже в сокращенном виде.

Рурский университет в Бохуме. Филологический факультет:

Скандинавские исследования http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/systematik_skand.pdf

Классическая филология http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/fachbib/philologie/systematik_klassphil.pdf

Славистика <http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/fachbib/philologie/systematik-slavistik.pdf>

Лингвистические исследования
http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/systematik_sprachl.pdf

Романистика http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/systematik_rom.pdf

Германистика <http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/syslin.pdf>

Нидерландские исследования <http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/sysnied.pdf>

Средневековая латынь <http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/sysmitte.pdf>

Компаративистика
http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/systematik_komp.pdf

Германистика, медиевистика
<http://www.ub.ruhr-uni-bochum.de/imperia/md/content/sysmed.pdf>

Главная библиотека Хельсинского университета (Kaisa House):

Финский язык <http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162850>

Финно-угроведение <http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162851>

Английский язык <http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162852>

Германские языки <http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162853>

Скандинавские языки
<http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162854>

Романские языки <http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162855>

Славянские и балтийские языки
<http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162856>

Общая лингвистика <http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1162857>

Классификация художественной литературы
<http://libraryguides.helsinki.fi/c.php?g=172710&p=1139240>

Университетская библиотека и Центр коммуникации, информации, медиа (КИМ) Университета Констанца:

немецкий язык и литературоведение <http://www.ub.uni-konstanz.de/fi/germanistik/bibliotheksbenutzung>

общее языкознание <https://www.kim.uni-konstanz.de/beratung-und-kurse/fachspezifische-informationen/fachinformation-allgemeine-sprachwissenschaft>

классическая филология <https://www.kim.uni-konstanz.de/beratung-und-kurse/fachspezifische-informationen/fachinformation-klassische-philologie-altertumswissenschaft>

англоведение / американистика
<https://www.kim.uni-konstanz.de/beratung-und-kurse/fachspezifische-informationen/fachinformation-amerikanistik-anglistik>

ближневосточные исследования
<https://www.kim.uni-konstanz.de/beratung-und-kurse/fachspezifische-informationen/fachinformation-orientalistik-sonstige-sprachen-und-literaturen>

другие языки и литературы
<https://www.kim.uni-konstanz.de/beratung-und-kurse/fachspezifische-informationen/fachinformation-orientalistik-sonstige-sprachen-und-literaturen>

коллекция книг на романских языках
<http://www.ub.uni-konstanz.de/de/fi/romanistik/bibliotheksbenutzung/buchaufstellung-romanistik>

славистика <http://www.ub.uni-konstanz.de/de/fi/slavistik/bibliotheksbenutzung/buchaufstellung-slavistik>

общее литературоведение
<http://www.ub.uni-konstanz.de/fileadmin/Dateien/Fachreferenten/Jochum/lit/lit-systematik.pdf>

Библиотека университета Иоганна Гутенберга в Майнце:

Иностранные европейские языки и литературы <http://www.ub.uni-mainz.de/gedruckte-bestaende-aussereuropaeische-sprachen-und-literaturen>

Африканистика http://www.ub.uni-mainz.de/files/2014/04/Systematik_Afrikanistik.pdf

Германистика

<http://www.ub.uni-mainz.de/germanistik>

Общее и сравнительное языкознание <http://www.ub.uni-mainz.de/allgemeine-und-vergleichende-sprachwissenschaft-avs>

Английский язык / американистика <http://www.ub.uni-mainz.de/anglistik-amerikanistik>

Классическая филология <http://www.ub.uni-mainz.de/klassische-philologie>

Славистика <http://www.ub.uni-mainz.de/slavistik>

Систематика африканской литературы http://www.ub.uni-mainz.de/files/2015/02/Systematik_JahnBibliothek.pdf

Систематика общего и сравнительного литературоведения

<http://www.ub.uni-mainz.de/allgemeine-und-vergleichende-literaturwissenschaft-avl>

Университетская библиотека Трира:

Общее языкознание и литературоведение
<https://www.uni-trier.de/index.php?id=4632>

Английский язык <https://www.uni-trier.de/index.php?id=4639>

Германистика <https://www.uni-trier.de/index.php?id=4820>

Лузитанистика <https://www.uni-trier.de/index.php?id=6487>

Классическая филология

<https://www.uni-trier.de/index.php?id=6510>

<https://www.uni-trier.de/index.php?id=6534>

Романские языки <https://www.uni-trier.de/index.php?id=6534>

Славистика

<https://www.uni-trier.de/index.php?id=6557>

Классификация кафедры английских и американских исследований Венского университета http://bibliothek.univie.ac.at/fb-anglistik/classification_2.html

Систематика языка и литературоведения Университетской библиотеки Кайзерслаутерна <http://www.ub.uni-kl.de/fileadmin/ub/pdf/Systematiken/SysLit.pdf>

Классификации других типов библиотек представлены ограниченно:

Систематика библиотеки музея Геллерт

<http://www.gellert-museum.de/index1024.php>

Классификация жанров молодежной литературы

<http://biblio.regione.vda.it/biblioteche-sbv/>

Aosta-Biblioteca-regionale/ragazzi/generi-narrativa-ragazzi

Жанровые и предметные рубрики Рабочей группы по редким книгам (AAD) <http://aad.gbv.de/empfehlung/gattung.htm>

К лингвистическим KOS относятся также несколько классификаций языков:

Австралийская стандартная классификация языков <http://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/Lookup/1267.0Main+Features12011?OpenDocument>

Классификация Глоттолога <http://glottolog.org/glottolog/family>

Таксономия арабских диалектов https://vocabs.dariah.eu/vicav_dialects_taxonomy

К данной тематике отнесены также классификации информационных ресурсов языковых центров университетов Оксфорда и Кембриджа:

<https://www.lang.ox.ac.uk/language-resources>

<https://www.langcen.cam.ac.uk/resources/resources-index.html>

Семантические сети, тезаурусы, онтологии

К данному типу относятся наиболее развитые в семантическом отношении филологические KOS.

Среди них широко известная большая лексическая база данных английского языка Word Net <https://wordnet.princeton.edu>, а также созданный на ее базе сервис Visu words <http://visuwords.com/>. Word Net является лексико-семантической сетью, хотя представлена в форме классического тезауруса.

К типу семантических сетей относится также *Concepticon* <https://concepticon.clld.org>. Эта KOS представляет собой попытку связать большое количество различных списков понятий, которые используются в лингвистической литературе, начиная от списков Сводеша в исторической лингвистике и заканчивая тестами на наименование в клинических исследованиях и психолингвистике.

Можно указать несколько KOS, построенных по принципу знаменитого тезауруса Роже, т.е. концептуально организованных словарей:

Тезаурус древнеанглийского языка

<http://oldenglishthesaurus.arts.gla.ac.uk>

Исторический тезаурус английского языка <http://historicalthesaurus.arts.gla.ac.uk>

Однако большинство KOS, отнесенных в БД BARTOC к тезаурусам, действительно предназначены для обычных информационно-библиотечных процессов. Для наглядности мы разделим их на лингвистические, литературные и общие филологические (языка и литературы).

Лингвистические тезаурусы:

Лингвистический тезаурус на финском, английском, эстонском и немецком языках, разработанный на базе тезауруса финского языка <http://kaino.kotus.fi/www/verkkojulkaisut/asiasanasto.html>

Лингвистический тезаурус, разработанный в колледже информационных исследований Мэрилендского университета <http://vocabularyserver.com/linguistic>

Тезаурус Американской ассоциации речи, языка и слуха (используется для организации информации в области аудиологии и патологии речи) <http://www.asha.org/thesaurus>

Канадский тезаурус грамотности <http://thesaurusalpha.org> (представляет собой двуязычный список стандартизированной лексики в области грамотности взрослого населения).

Тезаурус языка Гейла <https://www.gale.com/license/partners/taxonomies-and-vocabularies> (является подмножеством основного тезауруса гуманитарных наук Гейла, включает термины, относящиеся к письменности, лингвистике, отдельным языкам мира, грамматике, речи, знакам и символике, риторике, филологии, ономастологии (именованию), семантике и лексикологии).

Thesaulangue — инструмент для научного лингвистического индексирования Центра прямых научных коммуникаций <https://apps.atilf.fr/revues/thesaulangue.pdf>

Литературные тезаурусы:

Тезаурус художественной литературы <http://dompnier.nicolas.free.fr/Fiction/thesaurus/2003.pdf>

Литературный тезаурус Гейла <https://www.gale.com/license/partners/taxonomies-and-vocabularies>

Тезаурус Ассоциации современного языка <http://bartoc.org/en/node/140> (используется для стандартизации терминов, взятых из литературы, в настоящее время контролируется более 45 000 терминов и 327 000 названий).

Электронный словарь колумбийской литературы <http://ihlc.udea.edu.co/delc>

Тезаурус Гарри Поттера <http://www.angelfire.com/ks2/stasa/hpt/first.htm>

Словарь примеров для изучения литературы <http://dbgw.finlit.fi/asiasanastot/asiasanahaku.php>

Тезаурус Regus of the Empire литературной базы данных о Средневековье http://opac.regesta-imperii.de/lang_de/thesaurus.php

Филологические тезаурусы:

Тезаурус языка и литературы <http://doteine.uc3m.es/tesauros/lengua/index.php>

Тезаурус языка и литературы каталанской литературы <http://projectetraces.uab.cat/index.php/project/el-tesaurus>

Классических онтологий филологического направления в BARTOC представлено немного. Отметим среди них две финские онтологии, доступные через единый централизованный сервис Finto.fi:

Лингвистическая онтология <http://finto.fi/kto>

Онтология литературного исследования <http://finto.fi/kito>

Finto.fi это финский сервис для взаимодействия тезаурусов, онтологий и схем классификации для различных предметных областей, который можно использовать для просмотра словарей или интеграции словарей в другие АИС с помощью открытых API.

Еще в BARTOC представлены две литературные онтологии для различных АИС.

Онтология MiMoText <https://mimotext.uni-trier.de/english>. Онтология посвящена области истории литературы. Целью проекта MiMoText Интеллектуальный анализ и моделирование текста является создание информационной сети для гуманитарных наук, получаемой из различных источников, которая, делая ее доступной в виде связанных открытых данных, не только находится в свободном доступе и может быть связана с другими информационными ресурсами Semantic Web, но также предлагает инновационные и эффективные возможности доступа к научной информации.

Онтология для описания поэзии <http://www.purl.org/net/remetca>. Проект ReMetCa (Repertorio Digitalde Métrica Medieval Castellana) — первый онлайн-репертуар средневековой испанской метрики и поэзии. ReMetCa основана на сочетании традиционных метрических и поэтических исследований (шаблонов ритма и рифмы) с цифровыми гуманитарными технологиями с использованием TEI-XML.

Смежной по тематике, но отнесенной тем не менее в BARTOC к литературе, является *Онтология историй* <http://www.contextus.net/stories>. Она была разработана в сотрудничестве с BBC с целью создания онтологии для повествований в широком смысле. Онтология историй построена на часто используемых онтологиях событий и временной шкалы, что обеспечивает совместимость со многими существующими наборами данных и позволяет при необходимости использовать расширенные онтологии.

Уникальные лингвистические KOS.

Ниже описываются несколько уникальных KOS, представленных в BARTOC, которые сложно отнести к перечисленным типам.

Самостоятельный вид лингвистической KOS представляет ресурс *DatCatInfo*, который также известен под другими названиями (ISOCAT, ISO 12620, DATCAT, Data Category Registry) <https://datcatinfo.net>. Это репозиторий категорий данных. Категории данных — это спецификации метаданных, которые используются в различных типах языковых ресурсов, включая терминологические базы данных, лексические ресурсы, схемы лингвистических аннотаций, память переводов и многое другое.

К этому ресурсу функционально примыкает *Словарь для аннотирования словарных описаний* <http://purl.org/vocab/vann>. Это развитая система метаданных для широкого класса цифровых словарей.

Комплексная KOS разработана для лингвистической БД *BLL*; она представлена в виде связанных открытых данных <https://data.linguistik.de/en>. Эта KOS включает:

BLL-Тезаурус представляет исходный тезаурус в формате SKOS, преобразованный полностью автоматизированным способом.

BLL-Онтология основана на *BLL-тезаурусе*: представление SKOS было пересмотрено вручную, переоценено и реконструировано.

BLL-Index связывает библиографические записи *BLL* с соответствующими терминами индекса. *BLL-Index* включает только библиографические записи, находящиеся в свободном доступе (в данном случае применяется 10-летняя граница).

OLIA-BLL-Link представляет собой онтологию, которая реализует подкласс отношений между *BLL-онтологией* и эталонной моделью *OLIA*.

BLL-Language-Link содержит ссылки между *BLL-онтологией* и языковыми идентификаторами, предоставляемыми *Lexvo* и *Глоттологией*, а также ссылки между *BLL-онтологией* и *RHOIBLE* концептами, обозначающими фонологические признаки.

Лексическая модель для онтологий <https://www.w3.org/2016/05/ontolex>. Цель лексической модели для онтологий (*lemon*) — предоставить обширную лингвистическую базу для онтологий, создаваемых на платформе *Semantic Web*. Модель включает представление морфологических и синтаксических свойств лексических записей, а также

синтаксис-семантический интерфейс, то есть значение этих лексических записей по отношению к онтологии. Эта модель является основным результатом работы группы сообщества *Ontology Lexicon* (*Ontolex*) в рамках консорциума *W3C*.

Наиболее общим и распространенным инструментом представления KOS в рамках платформы *Semantic Web* является *Простая система организации знаний* (*SKOS* <https://www.w3.org/TR/skos-reference>), также разработанная в консорциуме *W3C*. Используя *SKOS*, понятия могут быть идентифицированы с помощью *URI*, помечены лексическими строками на одном или нескольких естественных языках, им могут быть присвоены обозначения (лексические коды), задокументированы различными типами примечаний, связаны с другими понятиями и организованы в неформальные иерархии и ассоциативные сети, объединены в концептуальные схемы, сгруппированы в помеченные и/или упорядоченные коллекции и сопоставлены с понятиями в других схемах.

Российские филологические KOS

Выше мы указывали, что в БД *BARTOC* почти не представлены российские филологические KOS. Здесь мы постараемся отчасти восполнить этот пробел. При этом чисто лингвистические российские KOS достаточно подробно описаны в [5], поэтому мы далее остановимся на общефилологических и литературных KOS. Особенности информационных систем и ресурсов, относящихся к цифровой филологии, достаточно детально рассмотрены в [6].

Одним из наиболее перспективных способов организации филологических ресурсов являются *семантические издания*. «Семантическое издание — это представление текста в виде связанных данных. Для этого текст должен быть размечен, т. е. его элементам приписана информация об их значении в виде организованных меток в машиночитаемом формате» [7, с. 250]. Подробно проблемы и перспективы семантических изданий рассмотрены в цит. работе [7].

Наиболее популярным инструментом для представления знаний при обработке текстов в историко-филологических исследованиях является стандарт семантической разметки *TEI* (*Text Encoding Initiative*, <https://tei-c.org>). Актуальная версия руководства *TEI* по семантической разметке представлена в [8]. Основные проекты российских семантических изданий, получивших известность, выполнены по методологии *TEI* с участием исследователей из Высшей школы экономики. Это проекты *Tolstoy Digital* (<https://tolstoy>.

ru/projects/tolstoy-digital) и Chekhov Digital (<https://chekhov-digital.sfedu.ru>). Описание этих проектов можно найти в работах [9]; [10].

Также в контексте семантических изданий развивается проект электронной библиотеки «Академические собрания сочинений» Института русской литературы РАН (<https://russian-literature.org>). Описание проекта см. в [11].

Среди российских филологических ресурсов следует отметить проект, который называется *Сравнительная поэтика и сравнительное литературоведение* (СПСЛ (<https://cpcl.info>)). Проект СПСЛ реализуется Институтом мировой культуры МГУ и коллективом разработчиков электронных библиотек, возглавляемым К.В. Вигурским. Научный руководитель проекта — И.А. Пильщиков [6].

Всю информацию представляют четыре взаимосвязанных раздела (подсистемы):

1) корпус параллельных текстов, в котором представлены русские стихотворные переводы с французского, итальянского, испанского и португальского, их оригиналы и переводы-посредники;

2) цифровая Библиотека комментированных изданий поэтических переводов и их оригиналов, а также книг и статей по сравнительной поэтике;

3) энциклопедия (систематизированные библиографические сведения о поэтах, переводчиках и исследователях-компаративистах);

4) тезаурус (структурированный глоссарий, который содержит термины, встречающиеся в научной литературе, описывает их значение и приводит примеры употребления).

Перспективность СПСЛ определяется прежде всего ее комплексным характером, включающим KOS различной структуры и назначения по одной филологической дисциплине — компаративному литературоведению и поэтике.

Другие российские филологические KOS представлены в разнообразных филологических сайтах и порталах, относящиеся к различным типам ресурсов:

- Архивные коллекции
- Библиографии
- Видеокolleкции
- ГИС, геоданные
- Коллекции изображений
- Корпуса
- Литературные БД

Мультимедийные коллекции

Памятники, рукописи

Перечни лиц

Периодика

Персональные коллекции

Порталы

Поэтика

Сайты проектов

Тематические коллекции

Учебные ресурсы

Фольклорные коллекции

Хронология

Электронные библиотеки

Энциклопедии

Всего российских филологических ресурсов перечисленных типов известно несколько сотен. Их примеры приводятся в работе [12]. Подробный анализ этих KOS выходит за пределы данной статьи, ограничимся одним примером.

В известном российском ресурсе *Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор* (ФЭБ, <https://feb-web.ru/>) представлена классификация информационных объектов по нескольким основаниям. Основное содержание ФЭБ представляется в электронных научных изданиях (ЭНИ), каждое из которых посвящено отдельному автору (Пушкин, Лермонтов, ...), жанру (былины, песни, ...) или произведению («Слово о полку Игореве», ...). Таких ЭНИ в ФЭБ несколько десятков.

Другие разделы ФЭБ организованы по иным основаниям классификации:

По эпохе (XI–XVII вв. | XVIII в. | XIX в. | XX в.)

Personalia (Классики русской филологии)

История русской литературы (Известия АН, | Российский Архив Труды Отдела древнерусской литературы, Периодика, Литературное наследство)

Справочные разделы (Наука, Словари, энциклопедии, конкордансы, каталог ссылок)

Указатели: (Авторы, Произведения)

Библиографическая база данных

Таким образом KOS ФЭБ представляет собой уникальную многоуровневую и многоаспектную классификацию различных объектов информационного пространства литературы и литературоведения.

Заключение

Анализ разнородного характера филологических KOS и быстрый рост количества филологических ресурсов, доступных в Интернете, приводит к мысли о необходимости мониторинга KOS и их унифицированного представления. Конечной перспективной целью этого мониторинга должно стать единое информационное пространство по языку и литературе на основе российских филологических ресурсов.

Эту задачу отчасти решает создание репозитория филологических ресурсов, предпринятое в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Его описание имеется в [13]. В рамках этого репозитория производится унификация метаданных филологических ресурсов, особенно в виде наборов данных, и проверка валидности (качества) этих ресурсов. К сожалению, деятельность этого репозитория охватывает пока лишь небольшую часть ресурсов этого направления.

Поэтому было бы полезно создать и регулярно поддерживать регистр российских филологических KOS, аналогичный базе данных BARTOC. Такой регистр мог бы существенно облегчить создание новых информационных ресурсов и повысить их потенциальную совместимость. Этот регистр должен также включать международные стандарты в этой сфере. Регистр российских филологических KOS должен составить важную и полезную часть инфраструктуры российского информационного пространства языка и литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Encyclopedia of Knowledge Organization. Knowledge organization system (KOS) by Fulvio Mazzocchi. [Электронный ресурс]: <https://www.isko.org/cyclo/kos>
2. Hodge G. Systems of Knowledge Organization for Digital Libraries: Beyond Traditional Authority Files. Washington, DC: Council on Library and Information Resources, 2000. [Электронный ресурс]: 01.06.2023 <http://www.clir.org/pubs/reports/pub91/contents.html>
3. Souza R.R., Tudhope D., Almeida M.B. Towards a Taxonomy of KOS: Dimensions for Classifying Knowledge Organization Systems // Knowledge Organization 39. 2012. No. 3, pp. 179–192.
4. Антопольский А.Б. Метаданные лингвистических ресурсов: история и современное состояние // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022 Т. 81. № 1. С. 21–36. <https://doi.org/10.31857/S160578800018917-4>
5. Антопольский А.Б. Лингвистические информационные ресурсы: монография / ИНИОН РАН, Фундам. б-ка; науч. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2022. 464 с.
6. Пильщиков И.А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities: Интервью и дискуссии (2015–2011) / общ ред. и сост. В.С. Полиловой. М.: Изд-во Московского университета, 2022. 190 [2] с.
7. Гронас М., Орехов Б. Что такое семантическое издание и почему в будущем все издания станут семантическими. [Электронный ресурс]: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/307083240.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).
8. TEI. Руководящие принципы для электронного кодирования текста и обмена. [Электронный ресурс]: <https://tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/index.html> (дата обращения: 01.06.2023).
9. Семантическое издание текстов Л.Н. Толстого: от текста к онтологии / Бонч-Осмоловская А., Колбасов М., Орехов Б., Павлова И., Скоринкин Д.М., 2018. [Электронный ресурс]: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/307083397.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).
10. Северина Е.М., Ларионова М.Ч. Новые филологические практики: семантическое издание текстов А.П. Чехова // Филология: научные исследования. 2020. № 10. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-filologicheskie-praktiki-semanticheskoe-izdanie-tekstov-a-p-chehova> (дата обращения: 27.05.2023).
11. Гуськов С.Н. Академические собрания: новый сетевой инструмент филологических исследований / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) // Единое цифровое пространство научных знаний: проблемы и решения : сборник научных трудов / Под ред. Каленова Н.Е., Сотникова А.Н. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 503 с. <https://doi.org/10.23681/610687>
12. Антопольский А.Б. Филологические информационные ресурсы в контексте цифровой гуманитаристики: опыт анализа. НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 2023. № 8. С. 23–31. <https://doi.org/10.36535/0548-0027-2023-08-3>
13. Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору / Под общей редакцией: Маслинский К.А. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023.

REFERENCES

1. Encyclopedia of Knowledge Organization. Knowledge organization system (KOS) by Fulvio Mazzocchi. URL: <https://www.isko.org/cyclo/kos>
2. Hodge, Gail. Systems of Knowledge Organization for Digital Libraries: Beyond Traditional Authority Files.

- Washington, DC: Council on Library and Information Resources, 2000. URL: <http://www.clir.org/pubs/reports/pub91/contents.html> (date of application: June 1, 2023).
3. Souza, Renato Rocha, Tudhope, Douglas and Almeida, Mauricio B. Towards a Taxonomy of KOS: Dimensions for Classifying Knowledge Organization Systems. *Knowledge Organization* 39. 2012, No. 3, pp. 179–192.
 4. Antopolsky, A.B. *Metadannye lingvisticheskikh resursov: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Metadata of Linguistic Resources: History and Current State]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 21–36. <https://doi.org/10.31857/S160578800018917-4> (In Russ.)
 5. Antopolsky, A.B. *Lingvisticheskie informacionnye resursy : monografiya. INION RAN, Fundam. b-ka; nauch. red. D.V. Efremenko* [Linguistic Information Resources: Monograph. INION RAS, Scientific Ed. by D.V. Efremenko]. Moscow: INION RAS Publ., 2022. 464 p. (In Russ.)
 6. Pilshchikov, I.A. *Sem besed o filologii i Digital Humanities: Intervyu i diskussii (2015–2011); obshch red. i sost. V.S. Polilovoj* [Seven Conversations about Philology and Digital Humanities: Interviews and Discussions (2015–2011); General Ed. and Comp. V.S. Polilova]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2022. 190 [2] p. (In Russ.)
 7. Gronas, M., Orekhov, B. *Chto takoe semanticheskoe izdanie i pochemu v budushchem vse izdaniya stanut semanticheskimi* [What is a Semantic Edition and Why All Editions will Become Semantic in the Future]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/307083240.pdf> (date of application: June 1, 2023). (In Russ.)
 8. TEI. *Rukovodyashchie principy dlya elektronnoy kodirovaniya teksta i obmena* [TEI. Guidelines for Electronic Text Encoding and Exchange]. URL: <https://tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/index.html> (date of application: June 1, 2023). (In Russ.)
 9. Bonch-Osmolovskaya, A., Kolbasov, M., Orekhov, B., Pavlova, I., Skorinkin, D. *Semanticheskoe izdanie tekstov L.N. Tolstogo: ot teksta k ontologii* [Semantic Edition of Texts by L.N. Tolstoy: From Text to Ontology]. Moscow, 2018. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/307083397.pdf> (date of application: June 01, 2023). (In Russ.)
 10. Severina, E.M., Larionova, M.Ch. *Novye filologicheskie praktiki: semanticheskoe izdanie tekstov A.P. Chekhova* [New Philological Practices: Semantic Edition of Texts by A.P. Chekhov]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research]. 2020, No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-filologicheskie-praktiki-semanticheskoe-izdanie-tekstov-a-p-chekhova> (date of application: May 27, 2023). (In Russ.)
 11. Guskov, S.N. *Akademicheskie sobraniya: novyy setevoy instrument filologicheskikh issledovaniy / IRLI RAN (Pushkinskiy Dom)* [Academic Collections: A New Network Tool for Philological Research. IRLI RAS (Pushkin House)]. *Edinoe cifrovoye prostranstvo nauchnykh znaniy: problemy i resheniya : sbornik nauchnykh trudov, pod red. Kalenova N.E., Sotnikova A.N* [Unified Digital Space of Scientific Knowledge: Problems and Solutions: Collection of Scientific Papers, ed. Kalenov, N.E., Sotnikov, A.N.]. Moscow, Berlin: Directmedia Publishing, 2021. 503 p. <https://doi.org/10.23681/610687> (In Russ.)
 12. Antopolsky, A.B. *Filologicheskie informacionnye resursy v kontekste cifrovoy gumanitaristiki: opyt analiza* [Philological Information Resources in the Context of Digital Humanities: The Experience of Analysis]. *NTI. Ser. 2. Inform. processy i sistemy* [NTI. Ser. 2 Inform. Processes and Systems]. 2023 No. 8, pp. 23–31 <https://doi.org/10.36535/0548-0027-2023-08-3> (In Russ.)
 13. *Repozitorij otkrytykh dannykh po russkoj literature i folkloru. Pod obshchej redakciej: Maslinskiy K.A.* [Repository of Open Data on Russian Literature and Folklore. Under the General Editorship: Maslinsky, K.A.]. St. Petersburg: Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 18 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on March 18, 2024

Revised on July 18, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050042

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои»

© 2024 г. О. А. Богданова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

Резюме. На материале знакового романа Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018) в статье рассмотрены модификации «усадебного топоса» в русской литературе XX – начала XXI в., среди которых традиционные для отечественной классики коннотации (усадебный мир как *рай на земле* и *территория любви и семьи*; усадьба как *гетеротопия*; усадьба как *универсалия*), качества, возникшие в литературе советского периода (усадебный мир как *убежище*; бывшая владельческая усадьба как *общественное достояние*; усадьба как *Китеж*; усадьба как *локус теургического творчества*), а также впервые выявленные вариации (усадебный мир как *Ноев Ковчег*; усадьба как *евразийский феномен*; усадьба как «Уход в Лес»). Особое внимание уделено российской усадьбе XX в. как *евразийскому феномену*, появление которого в романе обусловлено ролью реки Волги, связующей судьбы нескольких народов: русских, немцев, татар, «киргизов» и др., – что открывает возможности для понимания усадьбы как элемента самостоятельной «евразийской цивилизации». Научная новизна – и в рассмотрении таких аспектов *универсальности* «усадебного топоса», как интернациональный характер хутора Гримм, мировая всеобщность феномена усадьбы в XX в., обращение к фольклору (немецким сказкам с их архетипической глубиной, равно присущей народам Востока и Запада). В связи с последним аспектом выявлены семантико-семиотические пласты, восходящие к биографии и творчеству И.В. Гёте, а также В.Я. Проппа. Важная часть исследования – усадьба как *локус творчества* в актуальном для XX в. *теургическом ключе*, что позволяет глубже понять природу социалистического реализма в СССР. Наконец, на материале русской и немецкой литературы XIX–XXI вв. начата разработка инновационной темы *усадебный мир и лес*. Используются тезаурусный, контекстуальный, мифопоэтический и биографический методы. Выводы статьи получены с учетом уже существующих научно-исследовательских результатов по освещаемым вопросам.

Ключевые слова: литература XX–XXI вв., Г.Ш. Яхина, осмысление советского периода, «усадебный топос» и его модификации, усадьба как евразийский феномен, усадьба как убежище, тюрьма и Ноев ковчег, усадьба как локус творчества, усадьба как универсалия, В.Я. Пропп и «морфология сказки», усадьба и лес.

Для цитирования: Богданова О.А. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 53–63. DOI: 10.31857/S1605788024050042

“We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...”: the Estate World in G. Sh. Yakhina’s Novel “My Children”

© 2024 Olga A. Bogdanova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature

of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

Abstract. Based on the material of G.Sh. Yakhina's landmark novel "My Children" (2018), the article considers modifications of the "estatetopos" in the Russian literature of the 20th – early 21st century, among which are the connotations traditional for Russian classics (the estate as a *paradise on earth* and *the territory of love and family*; the estate as a *heterotopia*; the estate as a *universal*), qualities that arose in the literature of the Soviet period (the estate as a *refuge*; the former owner's estate as a *public domain*; the estate as *Kitezh*; the estate as a *locus of theurgic creativity*), as well as the first identified variations (the estate as *Noah's Ark*; the estate as a *Eurasian phenomenon*; the estate as "Going into the Forest"). Special attention is paid to the Russian estate of the 20th century as a *Eurasian phenomenon*, the appearance of which in the novel is due to the role of the river Volga, which connects the destinies of several peoples: Russians, Germans, Tatars, "Kirghiz", etc.; this opens up opportunities for understanding the estate as an element of an independent "Eurasian civilization". Scientific novelty is also in considering such aspects of the universality of the "estatetopos" as the international character of the Grimm farm, the global universality of the estate phenomenon in the 20th century and an appeal to folklore (German fairy tales with their archetypal depth, equally inherent to the peoples of the East and West). In connection with the latter aspect, semantic and semiotic layers have been identified, dating back to the biography and work of I.V. Goethe, V.Ya. Propp. An important part of the study is the estate as a *locus of creativity in a theurgic way* relevant to the 20th century, which allows a deeper understanding of the nature of socialist realism in the USSR. Finally, based on the material of Russian and German literature of the 19th–21st centuries, the development of the innovative theme of *the estate and the forest* has begun. Thesaurus, contextual, mythopoetic and biographical methods were used. The conclusions of the article are obtained taking into account the already existing research results on the issues covered.

Key words: literature of the 20th–21st centuries, G.Sh. Yakhina, understanding of the Soviet period, "estate-topos" and its modifications, estate as a *Eurasian phenomenon*, estate as a *refuge*, *prison* and *Noah's Ark*, estate as a *locus of creativity*, estate as a *universal*, V.Ya. Propp and "morphology of fairy tales", *estate and forest*.

For citation: Bogdanova, O.A. "My rozhdeny, chtob skazku sdelat' bylyu..." : usadebnyj mir v romane G.Sh. Yakhinoy "Deti moi" ["We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...": the Estate World in G.Sh. Yakhina's Novel "My Children"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 53–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050042

В заглавие статьи вынесены первые строки опубликованного в СССР в 1923 г. «Марша авиаторов», во многом ставшие девизом раннесоветского времени. Эпоха 1920–1930-х годов – предмет художественного осмысления в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018), написанного в русле магического реализма, где реальность смешана с фантастикой и сказочные мотивы пронизывают все повествование.

В многочисленных интервью сама писательница указала на то, что, несмотря на выраженный национальный колорит – речь в романе идет о трагической истории поволжских немцев в XX в., – на первый план выдвинуты «общечеловеческие вопросы» (см.: [1]): рассказывая о российском немце, текст одновременно должен говорить «просто о человеке» (см.: [2]). Таким образом, Яхина задает масштабность своей художественной картины: «Мне хотелось поговорить о более общих вещах для нашей страны, <...> рассказать о советской сказке, которая <...> сбылась не так, как хотелось» (см.: [3]). При этом она отметила,

что, работая над романом, «начитала» гораздо больше того, что непосредственно отразилось в ее тексте (см.: [3]).

В самом деле, основная тема романа – «самостояние маленького человека в споре с Большой Историей» [4] – притягивает не только российско-советскую, но и европейскую словесность первой половины XX в., прежде всего немецкую. Писательница сознательно стремилась создать «многослойное полотно: чтобы текст работал на разных уровнях» (см.: [5]), погрузив своих героев в широкий многовековой культурный контекст: «Культура, в которой мы вырастаем, становится нашими очками – именно через них мы смотрим на мир. Шульмейстер Бах вырос в немецкой культуре, и потому он наблюдает вокруг реалии раннего советского времени – образование пионерии, раскулачивание, коллективизацию, – а видит в происходящем сюжеты германских сказок, во всем узнает знакомые архетипы и мифологические образы <...>» (см.: [5]).

Справедливую мысль о «культурной предопределенности личности» (см.: [5]) можно распространить и на самого автора. Роман «Дети мои» — произведение русской литературы, в советское время получившей более широкий диапазон. Мы имеем в виду включение в ее состав этнически нерусских писателей, сохранявших ментальность своих народов в единстве многонациональной страны, скрепленном русской культурой, — таких как Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Отар Чиладзе, Ион Друцэ и др. С одной стороны, Гузель Яхина — татарка, заявившая о своих национально-культурных корнях в предыдущем романе «Зулейха открывает глаза» (2015); с другой — волжанка, воспринимающая Волгу как главную артерию своей судьбы и все народы, живущие вдоль великой реки (в том числе поволжских немцев, татар и русских), — как близкие и родственные¹; наконец, она писательница общероссийского масштаба, виртуозно владеющая русским языком, на котором и пишет свои произведения, буквально пронизанные токами русской литературы XIX–XX вв. Важнейшая силовая линия, проходящая через все произведение Яхиной, — усадебная топика и мифология. Отнюдь не случайно, что сюжетно-композиционным центром «Детей моих», посвященных судьбе небольшого поволжского народа в раннесоветскую эпоху, стала уединенная владельческая усадьба — хутор Grimm, — на территории которой разворачивается практически все романное действие. Попробуем осмыслить этот факт.

В первую очередь отметим, что, вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг., «усадебный топос» под прессом катастрофических событий начала XX в. и затем в условиях СССР не был уничтожен в своих основах, а перешел в новые, непривычные формы: усадьбу-музей, усадьбу-дачу, усадьбу — художественную коммуну, усадьбу-экономию, усадьбу-лабораторию, усадьбу-колонию, усадьбу-школу, усадьбу — санаторий или больницу, усадьбу — дом отдыха или дом творчества, город-сад и т.д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. В разных формах он присутствует в произведениях писателей советского периода — как облащенных властью, так и оппозиционных (Ф.В. Гладкова, А.П. Платонова, А.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского,

И.А. Новикова, М.М. Пришвина, Г.И. Серебряковой, А.И. Солженицына, С.Д. Довлатова и мн. др.), — доказывая, что литература СССР, со всеми ее трагическими особенностями, — органическая часть русской культуры.

В романе «Дети мои» можно выявить сразу несколько модификаций «усадебного топоса», которые распадаются на три группы. В первую входят традиционные для русской классики XIX — начала XX в. коннотации: усадьба как *рай на земле* и *территория любви (семьи)*; усадьба как *гетеротопия*; усадьба как *универсалия*. Вторая группа объединяет в себе качества, появившиеся в литературе советского периода: усадьба как *убежище*; бывшая владельческая усадьба как *общественное достояние*; усадьба как *Китеж*; усадьба как *локус высокого трагического творчества* (подробнее см.: [6]; [7]). Третья группа модификаций «усадебного топоса» в романе Яхиной впечатляет своей новизной и оригинальностью: усадьба как *Ноев Ковчег*; усадьба как *евразийский феномен*; *теургический вектор усадьбы*; усадьба как *«Уход в Лес»*. Таким образом, в литературоведческом усадебоведении открываются инновационные темы исследований, остро актуальные в современную эпоху. В настоящей статье мы коснемся лишь некоторых из них, в первую очередь включенных в третью группу модификаций «усадебного топоса» в романе Яхиной, а также взаимосвязанных с ними вариаций.

Итак, уединенный хутор Grimm стоит в дубовом лесу, немного поодаль от кромки волжского берега, противоположного тому, где находится поселок-колония Гнаденталь. Его границей становятся края большой поляны, а не искусственная ограда. Строения: старый, основательный, могучий жилой дом, амбары, навесы, хлев, ледник, колодезный сруб, — а также огород и большой яблоневый сад с тщательно побеленными стволами, составляют своеобразный симбиоз отшельнического скита, «лесного дома» из немецких волшебных сказок и русской мелкопоместной дворянской усадьбы. Сказочный колорит, восходящий к фольклорному сборнику братьев Я. и В. Grimm (1812–1815), преобладает уже при первом посещении хутора поселковым учителем Якобом Бахом: кухня со старинной утварью, в гостиной ломящийся от яств огромный стол, за которым хозяин — настоящий «Ослингий великан из древней *саксонской* легенды»² [8, с. 36]. При этом ест Удо Grimm *по-татарски* (руками, без приборов), на столе у него греется *русский*

¹ Ср.: «...весь этот роман можно назвать объяснением в любви к Волге. Потому что Волга — это полноценный персонаж книги» (см.: [1]).

² Здесь и далее в цитатах курсив мой. — О.Б.

самовар, а у всех работников в усадьбе — «суровые монгольские лица» (см.: [8, с. 37–40]). Так сразу же задается единство самой что ни на есть западной Европы (немецкой) и самой настоящей дальней Азии (казахской, киргизской) на русской земле, в усадьбе, которая тем самым становится *национальным фронтиром*³ и одновременно *евразийским феноменом*, соединяющим в своем пространстве евро-азиатские потоки.

Особенно ярко это проявится в дальнейшем течении романа, в родственном усадебном детстве немецкой девочки Анче и «киргизского» мальчика Васьки. При этом важно, что оба они — россияне, дети соединенных Волгой российских народов. Так, например, у немцев-колонистов «с детства воспитано в теле чувство большой реки» как «бессловесная любовь к родине» [8, с. 185–186], которой давно уже стала не далекая Германия, а приютившая их Россия. Со своей стороны, беспризорный мальчик Васька, в частых странствиях всегда державшийся берегов Волги как своей защитницы и кормилицы, одинаково бегло говорит на языках всех волжских народов: русском, башкирском, татарском, калмыцком, — а на хуторе Гримм быстро впитывает в себя язык высокой немецкой поэзии. Многонациональное российское единство также проявляется во внешнем облике усадебного «отшельника» Якоба Баха: этнический *немец*, он там «бороду русскую отпустил, косицу *киргизскую*» [8, с. 172].

Указанная черта «усадебного топоса» в романе «Дети мои» не является отличительным признаком советской эпохи: на имперских окраинах России (в Сибири, в Средней Азии, на дальнем Востоке, на Кавказе и т.д.) русские усадьбы задолго до революций XX в. существовали в условиях смешанной национальной среды (в частности, на границе башкирских степей в Оренбургской и Уфимской губерниях развивалась «усадебная культура» Аксаковых, Тимашевых и др.). Однако этот аспект русской (российской) литературно-усадебной топики не то что не изучен — в настоящей статье мы *впервые* обращаем на него внимание.

Новаторство романа «Дети мои» состоит в том, что *национальный фронт* представлен здесь в особом ракурсе — как *евразийский феномен*, что получило актуальность именно в советский период с его усилившейся миграционной активностью

³ О русской усадьбе как *социальном фронтире* см.: [10]. Характерно, что в советскую эпоху социальный контраст в изображении усадебной жизни теряет свою актуальность. В усадьбе трудятся сами хозяева, что показано уже в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1945–1955) (см.: [7]).

между европейской и азиатской частями страны. Кроме того, именно с 1920-х годов, во многом как результат осознания советского опыта, в русской эмиграции развивается философия евразийства, видящая своеобразие России в сочетании европейской и азиатской историко-культурных парадигм (Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и др.). Таким образом, открывается возможность для понимания русской усадьбы как элемента самостоятельной «евразийской цивилизации» (см.: [9]).

В социальном аспекте в советскую эпоху произошла трансформация *владельческой усадьбы* в *общественное достояние*. У Яхиной этот переход показан как обветшание, одряхление старого хутора еще при жизни там Баха, после отъезда его любимых детей. Кроме того, изолированная от возможностей «*большого мира*» [8, с. 224] частная усадьба становится своего рода *тюрьмой* сначала для Клара, спрятанной отцом, как царевна в сказочной башне в лесу, а затем для ее дочери Анче, разлученной со сверстниками и не умеющей говорить чуть ли не до 7 лет. В то же время усадьба выступает *убежищем* от опасностей «*безумного большого мира*» [8, с. 289] в те страшные годы, когда и Гнаденталь, и окрестные селения с городами были разорены войнами, голодом, непродуманными общественными экспериментами. Здесь же всегда приветливо светились окна с занавесками, на подоконниках темнели старинные подсвечники, а в комнатах — чугунные подставки под лучины, манили стулья с резными спинками и соломенные кресла, теплела кафельная печь, красовались вязаные саше на стенах и успокаивал своей твердостью земляной пол, аккуратно посыпанный песком (см.: [8, с. 86]). Стабильность и защищенность обусловили возможность «детского рая» Анче и Васьки в течение нескольких лет; однако по мере их взросления *убежище* все больше напоминало *тюрьму*, и при первой возможности подростки добровольно покинули хутор ради широкой, погруженной в общественные интересы жизни в Покровске⁴.

Усадьба в романе Яхиной символически исчерпала свой *владельческий ресурс* и стала хиреть вместе с оставшимся в одиночестве хозяином, часто думавшим: «Добрый спутник, товарищ и друг — старый хутор — как будет он жить без Баха?» [8, с. 450]. И решение пришло: усадьба переоборудуется в детский дом, вновь становится нужной, ухоженной, наполняется живыми голосами. Здесь отражен общий процесс реформирования в

⁴ До 1931 г. так назывался г. Энгельс в Саратовской обл.

первые советские десятилетия бывших владельческих усадеб в общественные учреждения: школы, музеи, колонии, больницы, санатории и т.д. Несмотря на новые функции, они сохраняли лучшие черты «усадебной культуры» и передавали их последующим поколениям, как это случилось с прибывшимся к хутору Гримм маленьким беспризорником Васькой, а затем, по-видимому, и с обитателями учрежденного в усадьбе детского дома.

Культурная же значимость усадьбы в раннесоветские годы намного превышает социальную. Во-первых, в романе усадьба неоднократно сравнивается с кораблем: «...весь этот хутор, <...> давший защиту от бездушного и безумного *большого мира* <...> плыл кораблем — по поляне, по лесу и саду, по Волге, по миру» [8, с. 338]. А водворение 9-летнего Васьки как полноправного члена маленькой семьи окончательно превращает «уединенный хутор», до которого не долетает «прочая» жизнь, в подобие *Ноева Ковчега*: «он плыл <...> не нуждаясь более в берегах» [8, с. 397]. Как известно, библейская семантика Ноева Ковчега в том, что оттуда после Всемирного потопа вышли на берег спасенные дети обновленного человечества, призванные дать начало лучшему роду. Таким образом, усадьба, воспитавшая свободных и раскрепощенных, счастливых и гуманных, нравственных и образованных Анче и Ваську, выполнила (и в качестве детского дома продолжала выполнять) миссию по очищению и обновлению человечества, по сохранению того лучшего, что было им достигнуто.

Еще одно свойство «усадебного топоса» в романе Яхиной — *универсальность*. Вспомним, что в современной науке о литературе топосы — это «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики и несущие устойчивые смысловые значения» [11, с. 15, 55]. По Э. Курциусу, «всеприсутствие в европейской литературе топосов» (см.: [12, с. 264]) свидетельствует о ее единстве. В свою очередь, «усадебный топос» русской литературы, помимо отчетливых черт «национальной аксиоматики» (см.: [13, с. 248]), является и культурной универсалией, доказательству чего посвящены компаративные исследования в рамках книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» (см. выпуски 2, 5, 7)⁵.

⁵ Научная книжная серия «Русская усадьба в мировом контексте» URL: <http://litasadba.imli.ru/bookseries> (дата обращения: 02.02.2024).

Универсальность усадебной топики в «Детях моих» выражена в интернациональном характере хутора Гримм, о чем говорилось выше. Знаково и название, которое присваивает Бах устроеному в его усадьбе детскому дому — «имени Третьего Интернационала» [8, с. 452], чем маркируется мировая всеобщность феномена усадьбы в XX в. Третий Интернационал, или Коминтерн (1919–1943) отличался от первых двух отказом от национальных предпочтений во время исторических потрясений (войн, революций, стихийных бедствий), чем и вызвал в конце 1930-х годов репрессии в свой адрес со стороны советских властей, изменивших политический курс с мировой революцией на национально ориентированное построение социализма в одной стране. С этим поворотом во многом связана и трагическая судьба немецкого коммуниста-утописта Гофмана, мечтавшего с помощью «замены сказочного фонда» [8, с. 195] переформатировать сознание трудящихся масс в Гнадентале, сгладив его национально-фольклорное своеобразие. Именно Гофману принадлежит наименование детского дома, данное Бахом в память о погибшем «ученике».

В связи с обращением к фольклору возникает и более глубокое понимание универсальности «усадебного топоса» в романе Яхиной: ведь пронизывающая все описания хутора сказочная образность восходит к «бродячим» сюжетам, мотивам и функциям, о которых писали знаменитые собиратели и исследователи народных сказок братья Гримм, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп и др. Так, отношение к сказкам самих «великих братьев», на творчество которых в первую очередь опирается современная российская писательница, «по сути космополитическое», «как к продукту в основе своей интернациональному: не случайно в названии, которое они дали своему изданию, отсутствует слово “немецкие”» [14, с. 1030]. В XIX в. сказки братьев Гримм органично вошли в русскую литературу благодаря переводами переложениям В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и др., а также оглядке на них в сборнике «Народные русские сказки» Афанасьева (1855–1863).

Интерес к жанру сказки на рубеже XVIII–XIX вв. у И.В. Гёте, Ф. Шиллера, Новалиса и др. (все они входят в круг чтения гнадентальского учителя Баха) был связан со становлением в немецкой культуре понятия «народ» и желанием постичь «незамутненное сознание нации», уходящее корнями в универсальный, общий для всех этносов земли прамиф (см.: [14, с. 1005–1009]).

С этим пониманием связано рождение у Гёте в 1810–1820-е годы концепции «мировой литературы» как исторического единства художественного процесса в странах Востока и Запада. Неслучайно сам Гёте, помимо основанных на немецком фольклоре баллад и драм, написал и «Западно-восточный диван» (1819), и «Китайско-немецкие времена года и дня» (1827). Вообще творчество великого немецкого поэта имеет первостепенное значение для Яхиной — потомственной преподавательницы немецкого языка и литературы: сам выбор имени главной героини первого романа писательницы «Зулейха открывает глаза», возможно, восходит к гётевской Зулейке из «Западно-восточного дивана»; в «Детях моих» упоминания, аллюзии и реминисценции из Гёте пронизывают весь текст. С томиком его стихов Якоб Бах практически не расстается. Поэтому неудивительно, что странная любовь скромного шульмейстера к прогулкам в открытом поле во время грозы находит объяснение в гётевской «Песне странника в бурю» (1772) из лирики периода «Бури и натиска», а также в его мемуарах «Из моей жизни. Поэзия и правда» (1810–1831) (см.: [15, с. 439]). Еще на заре романа с Кларой Бах читает ей на хуторе трагические баллады Гёте и Шиллера, «выросшие из жестоких сказок и мрачных легенд» [8, с. 62] и будто предопределившие горестную судьбу девушки. На полях томика Гёте они ведут тайную от отца Клары любовную переписку. Потеряв Клару и став отцом Анче, затем Васьки, герой не расстается с потрепанной книжкой ни в саду, ни в лесу, ни на берегу реки, вечерами вместе со своими детьми слушает любимые стихи на граммофоне, а перед арестом, обустроив усадьбу для детского дома, ставит на специально выстроенную книжную полку тот самый томик Гёте...

Однако в наибольшей степени сказочный универсализм связывается с «усадебным топосом» раннесоветского времени благодаря фигуре замечательного ученого-фольклориста В.Я. Проппа, в романе Яхиной не упомянутого, но с очевидностью подразумеваемого (вспомним ее слова о том, что не все «начитанное» отразилось в тексте). Перечислим ряд совпадений. Начнем с того, что Пропп по происхождению поволжский немец, как и герой романа, а также практически его ровесник — человек советской эпохи. Он автор знаменитых книг «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946), в незнании которых трудно заподозрить писательницу, много страниц посвятившую анализу сказочного творчества своих героев Баха и Гофмана. В первой из названных книг Пропп впервые исследовал структуру волшебных сказок

на материале сборника Афанасьева, придя к выводу об однотипности их строения в фольклоре народов мира. Во второй монографии автор стремился «выяснить источники волшебных сказок в исторической действительности» [16, с. 4], в итоге найдя их в обрядово-мифологическом прошлом народов и придя к выводу о том, что «сказка интернациональна, и мотивы ее также в значительной степени интернациональны» [16, с. 21]. Изученное Проппом «всемирное сходство фольклорных сюжетов» [16, с. 316] легко прочитывается в романе «Дети мои»: уход героя в лес (имеется в виду эпизод волшебного блуждания Баха по дубовой роще вокруг хутора Гримм, когда он думает отказаться от уроков Кларе), пройденное там испытание и пережитая «временная смерть» (Бах чуть не утонул среди волшебного плавающих дупел, веток, пней, белок и куниц, троп, валунов и т.п.) дают ему право на вступление в брак с дочерью «царя», заточившего свое дитя в «лесной башне». Таким образом, Бах проходит обряд инициации, женится на Кларе благодаря устранению «враждебного тестя» (Удо Гримма), наследует его имущество и сам становится «царем-магом», от которого зависит «благополучие полей и стад» [16, с. 290] окрестных жителей (вспомним о житнетворческом, теургическом потенциале сказок, сочиняемых Бахом в усадьбе).

Пропп подробно разбирает на интернациональном сказочном материале и такие присутствующие в романе «Дети мои» мотивы, как «дом в лесу» (хутор Гримм), «накрытый стол» (трапеза Удо Гримма), «рождение ребенка» (Анче, в обстоятельствах зачатия которой от коллективного отца видны следы архаического промискуитета) (см.: [16, с. 101–102]), «красавица в гробу» (тело Клары в усадебном леднике), «волшебные предметы» («томик Гёте» и «утиная перина»), «переправа» (через Волгу из усадьбы в поселок Гнаденталь и обратно) и др. (см.: [16, с. 331–333]). При этом Бах замечает, что судьбы окружающих людей во многом складываются по лекалам, прочерченным в архетипических сюжетах сказок: так, например, участь Клары предопределена в старинной немецкой сказке «Дева Малейн», в начале XIX в. литературно обработанной братьями Гримм, а в первой трети XX в. переделанной самим Бахом в «Сказание о Деве-узнице».

Но роль Проппа в романе Яхиной этим не исчерпывается. Важна и биография ученого, отец которого Якоб (тезка героя Яхиной) родился в немецкой колонии Гуссенбах (усеченное название которой повторяется в фамилии героя Яхиной), или Линево Озеро, на берегу Волги

недалеко от Саратова (параллель с вымышленным Гнаденталем Яхиной). Живя в Петербурге, в 1908 г. он купил недалеко от родного поселка землю, на которой построил усадьбу с просторным домом и большим яблоневым садом; соседи и родственники называли ее «хутор Пропп» (в «Детях моих» изображен «хутор Гримм»). Теперь большая семья каждое лето проводила в своем поместье, а после Февральской революции 1917 г. переселилась туда насовсем. Таким образом, в первое десятилетие советской власти (1917–1929) семейство Пропп проживало во владельческой усадьбе (как и Бах с Кларой на хуторе Гримм), что не было тогда уникальным случаем и предполагало «своеобразное окрестничество помещиков», лишившихся работников и слуг, при частичном сохранении «традиционного уклада жизни» (см.: [17, с. 234, 236]). «За это время Владимир Яковлевич был в отцовском имении несколько раз. В конце 1918 г. навестил больного отца, в марте 1919 г. приехал на похороны Якова Филипповича, остался здесь, работал на земле вместе со своими родственниками, устроился школьным учителем за 70 километров в деревне Голый Карамыш (Бах в романе “Дети мои” тоже школьный учитель. — О.Б.). <...> В 1929 г. летним отпуском прибыл с тем, чтобы уговорить мать <...> продать или сократить хозяйство» [18, с. 176–177].

Сам Пропп посвятил своей любимой поволжской усадьбе немало страниц в незаконченной автобиографической повести «Древо жизни» (1932). Привлекает внимание ряд совпадений с романом «Дети мои»: пол в жилом доме усадьбы «был <...> посыпанный песком»; автобиографический герой часто бывал «за рекой, через которую отправлялся на челноке, научившись грести одним веслом с плеча» (см.: [19, с. 65]); страшный эпизод со вспоротым животом беременной зайчихи (см.: [19, с. 69]) перекликается с кошмарным изображением нерожденных телят в романе Яхиной; круг чтения пропповского героя на хуторе аналогичен баховскому: Брентано, Тик, Новалис, Гердер, Лессинг, Шиллер, Гёте...; то же относится к ежедневному «писательскому зуду» обоих персонажей (см.: [19, с. 70–72]); вечерами на хуторах читались книги и слушался граммофон; наконец, особое значение придавалось окружающему «безмолвию» и цветущему белому яблоневому саду: герой Проппа «тонул в этих яблонях, <...> в этом цветущем царстве, корни которого уходили в прятную землю» [19, с. 143, 147], а для персонажа современного романа садовые яблоки не только «райские» плоды, но и главный символ здоровья, жизненной силы, вечной молодости, восходящий к волшебнo-сказочным мотивам братьев Гримм,

Шиллера и Пушкина⁶. Стволы яблонь в саду Баха всегда тщательно побелены, а уход за ними он считает одним из главных дел своей жизни: «...все было — не зря. Сказки, которые писал. Дети, которых растил. Яблоки, которые выращивал...» [8, с. 432].

В последней фразе героя Яхиной прочитывается еще одна важная функция усадьбы в России XX в. — *локус творчества*. Действительно, маленький хутор Гримм становится в романе местом упоительных вдохновений, глубинных озарений и житнетворческой силы искусства. О том, что в «деревне», в сельской усадьбе «слышнее голос лирный» и «живее творческие сны» [20, с. 27], писал еще автор «Евгения Онегина» (1823–1831). Однако большой литературный дар посещает Баха именно в годину бедствий, после слома традиционного хода усадебной жизни: пережитого ограбления и насилия, потери любимой женщины, необходимости в одиночку растить младенца, — и одновременно в момент беспощадного исторического вызова в стране и мире. Тем не менее здесь нет новаторского открытия. Аналогичная ситуация воссоздана в романе Пастернака «Доктор Живаго», обращенного к той же эпохе в истории России. В разоренной уральской усадьбе, где в конце Гражданской войны Юрий Андреевич поселяется вместе с Ларой и ее ребенком, героя поднимает на небывалую высоту волна религиозно-поэтического творчества, в результате чего Варыкино «приобретает значение мирового духовно-творческого центра» [7, с. 18]. Так и усадебный «отшельник» Якоб Бах каждый вечер писал сказки, в которых воплощалась глубинная, архетипическая основа народного мирозерцания. В итоге был создан корпус литературных сказок на основе фольклорных схем, усвоенных в общении с Кларой: на «народный сюжет в наивном Кларином изложении, — простой и емкий, как глиняный горшок», Бах накладывал «свои мотивы и образы, запахи и звуки, чувства и страсти» [8, с. 224]. Сказки наполняли его силой и жизненной энергией, одновременно становясь источником для преобразования внешней, окружающей действительности. Бах стал замечать, что написанные им сказки сбываются, поэтому «писал тщательно, кропотливо подбирая слова и выискивая самые звонкие эпитеты, самые яркие метафоры». В Гнаденталь стал ездить ежедневно: «едва окончив свежий текст, мчался через Волгу — проверить всходы пшеницы и ржи, подсолнечника и кукурузы, убедиться в сочности скошенного сена, справиться о привесах молодняка в звероферме, оценить яйценоскость кур и рыбный

⁶ Ср.: «Белоснежка и семь гномов» братьев Гримм, «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Пушкина, драма «Вильгельм Телль» Шиллера.

улов» [8, с. 250–251]. Мы видим, что усадьба, как locus истинного, бытийно-мифологически обусловленного творчества, становится в романе Яхиной чуть ли не сокровенным сердцем советской ойкумены, эпицентром жизненности. И снова — параллель с Пастернаком, воспевавшим «и творчество, и чудотворство» в усадьбе советского времени [21, с. 1239].

Однако сбываются не только счастливые, но и печальные сюжеты сказок Баха, передающие неизбывный трагизм человеческого существования на земле. И вообразивший себя демиургом бывший учитель, вслед за Гофманом впитавший изрядную долю самонадеянного утопизма, находит единственный «способ *исправить жизнь*: писать *о добром*» [8, с. 295], исключительно о добром. Встретив сопротивление сказочного материала («в любой сказке непременно возникали злые и мятежные силы — <...> они и запускали сюжет. В любой сказке <...> вставали в полный рост человеческие пороки и слабости, вершились преступления, случались крушения и катастрофы. В любой сказке дышала смерть» [8, с. 296]), Бах стал писать «*другое*», вымывая «*все темное, злое и негодное* — оставляя *только счастливое и радостное*» [8, с. 297]. Не в этом ли слабость пресловутого социалистического реализма (как раз в 1930-е годы теоретически сформулированного в СССР) как утопического, выхолащенного искусства с перебитыми онтологическими корнями? Так Бах самолично, из лучших побуждений обескровливал собственный творческий потенциал.

Новые «благостные» сказки Баха отвергнуты Гофманом, сотрудничество героев прекращается (раньше Гофман добавлял к сказкам Баха идеологически выдержанные концовки, подписывал их комбинированным именем селькора Гобаха и отправлял для публикации в газету «Волжский курьер»), и вскоре разражается уже реальная непоправимая катастрофа: бунт жителей Гнаденталя против обременительных советских порядков, жестокая расправа с активистами и утопление Гофмана в водах Волги... «Советская сказка» «сбылась не так, как хотелось»: утопические «фальшивые» яблоки [8, с. 432] неизбежно вступали в конфликт с онтологической глубиной и трагической сущностью мироздания, явленными в древних народных сказках. В художественном мире романа «Дети мои» настоящие сказки, как и настоящие яблоки, сохранялись лишь на хуторе Гримм. И еще — в толстой книге «Сказки советских немцев», выдержавшей начиная с 1933 г. пять изданий, — в ней были перепечатаны все произведения «селькора Гобаха». Самая известная сказка сборника «Дева-узница» была поставлена в 50 театрах СССР, включая Саратов, Москву и Ленинград (см.: [8, с. 486]). Так

лучшие плоды «усадебной культуры» с забытого волжского хутора духовно питали в советские десятилетия миллионы людей по всей стране.

Рассмотрим следующий аспект «усадебного топоса» в романе Яхиной — *усадьба и лес*. Номинально эта тема присутствовала в европейской литературе еще в творчестве Шиллера («Разбойники», 1781), Гёте («Гец фон Берлихинген», 1774), Пушкина («Дубровский», 1833), А.Н. Островского («Лес», 1871), П.И. Мельникова-Печерского («В лесах», 1875) и др., однако новая философско-мировоззренческая семантика была ей придана в русской и немецкой литературе лишь в первой половине XX в., в связи с революциями и двумя мировыми войнами. Теперь главная опасность для отдельного человека стала исходить от разросшегося, плохо управляемого, непредсказуемого социума, а природа, в том числе лес, все больше воспринималась в свете эскапизма, экзистенциальной подлинности и онтологической устойчивости. Исторические катаклизмы начала XX в., тотальная индустриализация и эскалация массового общества с его обезличиванием в 1920–1930-е годы обусловили философский поворот к субъектности, архетипически укорененной в природе, фольклоре и мифе. Одним из «сюжетов спасения» личности в ее бытийных основах стал в эти десятилетия метафорический «уход в лес» (см.: [22, с. 18]).

В русской литературе родственная связь усадьбы и леса впервые заявлена в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» (1896). В 1920–1950-е годы заданное направление в той или иной степени было продолжено М.М. Пришвиным («Кашеева цепь», 1927–1954), К.Г. Паустовским («Повесть о лесах», 1948), Л.М. Леоновым («Русский лес», 1953), Б.Л. Пастернаком («Доктор Живаго», 1945–1955) и др. Аналогичное течение наблюдалось в немецкой словесности (Т. Манн «Волшебная гора», 1924; М. Хайдеггер «Проселок», 1949; Э. Юнгер «Уход в лес», 1951; и др.). Так, например, судьбоносные философские диспуты в знаменитом романе Манна наполняют залы и террасы «санаторской усадьбы» «Берггоф» [23, с. 310], затерянной посреди альпийских горных склонов, покрытых нескончаемыми хвойными и лиственными лесами.

В автобиографическом эссе Хайдеггера «Проселок» также встречаем созвучия с современным русским романом. По наблюдению А.В. Михайловского, «*немецкий лес* — то место, откуда берет начало философствование Хайдеггера», сам же философ «прочитывает истину как <...> просвет в *лесу*» [24, с. 115]. Хайдеггеровский проселок начинается от ворот дворцового сада (парка) и бежит через луга и поля к лесу, чтобы потом возвратиться

домой. «Порой в глубине леса под ударами топора падал дуб, и тогда отец <...> пускался в путь напрямик через чащобу <...>, чтобы заполучить для своей мастерской причитающийся ему штер древесины» в перерывах от «службы при башенных часах и колоколах» [25, с. 391]. Обратившись к роману «Дети мои», вспомним и старый дубовый лес вокруг хутора Grimm, и обязанность Баха трижды в день звонить на пришкольной башне в колокол. Концовка же хайдеггеровского текста, посвященная наступившей тишине, говорит о тех, «кто безвременно принесен в жертву в двух мировых войнах» [25, с. 394]. Судьба многих российских немцев, безвинно выселенных из родного Поволжья в исправительно-трудовые лагеря Казахстана, позволяет применить эти слова и к ним...

Э. Юнгер свое известное эссе-манифест «Уход в лес» — о «силе одиночки, окруженного неразличимыми массами» [26, с. 26], — написал во многом под впечатлением визита в лесную хижину Хайдеггера в горах Шварцвальда в 1948 г. Понимание «Леса» как территории спасения личности от уничтожения «пропагандой» и «насилием» [26, с. 54] переходит у Юнгера в идею «сопротивления»: «Ушедший в Лес <...> — это тот, кто, <...> сопротивляясь автоматизму, отказывается принимать его этическое следствие, то есть фатализм» [26, с. 40]. Эти слова можно отнести к Якобу Баху, герою романа «Дети мои», которого партийный начальник Гофман, первый читатель его сказок, восхищенно называл «философом» [8, с. 192]. Более того, Юнгер выдвигает в связи с призывом к «Уходу в Лес» знакомые нам по произведению Яхиной концепты «Страх» как «симптома нашего времени», «Корабля» как подвижного общего крова в условиях враждебной стихии, «мифа» как «вневременной реальности, возвращающейся в историю» (см.: [26, с. 43, 52–53]). «Корабль» и «Лес», по Юнгеру, это «временное» и «вневременное бытие» [26, с. 57]. Находим у Юнгера и архетипическую коннотацию «Леса» как места инициации, локуса «временной смерти», столь отчетливо выраженной в романе Яхиной: «...уход в Лес есть в первую очередь уход в смерть. Он ведет <...> через нее. Лес раскроется как сокровищница жизни в своей сверхъестественной полноте, если удастся пересечь эту линию» [26, с. 78]. Наконец, немецкий писатель говорит о «Лесе» как о «месте слов» [26, с. 141, 143], т.е. литературного творчества, благодаря тому, что здесь у человека происходит «встреча с собственным “Я”, <...> сущностью, которая питает все временные и индивидуальные явления» и способствует «изгнанию страха» [26, с. 124]. Убеждает и проведенная Юнгером аналогия между мироощущением ряда русских и

немцев в середине XX в.: «...они обладают схожим опытом. Уход в Лес и для русского является центральной проблемой. Как большевик он пребывает на Корабле, как русский — он в Лесу» [26, с. 62].

Оговоримся сразу, что *усадьба и лес* в литературе XX–XXI вв. новая, совсем неразработанная тема, требующая большого самостоятельного исследования, которое впереди. В настоящей статье мы лишь обозначили ее содержание и границы исходя из ретроспективы, открывшейся при осмыслении романа Яхиной «Дети мои». В самом деле, как уже было сказано, хутор Grimm расположен на безлюдном берегу Волги, где простирается «бесконечный дремучий лес» [8, с. 78], на большой поляне без ограды, по сути составляя с лесом одно целое; жители усадьбы постоянно взаимодействуют с ним, занимаясь заготовкой дров, поиском материала для изделий, бортничеством, сбором грибов и ягод и т.п. Кроме того, хутор может быть трактован как сказочно-мифологический «дом в лесу» по классификации Проппа, место инициации героя, а сам окружающий дубовый лес — как сказочный: «Тропинки, что водят кругами! Тающие деревья!» [8, с. 51]. С исторической точки зрения, усадьба находится на монастырской земле, специально приобретенной в девственном, не тронутом человеком лесу как субституте рая в средневековой Руси (подробнее см.: [27, с. 60–61]).

Завершая анализ ряда черт «усадебного топоса» в романе «Дети мои», отметим многослойную сложность этого произведения, широту охвата исторического материала, глубину культурного слоя, зачерпнутого автором. Действительно, относительно короткий советский период в тысячелетней жизни России, судьбы советских людей — представителей нескольких народов (русских, поволжских немцев, татар, казахов), усадьбы советской эпохи в их своеобразии и новой значимости — включены писательницей в протяженный контекст мировой истории и мировой литературы, а еще — непостижимой тайны бытия, лежащей в основе всех проявлений человеческой воли. Думается, в этом и есть причина захватывающего интереса и неподдельно волнующего впечатления при чтении современного романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Славущий А.* Гузель Яхина: «Дети мои» — роман о молчащем поколении: интервью с Гузель Яхиной. [Электронный ресурс]: <https://dzen.ru/a/YaumBeEiXETznKFM> (дата обращения: 31.01.2024).
2. *Лашева М.* «Хотелось поговорить о молчащем поколении»: интервью с Г.Ш. Яхиной // *Огонек*. 2018. № 21. С. 36.

3. Подлыжняк Н. Гузель Яхина: «Дети мои» — разговор о советской истории и молчащем поколении. [Электронный ресурс]: <https://mnogobukv.hse.ru/news/221111443.html> (дата обращения: 31.01.2024).
4. Басинский П. Гузель Яхина выпустила новую книгу. [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (дата обращения: 31.01.2024).
5. Кострова В. Интервью с Гузелью Яхиной. Апрель 2018 года. [Электронный ресурс]: https://book-hall.ru/event/Guzel_SHamilevna_YAkhina (дата обращения: 31.01.2024).
6. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
7. Богданова О.А. Усадьба и провинция в русской литературе XX века: семиотика, топика, динамика // *Mundo Eslavo*. № 22 (2023). С. 15–28.
8. Яхина Г.Ш. Дети мои: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 493 с.
9. Основы евразийства: сб. М.: Арктогея центр, 2002. 800 с.
10. Богданова О.А. Усадьба, столица и провинция в романе Александра Потёмкина «Человек отменяется» (2007) // *Enthymema*. XXVIII. 2021. С. 51–64.
11. Булгакова А.А. Топика в литературном процессе: учебное пособие. Гродно: ГрГУ, 2008. 106 с.
12. Махов А.Е. Топос // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. М.: Intrada — Изд-во Кулагиной, 2004. С. 264–266.
13. Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
14. Дмитриева Е.Е. Великие братья и великие сказки // *Гримм Я., Гримм В. Детские и домашние сказки: в 2 кн. Кн. 2*. М.: Ладомир: Наука, 2020. С. 993–1056.
15. Гёте И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда // *Гёте И.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3*. М.: Худож. лит., 1976. С. 9–718.
16. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
17. Полякова М.А. Усадьба и ее владельцы после 1917 года: документы и воспоминания // *Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 22 (38)*. СПб.: Коло, 2017. С. 230–240.
18. Бочкарева Л.И. Владимир Яковлевич Пропп и его любимое Линево // *Стрежень: научный ежегодник*. Волгоград, 2009. Т. 7. С. 169–185.
19. Пропп В.Я. Древо жизни. Автобиографическая повесть // *Неизвестный В.Я. Пропп / сост., предисл. А.Н. Мартыновой*. СПб.: Алетейя, 2002. С. 25–159.
20. Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Т. 5*. Л.: Наука, 1978. С. 8–185.
21. Пастернак Б.Л. Август: стихотворение // *Пастернак Б.Л. Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе*. М.: Альфа-книга, 2017. С. 1238–1239.
22. Кнорре Е.Ю. «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // *Вопросы философии*. 2023. № 11. С. 16–22.
23. Манн Т. Волшебная гора: роман / пер. с нем. В. Станевич, В. Куреллы. М.: АСТ, 2019. 896 с.
24. Михайловский А.В. Мартин Хайдеггер — философ на лесной тропе // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2009. № 2 (6). С. 112–121.
25. Хайдеггер М. Проселок // *Хайдеггер М. Исток художественного творения: избр. работы разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова*. М.: Академический проект, 2008. С. 391–394.
26. Юнгер Э. Уход в Лес / пер. нем. А. Климентова; под общей ред. А.В. Михайловского. М.: AdMarginem, 2020. 148 с.
27. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 3-е. М.: Соilasie: Новости, 1998. 356 с.

REFERENCES

1. Slavutskiy, A. *Guzel Iakhina: "Deti moi" — roman o molchashchem pokolenii: intervui s Guzel Iakhinnoi* [Guzel Yakhina: "My Children" — a Novel about the Silent Generation: An Interview with Guzel Yakhina]. URL: <https://dzen.ru/a/YaymBeEiXETznKFM> (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
2. Lashcheva, M. "Khotelos' pogovoriti' o molchashchem pokolenii": intervui s G.Sh. Iakhinnoi ["I Wanted to Talk about the Silent Generation": Interview with G.Sh. Yakhina]. *Ogonek* [The Light]. 2018, No. 21, p. 36. (In Russ.)
3. Podlyzhniak, N. *Guzel Iakhina: "Deti moi" — razgovor o sovetskoj istorii i molchashchem pokolenii* [Guzel Yakhina: "My Children" — a Conversation about Soviet History and the Silent Generation]. URL: <https://mnogobukv.hse.ru/news/221111443.html> (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
4. Basinskiy, P. *Guzel Iakhina vypustila novuiu knigu* [Guzel Yakhina Has Released a New Book]. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
5. Kostrova, V. *Intervui s Guzeliiu Iakhinnoi. Aprel 2018 goda* [Interview with Guzel Yakhina. April 2018]. URL: https://book-hall.ru/event/Guzel_SHamilevna_YAkhina (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
6. Bogdanova, O.A. *Usadba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: monografiia* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology: Monograph]. Moscow: IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (Series "Russian Estate in a Global Context", issue 1). (In Russ.)

7. Bogdanova, O.A. *Usadba i provintsii v russkoi literature XX veka: semiotika, topika, dinamika* [Estate and Province in Russian Literature of the 20th Century: Semiotics, Topic, Dynamics]. *Mundo Eslavo*. 2023, No. 22, pp. 15–28. (In Russ.)
8. Iakhina, G.Sh. *Deti moi: roman* ["My Children": a Novel]. Moscow, AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2018. 493 p. (In Russ.)
9. *Osnovy evraziizstva: sb.* [Fundamentals of Eurasianism: Collection of Articles and Materials]. Moscow: Arktogetia tsentr Publ., 2002. 800 p. (In Russ.)
10. Bogdanova, O.A. *Usadba, stolitsa i provintsii v romane Aleksandra Potemkina "Chelovek otmeniaetsia" (2007)* [Estate, Capital and Province in Alexander Potemkin's Novel "The Man is Canceled" (2007)]. *Enthymema*. 2021, XXVIII, pp. 51–64. (In Russ.)
11. Bulgakova, A.A. *Topika v literaturnom protsesse: uchebnoe posobie* [Topics in the Literary Process: A Textbook]. Grodno: GrGU Publ., 2008. 106 p. (In Russ.)
12. Makhov, A.E. *Topos. Poetika: slovar aktualnykh terminov i poniatii* [Poetics: a Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Intrada – Izd-vo Kulaginoi Publ., 2004, pp. 264–266. (In Russ.)
13. Panchenko, A.M. *Topika i kulturnaia distantsiia* [Topic and Cultural Distance]. *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical Poetics. Results and Prospects of the Study]. Moscow: Nauka Publ., 1986, pp. 236–250. (In Russ.)
14. Dmitrieva, E.E. *Velikie bratia i velikie skazki* [Great Brothers and Great Fairy Tales]. *Grimm Ia., Grimm V. Detskie i domashnie skazki: v 2 kn. Kn. 2* [Grimm Ya., Grimm V. Children's and Home Fairy Tales: in 2 Books. Book 2]. Moscow: Ladomir: Nauka Publ., 2020, pp. 993–1056. (In Russ.)
15. Goete, I.W. *Iz moei zhizni. Poeziia i pravda* [From My Life. Poetry and Truth]. Goete, I.W. *Sobr. soch.: v 10 t. T. 3* [Works in 10 Vols., Vol. 3]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1976, pp. 9–718. (In Russ.)
16. Propp, V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
17. Poliakova, M.A. *Usadba i ee vladeltsy posle 1917 goda: dokumenty i vospominaniia* [The Estate and Its Owners after 1917: Documents and Memoirs]. *Russkaia usadba: sb. OIRU* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Issue 22 (38). St. Petersburg: Kolo Publ., 2017, pp. 230–240. (In Russ.)
18. Bochkareva, L.I. *Vladimir Iakovlevich Propp i ego liubimoe Linevo* [Vladimir Yakovlevich Propp and his Favorite Linevo]. *Strezhen: nauchny iezhegodnik* [Strezen: Scientific Yearbook]. Volgograd, 2009, Vol. 7, pp. 169–185. (In Russ.)
19. Propp, V.Ia. *Drevo zhizni. Avtobiograficheskaia povest* [The Tree of life. An Autobiographical Novel]. *Neizvestnyi V.Ia. Propp* [Unknown V.Ya. Propp], ed. by A.N. Martynova. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2002, pp. 25–159. (In Russ.)
20. Pushkin, A.S. *Evgeniy Onegin: roman v stikhakh* [Eugene Onegin: a Novel in Verse]. Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works in 10 Vols.]. Ed. 4, Vol. 5. Leningrad: Nauka Publ., 1978, pp. 8–185. (In Russ.)
21. Pasternak, B.L. *Av gust: stikhotvorenie* [August: a Poem]. Pasternak, B.L. *Poln. sobr. poeziiiprozy v odnom tome* [Complete Works in 1 Vol.]. Moscow: Alfa-kniga Publ., 2017, pp. 1238–1239. (In Russ.)
22. Knorre, E.Iu. *"Ushedshii v Les" v poiskakh "kladovoi solntsa": filosofii spaseniia Mikhaila Prishvina* ["Gone into the Forest" in Search of the "Storeroom of the Sun": Mikhail Prishvin's Philosophy of Salvation]. *Voprosy filosofii* [Topics in the Study of Philosophy]. 2023, No. 11, pp. 16–22. (In Russ.)
23. Mann, T. *Volshebnaia gora: roman* [The Magic Mountain: a Novel]. Transl. from German by V. Stanevich, V. Kurelly. Moscow: AST Publ., 2019. 896 p. (In Russ.)
24. Mikhailovskiy, A.V. *Martin Khaidegger – filosof na lesnoi trope* [Martin Heidegger – Philosopher on the Forest Trail]. *Vestnik Samarskoi humanitarnoi akademii. Seriya "Filosofia. Filologiya"* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The Series "Philosophy. Philology"]. 2009, No. 2 (6), pp. 112–121. (In Russ.)
25. Heidegger, M. *Proselok* [Country Road]. Heidegger, M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniia: izbr. raboty raznykh let* [The Source of Artistic Creation: Selected Works from Different Years]. Transl. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2008, pp. 391–394. (In Russ.)
26. Junger, E. *Ukhod v Les* [Going to the Forest]. Transl. from German by A. Klimentov, ed. by A.V. Mikhailovskiy. Moscow: Ad Marginem Publ., 2020. 148 p. (In Russ.)
27. Likhachev, D.S. *Poeziia sadov. K semantike sadovoparkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens. On the Semantics of Landscape Gardening Styles. Garden as a Text]. Ed. 3. Moscow: Soglasie: Novosti Publ., 1998. 356 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 1 мая 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 июля 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
 Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on May 1, 2024
 Revised on July 14, 2024
 Accepted on August 15, 2024
 Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050053

Возможности цифрового комментирования произведений русской классики (на примере рассказа И. А. Бунина «На даче»)

© 2024 г. Е. Р. Пономарев

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
eponomarev@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается вопрос о новых принципах представления вариантов текста и научного комментария в цифровых изданиях русской классики. В качестве примера выбран ранний рассказ И.А. Бунина «На даче», представляющий собой попытку осмыслить толстовство как идейное, культурное и общественное явление, насыщенный обобщающе-символическими деталями и требующий обширного комментария. Первая часть статьи посвящена возможностям цифрового представления вариантов текста. Внесено несколько предложений: предусмотреть возможность просмотра вариантов текста как всех вместе, так и по отдельности; показывать варианты как прямо в тексте, так и рядом с основным текстом; разделить варианты на значимые (меняющие смыслы произведения) и незначительные и показывать их как по отдельности, так и все вместе. Во второй части статьи выстраивается модель цифрового комментария к рассказу «На даче», организованного ступенчато (система открывающихся друг за другом окон) по облачно-семантическому принципу. Комментарий, по сравнению с традиционным книжным форматом, существенно расширяется: он вбирает в себя визуальную и звуковую информацию, а также широкий культурный контекст (что особенно важно в рассказах культурологического плана — таких как «На даче»). Комментарий нового типа учитывает различие исследовательских задач, которые может ставить перед собой научный читатель, а также различную подготовку потенциального читателя. Кроме того, цифровой комментарий открыт для внесения изменений: в случае появления новых научных фактов, статьи комментария могут быть дополнены. Представленная в статье модель комментария не претендует на полноту и обязательность, автор приглашает к диалогу всех заинтересованных исследователей.

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Ключевые слова: цифровые издания русской классики, цифровой комментарий, научное комментирование литературного текста, И.А. Бунин, «На даче».

Для цитирования: Пономарев Е.Р. Возможности цифрового комментирования произведений русской классики (на примере рассказа И.А. Бунина «На даче») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 64–72. DOI: 10.31857/S1605788024050053

Possibilities of Digital Commenting on Works of Russian classics (On the Example of Ivan Bunin's Story "At the Dacha")

© 2024 Evgeny R. Ponomarev

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature

of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia
eponomarev@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of new principles for presenting text variants and academic commentary in digital editions of Russian classics. As an example, an early story by I.A. Bunin “At the Dacha” was chosen, for this story is an attempt to comprehend Tolstoyism as an ideological, cultural and social phenomenon, it is rich in generalizing and symbolic details and requires extensive commentary. The first part of the article is devoted to the possibilities of digital representation of text variants. Several proposals were made: to provide the ability to view text variants both together and separately; show the text variants both directly in the text and next to the main text; divide the variants into significant (changing the meaning of the work) and minor ones and show them both separately and all together. In the second part of the article, a model of digital commentary to the story “At the Dacha” is built, organized in stages (a system of windows opening one after another) according to cloud-semantic criteria. The commentary, compared to the traditional book format, expands significantly: it incorporates visual and audio information, as well as a broad cultural context (which is especially important in cultural stories such as “At the Dacha”). This type of commentary takes into account the different research questions that a research reader may have, as well as the different backgrounds of the potential readers. In addition, the digital commentary is open to changes: if new facts appear, the commentary articles can be supplemented. The commentary model presented in the article does not claim to be complete or binding; the author invites all interested researchers to dialogue.

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) “Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries.”

Key words: digital editions of Russian classics, digital commentary, research commentary on literary text, I.A. Bunin, At the Dacha.

For citation: Ponomarev, E.R. *Vozmozhnosti cifrovogo kommentirovaniia proizvedenii russkoi klassiki (na primere rasskaza I.A. Bunina “Na dache”* [Possibilities of Digital Commenting on works of Russian Classics (On the Example of Ivan Bunin’s Story “At the Dacha”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 64–72. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050053

Цифровые издания русской классики только начинают воплощаться в жизнь. Впрочем, филологическое сообщество уже располагает целым рядом значительных разработок: см., напр., проекты www.pushkin-digital.ru; (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН), <http://proj.slovo.isu.ru/chehov> (Санкт-Петербургский государственный университет), представляющих собой цифровые издания отдельных произведений А.С. Пушкина и А.П. Чехова, или проект <https://tolstoy.ru/projects/tolstoydigital> (совместная работа Государственного музея Л.Н. Толстого и НИУ «Высшая школа экономики» при участии компании ABBYY), занимающийся переводом в цифровой формат Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. Новый проект Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, посвященный разработке принципов цифровых изданий не только русской, но и мировой классики, на этом фоне отличает глобальность и универсальность. Впервые поставлена задача выстроить систему цифровых научных изданий (авторов разных эпох, с совершенно разной поэтикой, на разных языках) на едином электронном портале, руководствуясь едиными эдичионными принципами.

Очевидно, что цифровое издание предоставляет значительно больше возможностей для разворачивания (и усложнения) научного аппарата: во-первых, подачи редакций и вариантов, во-вторых, комментариев. Разработчики указанных выше проектов неоднократно задумывались над этим вопросом, как и над самой философией цифровых стратегий в литературоведении [1]. В настоящей статье речь пойдет о более конкретных вещах — возможностях интерфейса раздела «варианты», а также цифрового научного комментария на примере одного из ранних рассказов И.А. Бунина «На даче» (авторская дата: 1895; первая публикация: 1897). Этот рассказ выбран не случайно: он требует подробнейшего комментирования, поскольку Бунин закодировал в нем своеобразную энциклопедию толстовства (на примере хорошо известной ему жизни толстовцев Полтавы) середины 1890-х годов. Что касается вариантов текста, то, с одной стороны — их довольно много. Как всегда у Бунина, почти каждое переиздание рассказа вызывает некоторые сокращения «лишнего», с точки зрения постоянно эволюционировавшего автора [2], материала. Это правка не имеет принципиального

значения — важного для прочтения смыслов произведения. С другой стороны, текст этого рассказа имеет некоторое количество вариантов, которые меняют смысловую структуру, — что не очень часто встречается у раннего Бунина. Однако в данном случае, по причине идеологической нагруженности рассказа (толстовство в те годы было живой общественной идеологией, вызывавшее непосредственный отклик), значимых исправлений довольно много. Все это делает рассказ «На даче» особенно интересным для представления в цифровом виде, а также для общих соображений о разработке интерфейса системы цифровых изданий.

Если линейность основного текста произведения принципиальна как в традиционном бумажном, так и в цифровом издании и не подлежит отмене (это его природное свойство), то для вариантов и комментариев линейность может и должна быть отменена. Именно в этой точке кроются исключительные возможности цифрового издания. Варианты и комментарии могут подаваться в нем ступенчато, как последовательность открывающихся окон, в зависимости от читательских задач. При этом интерфейс программы должен учитывать различия потенциальных читателей цифрового издания (читатель-бунинист, хорошо знающий материал; читатель-филолог, ориентирующийся в основных моментах жизни и творчества Бунина; широкий научный читатель, мало знакомый с материалом), а также различие исследовательских задач, которые ставятся в процессе работы с научным изданием текста: изучение какого-то отдельного варианта или изучение полной истории текста; вопрос о конкретной детали в тексте произведения или интерес к полному комментарию и пр.

В первую очередь, можно разделить на отдельные категории показ вариантов. Во-первых, варианты могут быть показаны рядом с основным текстом или прямо в (меняющемся при нажатии мыши) основном тексте. Нужно предусмотреть в интерфейсе программы как последовательный показ трех, помимо основного текста (1915 г.), вариантов (1897, 1912, 1913 гг.) — при каждом нажатии мыши высвечивается следующий вариант, так и одновременный показ всех трех вариантов. Это можно сделать как по отношению к определенным фрагментам основного текста, так и по отношению к тексту целиком.

Во-вторых, имело бы смысл разделить показ значимых вариантов (меняющих смыслы внутри произведения), показ мелкой правки и стилистических вариантов (не меняющих смыслы), а также

показ всех вариантов одновременно. Неминуемая субъективность решений при разделении вариантов на значимые и незначимые компенсируется возможностью просмотреть все варианты. При этом возможность просмотра только значимых вариантов упрощает задачу в большинстве случаев, когда исследователи с какой-то целью обращаются к просмотру вариантов.

Так, в традиционном книжном виде полный свод вариантов текста к рассказу «На даче» занимает практически столько же места, сколько основной текст. Быстро разобраться в вариантах может только опытный исследователь. Разделение вариантов на значимые и незначимые упрощает работу с вариантами. Раздел «Варианты» станет смотреть значительно больше читателей, чем сейчас, — ибо ныне работа с этим разделом требует, как правило, специальной подготовки. Один текстолог шутил, что раздел «Редакции и варианты» в научном собрании сочинений читает лишь 10 человек за несколько десятилетий. Полагаем, что цифровой комментарий, отдельно представляющий только значимую правку, в разы увеличит этот показатель.

В-третьих, цифровое издание дает возможность комментировать не только основной текст, но и варианты текста. В некоторых случаях, когда варианты требуют развернутого комментария, это значительно удобнее, чем в традиционном бумажном издании. Комментарий помещается в специальном окне — рядом с комментируемым местом в нужном варианте. При необходимости можно привязать комментарий сразу к нескольким вариантам текста или одновременно к основному тексту и варианту.

Например, в первом варианте текста рассказа «На даче» был большой фрагмент, выпущенный уже во втором издании:

Но это недовольство на всех и скуку Наталья Борисовна почувствовала только на мгновение. Весною, перед переездом на дачу, и осенью, при возвращении в город, скука усиливалась и переходила почти в хандру. Но вообще Наталья Борисовна редко скучала. Петр Алексеевич зарабатывал очень много и, хотя много и тратил на вино и карты, но все-таки семье оставалось до десяти тысяч в год, которые и проедались до копейки. И эта еда четыре-пять раз в день, покой и комфорт в доме, знакомые, оперы, симфонические собрания — удивительно умели располагать к ровному и приятному времяпрепровождению. Прошлое казалось Наталье Борисовне только далеким сном. Тогда и она была экзальтированной курсисткой, горячо готовилась «идти в народ», так что ко времени встречи с Петром Алексеевичем была уже уволена с курсов. Тогда и Петр Алексеевич был на виду во многих партиях, но он, как человек выдающегося ума и прирожденный

барин, скоро, нисколько о том не заботясь, сделал себе хорошую карьеру. И первоклассные купе в вагонах, дорогое вино, отели, весь этот ароматично-сигарный запах веселого общества «дельцов» и «деятелей» мало-помалу, но властно и далеко уводили его от всяких дум о «работе для общества» и о «благе народном». К тому же, Петр Алексеевич обладал натурой крупной, широкой, и деятельность в мелких размерах, исподтишка озлобляла его. В Женеве, куда Петр Алексеевич поехал за Натальей Борисовной, он начал было серьезно изучать политическую экономию, думал остаться за границей и посвятить себя науке, но дело как-то, по русскому обычаю, не вышло. Молодые все откладывали серьезные думы и работы на будущее, наслаждаясь, пока что, всеми благами европейской цивилизации. А в России жизнь день за день пошла еще спокойнее. Убеждения супругов не изменились, но жили они уже давно не по убеждениям. Наталья Борисовна сперва ссылалась на «обстоятельства», потом стала равнодушна почти ко всему на свете; а Петр Алексеевич мучительные пробуждения совести начал заглушать усиленной игрой в карты, пьянством и преднамеренным цинизмом слов и поступков. К тому же, Примо были очень самоуверенны и думали, что все, что бы они ни делали, делается ими, а не какими-либо «жалкими людишками», делается и сознается опять-таки ими лучше, чем другими, и потому не любили себя стеснять... [3, с. 24–26].

Этот фрагмент был снят автором, вероятно, из-за некоторой прямолинейности и юношеской наивности формулировок («жили они уже давно не по убеждениям»). Но при этом история семьи Примо оказывается исключительно значимой для дальнейшего развития сюжета — не только для первого, но и всех последующих вариантов текста. Без него не совсем понятно, почему Примо так хорошо знает тексты Толстого, включая не опубликованные в России официально (во второй половине рассказа он экспромтом исполняет пародию на зачин трактата «В чем моя вера?»), и почему он так сильно обижается в финале на именование себя новой интеллигенцией со всеми признаками обыкновенного буржуа. Таким образом, в цифровом издании мы имеем возможность, во-первых, подробно прокомментировать, с одной стороны, «хождение в народ», определившее молодость Натальи Борисовны, с другой — выражения «работа для общества» и «благо народное», а также отъезд в Женеву и занятия политической экономией, интересовавшие Петра Алексеевича в былые годы. Во-вторых, в интерфейсе программы должна быть предусмотрена возможность гиперссылки между этим комментарием к первому варианту текста и комментарием к основному тексту (возможно, к нескольким записям комментария к основному тексту) — для объяснения причин поведения архитектора Примо и некоторых его суждений.

Перейдем к интерфейсу комментария. Во-первых, традиционный текстологический комментарий в цифровой системе должен иметь возможность ставить гиперссылки на редакции и варианты для иллюстрирования изложения истории текста. Во-вторых, реальный комментарий следует сделать многоступенчатым для обслуживания разных читательских задач и читателей с разной подготовкой (см. выше).

Сегодня традиционный комментарий к научному изданию стремится к максимальному лаконизму и концентрации внимания на комментируемом фрагменте. Это во многом вызвано ограниченным объемом книжного издания. Цифровой комментарий не ограничен ни размером, ни глубиной погружения в проблему. Старая история о мудром комментаторе, который начал писать сноску к сноске и был уволен редактором издания, больше не должна восприниматься как анекдот. Цифровой многоступенчатый комментарий позволяет поставить сколько угодно сноска к сноскам и сколько угодно умножать каждую из сноска в глубину. Перед нами будут открываться следующее, следующее и следующее окна, все более погружающие читателя в интересующую его проблему.

Например, в приведенном фрагменте «хождение в народ», с одной стороны, и «политическая экономия», с другой, означают влияние на чету Примо, соответственно, народнической идеологии и ранних марксистских идей. Традиционный комментарий лишь упомянет эти идейные системы, в цифровом же комментарии есть возможность раскрыть их значительно шире, проставляя гиперссылки на соответствующие ресурсы, но не теряя при этом фокусировки на текст рассказа: для увлеченной народничеством курсистки, как правило, предлагались определенные формы деятельности; занятия в Женеве политической экономией можно воспринимать как в прямом значении, так и в виде оборота эзопова языка той поры. Кроме того, adeпты политической экономии (ранние марксисты) нередко относились к народничеству враждебно, а народники, в свою очередь, отвечали марксистам тем же — таким образом, уже в первые годы семейной жизни супруги могли поссориться на идейной почве. Окна комментария, излагающие основные положения этих двух идейных систем в применении к рассказу, могут завершаться кратким списком научной литературы для углубленного изучения. Можно отметить в цифровом комментарии и биографический момент: обе идейные системы были неплохо знакомы Бунину благодаря его кругу

общения в интеллигентских кружках Харькова и Полтавы, куда его ввел старший брат Ю.А. Бунин. В тех же кружках он познакомился и с полтавскими толстовцами. Таким образом, три общественные идеологии — народничество, ранний марксизм, толстовство — присутствуют в подтексте рассказа. Напомним, что все это комментарий к первому варианту текста, который в силу своей значимости должен соединяться гиперссылками с комментариями ко всем прочим вариантам и основному тексту.

Толстовство в рассказе присутствует целой россыпью деталей, характеризующих идейную жизнь Каменского — главного героя рассказа. Вторым главным героем Гриша попадает в его жилище, оно состоит из двух комнат. В первой — детали, указывающие на прошлую жизнь Каменского (женский портрет, туалетные принадлежности, фототипическое воспроизведение «Распятия» Н.Н. Ге — картины, которая, возможно, стала для него импульсом к резкой перемене жизни; наконец Евангелие как связующее звено двух сторон жизни Каменского); во второй — новая жизнь толстовца: книги, тетради, выписки¹.

Детали из первой комнаты можно прокомментировать (для специалиста этот комментарий представляется излишним, но для широкого научного читателя он важен): многие толстовцы были выходцами из знатных и богатых семей, но отказывались от роскошной жизни, оставляли жен и начинали новую трудовую жизнь. В следующем окне — в качестве углубления темы — имеет смысл дать несколько кратких биографий таких толстовцев (особенно тех, с кем Бунину довелось встречаться — подр. см. об этом ниже) с указанием на соответствующую научную литературу.

«Распятие» Ге требует отдельной системы окон: во-первых, художник был одним из тех, кого проповедь Толстого заставила обратиться к религиозным темам, во-вторых, «Распятие» (помимо ряда вариантов) было написано два и только второе было одобрено Толстым; попытка выставить его в Петербурге закончилась скандалом, а толстовский «Посредник» распространял репродукции этой картины фототипически — одна из них и висит на стене у Каменского. Здесь — вероятнее всего, в специальном окне — следует дать репродукцию картины, а также, возможно, в другом окне (для определенных исследовательских задач это важно) репродукции вариантов и перечисление мест хранения (экспонирования) сохранившихся. Возможно, следует предусмотреть отдельное окно,

рассказывающее о влиянии «Распятия» Ге на толстовцев и русское общество конца XIX столетия. Поскольку упоминание картины в данном случае носит символически-обобщающий характер, значительное расширение комментария, по сравнению с традиционным, дополнение его визуальным рядом, а также широким культурологическим контекстом представляется обязательным. Это безусловные плюсы цифрового комментария.

При помощи последовательности из нескольких окон может быть прокомментировано и Евангелие, лежащее на верстаке Каменского. Евангелие, наряду с многочисленными евангельскими цитатами, приведенными в разных местах рассказа, играет в тексте такую же символическую роль, как и картина Ге, — неслучайно оно лежит на верстаке, заменяющем алтарь и напоминающем о профессии святого Иосифа. Появление Евангелия в таком контексте актуализирует понимание толстовского учения как «учения современного Христа» (именование Толстого современным пророком, сравнения с Моисеем и даже Христом постоянно практиковались в кругу толстовцев — можно привести соответствующие цитаты, в том числе и из творчества некоторых полтавских «братьев»), проистекающего непосредственно из жизненных потребностей (так позиционирует свое учение сам Толстой).

Толстой предлагает понимать Новый завет дословно — но только в той части, где переданы подлинные слова Иисуса (т.е., собственно, тетраевангелие). Другие части Нового завета (например, «Деяния святых Апостолов» и апостольские послания) в толстовстве не популярны, поскольку считаются началом церковного искажения подлинного слова Христа. Благосклоннее толстовцы относятся к Псалтири. Каменский в рассказе, с одной стороны, с карандашом читает рассказ о Тайной вечери, цитирует Псалтирь, с другой же, использует в разговорах непопулярные в толстовстве «Деяния святых апостолов», а также послание ап. Павла к ефесянам, первое послание ап. Иоанна, послание ап. Иакова, послания ап. Павла римлянам. Религиозная мысль Каменского, таким образом, шире традиционного толстовства, что, впрочем, в толстовстве было допустимо — каждый последователь учения выбирал в нем те моменты, которые близки лично ему. Кроме того, обилие цитат из апостольских посланий косвенным образом указывает на основную функцию Каменского в современном обществе.

В традиционном комментарии прокомментированными будут, в основном, цитаты; возможно

¹ Автор благодарит за это ценное наблюдение С.Н. Морозова.

(но маловероятно), общая роль Евангелия в толстовском учении. Традиционный комментарий обычно останавливается на начальном уровне комментирования. В цифровом комментарии весь этот евангельский дискурс (включающий как обычное отношение к Евангелию в кругу толстовцев, так и особое отношение к нему бунинского героя) может быть представлен в виде семантического облака (здесь удобно использовать этот термин в не совсем обычном значении), в котором при помощи системы ссылок будут соединены близкие смыслы разного уровня. От конкретных источников цитат (отдельные окна для каждой цитаты) комментарий будет переходить к общей роли Евангелия в толстовстве (это окно можно привязать к первому упоминанию Евангелия, а также к каждому из окон с комментированием цитат), затем к обобщающему окну «Цитаты из Евангелия в речи Каменского», собирающему все цитаты такого рода и дающему общее аналитическое пояснение. Тогда каждая цитата будет снабжена трехуровневым комментарием: источник цитаты — Евангелие в культуре толстовства — роль Евангелия в жизни Каменского (второй и третий уровень — общий для всех евангельских цитат; читатель может остановиться на любом уровне).

В это же облако, по-видимому, должны быть добавлены и две цитаты из Ветхого завета (первая книга Ездры и книга пророка Исаии), которые использует Каменский — с указанием на то, что ветхозаветные тексты не всегда входили в круг чтения толстовцев. В традиционном комментарии эти две цитаты были бы разделены, так как находятся далеко друг от друга (выписку из первой книги Ездры Гриша прочитывает в жилище Каменского, вторую цитату Каменский приводит в разговоре с Гришей, обличая современный Вавилон). В цифровом комментарии можно добавить к начальным окнам (указывающим на источник цитат) окнами второго и третьего уровня, объясняющими появление ветхозаветных цитат в культуре толстовцев и лично у Каменского.

Еще одну систему кодов (которые следует объединить в отдельное семантическое облако) представляют собой ссылки на книги и выписки из разных сочинений, которые Гриша обнаруживает в жилище Каменского, а также использование значимых цитат в речи героя-толстовца. В традиционном комментарии все эти моменты существуют отдельно друг от друга, цифровой комментарий дает возможность объемно показать мировоззрение главного героя и культурологический контекст толстовства. Гриша видит у

Каменского учебник эсперанто (Толстой с большой симпатией относился к инициативе доктора Л.Л. Заменгофа по созданию искусственного всемирного языка), близкий к этому смысл передает и «Евангелие с параллельными текстами на английском, греческом и еврейском языках» [3, с. 36], которое, впрочем, встречается только в первом варианте текста. Эта деталь напоминает о выполненном Толстым собственном переводе евангелий; Каменский при помощи параллельных мест проверяет то ли перевод Толстого, то ли свое понимание Евангелия. Следует отметить в комментарии, что в списке языков нет русского: духовная цензура не пропускала такого рода издания, поэтому Каменский пользуется английским, которым хорошо владеет. В обычном комментарии трудно связать комментирование начального варианта текста с комментированием основного текста. В случае цифрового комментария таких трудностей нет.

Далее в тексте упоминаются изречения Эпиктета, Марка Аврелия и Паскаля (последнее имя — начиная со второго варианта). Все три философа — любимое чтение Толстого. В будущем (в 1903 г.) Толстой использует выписки из их сочинений в книге «Мысли мудрых людей на каждый день». К этим философам следует добавить еще трех, на которых Каменский ссылается в разговоре. Это Тертуллиан, Лао-Цзы и Амьель (есть в его речи и ссылка на «Мысли» Паскаля). В традиционном комментарии все эти авторы комментируются каждый на своем месте. Но цифровой комментарий может соединить их (организовав в виде семантического облака). Каждое имя комментируется отдельно, но в каждом случае предлагается следующий шаг — переход к общему аналитическому окну «Чтение Каменского», где собраны все упомянутые в тексте философы и проведены параллели между ними, а также к следующему окну, в котором будет раскрыто отношение Л.Н. Толстого к каждому из философов и (в следующем окне) использование их имен и идей в толстовской литературе разного рода.

Среди выписок, увиденных Гришей в жилище Каменского, есть еще два интересных случая. Первый — это два начальных стиха из стихотворения К.М. Фофанова («Долго я Бога искал в городах и селениях шумных, / Долго на небо глядел — не увижу ли Бога...»), которые органично перемежаются выписками из Библии. Эта выписка, скорее всего, не характерна для обычного чтения толстовцев; она характеризует личные пристрастия Бунина. Бунин много читал Фофанова в юности и много цитировал этого поэта

в письмах Ю.А. Бунину и В.В. Пашенко. В этом случае к начальному окну комментария, устанавливающему источник, возможны расширительные гиперссылки на письма Бунина и иные произведения Бунина, цитирующие Фофанова. Второй случай — первое четверостишие (первый куплет) религиозного гимна Фрэнсис Ридли Хавергал (Havergal, 1836–1879), английской религиозной поэтессы: «Боже! Жизнь возьми — она / Вся Тебе посвящена! / Дни возьми — пусть каждый час / Слышишь Ты хвалебный глас!» [4, с. 114]. Эта поэтесса была очень известна в Англии и, неудивительно, не слишком известна в России. Ее гимны печатались издательствами J. & R. Parlane в виде отдельных листочков и Caswall & Co. в виде декоративных открыток. Многие гимны, написанные ею, входили в известные англоязычные сборники религиозных гимнов. Цитируемый гимн — одно из самых известных ее произведений, однако нам в настоящий момент не совсем понятно, как с этой поэзией знакомились в России (вероятно, сборники английских религиозных гимнов могли попадать в Россию, но текст Хавергал цитируется в русском переводе, переводчик и обстоятельства этого перевода нам пока не известны). Этот момент интересен и сам по себе, и в контексте религиозной культуры толстовства: учение Толстого нередко именовалось русским протестантством, использование англиканских религиозных гимнов в функции молитв может быть интересной деталью, характеризующей как быт полтавских толстовцев (вероятнее всего, Бунин взял эту деталь непосредственно из быта), так и толстовство в целом. Цифровой комментарий здесь будет вновь выстроен многоступенчато: начальное окно — указание на источник, второе окно — текст гимна целиком, в оригинале (“Take My Life, and Let It Be...”) и в русском переводе, возможно привести ноты и звуковой файл с исполнением этого гимна (здесь же требуется перекрестная ссылка с комментарием к первому варианту, там цитируется не только первый куплет, но также припев и четвертый куплет). Следующее окно — сведения о бытовании этого гимна в английской культуре и сведения о переводчике на русский язык и самом переводе (если таковые будут найдены), а также сообщение о том, что публикация религиозных гимнов англиканской церкви в Российской империи была затруднена из-за духовной цензуры. Четвертое окно — сведения об использовании англиканских гимнов толстовцами (а также предположение о том, что эта деталь взята Буниным из его полтавской жизни) и краткая справка о восприятии современниками учения Толстого как близкого протестантизму.

Несмотря на то, что обычный научный комментарий избегает биографических параллелей, здесь они, вероятнее всего, необходимы. Нужны сведения о том, что Бунин провел около года (конец 1893 — конец 1894 гг.) в кругу толстовцев Полтавы, всерьез обдумывал «опрощение», ездил вместе с известным толстовцем А.А. Волкенштейном в Москву знакомиться с Толстым и проходил «послушание» у другого известного толстовца И.Б. Файнермана — во-первых, в духовном плане, во-вторых, в обучении бондарному ремеслу. Этот общий биографический подтекст следует дать в рамках общего комментария ко всему тексту, а также соединить его гиперссылками с комментированием двух деталей: столярной работы, которой зарабатывает на жизнь Каменский, и обучение у него Гриши работе столяра. Следующий ряд окон должен быть посвящен нескольким прототипам Каменского: во-первых, И.Б. Файнерману, во-вторых, И.М. Клопскому. Прототипы и биографический ряд важны здесь в том плане, что именно Файнерман организовал в Полтаве толстовскую столярную мастерскую, единственное городское мастеровое предприятие в истории толстовства, и сам учил как толстовцев, так и местных детей столярному мастерству. Каменский получил и внешний облик Файнермана (необходимо привести портрет). От Клопского Каменскому переданы манера разговаривать и искусство ведения спора, опирающееся местами на прием «называние вещей своими именами» (обращение к этимологии слова, переход от переносных к основному значению и пр.), а местами на риторические эффекты (одним из расширяющих комментарий окон можно дать ссылки на описания Клопского, встречающиеся в ряде воспоминаний о нем и даже в беллетристике: Н.Е. Каронин (Петропавловский) и М. Горький сделали Клопского героем своих произведений). Отдельные черты биографии Каменского заимствованы у других полтавских толстовцев: например, знатное происхождение Каменского напоминает о докторе А.А. Волкенштейне, учеба в военной академии — о Б.Н. Леонтьеве (тот учился в Пажеском корпусе) и т.д. Если идейная сторона рассказа представляет собой энциклопедию толстовства, то главный герой произведения — объединяющий портрет всех полтавских толстовцев. Общая справка о системе прототипов Каменского (наряду с указанием на то, что каждый толстовец был прежде всего индивидуальностью, по-своему воспринимавшей учение Толстого; а в самом толстовстве — в отличие от народничества и марксизма — идейная унификация вызывала отвращение), а также об этом рассказе как определенном «омаже» Бунина полтавским толстовцам и своеобразном прощании молодого писателя с толстовством

должна завершать семантическое облако комментария, связанное с (авто)биографическим подтекстом.

Наконец, если говорить о цифровой научной публикации не отдельного произведения, а думать о цифровом научном собрании сочинений, то можно предусмотреть систему гиперссылок не только между различными семантическими облаками комментария к одному рассказу, но и между произведениями писателя разных периодов. Так, характеристики многих полтавских толстовцев даны Буниным в очерке-воспоминаниях «О Толстом» (1927), впоследствии с небольшими изменениями должно быть вошедшем в книгу «Освобождение Толстого» (1937). Возможны гиперссылки между (авто)биографическим облаком комментария к рассказу «На даче» и текстом этого очерка / книги (с указанием на то, что через несколько десятилетий после своего толстовского увлечения Бунин совершенно иначе пишет о своих знакомых толстовцах). Такая же гиперссылка должна стоять и между упоминанием Будды в речи Каменского как одного из «великих учителей человечества» [4, с. 135] и концептуальными упоминаниями Будды в «Освобождении Толстого». Здесь, во-первых, следует указать на симпатии к буддизму, которые испытывал сам Толстой и многие толстовцы (отметив, что Бунин в годы написания «На даче» еще не был увлечен буддизмом; сильнейший интерес к буддизму придет к нему позднее — во время путешествия на Цейлон в 1911 г.). Во-вторых, упомянуть привычность в толстовской среде сравнений Толстого с религиозными учителями человечества (см. выше). В-третьих, отметить, что идея «освобождения», центральная в книге Бунина о Толстом, — буддийская по своей природе идея.

Итак, цифровой комментарий, организованный как система из нескольких семантических облаков, внешне структурированный ступенчато — как множество цепочек окон с текстовой, визуальной или звуковой информацией, а также гиперссылками между этими цепочками, позволяющими переходить из одного ряда значений в другой ряд, открывает новые возможности для научного комментария. Помимо широкого представления визуальной и звуковой информации²,

которая не попадала в книжные издания, цифровой комментарий будет значительно более подробным, чем книжный. Он может быть ориентирован на разные типы (научных) читателей³, а также на разные исследовательские задачи, которые могут ставить перед собой потенциальные читатели.

Предложенный тип цифрового комментария — один из возможных вариантов организации комментария в цифровых изданиях нового проекта ИМЛИ РАН. Это пока лишь теоретический проект интерфейса разрабатывающихся программ и сайтов. Он будет еще обсуждаться и совершенствоваться. Однако без такого рода теоретических проектов и обсуждения оптимального вида, в каком мы хотим получить цифровое издание классиков, невозможно ставить задачи программистам и готовить тексты для цифрового издания. Более того, как сам комментарий, так и его интерфейс будет, безусловно, изменчивым. Цифровой комментарий позволяет авторам добавлять в него какие-то сведения, которые обнаружились после публикации, перестраивать и переписывать его. Точно так же комментаторы будут поступать и с интерфейсом комментария. Цифровое издание ориентировано на быстро меняющийся мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляк Г.Н. О возможных стратегиях развития Digital Humanities // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 70–94.
2. Пономарев Е.Р. Путь Бунина. Динамизм и эксперимент как основа бунинской поэтики // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте. М.: Литфакт, 2019. С. 91–100. (Серия «Академический Бунин». Вып. 1).
3. Бунин И.А. На даче // Бунин Ив.А. На край света и другие рассказы. СПб.: О.Н. Попова, тип. И.Н. Скороходова, 1897. С. 13–83.
4. Бунин И.А. На даче // Бунин Ив.А. Полное собрание сочинений. [В 6 т.] Т. 2. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1915. С. 105–138.

REFERENCES

1. Beliak, G.N. *O vozmozhnykh strategiiakh razvitiia Digital Humanities* [On the Possible Strategies of Digital Humanities Development]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2021, No. 4 pp. С. 70–94. (In Russ.)

³ Возможно и дальнейшее расширение цифрового комментирования в изданиях такого рода: наряду с научным комментарием, можно предусмотреть комментарий для обычного читателя, читателя-школьника и пр.

² Например, один из героев рассказа напевает пролог из оперы Руджеро Леонкавалло «Паяцы» (впервые представлена в Милане в 1892 г.; в России — в Петербурге в 1894 г.). Таким образом, для времени действия рассказа — это новейшая музыка. В комментарий имеет смысл поместить звуковой файл с ярким исполнением пролога одним из знаменитых баритонов того или более позднего времени (разумеется, с учетом авторского права). Следует также указать, что опера была новаторской для своего времени. Вся сумма этих мотивов существенным образом характеризует эпизодического персонажа, поющего оперную новинку.

2. Ponomarev, E.R. *Put' Bunina. Dinamizm i eksperiment kak osnova buninskoj poetiki* [The Way of Bunin. Dynamics and Experiment as the Basis of Bunin's Poetics]. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste* [The Activity of Bunin in Historical Literary Context]. Moscow: Litfakt Publ., 2019, pp. 91–100. (*seriia Akademicheskii Bunin*. [The Serial Edition "Academic Bunin"] Vol. 1. (In Russ.)
3. Bunin, I.A. *Na dache* [At the Dacha]. Bunin, Iv.A. *Na kraï sveta i drugie rassakzy* [To the Edge of the World and Other Stories]. St. Petersburg: O.N. Popova Publ., 1897, pp. 13–83. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. *Na dache* [At the Dacha]. Bunin, Iv.A. *Polnoe sobranie sochinenii. V 6 t. T. 2* [Complete Works: In 6 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg: A.F. Marks Publ., 1915, pp. 105–138. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 15 июня 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on June 15, 2024

Revised on July 23, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050069

Эпическое слово: сопоставительный анализ номинаций *мира* в «Старшей» и «Младшей Эдде»

© 2024 г. Т. В. Топорова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1
t1960@list.ru

Резюме. Целью автора является сравнение номинаций *мира* в «Старшей» и «Младшей Эдде», включающих три вида объектов: лексема (*hel*, *Hel* ‘хель; владелица иного мира’), словосочетание (*Ginnunga gap* ‘зияний бездна’), композит (*Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’ и др.). Сопоставление обозначений *мира* в анализируемых текстах вполне оправдано, так как только «Старшая» и «Младшая Эдда» представляют собой *корпус* текстов, отражающих информацию о скандинавской мифологии как *системе*, поэтому при отсутствии данных из других древнегерманских ареалов они становятся **единственным** источником реконструкции германской мифологии, значение которого трудно переоценить. Кроме того, в «Младшей Эдде» постоянно фигурируют ссылки на «Старшую Эдду», следовательно, идея сравнения казалась актуальной самому её автору, и специалисты не имеют права игнорировать это обстоятельство. *Метод* исследования реализуется в *схеме описания эпического слова*, которая возникла на базе лексикологических штудий ряда ключевых концептов в древнеиндийской «Ригведе» и тезаурусного описания фольклорного слова, подвергшихся фундаментальной переработке. Подводя итоги сопоставительного анализа обозначений *мира* в «Старшей» и «Младшей Эдде» можно констатировать *более архаическую* стадию, зафиксированную в древнеисландском прозаическом памятнике, проявляющуюся в наличии номинаций первоначальных локусов космогенеза (др.-исл. *Mú-spellz-heimr* ‘точки (в пространстве) уничтожения мир’, *Nifl-heimr* ‘тумана мир’) и места их взаимодействия (*Мировой бездны*), описание которой как объекта *космизированной* вселенной даётся достаточно подробно; в презентации фундаментальной для мифопоэтической модели мира оппозиции *своего* и *чужого* пространства (др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’ — *Út-garðr* ‘внешнее огороженное пространство’); более детальном и конкретном описании соответствующих лексем и более широком спектре их мифологических коннотаций, а также факторе *теоцентризма*, при котором точкой отсчёта служит расположение жилища богов (др.-исл. *Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’), например, по отношению к др.-исл. *hel* ‘мир иной, загробное царство’.

Ключевые слова: древнеисландский язык, эпос, «Старшая» и «Младшая Эдда», мифопоэтическая модель мира, контекст, семантика, грамматика, морфология, синтаксис, этимология, семантическая реконструкция.

Для цитирования: Топорова Т.В. Эпическое слово: сопоставительный анализ номинаций мира в «Старшей» и «Младшей Эдде» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 73–84. DOI: 10.31857/S1605788024050069

Epic Word: a Comparative Analysis of the Nominations of the *World* in the Elder and Younger Eddas

© 2024 Tatyana V. Toporova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of the Institute of Linguistics

of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
t1960@list.ru

Abstract. The author's goal is to compare the nominations of *the world* in the “Elder” and “Younger Edda”, including three types of objects: lexeme (*hel*, *Hel* ‘hel; owner of another world’), combination of words (*Ginnunga gap* ‘gaping abyss’), composite (*Ás-garðr* ‘aces’ fenced space’, etc.). A comparison of the designations of *the world* in the analyzed texts is quite justified, since only the “Elder” and “Younger Edda” represent a *corpus* of texts reflecting information about Scandinavian mythology as a *system*, therefore, in the absence of data from other Old Germanic areas, they become the **only** source for the reconstruction of German mythology, meaning which is difficult to overestimate. In addition, references to the “Elder Edda” constantly appear in the “Younger Edda”, therefore, the idea of comparison seemed relevant to its author himself, and experts have no right to ignore this circumstance. The research method is implemented in a scheme for describing an epic word, which arose on the basis of lexicological studies of a number of key concepts in the ancient Indian “Rigveda” and a thesaurus description of a folk word, which have undergone fundamental processing. Summing up the results of the comparative analysis of the designations of *the world* in the “Elder” and “Younger Eddas”, we can state a more archaic stage recorded in the Old Icelandic prose monument, manifested in the presence of nominations of the original loci of cosmogenesis (*Mú-spellz-heimr* ‘points (in space) destruction of the world’, *Nifl-heimr* ‘fog world’) and the place of their interaction (the World Abyss), the description of which as an object of the cosmic universe is given in sufficient detail; in the presentation of the opposition between one’s own and someone else’s space, fundamental to the mythopoetic model of the world (*Mið-garðr* ‘middle enclosed space’ — *Út-garðr* ‘outer enclosed space’); a more detailed and specific description of the corresponding lexemes and a wider range of their mythological connotations, as well as the factor of *theocentrism*, in which the reference point is the location of the dwelling of the gods (*Ás-garðr* ‘the enclosed space of the Ases’), for example, in relation to *hel* ‘another world, the afterlife’.

Key words: Old Icelandic language, epic, “Elder” and “Younger Edda”, mythopoetic model of the world, context, semantics, grammar, morphology, syntax, etymology, semantic reconstruction.

For citation: Toporova, T.V. *Epicheskoe slovo: sopostavitelnyj analiz nominacij mira v “Starshej” i “Mladshej Edde”* [Epic Word: a Comparative Analysis of the Nominations of the World in the Elder and Younger Eddas]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 73–84. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050069

Эпическое слово, функционирующее в знаменитых древнеисландских памятниках — поэтической «Старшей Эдде» [1]; [2] (основная рукопись Codex Regius 2365 второй половины XIII в.), и прозаической «Младшей Эдде» [3]; [4], произведении Снорри Стурлуссона (1222–1225 гг.), — уникально по своей природе и требует особого подхода, так как оно обладает аксиологическим статусом и отражает концепты архаической мифопоэтической модели мира, определяемой как «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [5, с. 161]. Сопоставление обозначений *мира* в анализируемых текстах вполне оправдано, так как только «Старшая» и «Младшая Эдда» представляют собой *корпус* текстов, отражающих информацию о скандинавской мифологии как *системе*, поэтому при отсутствии данных из других древнегерманских ареалов они становятся **единственным** источником реконструкции германской мифологии, значение которого трудно переоценить. Кроме того в «Младшей Эдде» постоянно фигурируют ссылки на «Старшую Эдду»,

следовательно, идея сравнения казалась актуальной самому её автору, и специалисты не имеют права игнорировать это обстоятельство.

Помимо обоснования целесообразности выбора *объекта* исследования, следует дать краткую характеристику и *методу* исследования, а именно *схеме описания эпического слова*, которая возникла на базе лексикологических штудий ряда ключевых концептов¹ в древнеиндийской «Ригведе» [6] и тезаурусного описания фольклорного слова [7]; [8], которые подверглись фундаментальной переработке [9].

Прежде чем перейти к непосредственному анализу материала, необходимо предварить его некоторыми замечаниями: в частности, следует иметь в виду, что выбор номинаций *мира* в «Младшей Эдде» накладывает определённый отпечаток на результаты исследования, так как в «Старшей Эдде» в качестве объекта исследования выступают базовые лексемы, например, др.-исл. *heimr*

¹ Дома жертвенной общины / места жертвоприношения, пути-дороги, леса — деревьев, поля — луга — пастбища, воды, горы — скалы — камня, крепости.

‘мир’, в то время как в «Младшей Эдде» — композиты со вторым компонентом — *heimr* (др.-исл. *Álf-heimr* ‘альвов мир’, *Jötun-heimr* ‘великанов мир’, *Mú-spellz-heimr* ‘точки (в пространстве) уничтожения мир’, *Nifl-heimr* ‘тумана мир’, *Vana-heimr* ‘ванов мир’). Чтобы сравнение было правомерным, нужно оперировать одинаковыми единицами, то есть соответствующими *сложными словами*, которые могут составлять лишь незначительную часть семантического объёма др.-исл. *heimr* в «Старшей Эдде». Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что потребность в ограничении прозаического материала предполагает отказ от рассмотрения отдельных лексем, мало продуктивных в «Старшей Эдде», например, др.-исл. *verqld* ‘мир’, зафиксированного и в «Младшей Эдде».

Исходя из сложившейся ситуации, целесообразно осуществлять сравнение номинаций *мира* в «Старшей» и «Младшей Эдде» в три этапа:

а) лексема: др.-исл. *hel*, *Hel* ‘хель (иной мир); владелица иного мира’;

б) словосочетание: др.-исл. *Ginnunga gap* ‘зияний бездна’, обозначение Мировой бездны;

в) композиты: др.-исл. *Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’, *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’; др.-исл. *Álf-heimr* ‘альвов мир’, *Jötun-heimr* ‘великанов мир’, *Vana-heimr* ‘ванов мир’; *Nifl-hel* ‘тумана хель’; *Val-höll* ‘павших чертог’.

§ 1. Др.-исл. *hel*, *Hel* ‘хель (иной мир); владелица иного мира’

Функционирование др.-исл. *hel*, *Hel* ‘хель (иной мир); владелица иного мира’ в «Старшей» и «Младшей Эдде» отражает таблица².

Подводя итоги исследования др.-исл. *hel*, *Hel* ‘хель (иной мир); владелица иного мира’ в «Старшей» и «Младшей Эдде», можно констатировать наличие фундаментальных **схождений**, обнаруживаемых у данной лексемы, проявляющихся различных сферах — в общих наиболее частотных падежах (**род.** и **дат.**) и синтаксической функции **направления**, **цели**, реализуемой глаголами **движения**, ассоциации с **низом**, синонимичных предикатах **субъекта** (*быть*, *жить*), экстралингвистической детали (*ворот*); вместе с тем следует отметить и принципиальные **расхождения**, свойственные этой лексеме в исследуемых памятниках письменности. В «Младшей Эдде» др.-исл. *hel* является **гипонимом** по отношению к др.-исл. *heimr*, то есть она является *одним из миров* наряду с Асгардом, Мидгардом и Миром великанов, в то время как в «Старшей Эдде» данная лексема имеет **антоним** др.-исл. *heimr*, то есть она как царство *смерти* противопоставляется одному единственному конкретному миру *живых*, населённому *людьми* — Мидгарду, «среднему огороженному пространству». Этот феномен верифицируют и другие факты, например, оппозиция в «Старшей Эдде» *хель дому* (др.-исл. *hús*), *человеческому жилищу*, ассоциация с *людьми* (др.-исл. *halir*, *gumnom*). Если в «Старшей Эдде» доминирует **антропоцентрическая** позиция при описании др.-исл. *hel*, выражающаяся в том числе и в выборе точки отсчёта (*отсюда* (др.-исл. *heðan*), *вниз* от мира людей, *под землю*), то в «Младшей Эдде» превалирует **теоцентризм** (хель образует оппозицию Асгарду, «асов огороженному пространству», населённому *богами*). Нельзя упустить из виду и ещё одно обстоятельство — усиленную персонификацию хель в «Младшей Эдде» по сравнению со «Старшей», проявляющуюся, в частности,

	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	28	12
Наиболее частотные падежи	Дат. (12) ³ , род. (10)	Род. (5); дат. (5)
Синонимы	—	—
Антонимы	Дом (др.-исл. <i>hús</i>) Мир ((живых); др.-исл. <i>heimr</i>)	Асгард (др.-исл. <i>Ás-garðr</i> ‘асов огороженное пространство’) хель - мир (др.-исл. <i>heimr</i>)
Гипонимы		
Ассоциации	Низ (др.-исл. <i>neðan</i>); убивать (др.-исл. <i>drepa</i> ; люди (др.-исл. <i>halr</i> , <i>halir</i> ; <i>gumnom</i>); отсюда (др.-исл. <i>heðan</i>)	Низ (др.-исл. <i>niðr</i>)
Предикаты субъекта	Иметь (Хель имеет; др.-исл. <i>hafi</i> ; <i>hefir</i>); жить (Хель живёт; др.-исл. <i>býr</i>)	Быть (др.-исл. <i>var</i>); говорить (др.-исл. <i>sagði</i>)

² Жирным шрифтом выделены общие компоненты.

Предикаты объекта	Посылать (др.-исл. <i>sendoð</i>) Хель	Бросать (др.-исл. <i>kastaði</i>) Хель; оставаться (др.-исл. <i>haldask með Helju</i>) с Хель; предлагать (др.-исл. <i>bjóða Helju</i>) Хель; просить (др.-исл. <i>beiddisk af Helju</i>) Хель
Предикаты локуса	Называть (др.-исл. <i>kalla helio í; kalla - í helio</i> (5)) в хель; иметь (др.-исл. <i>í helio hafði</i>) в хель	
Предикаты направления, цели	Идти, приходить в / из хель (др.-исл. <i>í hel koma; fara til heljar; heljar ganga; gecc til heljar; ór helio kom; vitia ór helio</i>); умирать, убивать (др.-исл. <i>deyia ór helio; í hel drepa; í hel drapo; latðan til heljar</i>) в хель; освободить (др.-исл. <i>leystu helio ór</i>) из хель ; па- дать (др.-исл. <i>falla til heljar</i>) в хель; поворачиваться (др.-исл. <i>snugga heljar til</i>) к хель	Идти, приходить в / из хель (др.-исл. <i>fara til heljar; koma frá heljar</i>) в хель; скакать (др.-исл. <i>ríða til heljar</i>) в хель; освободить (др.-исл. <i>var leyst frá helju</i>) из хель ; выплакать (др.-исл. <i>væri grátinn ór helju</i>) из хель
Экстралингвистические факты	Ворота (др.-исл. <i>hel-grind</i>); колес- ница (др.-исл. <i>með reidinni á helveg</i>); процессия (др.-исл. <i>hel-for</i>)	Ворота (др.-исл. <i>hel-grind</i>)
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Миф творения + мифологема мирового древа: великанша Хель живёт под одним из корней ясеня Иггдрассиля; ономатетический акт богов (называть в хель); космологи- ческие представления об устрой- стве вселенной (пройти девять миров до <i>Тумана хель</i> ; подземные реки, низвергающиеся в хель); эсха- тология (люди, боящиеся на <i>дорогах</i> в хель во время «гибели богов»)	Миф творения (о бытии Хель; о бросании Хель богами в Нифль- хейм); миф о Бальдре (его осво- бождении из хель)

в использовании по отношению к владелице ино-
го мира предиката с у б ъ е к т а *говорить* (др.-исл.
sagði), а также развитой синтаксической функ-
ции предиката о б ъ е к т а, почти не уступающей
по частотности (4 примера) наиболее продуктив-
ной функции н а п р а в л е н и я, ц е л и (5 приме-
ров): боги *бросают* великаншу Хель в Нифльхейм,
просят её освободить бога Бальдра, *предлагают*
ей определённые условия, чтобы осуществить
своё намерение возратить Бальдра в Асгард. Сле-
дует упомянуть ещё одну особенность др.-исл. *hel*
в «Старшей Эдде»: приобретение идеологической
надстройки и включение в сферу ритуала (ср. др.-исл.
hel-rúnar 'хель руны', погребальную поездку (др.-исл.
hel-för), колесницу на *дороге в хель* (др.-исл. *hel-vegr*)).

§ 2. Др.-исл. *Ginnunga gap* 'зияний бездна'

Др.-исл. *Ginnunga gap* 'зияний бездна', обозна-
чение Мировой бездны, исходного локуса кос-
могенеза в эддической модели мира, отличается
амбивалентностью, и в изучаемых нами текстах
реализуются её различные аспекты: в «Старшей

Эдде» данное словосочетание засвидетельствова-
но всего один раз в форме **им. пад.** в сочетании
с глаголом *бытия* при апофатическом описании
мира до начала процесса космогенеза, характе-
ризующегося *отсутствием* объектов творения
и маркированного отрицательной частицей (*не*):
Ár var alda, þat er Ymir bygði, / **vara** sandr **né** sær **né**
svalar unnir; / iqrð fannz æva **né** upphiminn, / **gap var**
ginnunga, enn grás **hvergi** (Vsp. 3) «В начале времён,
когда жил Имир, / *не было ни* песка, *ни* моря, *ни*
волн холодных, / *земли ещё не было*, *ни* *верхне-*
го неба, / *бездна была зияний*, и *травы не было*»*. По
сути дела в рассматриваемой строфе «Прорица-
ния вёльвы» изображается **хаос**, который в лю-
бой архаической мифопоэтической традиции по-
лучает *отрицательную* оценку. В «Младшей Эдде»
др.-исл. *ginnunga gap* зафиксировано 7 раз, причём
акцент делается на *противоположном* аспекте, спо-
собности первоначальной бездны к *порождению*,

³ Цифры в скобках указывают количество словоупотреблений.

выполнению функции *prima materia*, следствием которой является возникновение **космоса** со свойственной ему структурой и организацией, получающего безусловно *положительную* оценку на аксиологической шкале мифопоэтической модели мира. Процесс космогенеза начинается с *самопорождения*, спонтанно происходящего в Мировой бездне и реализуемого предикатом субъекта — глаголом с возвратной частицей *-ся* (*наполняться*; др.-исл. *fyltisk*), дополняемого предикатом *локуса*, воплощающего идею разрастания в объёме, распространения вширь (др.-исл. *jók í Ginnungagap* «увеличился в Мировой бездне»), и завершающегося демиургической деятельностью богов, заключающейся в прикреплении искр в центре данного локуса и бросании в него великана Имира, из частей тела которого были созданы объекты космизированной вселенной. Несмотря на принципиальное различие в интерпретации др.-исл. *ginnunga gap* в «Старшей» и «Младшей Эдде» обнаруживается и фундаментальное совпадение, актуализирующееся в функционировании базовой конструкции данной номинации в сочетании с глаголом бытия в форме прошедшего времени, отсылающего к прецеденту первотворения: **Gap var ginnunga** (Vsp. 3) «Бездна была зияний»; en **Ginnungap var ...** (SnE 4, 15) «и Зияний бездна была ...».

§ 3. Обратимся к рассмотрению композитов, служащих для номинации *мира*, в «Старшей» и «Младшей Эдде».

Прежде чем делать какие-либо выводы, сравнивая функционирование др.-исл. *Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’ в обоих эддических произведениях, следует отметить, что объектом исследования являются исключительно композиты, а не аналогичные сочетания (др.-исл. *ása garðr* ‘асов огороженное пространство’). Поскольку в «Старшей Эдде» зафиксировано всего 2 сложных слова на фоне 20 номинаций в «Младшей Эдде», поле для сравнения лексем сужается, тем не менее можно констатировать два схождения (*жить в Асгарде*; *ехать в / из Асгард (а)*) и предположить доминирование синтаксической функции *направления*, *цели*.

Сходство, обнаруживаемое номинацией *мира* др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’ в «Старшей» и «Младшей Эдде», ограничивается презентацией общей синтаксической функции *объекта* с одинаковым количеством примеров (по два словоупотребления); оно реализуется в большей мере в сфере *мифологии*, а именно в *мифе творения* — космогонии (ср. демиургический акт богов, создавших Мидгард из великана Имира) и космологии (ср. мотив о Торе, защитнике Мидгарда), а также в «*основном мифе*» о борьбе Громовника Тора с Мидгарда змеем. Что касается различий в дистрибуции др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’ в исследуемых текстах, то они весьма показательны: в «Старшей Эдде» акцент делается на ассоциации с *людьми*, отождествлении с *землёй*, населёмой

др.-исл. <i>Ás-garðr</i> ‘асов огороженное пространство’	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	2	20
Наиболее частотные падежи	Дат., вин.	Род., вин.
Синонимы		Внутри (др.-исл. <i>inn</i>), дома (др.-исл. <i>heim</i>), страна (др.-исл. <i>ríki</i>)
Антонимы		Лес (др.-исл. <i>skógr</i>), снаружи (др.-исл. <i>út</i>), хель (др.-исл. <i>hel</i>)
Гиперонимы, гипонимы		Гипероним по отношению к <i>Вальхалле</i> , гипоним - к <i>крепости</i> (др.-исл. <i>borg</i>)
Атрибут		Древний (др.-исл. <i>forn</i>)
Предикаты субъекта		Быть (др.-исл. <i>var</i>), быть сделанным (др.-исл. <i>er gorr</i>), называться (др.-исл. <i>er kǫlluð</i>)
Предикаты объекта		Населять = заставлять жить (др.-исл. <i>byggja hafa Ásgarð</i>), потопить (др.-исл. <i>sökkva Ásgarði</i>)
Предикаты локуса	Жить в Асгарде (др.-исл. <i>ásgarð búa</i>)	Иметь в Асгарде (др.-исл. <i>í Ásgarð átti</i>), стоять в Асгарде (др.-исл. <i>í Ásgarði stendr</i>)

Предикаты направления, цели	Ехать из Асгарда (др.-исл. <i>fóro Ásgarði frá</i>)	Входить / выходить в / из Асгард(а) (др.-исл. <i>kom inn of Ásgarð; koma út of Ásgarð; gekk út of Ásgarði; gengu út undir Ásgarð</i>), ехать , приехать в Асгард (др.-исл. <i>byrjaði ferð til Ásgarðz; gerði ferð til Ásgarðz; fara í Ásgarð; ferr til Ásgarðz; fara til Ásgarðz; kom í Ásgarð</i>), приглашать в Асгард (др.-исл. <i>sótti heimboð til Ásgarðz</i>), выманивать из Асгарда (др.-исл. <i>teygir út um Ásgarð</i>)
Экстралингвистические факты		Ворота (др.-исл. <i>Ás-grind</i>) крепость (др.-исл. <i>borg</i>)
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты		Миф творения: демиургический акт (боги сделали Асгард); оно-матетический акт (боги назвали Асгард); эсхатология (мотив потопления Асгарда великанами); миф о «мёде поэзии» (Один летит внутрь Асгарда и выплёвывает мёд в чашу)
др.-исл. <i>Mið-garðr</i> 'среднее огороженное пространство'	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	6	7
Наиболее частотные падежи	Дат. пад.	Вин. пад.
Синонимы	Земля (др.-исл. <i>bjǫð</i>) — Мидгард	—
Антонимы	—	—
Гиперонимы, гипонимы	—	Мидгард — мир (др.-исл. <i>heimr</i>); Мидгард — крепость (др.-исл. <i>borg</i>)
Ассоциации	Мидгард — люди (др.-исл. <i>manna</i>)	
Атрибут	Знаменитый (др.-исл. <i>mærr</i>)	—
Предикаты субъекта	—	—
Предикаты объекта	Делать Мидгард (др.-исл. <i>gerðo miðgarð</i>); создавать Мидгард (др.-исл. <i>miðgarð scópo</i>)	Насаждать Мидгард (др.-исл. <i>hofðu sett Miðgarð</i>); называть Мидгард (др.-исл. <i>kolluðu Miðgarð</i>)
Предикаты локуса	—	Жить на востоке Мидгарда (др.-исл. <i>býr fyr austan Miðgarð</i>); поселять в Мидгарде (др.-исл. <i>byggðin var undir Miðgarði</i>)
Предикаты направления, цели	—	Входить в / выходить из Мидгарда (др.-исл. <i>kæminn um Miðgarð / gekk út of Miðgarð</i>)
Экстралингвистические факты	—	Крепость (др.-исл. <i>borg</i>)
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Миф творения: а) космогония : боги создали / сделали Мидгард людям из ресниц великана Имира; космологические представления: Тор- защитник Мидгарда ; б) эсхатология, ср. поединок «стража Мидгарда» (= бога Тора) с волком Фенриром во время «гибели богов»; «основной миф»: Тор вытащил Мидгарда змея	Миф творения: а) космогония : демиургический акт: боги сделали Мидгард из ресниц великана Имира; ономатетический акт: боги назвали Мидгард; космологические представления: <i>Мидгарда змей</i> лежит вокруг земли, образуя её границы; Тор — защитник Мидгарда ; «основной миф», ср. противостояние бога Тора и Мидгарда змея

родом *человеческим*, то есть актуализируется идея Мидгарда как *среднего* мира в рамках эддической модели мира, и решающее влияние принадлежит *антропоцентрическому* фактору, ведь метаописание зон универсума ведётся с точки зрения людей, проживающих в определённом пространстве, в то время как в «Младшей Эдде» зафиксирована более архаичная картина: *Мидгард* не противопоставляется другим мифологическим локасам как нечто исключительное, неслучайно он выступает гипонимом по отношению к *миру* (др.-исл. *heimr*), напротив, он уравнивается, например, с *Асгардом*, жилищем богов, благодаря уподоблению крепости, а *Мидгарда* *змей* сохраняет ещё реликтовую функцию защиты земли из-за того, что изгибы его тела конституируют её границы; кроме того спектр дистрибуций рассматриваемой лексики отличается большим разнообразием, так как представлены помимо синтаксической функции объекта и локус, и направление и цель, и шире диапазоны мифологических коннотаций, в частности, наряду с *демиургическим* актом засвидетельствован и *ономатетический* акт космогонического мифа. Подводя итоги сравнения, можно утверждать, что в «Старшей Эдде» др.-исл. *Mið-garðr* 'среднее огороженное пространство' предстаёт как *исключительный* локус, центр мироздания, а в «Младшей Эдде» как *один из миров* космозированной вселенной.

зафиксированные в «Младшей Эдде» отражают «протоситуацию» по нескольким причинам: представлены *первичный* падеж (**им.**) и синтаксическая функция субъекта, а также *исходный* миф творения; большой объём сведений позволяет локализовать Альвхейм *на небе*, конкретизировать его обитателей (*светлых альвов*) и интерпретировать его как одно из мифологических «мест» (др.-исл. *staðr*) в эддической модели мира.

Сходство, демонстрируемое номинацией *мира* др.-исл. *Jotun-heimr* 'великанов мир', состоит в наиболее частотном **вин. пад.** и доминирующей синтаксической функции *направления*, *цели*, ядро которой образуют *глаголы движения*. Что касается *различий*, то нельзя не обратить внимания на более подробную информацию, сопутствующую исследуемой лексеме, в «Старшей Эдде», проявляющуюся в более разнообразном наборе параметров описания (ср. наличие гиперонима, атрибута и синтаксической функции субъекта); обратная ситуация наблюдается в отношении мифологических коннотаций: в «Старшей Эдде» они ограничиваются единственным примером, содержащим эсхатологический мотив шума Йотунхейма, в то время как в «Младшей Эдде» в нескольких мифах, причём космогонический миф объединяет несколько мотивов.

др.-исл. <i>Álf-heimr</i> 'альвов мир'	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	1	1
Наиболее частотные падежи	Вин. пад.	Им. пад.
Синонимы	—	—
Антонимы	—	—
Гипонимы, гиперонимы	—	Место (др.-исл. <i>staðr</i>) — Альвхейм
Ассоциации	—	—
Атрибуты	—	—
Предикаты субъекта	—	Называться (др.-исл. <i>er kallaðr</i>)
Предикаты объекта	Давать Альвхейм (др.-исл. <i>Álfheim gáfo</i>)	—
Предикаты локуса	—	—
Предикаты направления, цели	—	—
Экстралингвистические факты	—	—
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Космологические представления: боги дали в Альвхейм богу Фрейру	Миф творения: ономатетический акт (Альвхейм <i>назван</i>)

Информация о наименовании *мира* др.-исл. *Álf-heimr* 'альвов мир' крайне скудная, так как в «Старшей» и «Младшей Эдде» засвидетельствовано по одному словоупотреблению, тем не менее представляется возможным сделать некоторые обобщения. Можно с достаточной степенью вероятности констатировать, что факты,

В «Старшей» и «Младшей Эдде» др.-исл. *Vana-heimr* 'ванов мир' обнаруживает полную идентичность: употребляется один раз в форме **дат. пад. ед. ч.**, выполняет синтаксическую функцию *локуса* и отражает один и тот же сюжет о боге Ньёрде, только в первом случае акцент делается на демиургическом акте богов, *сотворивших* его,

др.-исл. <i>Jǫtun-heimr</i> 'великанов мир'	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	11	13
Наиболее частотные падежи	Вин. пад.	Вин. пад.
Синонимы	—	—
Антонимы	—	—
Гиперонимы, гипонимы	Гипероним <i>мир</i> (др.-исл. <i>heimr</i>) — гипоним Йотунхейм	—
Ассоциации	—	—
Атрибуты	Весь (др.-исл. <i>allr</i>)	—
Предикаты субъекта	Шуметь (др.-исл. <i>gnýr</i>)	—
Предикаты объекта	—	—
Предикаты локуса	Добиваться в Йотунхеймах (др.-исл. <i>árnaðir í Jǫtunheima</i>)	Быть в Йотунхеймах (др.-исл. <i>vera í Jǫtunheimum</i>); родиться в Йотунхеймах (др.-исл. <i>fæddusk upp í Jǫtunheimum</i>); жить в Йотунхеймах (др.-исл. <i>byggði í Jǫtunheimum</i>); называться в Йотунхеймах (др.-исл. <i>hét í Jǫtunheimum</i>);
Предикаты направления, цели	Посмотреть в Йотунхеймы (др.-исл. <i>sá í Jǫtunheima</i>); Ехать в Йотунхеймы (др.-исл. <i>aca í Jǫtunheima</i> ; <i>ec í Jǫtunheima</i> ; <i>óc í Jǫtunheima</i>); прийти в Йотунхеймы (др.-исл. <i>kominn í Jǫtunheima</i>) / выйти из Йотунхеймов (др.-исл. <i>qvóto ór Jǫtunheimom</i>); скакать в Йотунхеймы (др.-исл. <i>reið í Jǫtunheima</i>); стремиться в Йотунхеймы (др.-исл. <i>var óðfús í Jǫtunheima</i> (дважды))	Ехать / приехать в Йотунхеймы (др.-исл. <i>byrjaði ferðina í Jǫtunheima</i> ; <i>sækja í Jǫtunheima</i> ; <i>kom í Jǫtunheima</i>); скакать в Йотунхеймы (др.-исл. <i>reið í Jǫtunheima</i>); лететь в Йотунхеймы (др.-исл. <i>flýgr í Jǫtunheim</i>); посылать в Йотунхеймы (др.-исл. <i>var sent í Jǫtunheima</i>); привезти в Йотунхеймы (др.-исл. <i>færa í Jǫtunheima</i>); нести из Йотунхеймов (др.-исл. <i>hafði borit ór Jǫtunheimum</i>)
Экстралингвистические факты	—	—
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Миф творения: эсхатологический мотив <i>шума</i> Йотунхейма	Миф творения: космологические представления об обитании в Йотунхеймах Ночи, дочери великана Нерви; хтонических чудовищ великанши Хель, волка Фенрира и Мидгарда змея, порождений Локи и великанши Ангрбоды; эсхатологические коннотации в угрозе о перемещении Вальхаллы в Йотунхеймы; миф о строительстве крепости для богов великаном из Йотунхейма
др.-исл. <i>Vana-heimr</i> 'ванов мир'	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	1	1
Наиболее частотные падежи	Дат.	Дат.
Синонимы	—	—
Антонимы	—	—
Гиперонимы, гипонимы	—	—

Ассоциации	—	—
Атрибуты	—	—
Предикаты субъекта	—	—
Предикаты объекта	—	—
Предикаты локуса	Создать в Ванахейме (др.-исл. <i>Í Vanaheimi scópo</i>)	Быть рождённым в Ванахейме (др.-исл. <i>var upp fœddr í Vanaheimi</i>)
Предикаты направления, цели	—	—
Экстралингвистические факты	—	—
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Миф творения: демиургический акт богов ванаов, сотворивших бога Ньёрда в Ванахейме и передавших его асам в залог	Миф творения: космологические представления о рождении бога Ньёрда в Ванахейме

а во втором - о результате этого теофорного действия (*рождении* соответствующего мифологического персонажа).

Др.-исл. *Nifl-hel* 'тумана хель' обнаруживает большую степень изоморфизма в «Старшей» и «Младшей Эдде», проявляющуюся наличии

др.-исл. <i>Nifl-hel</i> 'тумана хель'	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	2	1
Наиболее частотные падежи	Род., вин. пад.	Вин. пад.
Синонимы		
Антонимы		
Гиперонимы, гипонимы	Гипероним <i>хель</i> (др.-исл. <i>hel</i>), <i>мир</i> (др.-исл. <i>heimr</i>), гипоним (др.-исл. <i>Nifl-hel</i>)	Гипероним <i>хель</i> (др.-исл. <i>hel</i>), <i>мир</i> (др.-исл. <i>heimr</i>), гипоним (др.-исл. <i>Nifl-hel</i>)
Ассоциации	Низ (др.-исл. <i>niðr</i> ; <i>neðan</i>)	Низ (др.-исл. <i>niðr</i>)
Атрибуты		
Предикаты субъекта		
Предикаты объекта		
Предикаты локуса		
Предикаты направления, цели	Проходить до Нифльхель (др.-исл. <i>kom fyr Niflhel</i>); скакать в Нифльхель (др.-исл. <i>(reið Niflheljar til)</i>)	Отправляться в Нифльхель (др.-исл. <i>fara í Niflhel</i>)
Экстралингвистические факты		
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Миф творения, космологические представления о Нифльхель как о самом нижнем девятом мире	Миф творения, космологические представления о Нифльхель как о самом нижнем девятом мире
др.-исл. <i>Val-höll</i> 'павших чертог'	«Старшая Эдда»	«Младшая Эдда»
Количество словоупотреблений	7	14
Наиболее частотные падежи	Род., дат.	Вин. пад.
Синонимы	—	—
Антонимы	—	—
Гиперонимы, гипонимы	«Радости мир» (др.-исл. <i>Glaðs-heimr</i>) — гипероним, Вальхалла — гипоним	Гиперонимы <i>дом</i> (др.-исл. <i>hús</i>), <i>мир</i> (др.-исл. <i>heimr</i>), <i>Асгард</i> (др.-исл. <i>Ás-garðr</i>)
Ассоциации	Смерть в бою (др.-исл. <i>vápndaufa</i>); курган (др.-исл. <i>haugr</i>); пить в Вальхалле вино (др.-исл. <i>dracc / drucco vín í Valhöll</i> (дважды))	Пасть в битве (др.-исл. <i>í val falla</i> ; <i>í orrostu hafa fallit</i>); пить в Вальхалле (др.-исл. <i>drukkin</i> ; <i>drykkju</i>); золото, свет, блеск, огонь (др.-исл. <i>gylfum, ljós, eld, Glasir</i>)

Атрибуты	Золотом яркий (др.-исл. <i>en gullbiarta</i>) Широкий (др.-исл. <i>víð</i>)	Большой (др.-исл. <i>geysi-mikit</i>); высокий (др.-исл. <i>háva</i>)
Предикаты субъекта	Быть (др.-исл. <i>þrumir</i>)	Быть (др.-исл. <i>vera</i>); быть покрытым (др.-исл. <i>var þekð</i>)
Предикаты объекта	—	Давать Вальхаллу (др.-исл. <i>skipar Valhǫll</i>); делать Вальхаллу (др.-исл. <i>gort Valhǫll</i>); поднять Вальхаллу (др.-исл. <i>taka upp Valhǫll</i>); увезти Вальхаллу (др.-исл. <i>færa Valhǫll</i>);
Предикаты локуса	Быть в Вальхалле (др.-исл. <i>at Valhǫll vera</i>); пить в Вальхалле (др.-исл. <i>dracc / druco í Valhǫll</i> (дважды))	Быть в Вальхалле (др.-исл. <i>er í Valhǫll; er í Valhǫllu; vera í Valhǫll; í Valhǫll váru</i>); стоять в Вальхалле (др.-исл. <i>stendr á Valhǫll</i>);
Предикаты направления, цели	Приходить в Вальхаллу (др.-исл. <i>kom til Valhallar</i>); скакать в Вальхаллу (др.-исл. <i>ríða til Valhallar</i>)	Приходить в Вальхаллу (др.-исл. <i>eru komnir í Valhǫll; komr til Valhallar</i>); скакать в Вальхаллу (др.-исл. <i>ríða til Valhallar</i>)
Экстралингвистические факты	540 дверей (др.-исл. <i>540 dura</i>)	Покрыта щитами (др.-исл. <i>skjöldum þekð</i>)
Мифы, мифологические мотивы и сюжеты	Миф творения: космологические представления о пребывании Вальхаллы; намёк на эсхатологию (ср. мотив скачки к Вальхалле во время «тьмы тьмушей»); миф о Бальдре (Фригг оплакивает его в Вальхалле)	Миф творения: демиургический акт «делания» богами Вальхаллы; эсхатологические аллюзии (ср. угрозы поднять и увезти Вальхаллу в Йотунхейм); мифологема мирового древа (ср. козу, стоящую на Вальхалле и ошпыливающую листву Лерада (ясеня Иггдрасилля))

общих признаков — **вин. пад.**, синтаксической функции на п р а в л е н и я , цели , реализуемой сочетанием с глаголами движения, статусом гипонима по отношению к гиперонимам — *миру* (др.-исл. *heimr*) и *хель* (др.-исл. *hel*), ассоциацией с *низом* (др.-исл. *níðr*) и мифологическими коннотациями, отождествлением исследуемого денотата с *девятым миром*, находящимся на самой глубине в соответствии с эддической моделью мира. Единственное различие заключается в большем разнообразии глаголов движения в «Старшей Эдде» (*проходить* до Нифльхель; *скакать* в Нифльхель).

В «Старшей» и «Младшей Эдде» др.-исл. *Valhǫll* ‘павших чертог’ обнаруживает большую степень изоморфизма, проявляющуюся в функционировании Вальхаллы в качестве гипонима по отношению к гиперониму *мир* (др.-исл. *heimr*), ассоциации с *смертью в битве*, пиршественной палатой (ср. *пить в Вальхалле*), блеском и *золотом*, а также в доминировании синтаксической функции л о к у с а , при том, что и другие синтаксические функции иллюстрируют совпадения,

ср. субъект (*Вальхалла* + глагол бытия (*есть; пребывает*); локус (*быть в Вальхалле*); направление, цель (*приходить в Вальхаллу; скакать в Вальхаллу*). Сходство распространяется и на атрибуты, фиксирующие высшую степень качества, расцениваемую положительно в рамках мифопоэтической архаической традиции, ср. *большой, широкий, высокий* (а не *маленький, узкий, низкий*). Оба памятника письменности отсылают к экстралингвистической сфере (ср. упоминание о 540 дверях Вальхаллы и её покрытии *золотыми щитами*); они демонстрируют разнообразные мифологические коннотации. Среди наиболее существенных различий могут быть названы весьма продуктивная синтаксическая функция прямого о б ъ е к т а , типичная для др.-исл. *Valhǫll* ‘павших чертог’ в «Младшей Эдде» и её отсутствие у данной номинации *мира* в «Старшей Эдде». Специфика этого феномена заключается в сильной степени вовлечённости исследуемого денотата в область мифологии: в «Младшей Эдде» Вальхалла описывается как объект творения

в космогонии (*делать, давать Вальхаллу*) и уничтожения в эсхатологии (*поднять, увезти Вальхаллу*), то есть во всей полноте реализуется воздействие *мифопоэтической* модели мира на формирование языкового концепта.

Выводы. На основании сопоставительного анализа номинаций *мира* в «Старшей» и «Младшей Эдде» можно отметить некоторые тенденции, к характеристике которых мы и переходим:

а) В «Старшей Эдде» **не зафиксированы** лексемы др.-исл. *Mú-spellz-heimr* ‘точки (в пространстве) уничтожения мир’, *Nifl-heimr* ‘тумана мир’, *Út-garðr* ‘внешнее огороженное пространство’, засвидетельствованные неоднократно в «Младшей Эдде». Этот феномен нельзя считать окказиональным, так как первые два композита служат для обозначения первостихий — *тепла* и *холода*, — взаимодействие которых привело к образованию *príma materia* и началу космогенеза в соответствии с эддическим мифом творения, а третий участвует в фундаментальной для архаической мифопоэтической модели мира оппозиции «*свое* пространство» (др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’) — «*чужое* пространство» (др.-исл. *Út-garðr* ‘внешнее огороженное пространство’).

б) В «Старшей Эдде» представлена *единичная* номинация мифологического пространства, в то время как в «Младшей Эдде» аналогичное словосочетание отличается относительно высокой частотностью, ср. *gar ginnunga* ‘бездна зияний’ (одно словоупотребление) *vice versa Ginnunga gar* ‘зияний бездна’ (7 словоупотреблений). Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что данное словосочетание кодирует **различные** этапы существования вселенной: в «Старшей Эдде» оно используется для апофатического описания *хаоса*, а в «Младшей Эдде» для наименования исходного локуса космогенеза, в котором осуществляется смешение полярных начал и образуется *космос*.

в) В «Младшей Эдде» имеется *детализация* номинаций *мира*, например, наряду с др.-исл. *Álf-heimr* ‘альвов мир’, локализуемым на небе, упоминается расположенный под землёй др.-исл. *Svart-álfa-heimr* ‘чёрных альвов мир’, не фигурирующий в «Старшей Эдде».

г) Объём информации в «Младшей Эдде» может многократно превышать сведения, репрезентированные в «Старшей Эдде», на что недвусмысленно указывает частотность той или иной лексемы, ср. др.-исл. *Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’ (20 словоупотреблений на фоне двух в «Старшей Эдде»).

д) В «Младшей Эдде» номинация *мира* может иметь *более разнообразный* набор параметров описания и больший объём мифологических коннотаций по сравнению со «Старшей Эддой» (ср. др.-исл. *Jötun-heimr* ‘великанов мир’), к тому же обладающий *конкретными* признаками, ср. демиургический акт, в результате которого *Вальхалла пребывает* (Grm. 8) и мотив *делания Вальхаллы богами* (SnE 41, 6), или достаточно абстрактные антонимы др.-исл. *hel* ‘мир иной, загробное царство’ в «Старшей Эдде» (*дом* (др.-исл. *hús*); *мир* (др.-исл. *heimr*) на фоне антонима, предельно конкретного по содержанию, др.-исл. *Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’ в «Младшей Эдде». Кроме того аналогичную функцию уточнения семантики номинации *мира* выполняет и дублирование смысла, характерное для «Младшей Эдды», ср. при др.-исл. *hel* ‘мир иной, загробное царство’ ассоциации с *низом* (др.-исл. *peðan*), глубиной, *девятием миром* (др.-исл. *í enn níunda heim*).

е) В «Младшей Эдде» отражены более архаичные мифологические мотивы, отсутствующие в «Старшей Эдде», ср. образ *Мидгарда змея*, опоясывающего землю и выполняющего *конструктивную* функцию её сдерживания, ограничения, создания границ, трактуемого в «Старшей Эдде» однозначно *отрицательно* как хтоническое чудовище, представляющее угрозу для мироздания во время «гибели богов».

ж) В «Старшей Эдде» прослеживаются черты *антропоцентризма*, например, в описании др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’, населённого людьми, с позиций которых описываются другие мифологические локусы (хель — *внизу*, др.-исл. *Út-garðr* ‘внешнее огороженное пространство’ — *вовне*), в то время как в «Младшей Эдде» подобного явления не наблюдается, поскольку доминирует *теоцентризм*, то есть точкой отсчёта служит расположение жилища богов (др.-исл. *Ás-garðr* ‘асов огороженное пространство’), например, по отношению к др.-исл. *hel* ‘мир иной, загробное царство’.

Подводя итоги сопоставительного анализа обозначений *мира* в «Старшей» и «Младшей Эдде» можно констатировать *более архаическую* стадию, зафиксированную в древнеисландском прозаическом памятнике, проявляющуюся в наличии номинаций первоначальных локусов космогенеза (др.-исл. *Mú-spellz-heimr* ‘точки (в пространстве) уничтожения мир’, *Nifl-heimr* ‘тумана мир’) и места их взаимодействия (*Мировой бездны*), описание которой как объекта *космизированной* вселенной даётся достаточно подробно; в презентации фундаментальной для мифопоэтической модели

мира оппозиции *своего* и *чужого* пространства (др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’ — *Út-garðr* ‘внешнее огороженное пространство’); более детальном и конкретном описании соответствующих лексем и более широком спектре их мифологических коннотаций, а также факторе *теоцентризма*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
2. *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях / Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.
3. Snorri Sturluson. *Edda*. Udg. Af Finnur Jónsson. København: Forlagt af Universitetsboghandler G. E. C. GAD, trykt hos Nielsen & Lydiche, 1900.
4. *Младшая Эдда*. Изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1970.
5. *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Том первый А—К. М., 1980. Том второй К—Я. Главный редактор С.А. Токарев. Члены редакционной коллегии И.С. Брагинский, И.М. Дьяконов, В.В. Иванов, Р.В. Кинжалов, А.Ф. Лосев, В.М. Макаревич (ответственный секретарь), Е.М. Мелетинский (заместитель главного редактора), Д.А. Ольдерогге, Б.Л. Рифтин, Е.М. Шгаерман. М.: Советская энциклопедия, 1982.
6. *Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в Ригведе. М.: Восточная литература, 1999.
7. *Никитина С.Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва. М., 1997. С. 360—373.
8. *Фольклорная лексикография*. Отв. ред. А.Т. Хроленко. Курск: КГПИ, 1994. Выпуск 1.
9. *Топорова Т.В.* Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде». М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

REFERENCES

1. *Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
2. *Starshaya Edda*. *Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah*. *Perevod A.I. Korsuna*. *Redakciya, vstupitelnaya statya i kommentarii M.I. Steblin-Kamenskogo* [The Elder Edda. Old Icelandic Songs About Gods and Heroes. A.I. Korsun's Translation. Ed., Intr., Comm. M.I. Steblin-Kamensky]. Moscow, Leningrad: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1963. (In Russ.)
3. Snorri Sturluson. *Edda*. Udg. Af Finnur Jónsson. København: Forlagt af Universitetsboghandler G. E. C. GAD, trykt hos Nielsen & Lydiche, 1900.
4. *Mladshaya Edda*. *Izd. podgot. O.A. Smirnickaya, M.I. Steblin-Kamenskij* [The Younger Edda. Eds. O.A. Smirnickaya, M.I. Steblin-Kamensky]. Moscow: Nauka Publ., 1970. (In Russ.)
5. *Mify narodov mira*. *Enciklopediya*. 2 t. [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Moscow: Spovetskaya Encyclopedia Publ, 1980—1982. (In Russ.)
6. *Eлизаренкова, Т.Я.* *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and Things in the Rig Veda]. Moscow: Eastern Literature Publ., 1999. (In Russ.)
7. *Nikitina, S.E.* *O mnogoznachnosti, diffuzii znachenij i sinonimii v tezauruse yazyka folklora* [On Polysemy, Diffusion of Meanings and Synonymy in the Thesaurus of the Folklore Language]. *Oblik slova. Sbornik statej pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmelyova* [Shape of the Word. Collection of Articles in Memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev]. Moscow, 1997, pp. 360—373. (In Russ.)
8. *Folklorная leksikografiya*. *Otv. red. A.T. Hrolenko* [Folklore Lexicography 1994. Rep. ed. A.T. Khrolenko]. Kursk: KSPI Publ., 1994. Issue 1. (In Russ.)
9. *Toporova, T.V.* *Principy opisaniya epicheskogo slova: koncept gory v "Starshej Edde"* [Principles of Describing the Epic Word: The Concept of a Mountain in the Elder Edda]. Moscow: Academy of Humanitarian Research Publ., 2006. (In Russ.)

СОКРАЩЕНИЯ

Названия эддических песен

Vsp. — Vǫluspá, «Прорицание вёльвы»

Название «Младшей Эдды»

SnE — Edda Snorra Sturlusonar «Эдда Снорри Стурлуссона»

Дата поступления материала в редакцию: 23 января 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on January 23, 2024

Revised on July 23, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050071

М. Н. Муравьев, Я. Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян

© 2024 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ivinskij@gmail.com

Резюме. Статья посвящена исследованию литературных контекстов трагедии М.Н. Муравьева «Дидона». Она не была опубликована, рукопись этого текста хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). В работе показано, что Муравьев полемизировал с целым рядом европейских авторов, среди которых центральное место занимали Ж.Ж. Лефран де Помпиньян, который написал свою «Дидону» в 1734 г., и Я.Б. Княжнин, который, создавая одноименную пьесу предположительно в 1769 г., ориентировался на Лефрана. Если французский писатель критиковал Вергилия, не понимал его «естественности», как полагал Муравьев, и пытался предложить новые принципы построения персонажей в драме, то Муравьев, напротив, боготворил автора «Энеиды» и хотел вернуться к античному оригиналу. При этом молодой поэт мог опираться на сочинения Расина и критические статьи Вольтера, который на протяжении нескольких десятилетий высмеивал Лефрана и его произведения. Один из ключевых текстов Вольтера, посвященных этой проблеме, — «Le Russe à Paris» (1760), где он противопоставил Лефрану М.В. Ломоносова, который, в свою очередь, был одним из главных литературных образцов для Муравьева. Таким образом, в статье выдвигается гипотеза, что Муравьев, создавая свою «Дидону», оказывался в гуще актуальных литературных споров: отвергая линию «Лефран — Княжнин — Сумароков», ориентировался на линию «Вергилий — Расин — Вольтер — Ломоносов», претендуя на роль посредника между европейской и русской культурами.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, А.П. Сумароков, Вольтер, Вергилий, история русской литературы XVIII в.

Для цитирования: Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 85–95. DOI: 10.31857/S1605788024050071

Muravyov, Kniazhnin, Voltaire and Le Franc de Pompignan

© 2024 Alexander D. Ivinskiy

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of literary contexts of M.N. Muravyov's tragedy "Dido". It has not been published, the manuscript of this text is kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library (St. Petersburg). The work shows that Muravyov polemicized with a number of European authors, among whom the central place was occupied by J.J. Lefranc de Pompignan, who wrote his "Dido" in

1734, and Ja.B. Knyazhnin, who, creating the play of the same name presumably in 1769, relied on Lefranc. If the French writer criticized Virgil, did not understand his “naturalness” and tried to propose new principles for building characters in the drama, then Muravyov, on the contrary, idolized the author of the “Aeneid” and wanted to return to the ancient original. At the same time, the young poet could rely on the writings of Racine and the critical articles of Voltaire, who for several decades ridiculed Lefranc and his works. One of Voltaire’s key texts in this context was “Le Russe à Paris” (1760), in which he opposed M.V. Lefranc to Lomonosov, who was one of the main literary models for Muravyov. Thus, the article hypothesizes that Muravyov, creating his “Dido”, found himself in the middle of literary disputes: rejecting the line “Lefranc – Knyazhnin – Sumarokov”, he chose the line “Virgil – Racine – Voltaire – Lomonosov”, claiming to be an intermediary between European and Russian cultures.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>.

Key words: Mikhail Muravyev, Ya.B. Knyazhnin, A.P. Sumarokov, Vergil, history of 18th century Russian literature.

For citation: Ivinskiy, A.D. *Muravyov, Kniazhnin, Volter i Lefran de Pompinian* [Muravyov, Kniazhnin, Voltaire and Le Franc de Pompignan]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 85–95. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050071

Задача данной заметки — обсудить литературный контекст замысла трагедии М.Н. Муравьева «Дидона»¹, первое действие которой было начато в 1771 г.², а завершено 12 марта 1772³, второе было закончено 26 июля 1772⁴, а третье и последнее — 3 мая 1774 г.⁵

Однако и позднее этот сюжет интересовал писателя: так, например, среди бумаг, хранящихся в ОР РНБ, находим такую недатированную запись: «...в четвертой книге “Энеиды” кажется, что уступает Эней первое место: во всей ней царствует душа Дидоны и рассыпает на нее нежность и пристрастие чувствий, которых только способна женщина. Может быть, и не ошибся Virgilii, когда не в герое показал нам все прелести и бесшенства любви, а в нежнейшем поле...»⁶.

В 1780 г. Муравьев сочинил прозаическую героиду «Дидона к Энею», по-видимому, оставшуюся незавершенной. Приводим весь известный нам текст:

Героида Дидона к Енею. В 1780 г. в Твери. Заботы исчезают из сердец смертных со снисхождением знойного дня и чистый вечер отдаляет звуки работ. Эхо молчит, разве одни тайные кусты еще внимают повторения его. А еще не приходит Эней разделить светлые

часы вечера с Дидоною, томящеюся целый долгий день попечениями царства, которые становятся мне дед ото дня более чужды. Ах! Эней, слабо занимают нас упражнения, где не участвует сердце. Мое толь тяжко, толь удивлено новыми своими чувствиями! Неведомое умиление проистекает из него каждое мгновение. Тобою подкрепляема, тобою... столь ясны вижу мгновения свои. Но... возвращаясь в себя, некий туман... Отдалим от себя сие преследующее воображение. Я вся предаюся счастию благотворения, дружбы. Обхождение твое, Эней, твои понятия, исправляющие мои, присовокупляют каждый день к благородству души моей. Заставляя почитать себя, ты совершаешь существование мое. Что бы было, боги! если бы жизни моей суждено было кончиться, не видя тебя? Один только светлый день, и я бы не имела и понятия о счастье тебя знать, наслаждаться нежностью сердца твоего, внимати мудрость, проистекающую из уст твоих! ты уже видел Италию: буря, благоприятствующая буря, отнесла тебя от берегов ея...⁷.

В «Записной книге» Муравьева, которая хранится в ОР РГБ, находим стихотворный перевод из той же четвертой книги «Энеиды», посвященный «царице», которая «любовью уязвлена» (подробнее об этом, а также текст перевода см.: [3, с. 374–375]).

Вернемся к тексту трагедии. В центре внимания Муравьева здесь Дидона, именно она проносит самые яркие монологи. Эней отошел несколько на второй план, «уступил первое место», он метался, страдал, пытаясь выбрать между «разумом» и «сердцем», но довольно быстро определился со своей судьбой. Таким образом, фокус внимания читателя смешался с тем предназначения Энея, будущего Рима, имперской мифологии, которые сохраняли свою принципиальную важность в тексте, на психологические страдания

¹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1–20 об. В настоящее время мы готовим текст трагедии к печати.

² Муравьев указал эту дату на первом листе рукописи (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1).

³ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 9 об.

⁴ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 14 об.

⁵ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 20 об. Об этом см.: [1, с. 80]; [2, с. 21].

⁶ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. Л. 3 об.

⁷ РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 132.

любого современного поэта, который хотел бы добиться статуса классика.

Л.И. Кулакова полагала, что «замысел <“Дидоны”> не соответствовал силам автора», при этом отметив, что «незрелая трагедия не удовлетворила его, а позднее он написал на нее уничтожающий автоотзыв и автоэпиграмму:

Кто эту написал “Дидону”,
Не должен попрекать погрешности Прадону» [11, с. 17–18].

Действительно, на полях первого листа рукописи Муравьев записал эту эпиграмму⁹, но, во-первых, она, кажется, создана позже¹⁰ и, возможно, отражает зрелую оценку собственных юношеских опытов, которая нередко бывает излишне резкой, а во-вторых, строго говоря, мы не знаем точно, что это была именно *автоэпиграмма*. Дело в том, что, как верно указала Л.И. Кулакова, тексту трагедии предшествует «предисловие», которое «обнаруживает недюжинную начитанность четырнадцатилетнего автора и полемический задор» [11, с. 17]. С нашей точки зрения, эпиграмму можно отнести не столько к юному Муравьеву, сколько к Лефрану де Помпиньяну и др., кому автор и посвятил свой критический разбор¹¹. Именно в нем молодой поэт бичевал «Прадонов», обвиняя их в непонимании Вергилия, а значит, «естественности» и «природы»:

Повесть страсти Дидоновой, столь прекрасно описанной и, может быть, вымышленной Вергилием, подала повод к сочинению Трагедии, сколько мне известно, господам Скюдери, Буа-Роберту, аббату Метастазию, маркизу Ле Фран де Помпиньян, Шлегелю, Як.Б. Княжнину. Всякой имеющий чувствительное сердце должен сожалеть, что не предпринял ее писать Расин, один, которой бы мог вслед идти Вергилию или с ним бороться. Нравственно невозможно, чтоб великому Корнелию пришлось когда-нибудь в ум посвятить бдения свои на начертанье сей повести в трагедии. Его соперник и товарищ на трагическом поприще — творец *Аталии* — многие красоты Вергилиевы оживил чувствами своей души и прелестями стихосложения разделил, так сказать, между Андромехи и Федры стыдливость, сражения любви и ее неистовства. Я не хочу видеть Дидоны в убранстве, данном ей в займы Ле Франом после того, как я видел ее в одеяниях прекрасных и естественных, в которые облек ее Вергилий или — лучше — природа¹².

⁹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1.

¹⁰ Так, Кулакова, печатая этот текст в подготовленном ею издании, отнесла его к 1780-м годам [11, с. 233].

¹¹ При этом возможна и двойная адресация эпиграммы зрелого Муравьева, который видел недостатки и свои, и других авторов.

¹² ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1.

Подчеркнем в этом тексте слово *один*: только Расин сравним с Вергилием, для Муравьева, человека, страстно увлеченного античностью, это было, наверное, высшей из возможных похвал¹³. Но если так, то все остальные упомянутые авторы, и особенно Лефран¹⁴, в той или иной степени отошли от идеала. Если Вергилий — это «природа», «естественность» и «простота», то Лефран и др., очевидно, что-то прямо противоположное¹⁵.

Жан-Жак Лефран де Помпиньян (1709–1784) — французский драматург, в 1734 г. он напечатал «Дидону», имевшую, наряду с его одами, настолько шумный успех, что он получил место во Французской академии. Его трагедия была играна 18 раз в течение первого года, а в репертуаре оставалась до 1818 г. [12]. В России она впервые, кажется, была поставлена 23 июля 1749 г.: «...полудни, вместо куртага, отправлялась французская трагедия “Еней и Дидона”, в присутствии Их Императорских высочеств» [13, с. 33]. Кроме того, в конце 1750-х годов «Дидона покинутая» ставилась первой русской придворной труппой под руководством А.П. Сумарокова [14, с. 175].

Чем же Лефран мог так раздражить юного Муравьева? Французский драматург в предисловии к своей трагедии не только отказался признать безусловное величие Вергилия, но и резко раскритиковал его. С точки зрения Лефрана, Вергилий уступал Гомеру в искусстве создания героев, которые у римского автора были «посредственными и презренными» (это “*mauvais modele*”). Современный автор должен исправить «ошибки» древних и создать персонажей, которые соответствовали бы универсальным принципам «чести»:

Je respecte Virgile, & je fais gloire d'être son admirateur; mais je ne connois pas de plus mauvais modele que lui pour les caractères. Je prie les adorateurs de l'antiquité de ne me point confondre avec ceux qui la décrient. Je sais combien il est injuste de faire un crime à Homere, à Sophocle, à Euripide, à Virgile & à tous les Poètes célèbres de la Grece, & de Rome d'avoir employé des pensées, des images, & des expressions qui paroissent souvent contraires aux moeurs,

¹³ Ср. замечания Н.Д. Кочетковой о том, что «образом <для Муравьева. — А.И.>, достойным подражания, становится не только древний автор — Вергилий, но и новый — Расин, понятый, правда, уже не традиционно» [1, с. 81].

¹⁴ На первом листе рукописи находим такой заголовок: «План Дидоны Г. Ле Фран де Помпиньяна». Муравьев свой замысел не реализовал, видимо, он планировал проанализировать структуру французской трагедии (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1).

¹⁵ Ср. справедливые замечания Р.М. Лазарчук: «Муравьев попытался снять с сюжета Вергилия позднейшие напластования. Он обращается к античности, минуя опыты Ж. Скюдери, Ф. Буа-Роберта, П. А. Метастазия Ж.-Ж. Ле Франа де Помпиньяна» [2, с. 24].

& au goût des François. Chaque pais a ses moeurs, ses costumes, son langage qui doivent servir de règle pour décider du mérite de ses auteurs, & non le système particulier d'une seule nation. Mais il est des choses indépendantes du goût, & des usages des différents peuples. Telles sont des loix de l'honneur, de la droiture, de la valeur, de l'amitié: c'est sur ces principes immuables & communs à toutes les nations du monde, que doit être établi le caractère des héros qu'on introduit sur la scène, & l'on peut condamner sans rémérité tout auteur qui s'en écarte, fût-il Grec, Romain, ou François. Or il est certain que Virgile en cela bien inférieur à Homere nous a présenté des héros toujours médiocres, & le plus souvent méprisables. C'est une vérité généralement reconnue, & je doute que ses partisans les plus outrez me fassent un crime d'avoir tâché de le rectifier en cette partie¹⁶ [15, p. 6].

И действительно, Лефран значительно отошел от источника, ввел новых персонажей и сместил, таким образом, акценты, реинтерпретировав источник — четвертую главу «Энеиды». Это предисловие не прошло незамеченным. Так, Вольтер в письме к М. Тьеро от 28 марта 1738 г. называл его «наглым»: “...mais sa *Didon*, toute médiocre qu'elle est, lui tourna la tête, et lui fit faire une préface impertinente *au possible*, qui mérite mieux l'exil que tout discours à une cour des aides” [16, p. 445] («...но его Дидона, как бы она ни была посредственна, вскружила ему голову и заставила сделать максимально дерзкое предисловие, которое больше заслуживает изгнания, чем всякая речь в Высшем податном суде»). Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Муравьев, боготворивший Вергилия, оценил текст Лефрана схожим образом.

Полемика Вольтера с Лефраном продолжалась несколько десятилетий, то затухая на время, то разгораясь с новой силой вновь. Так, Вольтер,

¹⁶ «Я уважаю Вергилия и горжусь тем, что являюсь его поклонником; но худшего образца персонажей, чем он, я не знаю. Прошу поклонников старины не путать меня с порицающими ее. Я знаю, как несправедливо обвинять Гомера, Софокла, Еврипида, Вергилия и всех знаменитых поэтов Греции и Рима за то, что они использовали мысли, образы и выражения, которые часто кажутся противоречащими морали и вкусам французов. Каждая страна имеет свои обычаи, свои костюмы, свой язык, которые должны служить правилом, определяющим заслуги ее авторов, а не особый строй отдельного народа. Но есть вещи, независимые от вкусов и обычаев разных народов. Таковы законы чести, праведности, доблести, дружбы: именно на этих непреложных принципах, общих для всех народов мира, должен складываться на сцене характер представленных героев, и мы можем безосновательно осуждать любого автора, отклоняющегося от нее, будь то грек, римлянин или француз. Это точно, что Вергилий в этом отношении, значительно уступая Гомеру, подарил нам героев всегда посредственных, а чаще всего презренных. Это общепризнанная истина, и я сомневаюсь, что самые возмутительные ее противники назовут меня преступником за попытку исправить его в этой части» (здесь и далее перевод мой — А.И.)

несмотря на теплый прием «Дидоны» Лефрана публикой, раскритиковал не только предисловие, но и всю пьесу, назвав ее «скучной». Более того, он обвинял автора в плагиате, поскольку тот якобы скрыл тот «факт», что его трагедия — «лишь перевод» оперы П. Метастазіо (см. подробнее: [12]¹⁷). Кажется, эти обвинения были несправедливы, хотя, разумеется, Лефран не мог не учитывать произведение Метастазіо: “*Didone abbandonata*” (1724) была крайне популярна, и уже в 1766 г., как указано на титуле издания, «по всевысочайшему ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской поведению», ее перевели на русский язык [17]. Тексты Лефрана и Метастазіо использовал, как известно, «переимчивый» Я.Б. Княжнин, когда сочинял свою «Дидону» (об этом подробнее см.: [18, с. 725]). Таким образом, в восприятии современников «Дидона» оказалась неразрывно связана с темой заимствований, влияний и даже плагиата (причем не так важно, насколько справедливы были подобные претензии).

Впрочем, Лефран не побоялся вступить в открытую полемику с Вольтером и попытался «отыгаться» на всех так наз. философах, просветителях, забывших, по его мнению, подлинную мораль (“*morale sognomme*”) и создававших безнравственные произведения (“*littérature dépravée*”) [19, p. 4–5] (см. подробнее: [20, p. 429–449]).

Вольтер не остался в долгу и, по крайней мере, три года, с 1760 по 1763, преследовал Лефрана своими иронией, насмешками и издевками (см. об этом: [21, p. 171]). Кстати, не забыл Вольтер и «Дидону» и посвятил ей специальное сочинение “*Fragment d'une lettre sur Didon*”, в котором разоблачил многочисленные «несовершенства» отдельных монологов героев, отказав Лефрану в писательском таланте [22, p. 231–232].

Ключевой текст Вольтера в этом ряду — “*Le Russe à Paris*” (1760). Это очередная мистификация: авторство текста приписано секретарю русского посольства Ивану Алетову¹⁸, который выучил французский в Архангельске и сочинял изящные стихи. Очевидно, что «поэт из Архангельска» отсылал к М.В. Ломоносову. И, разумеется, Алетов, «Правдин», не выносил сочинений Лефрана:

¹⁷ Другое мнение: «...спектакль по трагедии Ж.Ж. Лефрана де Помпигнан “Дидона”, написанной по мотивам поэмы Вергилия и высоко ценимой современниками и среди них — Вольтером, чье мнение и творчество было для Сумарокова авторитетным» [14, с. 174–175].

¹⁸ Возможно, фамилия говорящая: «Алетов» восходит к греческой “*aletheia*” (правда, истина).

“...un discours du sieur Lefranc de Pompignan, le mirent dans une telle colère qu’il en eut une fluxion de poitrine” [23, p. 129]. Следуя во многом схеме «Персидских писем» Монтескье, Вольтер описывал Париж глазами русского, который поражен «падением» современной французской культуры. Вольтеровский текст — издевка над Лефраном-ханжой, критиком «философов»¹⁹. Таким образом, интересующий нас сюжет неожиданным образом оказался включен в русский контекст: Ломоносов противопоставлен Лефрану, а «преображенная» Россия — погрязшей в ханжестве Франции. При этом, очевидно, «Дидона» такого автора воспринималась как знак, проявление этого всеобъемлющего упадка.

Ломоносов также переводил из четвертой книги «Энеиды», при этом он, в отличие от Лефрана, высоко ценил талант Вергилия. Так, в «Кратком руководстве к красноречию» писатель отметил, что «весьма возвышается слово смешением страстей: и для того славные Авторы не редко представляют одного человека двумя разными, или и противными страстями объятю. Так Вергилий изображает Дидону Королеву Карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея Генерала Троянского в 4 книге своей Енеиды» [25, с. 131]. И далее он напечатал фрагмент своего перевода, который Муравьев не мог не знать:

Уже всходя заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тритона овра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матрозов больше нет;
Ударил рукой в свою прекрасную грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
О, боже мой! Уйдет пришлец сей насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню
И карфагенский флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя нынче рок постиг, несчастлива Дидона!
Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Не можно ль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить,
И члены бы его отцу поставить в снедь?
Но счастье на бою сомнительно.
Да пусть бы. Хотящей умереть, кого уже бояться?
Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнула, и сама поверглась бы на них.

¹⁹ Ср.: «Наделенный трезвым и критическим умом, русский путешественник сразу же убеждается в том, что ему нечего делать в Париже: культура великого народа померкла от засилья ханжей и иезуитов; свободная мысль преследуется. Чувство восхищения французской культурой сменяется у русского путешественника чувством сострадания. Он покидает Францию, обещая вернуться тогда, “когда французы станут иными”» [24, с. 179].

О солнце, что на всю вселенную взираешь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящие фурии,
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышите днесь мольбу:
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей
Достигнул до земли и до берегов Гесперских,
Что рок так положил и переменить не можно:
То пусть хотя его жестока мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другое.
И как уж заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвременно падет
И будет посреди песку не погребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю?
[25, с. 131–132].

Муравьев, во многом следуя принципам, описанным Ломоносовым, создал сложный психологический портрет Дидоны, которая металась между надеждой и отчаянием, страстью и принятием своей судьбы; вот несколько примеров из второго действия пьесы:

Жестокой! он бежит, бежит, не озираясь,
И страхом одолен, себе сам изменяясь,
Взор смутной потупя, спокойства отлучен,
Свиристует в своем злодействе убежден,
Дидона! Ах! Почто злодея полюбила...
Но как лется вдруг не знаема внутрь сила?
Нет, ах! Я чувствую, что мною он любим,
Я с ним готова жить и умереть с ним,
Пленилась я им и век хочу быть пленна,
И с ним одним по гроб хочу быть соединена,
И чтоб и хладный прах с Енеевым смешен,
Во тленности еще пребыл не разлучен,
Но что я говорю? Дидона, заблуждаешь
И в кои пропасти себя ты не ввергаешь?
Ах! легковверная престань себя ласкать,
Тебе уж помощи не можно ожидать.
Навек, навек уж ты оставлена терзаться,
Готовься к жалостям, готовься волноваться,
Исчезни из ума меня толь льстивша мысль,
И утешаться ты в любви уже не числь.
<...>

О боги, коли так, что нам повелевают
То самое, что нам другие запрещают,
Могли ли столько к нам вы лютости иметь?
Несчастлива смертных жизнь наука зло терпеть.
<...>

Ах! Нет, тому не быть, не лести меня уж тем,
На век уж мне, на век остаться в горе сем,
А ты еще его флот море не поглотил,
И упований злых его не поворотишь!
И ветры что его на сей прибили брег,
Его, чтоб не сгубить, свой остановит бег!
И ты, что все то зришь, громовым Зевс ударом
Не поразишь еще его во гневе гром,
А он на кораблях, гордясь, по волн^{ам}
Пойдет, напрягши снасти, к Авзонским берегам,
И парус к высоте дымитя непомерной,
И весла там шумят... остановись, неверной!
Кого оставил здесь? Возьми меня с собой!²⁰

²⁰ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 12 об., 13.

“Le Russe à Paris” мог привлечь внимание Муравьева еще и потому, что он в 1770-е годы в целом ряде своих сочинений — в «Похвальном слове Михаиле Васильевичу Ломоносову» (1774), «Рассуждении о различии слогов высокого, великолепного, громкого, надутого» (1776; напечатано в 1783), «Стихах на смерть Александра Петровича Сумарокова» (1777), «Дщицах для записывания» (1778) — выдвинул на первый план творчество Ломоносова, по сути, отвергая претензии Сумарокова на звание главного русского поэта и трагика (об этом см. подробнее: [1, с. 110–112]). При этом Муравьев, в это время переводивший «Федру» Расина, полемизировал с Сумароковым в своем «Рассуждении» по поводу монолога Терамена (об этом см.: [26]; см. также: [27]). Мы не знаем, был ли знаком Муравьев с сумароковским опытом перевода отрывка из четвертой книги «Энеиды» — «О знаки нежности, явленной прежде мне...» [28, с. 308]²¹, однако кажется очевидным, что именно Ломоносов представлялся ему образцовым автором. Таким образом, полемика о «Дидоне» приобретала новое измерение и проецировалась на русский литературный контекст: ломоносовская линия оказалась противопоставлена линии «Сумароков — Княжнин»²².

Что мог знать об этой сложной и многоаспектной полемике вокруг «Дидоны» молодой Муравьев? С начала 1770-х годов он близко общался с М.М. Херасковым и В.И. Майковым; ср.: «1773 января 1 <...> в это время вышли басни мои. Мих. Матв. Херасков у Вас. Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у М.<ихаила> Матв.<еевича> Хераскова», коему читал перев. *Федры* <...> Мы ужинали. Майк.<ов>, Фонвизин, Храпов.<ицкий> Вас., княжна...»²³. Письма второй половины 1770-х годов²⁴ наполнены указаниями на встречи с лучшими авторами эпохи (не только с Херасковым и Майковым, но и с Н.И. Новиковым и В.П. Петровым), каждый

из них мог поделиться с молодым поэтом информацией и о «Дидоне», и о Метастазии²⁵, и о Лефране, и о Вольтере. Они же могли рассказать Муравьеву об опыте Сумарокова и о пьесе Княжнина, единственном русском авторе, которого упомянул в своем предисловии Муравьев.

Когда Княжнин написал свою «Дидону», до сих пор доподлинно неизвестно: «Первая трагедия К<няжнина> “Дидона” создана, по одним сведениям, в 1767, по другим — в 1769» [29]; при этом Н.И. Новиков в 1772 г. писал, что «она еще в свет не издана» [30, с. 114]. В 1773 г. Княжнин был арестован, приговорен к смертной казни, замененной конфискацией имения, лишением дворянства и чинов, разжалованием в солдаты, только в 1777 г. его восстановили в правах и вернули чин капитана, в 1778 г. он стал секретарем И.И. Бецкого [31, с. 369]. 8 февраля 1778 г. Муравьев писал сестре Ф.Н. Муравьевой: «Я был вчерась на представлении “Дидоны” Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитриевский играл Иарба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорит, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если хочешь рассудить о Дмитриевском в шлеме по Дмитриевскому в колпаке! Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил “Дидону”, видел он первое ее представление» [31, с. 348]. Этому событию Муравьев посвятил стихотворение, сохранившееся в его «Записной книге»:

Ст.<ихи>на представление Дидоны Як.<ова>
Бор.<исовича> Княжнина 1778 Февр.<аля> 7

О сколько должен я творцу моих утех,
Что нежность возбудил в моем он сердце спящу
Творцу явившему Дидону, смерть носящу,
Зря нежностей своих обманутой успех,
И унижающую и пасть пред тем готову
Кто хочет... Можно ль быть толико к ней сурову?
Кто хочет бедную, любовью погубя,
К любви приучив, оставить без себя.
О варварство!.. но в нем слух боги заградили
Кто сей другой идет? кто злобой искошен
И мнится фурии кого препроводили

²⁵ Муравьев в 1770-е годы живо интересовался творчеством Метастазии. Так, 11 августа 1776 г. он писал сестре: «а нынче перебираю Метастазия, которого завтра мне надобно отнестъ» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 98 об.); см. также письмо от 27 ноября 1778 г.: «сегодня опера *Ахилес* <опера Метастазии> “Ахилл во Спире”. — А.И.>, на которой и я думал быть» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 7 об.)

²¹ Об этом тексте подробнее см.: [14, с. 170–183].

²² Эти соображения очередной раз выводят на разговор об адекватности историко-литературной концепции Г.А. Гуковского, согласно которой Муравьев, якобы один из создателей «сентиментализма», должен был быть последователем так наз. школы Сумарокова, представителем ее третьего «поколения», однако, как видим, Ломоносов ему был гораздо ближе; кроме того, есть все основания сомневаться в существовании в действительности школы как таковой. Таким образом, литературная биография Муравьева может и должна рассматриваться вне наукообразной схемы Гуковского.

²³ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. Л. [1].

²⁴ Мы подготовили к печати письма Муравьева 1776, 1778–1779 гг. и надеемся, что в ближайшее время они выйдут.

Се Ярб твой: зритель твой Дм...<итревским> уstraшен. Сверхилось: Именей в слезах бежит с царицей, Падушый Карфаген Дидоне стал гробницей²⁶.

Итак, Муравьев утверждал, что любительский спектакль у П.В. Бакунина, который состоялся 7 февраля 1778 г., был первой постановкой «Дидоны» Княжнина. При этом отметим, что он указывал 1769–1770 гг. («в восемь лет, как он сочинил «Дидону»») временем написания текста. Означает ли это, что именно в тот вечер Муравьев познакомился с этим произведением и что «предисловие» с критикой, в частности, Княжнина было написано в 1778 г.? Это возможно, но, кажется, такой вывод будет поспешным, ведь Муравьев мог прочитать список произведения, который мог получить если не от самого Княжнина, то от своих многочисленных литературных покровителей. Относительно близко Муравьев сошелся с Княжниным только в августе 1778 г.; ср.: «С Княжниным, которой в числе издателей, с некоторого времени я поболее знаком. Как тихой человек, он очень любви достоин, и как писатель много трудился...»²⁷. Однако Муравьев плотно общался с И.А. Дмитриевским, который часто упоминался в его письмах уже 1776 г.; так, например, 21 июля он писал отцу Н.А. Муравьеву: «Я, слава богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитриевской хвалил мою трагедию»²⁸ (о сравнительно близких отношениях с Херасковым и Майковым см. выше). Любой из них мог передать Муравьеву рукопись княжнинского текста.

Второе действие «Дидоны» Муравьев, как мы указали выше, написал позже, в 1772 г., причем дал трагедии новое название: «Дидона умирающая»²⁹. Возможно, изменение заглавия (или как минимум размышления о возможности его изменения) было связано с чтением Метастазियो. Так или иначе в конце первого явления второго действия находим еще один небольшой историко-литературный комментарий Муравьева. На этот раз он начал писать об отличиях своей «Дидоны» от княжнинской: «Трагедия Як.<ова> Борисовича есть картина, в которой действие выведено: все шествует, друг другу следует. Я ничего не говорю о выражении картины. Моя трагедия, есть ли можно назвать так гордо декламацию ребенка, есть кусок картины, где едва одна Грация изъяснена, не крепко колорированной. Краски не приятны без <нрзб> дики. Но зачин ее грубоности свой

обещал более, нежели то я»³⁰. Мы не знаем, когда было написано это «примечание», но, очевидно, что словосочетание «декламация ребенка» — это оценка уже зрелого автора³¹. В данном случае нас интересует не столько авторская оценка своего труда, сколько очередное появление имен Княжнина и Метастазियो в одном контексте.

Это тем более интересно, что история литературных взаимоотношений Муравьева и Княжнина исключительно сложна и наполнена целым рядом скрытых пересечений. Так, показателен в этом контексте перевод Муравьева из «Милосердия Титова» Метастазियो. В.Н. Топоров указал, что этот текст также связывал поэта с Княжниным: «Княжнин, как известно, написал первую русскую музыкальную трагедию “Титово милосердие” (1778), созданную на основе трагедии П.-Л. Бюирета де Беллуа “Тит” и оперы Метастазियो “Титово милосердие”, шедшей в России в переводе Ф.Г. Волкова уже с 50-х годов» [8, с. 177–178]. Имена Княжнина и Метастазियो переплетутся еще раз — в произведении Муравьева «Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазियो» [32, с. 83–85]. Следовательно, можно предположить, что «Дидона» была одним из эпизодов долгой внутренней полемики Муравьева с Княжниным.

Этот контекст позволяет понять, чем Муравьев мог привлечь сюжет с лефрановой «Дидоной»: начинающий автор тем самым солидаризировался с лучшими сочинителями эпохи, продемонстрировал, что он знаком с ключевыми литературными конфликтами своего времени и попытался предложить себя в роли своеобразного посредника между французской и русской культурами. Таким образом, выстраивается сложная линия литературной преемственности: Вергилий — Расин — Вольтер — Муравьев. Таким был уровень претензий 14-летнего поэта. Вернемся к Княжнину: хотя прямо против него не сказано ничего, мы можем аккуратно предположить, что он — в концепции Муравьева — оказался среди тех, кто противопоставлен Вергилию, а значит, находится вне магистральной линии развития западной культуры. При этом мы не можем утверждать с абсолютной уверенностью, что, помещая имя Княжнина в один ряд с Лефраном, Муравьев намекал на его «переемчивость», на зависимость от французского драматурга, которого

²⁶ ОР РГБ. Ф. 178. № 11161.1. Л. 56 об.

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 43.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 90.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 8.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 9 об.

³¹ В конце второго действия Муравьев сделал, очевидно, позднюю приписку, в которой свой опыт назвал «ученичеством тринадцатилетнего ребенка» (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 14 об.).

Вольтер, в свою очередь, обвинял в плагиате у Метастазео³². В любом случае необходимо признать Княжнина одним из ключевых авторов, с которыми прямо или скрыто полемизировал Муравьев. Естественно, это не означает, что между ними не могло быть симпатий или точек соприкосновения по каким-то другим вопросам. Первый опыт Муравьева в этом сложном историко-литературном контексте перестает казаться случайным упражнением начинающего поэта, а напротив, представляется важнейшей частью его литературной биографии.

Тем не менее возникает еще один вопрос: почему Муравьев не напечатал свою «Дидону»? Наверное, по той же причине, по которой он в целом очень мало публиковался. Муравьев, насколько можно судить, был человеком, склонным к перфекционизму, он часто возвращался к своим текстам, чтобы улучшить или переделать их. При этом он болезненно относился к возможным неудачам. Конечно, сыграл свою роль и успех «Дидоны» Княжнина. Что-то подобное произошло и с надеждами переводить «Энеиду». Муравьев, увлеченный читатель и знаток Вергилия, отказался от своего замысла, когда начал выходить перевод В.П. Петрова. Поэтому можно констатировать, что со многими своими проектами он просто опоздал. Тем не менее не публиковавшиеся ранее материалы, которые мы здесь процитировали, как кажется, позволяют приблизиться к реконструкции самого раннего периода творчества Муравьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 286 с.
2. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда: Легиа, 1999. 238 с.
3. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 374–375.
4. Росси Л. «Вергилий» Муравьева: к проблеме Гуманизма в России // *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. 2005. No. 33. С. 73–79.
5. Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007. 223 с.
6. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев и Античность (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя) / Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 221 с.
7. Любжин А.И., Ленчиненко М.В. Под сенью крыл мантуанского лебедя: М.Н. Муравьев – читатель Вергилия (в печати)
8. Топоров В.Н. Из истории русской литературы Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1–3. М.: Языки русской культуры, 2001–2007.
9. Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770–начала 1780-х годов // *Рукописи, редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета*. [Вып. 6]. М.: Археографический центр, 1997. С. 102–126.
10. Муравьев М.Н. Полн. собр. сочинений. СПб.: Тип. Росс. акад., 1819–1820. Ч. 1–3.
11. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. 389 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
12. Braun T. Voltaire, Metastasio and Le Franc de Pompignan's Didon // *The King's Crown: Essays on XVIIIth Century Culture and Literature Honoring Basil Guy*. Louvain: Peeters, 2005. P. 11–20.
13. Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1749 г. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1853. 77 с.
14. Демин А.О. Отрывок из «Энеиды» в переводе Сумарокова // XVIII век. Сб. 30: Литературное творчество А.П. Сумарокова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 170–183.
15. *Le Franc*. Didon. Tragedie. Paris: Chez Chaubert, 1774. 73 p.
16. Voltaire. Œuvres complètes. Paris: Garnier frères, 1880. Vol. 34. 598 p.
17. Метастазео П. Оставленная Дидона. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1766. 61 с.
18. Княжнин Я.Б. Избр. произведения. Л.: Сов. писатель, 1961. 774 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е)
19. *Lefranc de Pompignan J.-J.* Discours de réception prononcé devant l'Académie française, le 10 mars 1760. Paris: Brunet, 1760. 33 p.
20. Ferret O. Les paradoxes d'un anti-philosophe. L'Éloge historique de Monseigneur le Duc de Bourgogne, par J.-J. Lefranc de Pompignan // *Dix-Huitième Siècle*. Paris: PUF, 1999. № 31. P. 429–449.
21. Ferret O. Voltaire: Pamphlets and Polemic // *The Cambridge Companion to Voltaire*. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 167–178.
22. Voltaire. Œuvres complètes. Paris: Garnier frères, 1879. Vol. 22. 604 p.

³² Если это так, то Муравьев опередил И.А. Крылова, который в 1788 г. написал комедию «Проказники», «злой и грубый памфлет против <...> Я.Б. Княжнина», который был «изображен под именем Рифмокрада», при этом он «поэт-драматург, самовлюбленный дурак, произведения которого – плагиат, компиляция отрывков из французских драматургов» [33, с. 142].

23. *Voltaire. Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1877. Vol. 10. 636 p.
24. *Прийма Ф.Я.* Ломоносов и «История российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век. Сб. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 170–186.
25. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию: Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1748. 323 с.
26. *Ивинский А.Д.* «Федра» в переводе М.Н. Муравьева (по материалам ОР РНБ) (в печати).
27. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.
28. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1. М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. 368 с.
29. *Западов В.А.* Княжнин Я.Б. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 70–81.
30. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщений, известий и словесных преданий. СПб., 1772. 278 с.
31. Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. 472 с.
32. *Алехина Л.И.* Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 49. М.: Книжная палата, 1990. С. 4–87.
33. *Гуковский Г.А.* Заметки о Крылове // XVIII век. Сб. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 142–165.
4. Rossi, L. “Vergilii” Muravyeva: k probleme Gumanizma v Rossii [“Virgil” by Muravyov: On Humanism in Russia]. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*, 2005, No. 33, pp. 73–79. (In Russ.)
5. Liubzhin, A.I. *Rimskaya literatura v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Roman Literature in Russia in the 18th – early 20th Centuries]. Moscow: Greko-Latinskii kabinet Iu.A. Shichalina, 2007. 223 p. (In Russ.)
6. Prokopyeva, L.B. *M.N. Muravyev i Antichnost (Goratsii i Vergilii v perevodakh i tvorchestve pisatelii)* [M.N. Muravyov and Antiquity (Horace and Virgil in His Translations and Works)]. Diss. ... Candidate of Philological Sciences. Tomsk, 2010. 221 p. (In Russ.)
7. Liubzhin, A.I., Lenchenko, M.V. *Pod seniú kryl mantuanskogo lebedia: M.N. Muravyev – chitatel Vergiliia* [Under the Canopy of the Wings of the Mantuan Swan: M.N. Muravyov – Reader of Virgil]. (in the press) (In Russ.)
8. Toporov, V.N. *Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M.N. Muravyev. Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature, vol. 2: Russian Literature of the Second Half of the 18th Century. Mikhail Muravyov: Introduction to the Literary Heritage]. Book 1–3. Moscow: Iazyki Russkoi Kultury Publ., 2001–2007. (In Russ.)
9. Fomenko, I.Iu. *M.N. Muravyev o chtenii: iz rabochikh tetradei kontsa 1770 – nachala 1780-kh godov* [Muravyov on Reading: from Workbooks of the late 1770s and early 1780s]. *Rukopisi, redkie izdaniia. Arkhivy. Iz fondov biblioteki Moskovskogo universiteta* [Manuscripts, Rare Editions, Archives. From the Moscow University Library]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997, pp. 102–126. (In Russ.)
10. Muravyov, M.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collection of Works]. St. Petersburg, 1819–1820. Vol. 1–3. (In Russ.)
11. Muravyov, M.N. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1967. 389 p. (In Russ.)
12. Braun, T. *Voltaire, Metastasio and Le Franc de Pompignan’s Didon. The King’s Crown: Essays on XVIIIth Century Culture and Literature Honoring Basil Guy*. Louvain: Peeters, 2005, pp. 11–20.
13. *Kamer-furjerskii tseremonialnyi, banketnyi i pokhodnyi zhurnal 1749* [Chamber-Fourier Ceremonial, Banquet and Marching Magazine 1749]. St. Petersburg, 1853. 77 p. (In Russ.)
14. Demin, A.O. *Otryvok iz “Eneidy” v perevode Sumarokova* [Excerpt from “The Aeneid” translated by Sumarokov]. *XVIII vek. Sb. 30: Literaturnoye tvorchestvo A.P. Sumarokova* [The 18th Century. Coll. 30: Literary Works of A.P. Sumarokov]. Moscow, St. Petersburg: Alians-Arkheo Publ., 2020, pp. 170–183. (In Russ.)
15. Le Franc. *Didon. Tragedie*. Paris: chez Chaubert, 1774. 73 p. (In French)

REFERENCES

1. Kochetkova, N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniia)* [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Pursuits)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 286 p. (In Russ.)
2. Lazarchuk, R.M. *Literaturnaia i teatral’naia Vologda 1770–1800-kh godov: Iz arkhivnykh razyskanií* [Literary and Theatrical Vologda of the 1770–1800s: From Archival Research]. Vologda: Legiia Publ., 1999. 238 p. (In Russ.)
3. Ivinskiy, A.D. *M.N. Muravyev i antichnye poety: neo-publikovannye perevody* [M.N. Muravyov and Ancient Poets: Unpublished Translations]. *Studia Litterarum*. 2021, Vol. 6, No. 2, pp. 358–385. (In Russ.)

16. Voltaire. *Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1880, Vol. 34. 598 p. (In French)
17. Metastazio, P. *Ostavleniia Didona* [Abandoned Dido]. St. Petersburg, 1766. 61 p. (In Russ.)
18. Kniazhnin, Ya.B. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Writings]. Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1961. 774 p. (In Russ.)
19. Lefranc de Pompignan, J.-J. *Discours de réception prononcé devant l'Académie française, le 10 mars 1760*. Paris: Brunet, 1760. 33 p. (In French)
20. Ferret, O. Les paradoxes d'un anti-philosophe. L'Éloge historique de Monseigneur le Duc de Bourgogne, par J.-J. Lefranc de Pompignan. In: *Dix-Huitième Siècle*. Paris: PUF, 1999, No. 31, pp. 429–449. (In French)
21. Ferret O. Voltaire: Pamphlets and Polemic. In: *The Cambridge Companion to Voltaire*. New York: Cambridge University Press, 2009, pp. 167–178.
22. Voltaire *Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1879, Vol. 22. 604 p. (In French)
23. Voltaire. *Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1877, Vol. 10. 636 p. (In French)
24. Priima, F.Ia. *Lomonosov i "Istoriia rossiiskoi imperii pri Petre Velikom" Voltera* [Lomonosov and Voltaire's History of Russian Empire under Peter the Great]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 3. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 170–186. (In Russ.)
25. Lomonosov, M.V. *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu: Kniga pervaiia, v kotoroi sodержitsia ritorika, pokazuiushchaia obshchie pravila oboego krasnorechiia, to est' oratorii i poezii* [A Brief Guide to Eloquence: Book One, Which Contains Rhetoric, Showing the General Rules of both Eloquence, that is, Oratorio and Poetry]. St. Petersburg, 1748. 323 p. (In Russ.)
26. Ivinskiy, A.D. "Fedra" v perevode M.N. Muravyeva (po materialam OR RNB) (v pechati) ["Phaedre" translated by Mikhail Muravyov]. (in the press) (In Russ.)
27. Ivinskiy, A.D. *M.N. Muravyev i A.P. Sumarokov (po materialam OPI GIM i OR RGB)* [Muravyov and A.P. Sumarokov (On Materials from the Department of Written Sources at the State Historical Museum and of the Manuscript Department of the Russian State Library)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Seriya 9. Philology]. 2018, No. 2, pp. 198–210. (In Russ.)
28. Sumarokov, A.P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze* [Full Collection of all Works in Poems and Proze]. Vol. 1. Moscow, 1781. 368 p. (In Russ.)
29. Zapadov, V.A. *Kniazhnin Ya.B. Slovar russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999, pp. 70–81. (In Russ.)
30. Novikov, N.I. *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh. Iz raznykh pechatnykh i rukopisnykh knig, soobshchenii, izvestii i slovesnykh predanii* [An Essay of a Historical Dictionary about Russian Writers. From Various Printed and Handwritten Books, Messages, News and Verbal Legends]. St. Petersburg, 1772. 278 p. (In Russ.)
31. *Pisma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th Century]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 472 p. (In Russ.)
32. Alekhina, L.I. *Arkhivnye materialy M.N. Muravyeva v fondakh Otdela rukopisei* [Archival Materials of M.N. Muravyov in the Manuscript Department Collections]. *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina* [Proceedings of the Manuscript Department of the V.I. Lenin USSR State Library]. Issue 49. Moscow: Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 4–87. (In Russ.)
33. Gukovskiy G.A. *Zametki o Krylove* [Notes on Krylov]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1940, pp. 142–165. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 июня 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on June 27, 2024

Revised on July 18, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050086

Есть ли пословичное изречение в начале «Фесмофориазус» Аристофана?

© 2024 г. С. А. Степанцов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
stephanicus@mail.ru

Резюме. Большинство комментаторов Аристофана, как и автор древнего схолия, считает, что слова Свойственника «Неужели когда-нибудь покажется ласточка!» в первом стихе комедии Аристофана «Женщины на празднестве Фесмофорий» заключают в себе пословичное выражение и означают: «Неужели когда-нибудь настанет конец страданиям!». В XX в. это мнение отрицал Ян ван Леувен. Сомнения ван Леувена имеют по собой почву: анализ упоминаний ласточки в греческой литературе показывает только, что ласточка прочно ассоциировалась с приходом весны, но разбираемое место из Аристофана — первый и единственный в классической греческой литературе случай, когда появление ласточки обозначает не просто приход весны по устойчивой метонимии, но облегчение участи по метафорической связи весны с концом мучений. Материала, который бы подтверждал, что подобное образное упоминание ласточки было пословичным, недостаточно, хотя это весьма вероятно. Если подобная поговорка имела хождение, то в начале «Фесмофориазус» она засвидетельствована впервые, а сама эта комедия — единственная у Аристофана, в которой обычные для пролога сетаования героя начинаются с образного паремического выражения.

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Ключевые слова: Аристофан, «Фесмофориазусы», поговорка, ласточка, паремическое выражение, символизм, греческая паремнография, греческая комедия, пролог.

Для цитирования: Степанцов С.А. Есть ли пословичное изречение в начале «Фесмофориазус» Аристофана? // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 96–102. DOI: 10.31857/S1605788024050086

Is There a Proverbial Expression at the Beginning of Aristophanes' *Thesmophoriazusa*?

© 2024 Sergey A. Stepanstov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
stephanicus@mail.ru

Abstract. Most of Aristophanes' commentators, as well as the author of the ancient scholium, believe that Inlaw's words "Will a swallow ever appear!" in the first line of Aristophanes' comedy *Women at the Thesmophoria* (*Thesmophoriazusa*) contains a proverbial expression and means: "Will there ever be an end to suffering!" In the 20th century this opinion was denied by Jan van Leeuwen. Van Leeuwen's doubts are justified: an analysis of references to the swallow in Greek literature shows only that the swallow was strongly

associated with the arrival of spring, but the discussed passage from Aristophanes is the first and only case in classical Greek literature when the appearance of a swallow does not just mean the beginning of spring (metonymically), but also relief in general (metaphorically). There is not enough evidence to confirm that such a figurative mention of swallow was proverbial, although this is very likely. If such a proverb was indeed in circulation, then at the beginning of *Thesmophoriazusae* it is attested for the first time, and this comedy itself is the only one in Aristophanes in which a character's discontent, usual for the prologue, is uttered by means of a figurative paremic expression.

Acknowledgements. The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

Key words: Aristophanes, Thesmophoriazusae, proverb, swallow, spring, symbolism, paremic expression, Greek paremiography, Greek comedy, prologue.

For citation: Stepanov, S.A. *Est' li poslovičnoe izrechenie v nachale "Fesmoforiazus" Aristofana?* [Is There a Proverbial Expression at the Beginning of Aristophanes' Thesmophoriazusae?]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 96–102. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050086

Как известно, комедия «Женщины на празднике Фесмофорий» (далее «Фесмофориазусы») начинается с того, что на месте действия перед домом поэта Агафона появляются Еврипид и изможденный хождением за ним его Свойственник, который восклицает: «О Зевс! Неужели когда-нибудь покажется ласточка!» (ὦ Ζεῦ, χελιδὼν ἄρα ποτὲ φανήσεται;).

Уже в древности эти слова толковались как иносказательное изъяснение Свойственником нетерпения и недовольства или, точнее, как недоверчивое высказывание им надежды на прекращение мучительных хождений вслед за Еврипидом. Такое понимание отражено схолиями к первому стиху комедии в Равеннской рукописи (единственной, в которой она целиком сохранилась). Схолиаст поясняет: «Так как обычно по зиме желают весны, а весною появляются ласточки, этот же словно бы пережил зиму, водимый туда-сюда расхаживающим Еврипидом». И далее: «Это он сказал мягко, в смысле "когда я избавлюсь от этой беды?", как те, кто по зиме желает, чтобы пришла весна» (ἐπεὶ εἰώθασιν ἂπὸ χειμῶνος εὐχεσθαι ἔαρ, τῷ δὲ ἔαρι χελιδόνες φαίνονται, οὗτος δὲ ὥσπερ ἐχειμάσθη περιαγόμενος ὑπὸ Εὐριπίδου ἀλύοντος. τοῦτο ἔφη ἐν ᾗθει οἶον "πότε ἀπαλλαγῆσομαι τοῦ κακοῦ τούτου;" ὥσπερ οἱ ἐκ χειμῶνος ἐπιθυμοῦντες ἔαρ ἀφικέσθαι. Schol. ad Aristoph. Thesm. 1 [1, p. 264]).

В таком именно смысле и истолковывают первый стих комедии большинство комментариев XIX – начала XXI в. к «Фесмофориазусам», включая три последние большие комментария Соммерстайна [2], Прато [3] и Остина–Олсона [4].

При этом столь же единодушно отвергается возможность понимания первой строки комедии

в буквальном смысле, то есть как буквального сетования на затянувшуюся зиму и выражения надежды на прилет ласточки, а значит, на наступление весны. Эта точка зрения была обсуждена и отклонена в целом уже в XVIII в.; см. мнения комментаторов и их разбор у Диндорфа [5, pp. 296–297].

В самом деле, если бы первые слова Свойственника в буквальном смысле относились к изображаемому в комедии времени, то есть выражали бы надежду на скорый прилет ласточки во время праздника Фесмофорий, то это было бы нелепо: Фесмофории праздновались глубокой осенью¹, когда надежда на скорый приход весны неуместна. Если же эти слова в буквальном смысле относились бы ко времени постановки пьесы, то есть к Великим Дионисиям² весною, это было бы не намного более оправданно. В марте (иногда и раньше) – начале апреля ласточки разных видов уже мигрируют через Афины и даже поселяются в Аттике, но даже если во время постановки «Фесмофориазус» в 411 г. до н. э. ласточек в Афинах почему-либо еще не было и весна не витала в воздухе (чего, кстати сказать, поэт не мог предвидеть заранее во время сочинения комедии), такое нарушение сценической иллюзии, когда персонаж высказывает публике свое замечание о погодных условиях в текущий момент, должно быть хоть

¹ В Афинах с 10-й по 13-й день пианепсиона, месяца, охватывающего часть октября и ноября [6, S. 51–52]

² «Фесмофориазусы» были поставлены на Великие Дионисии 411 г. до н. э. или на Ленеи предшествовавшей зимой. Подробно о том, почему предпочтительно датировать постановку Великими Дионисиями – в [4, pp. XXXIII–XL, особ. XLI–LXIV]. Великие (Городские) Дионисии праздновались в элафеболионе, месяце, на который приходилось весеннее равноденствие [6, S. 138].

как-нибудь оправдано контекстом. Этого мы здесь не видим.

Мы видим, что в следующем стихе Свойственник выражает свою досаду открыто: «Беда мне от этого человека (Еврипида), что расхаживает спозаранку» (Ἀπολεῖ μ' ἄλοῦν ἄνθρωπος ἔξῃωθινοῦ). Этому контексту предшествующая строка соответствует как нельзя лучше, если только понимать ее переносно. Вот довольно удачное пояснение Соммерстайна к первым двум строкам: «Свойственник, видя, что Еврипид остановился (у дома Агафона, куда ему нужно. — С.С.), надеется, что это означает окончание метафорической зимы его недовольства (winter of his discontent), то есть шатания по Афинам» [7, р. 157] (перевод мой здесь и далее — С.С.).

В хоре комментаторов странным диссонансом звучит голос ван Леувена, выпустившего свое комментированное издание «Фесмофориазус» в 1904 г. Ван Леуven отвергал не только буквальное понимание первой строки как высказывания о состоянии погоды (такое понимание отвергают и другие), но и едва ли не насмехался над ее разным пониманием в смысле «неужели настанет конец тяготам?». Вот как сам он [7, р. 5–6] объясняет начало реплики Свойственника:

Утомленный долгим путем, этот человек, которого Еврипид, даже не указав цели путешествия, с самого раннего утра поднял с постели и потащил с собою, в конце концов восклицает: «О Зевс!». Но из большой любви к прославленному поэту и своему родственнику он весьма опасается, как бы не показалось, что он выполняет указания Еврипида неохотно; поэтому он притворяется, что восклицание, которым он выразил свое недовольство, было началом известной песни, что он весел и бодр, а не утомлен и уныл, что он поет, а не жалуется.

Иными словами, по ван Леуvenu, Свойственник ведет себя примерно так, как если бы герой современной пьесы крикнул на сцене «Ох, рано!», а потом, чтобы замаскировать свою досаду, пропел бы: «встает охрана». В соответствии с этим ван Леуven оформляет строку и пунктуационно: «χελιδὼν ἄρά ποτε φανήσεται;» у него заключено в кавычки, как слова из песни. Он даже находит кажущееся подтверждение своему толкованию в сцене из комедии «Лягушки», где Эак испытывает Диониса и Ксанфия на выносливость (чтобы выяснить, кто из них бог), и каждый из них после удара сначала от боли выкрикивает имя бога (Аполлона, Посейдона) в порядке эмоционально-междометной божбы, а потом развивает

обращение к этому богу, делая вид, что вспомнил стихи о нем (Aristoph. Ran. 659, 664–665³):

Так и Дионис в Лягушках, вступив в испытание на выносливость, от удара восклицает: Ἀπολλὼν! — и тут же прибавляет: ὅς ποὺ Δῆλον ἢ Πυθῶν' ἔχεις⁴, а вскоре раб Ксанфий кричит: Πόσειδον!... ἅλός ἐν βένθεσιν и далее⁵ — каждый из них заключает свое высказывание пением, а не скорбным вскриком [7, р. 6].

Такая аналогия очевидно неубедительна. В «Лягушках» маскирующий боль прием, к которому прибегает Дионис (и Ксанфий, как считал ван Леуven), хорошо подготовлен всей предшествующей сценой, комизм его вполне понятен на ее фоне и делается еще более понятным оттого, что в первом случае сам избиваемый пытается объяснить свою реплику, а во втором прерывающий его реплику персонаж пытается уличить избиваемого в том, что ему больно (Ἦλγησέν τις — «Кому-то больно!»). В случае же свойственника его, так сказать, маскирующее пение просто повисало бы в воздухе⁶.

Однако критикуя иные точки зрения на восклицание Свойственника: как на прямое высказывание о времени года (эту точку зрения действительно трудно оправдать) или как на образное и, возможно, пословичное высказывание об облегчении страданий (эта точка зрения теперь принята), ван Леуven не приводит никаких аргументов, а только дает понять свое пренебрежение к чужим мнениям:

Схолиаст приводит такое толкование этого стиха, у которого нет ни головы, ни ног: он относит его к «зиме невзгод», с которой борется этот бедняга. Не лучше обстоит дело и у более недавних... толкователей: Пети считал, что речь идет о времени, когда ставилась пьеса, другие — что о времени Фесмофорий, а Кюстер внушал себе, что «когда же прилетит ласточка!» было пословичным (*in proverbiiis fuisse: "ecquando veniet hirundo!"*) [7, р. 5–6].

Я, конечно, не согласен ни с надуманным объяснением первого стиха у ван Леувена, ни, в частности, с тем психологическим сценарием, который он изобретает для персонажа. Однако мне кажется не лишним задаться вопросом, чем не угодило голландскому ученому объяснение схолиастов и почему он не считает его правдоподобным, в отличие от большинства ученых

³ В современных изданиях обе реплики с призыванием богов приписываются Дионису.

⁴ «Аполлон, ты, который владеешь Делосом и Пифоном».

⁵ «Посейдон... который в морских пучинах...».

⁶ Недаром ван Леуven считает следующую строку «Беда мне от этого человека...» сказанной в сторону.

Нового времени. Почему (вопреки Кюстеру) ему кажется неприемлемым отнесение высказывания о ласточке к пословицам? А главное: достаточно ли у нас действительно оснований, чтобы считать это выражение пословичным и образным? В поисках ответа на эти вопросы, возможно, мы достигнем более объемного понимания первого стиха комедии и эффекта, на который он рассчитан.

Пересмотрим с этой целью места из древнегреческой словесности, более ранние или современные Аристофану, которые приводят как свидетельства устойчивой связи ласточки с весной. Наиболее полный список таких свидетельств, насколько мне известно, приведен в комментарии Остина—Олсона, однако большая их часть упомянута и процитирована уже в глоссарии греческих птиц Томпсона [8, pp. 319–320].

Большая часть свидетельств просто показывают, что прилет ласточки был приметой весны, а ее пение — обычным признаком весны. Таковы:

1) звено календарной части в «Трудах и днях» Гесиода (568–569): «После него (Арктика) плачущая поутру Пандионида ласточка показывается на свет людям, как только настала весна» (τὸν δὲ μετ' ὀρθρογόῃ Πανδιονίς ὄρτο χελιδὼν ἐς φάος ἀνθρώποις ἔαρος νέον ἰσταμένοιο);

2) фрагмент из «Орестей» Стесихора (Stesich. 211 PMGF): «когда в пору весны звонко поет ласточка» ὅκα ἦρος ὦραι κελαδῆι χελιδὼν; а также сходное выражение в «Птицах» Аристофана (Aristoph. Av. 799–800): «когда весною ласточка, усевшись, звонким голосом поет» (ὅταν ἦρινά μὲν φωνῇ χελιδὼν ἐξομένη κελαδῆ);

3) фрагмент Симонида (Simon. 597 PMG): «Славная вестница благоуханной весны, темно-синяя ласточка» (ἄγγελε κλυτὰ ἔαρος ἀδυσόμου κυανέα χελιδό);

4) родосская песня-веснянка, упоминаемая Афинеем (Carm. ror. 848.1–2 PMG): «Прилетела, прилетела ласточка, привела прекрасную пору...» (ἦλθ' ἦλθε χελιδὼν καλὰς ὥρας ἄγουσα...), — если условно допустить большую древность подобный песен;

5) надпись на знаменитой краснофигурной «Пелике с ласточкой» из Гос. Эрмитажа (ГР-8057): мужчина, юноша и мальчик наблюдают ласточку, над персонажами надписаны реплики: «Смотри, ласточка! — Клянусь Гераклом! — Вон она! — Уже весна» (ἰδοὺ χελιδὼν — νῆ τὸν Ἡρακλέα — αὐτῇ — ἔαρ ἦδη).

Эта серия дополняется еще двумя местами из Аристофана, которые стоит отметить особенно потому, что в них весна не называется собственным именем: одного только упоминания ласточки в соответствующем контексте достаточно, чтобы было понятно, о каком времени года идет речь:

6) персонаж «Всадников» Колбасник рассказывает, как отвлекал внимание поваров на ласточку (Aristoph. Eq. 419): «Смотрите, ребята, не видите? Новая пора, ласточка!» (Σκέψασθε, παῖδες οὐχ ὀρᾷθ'; ὦρα νέα, χελιδὼν);

7) хор в «Птицах», перечисляя, какие пернатые знаменуют собою времена года, упоминает о ласточке (Aristoph. Av. 714–715): «Потом ласточка (являет новую пору), когда нужно продать хлену и купить какую-нибудь легкую накидку» (εἴτα χελιδὼν, ὅτε χρὴ χλαῖναν πωλεῖν ἤδη καὶ ληδάριον τι πρίασθαι).

Всего этого вполне достаточно, чтобы убедиться, что ассоциация ласточки с весной была вполне устойчивой, и предположить, что она могла быть закреплена в той или иной паремической форме, более или менее клишированной. В принципе можно допустить, что слова Свойственника «Неужели когда-нибудь покажется ласточка!» и представляют собой один из вариантов этой клишированной формы, то есть что вопрос о появлении ласточки воспринимался как вопрос о приходе весны, что пожелание появления ласточки воспринималось как пожелание прихода весны и т. д. Но материала для подтверждения этого допущения ничтожно мало, насколько мне известно, лишь два фрагмента. Во-первых, среди комических фрагментов есть один, в котором некий персонаж предлагает задать вопрос; это фрагмент Аристофана 617 Kassel—Austin [9]: πυθοῦ χελιδὼν πηνίχ' ἄττα φαίνεται («Спроси, когда примерно появляется ласточка»). А это почти тот самый вопрос, который задает Свойственник⁷. Во-вторых, крошечный фрагмент из папируса P. Dukeinv. 774cii 11⁸ содержит слова «О, если бы ты появилась, ласточка» (εἰ γὰρ φανεῖς, ὦ χελιδὼν), с очевидным восстановлением Касселя). Для констатации паремического характера изречения этого, наверное, недостаточно, но, во всяком случае, есть одинаковый набор элементов в этих двух фрагментах и в первой реплике Свойственника

⁷ Ван Леувену, кстати сказать, этот фрагмент был известен: он приводит его сразу после цитированного выше комментария на с. 6 своего издания, ставя под сомнение принадлежность этой цитаты Аристофану. Его соображения по этому поводу учтены и в аппарате фрагмента в издании Касселя—Остина.

⁸ Мне известен только по цитате в [4].

в «Фесмофориазусах»: упоминание ласточки, глагол «показываться, появляться», так или иначе выражаемая желательность явления ласточки.

Однако для нас важнее то, что, даже если бы мы могли подтвердить паремический характер всех трех высказываний, в двух случаях (фрагмент 617 Аристофана и фрагмент из P. Duke) нельзя сказать ничего о контексте высказываний, а значит, нельзя понять, понималось ли появление ласточки в них в прямом смысле или в переносном, иначе говоря, имелся ли в них в виду приход весны и уход зимы или благоприятная смена обстоятельств. Иными словами, по этим двум примерам мы не можем увериться, что это изречение о появлении ласточки допускало или даже требовало расширительного толкования.

Вообще говоря, до времени и во время Аристофана не удастся найти почти ни одного изречения о ласточке как вестнице весны, которое бы непременно требовало расширительного толкования. Схолиаст комедии «Всадники» (Schol. vet. ad Aristoph. Equites 419) отмечает паремический характер цитированной выше фразы из Eq. 419 «Новая пора, ласточка» (ὥρα νέα, χελιδών), но ничего не сообщает о том, могла ли эта пословица или присловье иметь расширительный смысл и относиться не только к весне.

Единственное изречение о ласточке как вестнице весны, которое несомненно стало паремическим и даже вошло в паремиографические сборники и при этом явно толковалось в переносном смысле, — это пословица μία χελιδὼν ἔαρ οὐ ποιεῖ «Одна ласточка весны не делает», свернувшаяся впоследствии до поговорки «одна ласточка» (если верить словарю Гесихия, Hesych. μ 1318). Эта пословица впервые среди сохранившихся текстов приводится у Аристотеля в «Никомаховой этике» (Aristot. Eth. Nic. 1098a16), и схолий к соответствующему месту в одной рукописи «Этики» приписывает высказывание комедиографа Кратину, поэтому пословица составляет в издании фрагментов греческих комедиографов фрагмент Кратина (Cratin. fr. 35 Kassel–Austin [10], рукопись со схолием указана в аппарате). Впрочем, свидетельство схолиаста о том, что Кратин пользовался этим изречением в комедии «Делиады», не позволяет судить о том, стало ли оно расхожим после Кратина или уже было таковым для него. Несколько раньше, чем Аристотель пословицу процитировал, ее обыграл Аристофан (Av. 1417). Однако, как ни странно это может показаться, контекст первого известного цитирования этой пословицы у Аристотеля и

способ ее обыгрывания у Аристофана не свидетельствуют о ее расширительном или переносном употреблении.

Вот как обыгрывает эту пословицу Аристофан. В комедии «Птицы» персонаж Писетер⁹, увидев Сикофанта, одетого в худой гиматий, говорит: «Кажется, что он нуждается в немалом числе ласточек» (δεῖσθαι δ' ἔοικεν οὐκ ὀλίγων χελιδόνων), то есть он нуждается в приходе весны, для которого было бы недостаточно одной ласточки. Это значит, что обыгрывается прямая мотивировка пословицы, даже если у нее уже и было образное значение.

А вот как цитируется пословица у Аристотеля в «Никомаховой этике» (1098a16–20, цит. по [11]): τὸ ἀνθρώπινον ἀγαθὸν ψυχῆς ἐνέρ γειαγίνεται κατ' ἀρετὴν, εἰ δὲ πλείους αἱ ἀρεταί, κατὰ τὴν ἀρίστην καὶ τελειοτάτην. ἔτι δ' ἐν βίῳ τελείῳ. μία γὰρ χελιδὼν ἔαρ οὐ ποιεῖ, οὐδὲ μία ἡμέρα οὕτω δὲ οὐδὲ μακάριον καὶ εὐδαίμονα μία ἡμέρα οὐδ' ὀλίγος χρόνος. («Человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько — то сообразно наилучшей и наиболее полной [и совершенной]. Добавим к этому: за полную [человеческую] жизнь. Ведь одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за краткое время не делаются ни блаженными, ни счастливыми». — Перевод Н.В. Брагинской.)

Если присмотреться к тому, как Аристотель пользуется пословицей в этом контексте, то станет видно, что и для него эта паремия имеет не переносное, а как раз прямое значение: он приводит ее для открытого сопоставления: как одна ласточка не делает весны, так короткое время деятельности сообразно добродетели не делает счастливым. Сопоставление идет по общей структуре суждений, которые говорят о недостаточности признака для уверенности в явлении. Таким образом, высказывание о ласточке здесь все-таки выступает высказыванием о весне, а не о счастье. Из цитированного пассажа Аристотеля мы видим, по какому пути расширилось употребление этой пословицы, но не конец этого пути.

Наверное, первый памятник, по которому можно судить о том, что пословица об одной ласточке прочно вошла в репертуар переносно понимаемых изречений, — это паремиографический сборник Зенобия (черпавшего, как считается, у эллинистических филологов). По его пояснению, выражение употребляется «пословично» (παροιμιώδως) и означает, «что один день не позволяет привести

⁹ Вариант имени, принятых в русском переводе — Писфетер.

к знанию или к невежеству» (Zenob. 5.12 [12, p. 120]). У позднеантичных и христианских авторов пословица употребляется или обыгрывается уже только в переносном смысле (некоторые примеры в том же издании).

Все сказанное не значит — отмечу специально, — что выражение «одна ласточка не делает весны» не было использовано переносно уже у Кратина и не использовалось так во время Аристофана. Интуитивно даже можно склоняться к противоположному мнению. Но нет примеров, которые бы прямо подтверждали его.

Однако оставим выражение «одна ласточка весны не делает» и вернемся к словам Свойственника о появлении ласточки. В конце концов, эти два высказывания, будучи понятыми образно, говорят о разном, они находятся в разных тематических областях: первое говорит о недостаточности единичного признака для констатации явления (или о недостаточности одного действия для существенных перемен), второе — если оно может быть понято образно — об ожидании перемен к лучшему. Проведенный выше обзор показывает, что до Аристофана мы не находим ни одного текста, в котором появление ласточки подразумевало бы не приход весны, а образно — вообще перемену от худшего к лучшему. Только слова Свойственника в начале «Фесмофориазус» выступают в таком контексте, который позволяет истолковать слова о появлении ласточки как изъявление надежды на окончание тягот, то есть предполагают образное восприятие.

Значит ли, что при таком недостатке доказательств нужно воздержаться от суждения о пословичном и образном характере высказывания Свойственника? На этот вопрос можно ответить по-разному, но, как мне кажется, в таких случаях нужно остерегаться того методического ригоризма, который особенно опасен для исследователей лишь частично сохранившихся корпусов текстов и который из факта «такого не встречается» заставляет делать вывод «такого не бывает и не может быть», как бы забывая на время о том, что сохранившегося материала может быть просто недостаточно для обоснованного утверждения. Если в корпусе встречается нечто небывалое, возможно, оно здесь встречается впервые.

Из сделанного обзора материала, который приводят комментаторы «Фесмофориазус» к первому стиху комедии, я бы заключил следующее.

1. Приводимые примеры текстов, в которых ласточка связана с весной, доказательно иллюстрируют

прочную ассоциацию одного с другим в греческой словесности, но и только.

2. Ни один из приводимых примеров сам по себе не подтверждает, что о появлении ласточки до и во время Аристофана говорили в образном смысле как о перемене к лучшему.

3. Сами слова Свойственника «Неужели когда-нибудь появится ласточка!» — единственный случай употребления подобного выражения, когда контекст позволяет понимать его в образном смысле, то есть «неужели участь переменится к лучшему?». Такое восприятие подтверждает схолий к данному месту.

4. Таким образом, это первый и единственный засвидетельствованный для этого периода случай упоминания появления ласточки в описанном переносном смысле, то есть в таком, когда упоминание появления ласточки по устойчивой метонимии подразумевает приход весны, причем сама весна метафорически устойчиво связана с облегчением участи.

5. Недостаточно материала, который бы подтверждал, что подобное образное упоминание ласточки было пословичным. Два фрагмента, в которых также говорится о появлении ласточки, дошли без контекста. Схолиасты также не говорят об употребленном Свойственником выражении как о пословичном, хотя такого рода замечания по другим поводам у них встречаются. Однако же пословичный характер высказывания весьма вероятен: если автор рассчитывал на то, что зрители поймут смысл образного выражения, скорее всего он принимал во внимание уже закрепившуюся в клишированных выражениях образную связь между ласточкой, весной и переменной к лучшему, а не создал неиспробованную метафору, рискуя быть непонятым.

Подводя итог, можно сказать, что цитаты, приводимые комментаторами для сравнения с первым стихом «Фесмофориазус», важны не только как свидетельства о прочной ассоциации ласточки и весны, которая (ассоциация) могла способствовать возникновению образных выражений типа того, которое употребляет Свойственник. В принципе эта прочная ассоциация вполне ожидаема и не требует исчерпывающего списка подтверждающих ее текстов. Приведение этих текстов скорее важно потому, что на их фоне заметна уникальность начала «Фесмофориазус» среди сохранившихся до нас произведений словесности архаической и классической эпохи: это первый случай, в котором мы встречаемся с упоминанием ласточки как символа окончания мучений.

В более узком поле зрения этот факт помогает нам понять своеобразие начала «Фесмофориазус» среди других комедий Аристофана: с комических сетований начинается несколько комедий Аристофана: «Всадники», «Облака», «Лягушки», «Богатство», но только в «Фесмофориазусах» это сетование начинается с образного — и, вероятно, паремического — восклицания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Scholia in Thesmophoriazusas, Ranas, Ecclesiazusas et Plutum. (Scholia in Aristophanem, Pars 3, Fasciculus 2/3 continens scholias in Aristophanis Thesmophoriazusas et Ecclesiazusas). Ed. R.F. Regtuit. Groningen: Egbert Forsten, 2007. VI, 131 p.
2. The Comedies of Aristophanes. Vol. 8. Thesmophoriazusas. Edited with translation and notes by Alan H. Sommerstein. Warminster: Aris & Phillips, 1994. XII, 242 p.
3. *Aristofane*. Le donne alle tesmoforie. A cura di C. Prato. Traduzione di Dario Del Corno. Milano: Mondadori, 2001. LXXXVI, 386 p.
4. *Aristophanes*. Thesmophoriazusas. Edited with introduction and commentary by C. Austin and S.D. Olson. Oxford: OUP, 2004. CVI, 363 p.
5. Commentarii in Aristophanis comoedias. Collegit digessit auxit G. Dindorfius. Vol. VI. Commentarii in Lysistratam et Thesmophoriazusas et indices in commentarios interpretum. Lipsiae: in libraria Weidmannia, 1821. VI, 436 p.
6. *Deubner L.* Attische Feste. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1962. 266 S.
7. Aristophanis Thesmophoriazusas. Cum prolegomenis et commentariis edidit J. van Leeuwen. Lugduni Batavorum, apud A.W. Sijthoff, 1904. XVI, 156.
8. *Thompson D.W.* A glossary of Greek birds. Oxford: Clarendon Press, 1936. VIII, 342 p.
9. Poetae comici graeci. Volumen III 2: Aristophanes. Testimonia et fragmenta. Ed. Rudolf Kassel, Colin Austin. Berlin; New York: De Gruyter, 1984. XXVII, 444 p.
10. Poetae comici graeci. Volumen IV: Aristophan—Crobilus. Ed. Rudolf Kassel, Colin Austin. Berlin; New York: De Gruyter, 1983. XXXII, 367 p.
11. Aristotelis Ethica Nicomachea. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit L. Bywater. Oxonii: E typographeo Clarendoniano, 1894. VII, 264 p.
12. Corpus paroemiographorum graecorum. Ediderunt E.L. Leutsch et F.G. Schneidewin. T. 1. Gottingae: Vandenhoeck et Ruprecht, 1839. XXXIX, 536 p.

СОКРАЩЕНИЯ

PMG — Poetae melici graeci. Ed. D.L. Page. Oxford, 1962. XI, 623 p.

PMGF — Poetarum melicorum Graecorum fragmenta. Vol. I: Alcman, Stesichorus, Ibycus. Post D. L. Page edidit M. Davies. Oxford: Clarendon Press, 1991. XIII, 336 p.

Дата поступления материала в редакцию: 10 июня 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 июля 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on June 10, 2024

Revised on July 29, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050099

Особенности номинации лиц в описаниях Москвы начала XIX века (на материале статей Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы»)

© 2024 г. В. С. Савельев

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
alfertinbox@mail.ru

© 2024 г. Ли Вэнвэнь

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
18103654701wen@gmail.com

Резюме. В работе определяются особенности номинации лиц в статьях о Москве Н.М. Карамзина, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. Устанавливается, что на выбор лексем оказывает влияние тематика статей, временная отнесенность объекта описания и его характеристика, связанная с реализацией концепта «свой» vs. «чужой». В статьях регулярно используются агентивные существительные различного семантического типа, при этом употребление некоторых из них с точки зрения функциональной отличается от современного. Для текстов Н.М. Карамзина характерно регулярное использование согласованных определений, детализирующих выражаемые значения и в ряде случаев употребляемых как субстантиваты, а также собирательных существительных, называющих сословные социальные группы. Устанавливается, что основные отличия от современного словоупотребления касаются использования архаизмов, историзмов, а также употребления лексем в значениях, не свойственных им с точки зрения современного носителя языка. Определяются принципы дистрибуции строчных и прописных букв, используемых Н.М. Карамзиным при именовании лиц: прописные буквы употребляются в случае принадлежности слов определенным лексико-семантическим группам (лексемы, указывающие национальную принадлежность, подданство, вероисповедание и др.), а также при выражении видовых лексических значений.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Вестник Европы», номинации лиц, описание Москвы.

Для цитирования: Савельев В.С., Ли Вэнвэнь. Особенности номинации лиц в описаниях Москвы начала XIX века (на материале статей Н.М. Карамзина в журнале «Вестник Европы») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 103–112. DOI: 10.31857/S1605788024050099

Features of the Nomination of Persons in Descriptions of Moscow at the Beginning of the 19th Century (Based on the Articles of N. M. Karamzin in the Magazine “Vestnik Evropy” [“Messenger of Europe”])

© 2024 Victor S. Savelyev

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
alfertinbox@mail.ru

© 2024 Li Wenwen

Postgraduate of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
18103654701wen@gmail.com

Abstract. The work determines the features of the nomination of persons in articles about Moscow by N.M. Karamzin, published in the magazine “Vestnik Evropy” [“Messenger of Europe”] in 1802–1803. It is established that the choice of lexemes is influenced by the topic of the articles, the temporal attribution of the object of description and its characteristics associated with the implementation of the concept “one’s own” vs. “stranger”. The articles regularly use agentive nouns of various semantic types, while the use of some of them from a functional point of view differs from the modern one. For texts by N.M. Karamzin is characterized by the regular use of agreed upon definitions, detailing the expressed meanings and in some cases used as substantives, as well as collective nouns naming class social groups. It is established that the main differences from modern word usage concern the use of archaisms, historicisms, as well as the use of lexemes in meanings that are not characteristic of them from the point of view of a modern native speaker. The principles of distribution of lowercase and capital letters used by N.M. Karamzin when naming persons are determined: capital letters are used when words belong to certain lexical-semantic groups (lexemes indicating nationality, citizenship, religion, etc.), as well as when expressing specific lexical meanings.

Key words: N.M. Karamzin, “Vestnik Evropy”, nominations of persons, description of Moscow.

For citation: Savelyev, V.S., Li, Wenwen. *Osobennosti nominacii lic v opisaniyah Moskvy nachala XIX veka (na materiale statej N.M. Karamzina v zhurnale “Vestnik Evropy”)* [Features of the Nomination of Persons in Descriptions of Moscow at the Beginning of the 19th Century (Based on the Articles of N.M. Karamzin in the Magazine “Vestnik Evropy” [“Messenger of Europe”])]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 103–112. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050099

Основным объектом изучения филологии являются тексты — письменные речевые произведения, посвященные самым различным темам. Вполне очевидно, что своеобразие текстов разных «типов», их отличительные признаки определяются множеством факторов, к которым, в частности, относится их тематика. Именно тематическое родство позволило филологам выделить группу **городских текстов** — текстов, в которых обнаруживается описание городов.

Одним из аспектов исследования языковых средств, при помощи которых создаются городские тексты, является изучение лексики, которая используется для описания их предметного мира. Вполне естественно, что при этом в первую очередь рассматриваются природные объекты и городские артефакты. Однако город — это не только предметы, которые определяют особенности городского ландшафта, но и люди, его населяющие.

Именованиям лиц в лингвистике последних десятилетий посвящено значительное количество работ. В ряде из них способы номинации людей рассматриваются в диахроническом аспекте. При этом объектом исследования могут быть как именования лиц, входящих в отдельные социальные группы [1], так и лексемы, называющие человека безотносительно его принадлежности к определенному социуму; в последнем случае внимание

исследователей сосредоточено на деривационных характеристиках слов [2].

Крайне важным для изучения лексики, называющей человека, является выделение лексико-семантических групп, объединяющих именованья лиц на основании определенного параметра. Подробные классификации слов, относящихся к данному семантическому полю, обнаруживаются как в специализированных исследованиях [3], так и в идеографических словарях [4, с. 59–395].

Большой интерес в отношении изучения особенностей номинации лиц представляют тексты, рассказывающие о прошлом города: благодаря их исследованию можно установить, как менялся социальный состав городского населения. Именно к таким текстам относятся статьи Николая Михайловича Карамзина, напечатанные в 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы» и посвященные истории и современной жизни *Москвы*¹. Примечательно, что статьи Н.М. Карамзина рассказывают о Москве двух эпох — времени царствования Алексея Михайловича (сер. XVII в.) и рубеже XVIII и XIX вв. Какие социальные группы привлекают внимание автора? Каковы способы номинации, используемые им?

¹ На страницах «Вестника Европы» обнаруживается 9 таких статей.

Прежде всего необходимо отметить, что в статьях Н.М. Карамзина последовательно реализуется концепт «свой» vs. «чужой» — один из основных концептов русской культуры², при этом повествование отражает точку зрения *москвича*; весьма показательно, что одна из статей называется «Записки старого московского жителя» [6]: в этой и других статьях автор-москвич рассказывает истории о московской жизни³ читателю-москвичу, «отправляя» его в те или иные места Москвы и Подмосковья⁴. При этом достаточно часто автор использует слово *мы*, объединяющее автора и его читателей-москвичей: «14 Октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе» [10, с. 69]⁵, «Густой и непрерывный туманъ, который у насъ до сего дня, продолжается» [10, с. 72], «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки» [6, с. 284] и т.п.

Примечательно, что Н.М. Карамзин не использует слова *москвитянин*, *московит* и *москвич* (встречающиеся в разных текстах XVIII века; см. [11, с. 40]), но регулярно употребляет словосочетания *Московскіе жители* ([7, с. 214]; [8, с. 279]; [12, с. 100] и др.) и — реже — *Московский народъ* и *граждане Московскіе*⁶, причем последние два только в статьях, посвященных истории Москвы ([7, с. 213]; [14, с. 143, 144]; [14, с. 125, 126] и др.). Также для обозначения москвичей используется метонимия *Москва* («<...> какъ будто бы тогдашняя Москва еще мало страдала, видя Князя своего въ безчестномъ плѣну» [10, с. 71]).

Для обозначения не-москвичей употребляются два ряда общих именований:

а) если речь идет о людях, не живущих в Москве и не имеющих к ней отношения, употребляется

² О концепте «свой» vs. «чужой» см. [5, с. 126–143].

³ «<...> въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы <...>» [7, с. 207], «Я общалъ вамъ, любезный другъ, объѣздить Московскія окрестности и сказать нѣсколько словъ о томъ, что увижу» [8, с. 278] и т.п.

⁴ «Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники <...>» [6, с. 281], «Подите въ село Преображенское <...> — тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшого каменнаго зданія» [9, с. 130] и т.п.

⁵ Здесь и далее цитаты из статей Н.М. Карамзина приводятся только в случае необходимости пояснения словоупотребления; в большинстве случаев приводится ссылка на один пример словоупотребления.

⁶ «Гражданин <...> 1. Житель города, горожанин» [13, с. 212, 213].

Полногласную форму *горожанин* Н.М. Карамзин не использует.

словосочетание, построенное по модели *жители* + *Род. падеж хоронима или ойконима*: «жители <...> Нижняго Новгорода» [7, с. 226], «Вообразимъ жителей острововъ Антильскихъ» [10, с. 71], «житель Парижа или Берлина» [6, с. 285];

б) если речь идет о людях, по той или иной причине посещающих Москву, в большинстве случаев отмечается, что они не являются россиянами, — используются слова *иностранецъ* [14, с. 125, 133], *чужестранецъ* [15, с. 264], субстантиват *чужестранный* («<...> никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ» [12, с. 99]) и словосочетание *иностранный путешественникъ* («Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы» [7, с. 213]). Использование определения в последнем случае мотивировано тем, что в качестве *путешественника* может выступать и сам автор-москвич («Наблюденія вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ» [8, с. 279]).

Еще один способ назвать путешественника, который использует автор, — словосочетание *дорожный человекъ* («<...> продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ» [15, с. 267]); этот актуальный во времена Н.М. Карамзина способ номинации («Дорожный <...> 1) В дороге находящийся. *Дорожный человекъ*» [16, с. 733]) в XX веке оценивается словарями как устаревший («Дорожный <...> 3) Находящийся в пути, в дороге (обл. и устар.). *Дорожные люди*» [17, с. 776]).

Обращаясь к теме «иностранцы в Москве», Н.М. Карамзин описывает отношения не только иностранцев и москвичей в частности, но и иностранцев и россиян в целом. Говоря об иностранцах, автор часто указывает их национальную принадлежность или иноземное подданство: упоминаются *голландцы* («Голландскій Фельдшеръ» [15, с. 268]), *голландцы* («Голштинецъ Петръ Марселлисъ» [6, с. 280]), *датчане* («Датскій Принцъ» [15, с. 270]), *нарвцы* («Нарвскій Пасторъ» [15, с. 269]), *немцы* («1000 человекъ Нѣмцовъ» [12, с. 97]), *татары* («Рускія женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ» [15, с. 260]), *французы* («Французскій дворянинъ де-Гронъ» [12, с. 102]).

Что касается россиян, то Н.М. Карамзин подчеркивает, что они являются *подданными* русского государя («Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ» [7, с. 214]) и *гражданами*⁷ своего государства («Народъ Рускій <...> кажется, всегда

⁷ «Гражданин <...> 2. Член общества, народа, состоящего под одним общим управлением, подчиненного общему для всех закону» [13, с. 212, 213].

чувствовалъ <...> что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства» [14, с. 120]).

Осознание себя русскими свойственно москвичам и подтверждается как иностранцами, отмечающими *русские* особенности московского уклада («Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ» [15, с. 252, 253], «Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся» [15, с. 253]), так и самими москвичами, и прежде всего — автором-москвичом («Я, какъ Руской и дворянинъ, <...>» [8, с. 282], «<...> теперь вездѣ нахожу общество! Однимъ словомъ, Рускіе уже чувствуютъ красоту природы» [6, с. 281, 282]).

* * *

Анализ лексем, используемых Н.М. Карамзиным для именования людей, показывает, что при описании различных сфер социальной жизни *москвичей* и *не-москвичей* выбор номинации в большинстве случаев определяется принадлежностью объекта определенной эпохе и оценкой того, является ли он «своим» или «чужим».

Верховные правители, монархи, престолонаследники⁸

В статьях, посвященных истории Москвы, используются слова *Царь* [7, с. 208] и *Императоръ* [15, с. 253] и — в качестве синонимов к ним — *Государь* [7, с. 209] и *Монархъ* [14, с. 126]. Упоминаются родственники верховного правителя — *Царица* [7, с. 208], *Царевна* [7, с. 208], иноземные монархи и их родственники — *Король* [7, с. 224], *Ханъ* [8, с. 284], *Шахъ* [8, с. 287], *Принцъ* [15, с. 270], в том числе посещавшие Москву («Когда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ <...>» [15, с. 270]).

В статьях, посвященных Москве XIX века, верховные правители не упоминаются. Примечательно, что при этом Н.М. Карамзин регулярно использует слово *государь*, но только в качестве обращения к читателям («Вы можете засмѣяться, государи мои; но <...>» [6, с. 283]).

По сословному положению, по состоянию личного господства или зависимости

⁸ Здесь и далее используется классификация, разработанная в «Русском семантическом словаре» (см. [4]).

В Москве XVII века, по словам Н.М. Карамзина, живут *Князья* [7, с. 223], *Бояре* [14, с. 130], *Духовенство* [15, с. 253], *Дѣти Боярскіе* (*Сыны Боярскіе*) [15, с. 257], *дворяне* [14, с. 124], *купцы* [14, с. 123], *мѣщане* [15, с. 257], *граждане*⁹ («Милославскій <...> началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ» [14, с. 138]) и *рабы* («Всякая изъ нихъ сажала въ ноги своихъ молодую рабу» [15, с. 263]). Обращает на себя внимание использование собирательных существительных, называющих отдельные сословия: помимо слова *Духовенство*, используются лексемы *купечество* [14, с. 123], *мѣщанство* [15, с. 257] и *гражданство* («Государь <...> сказалъ купечеству и гражданству, что <...>» [14, с. 139]). Достаточно часто в статьях встречаются перечислительные ряды, объединяющие представителей разных сословий. Так, упоминается, что во времена Алексея Михайловича в Китай-городе жили «купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне» [15, с. 255].

Для именования представителей привилегированных слоев общества используются слова *господа* [15, с. 258] и *знатные* [6, с. 280], для низших сословий — *народъ* [14, с. 128], *простые люди* [15, с. 262], *незнатные* [14, с. 133, 134] и оценочное *чернь* («<...> чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба» [14, с. 137]). В некоторых случаях описываются ситуации, объединяющие всех москвичей («Всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина» [14, с. 133, 134], «Рускіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ утра, и тотчасъ ложились отдыхать, какъ знатные, такъ и простые люди» [15, с. 262]).

В XVII веке Москву посещали титулованные иноземные гости — *Графъ Шликъ* [12, с. 101], *Баронъ Петръ Ремонъ* [12, с. 102]. Интересно, что некоторые из них принимали христианство и становились российскими подданными, претерпевая при этом изменения в титуловании: «Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыкомъ или Шлаковскимъ» [12, с. 101].

Также в Москву XVII века приезжали *гости*, или, как поясняет Н.М. Карамзин, *купцы* («Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы <...>» [15, с. 255, 256]), — данное значение фиксирует и «Словарь Академии Российской»: «Гость <...> 2) В старин. употр.: Купецъ приезжий» ([16, с. 276]).

⁹ «Гражданин <...> 1. <...> // Юр. Член городского общества, представитель торгово-промышленного сословия, владеющий недвижимой собственностью, мещанин» [13, с. 212, 213].

Говоря о Москве XIX века, Н.М. Карамзин упоминает *духовных* [18, с. 263], *дворянъ* (*Дворянство*) [19, с. 58]; [18, с. 266], *купцовъ* [18, с. 263], *мъщанъ* [19, с. 58] и подмосковных *крестьянъ* [8, с. 285]. Представители привилегированных слоев общества именуются словами *благородные*, *знатные*, низшие сословия — словами *народъ*, *незнатные*, при этом они могут упоминаться в одном контексте при описании события, объединяющего всех москвичей («<...> гдѣ знатные не стыдятся гулять вмѣстѣ съ не-знатными <...>» [6, с. 283], «Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшныя огни для всѣхъ <...>» [8, с. 279]). С той же целью используются описательные номинации *смѣсь разныхъ состояній* («Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній» [6, с. 283]) и *люди всякаго званія* («Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ <...> людей всякаго званія» [18, с. 263]).

Также следует обратить внимание на то, что в статьях о современной ему Москве Н.М. Карамзин использует слово *господинъ*, но исключительно в качестве обращения («Господинъ! господинъ! Не надобно ли вамъ цвѣтовъ?» [6, с. 278]), при именовании персон (*Господинъ Новиковъ* [19, с. 57], *Господинъ Шлецеръ* [18, с. 266]) или группы лиц (*Господа Московскіе Профессоры* [18, с. 264]). Слово *Дама* употребляется при упоминании женщин, принадлежащих высшим слоям общества (*знатныя Московскія Дамы* [18, с. 263]).

По отношению к направлению, течению в религии, по вероисповеданию

Москвичи XVII века описываются как люди *набожные* [15, с. 252, 253]. Местные жители являются *православными* [12, с. 98], в отличие от иностранцев, живущих в Москве, среди которых обнаруживаются *Католики* [12, с. 99], *Лютеране* [12, с. 96] и *Реформаты* [12, с. 99], определяемые как *иновѣрцы* [12, с. 98]. Православные москвичи являются *прихожанами* церквей [14, с. 138], службу в которых отправляют *Священники* [12, с. 97], наставляемые *Патріархомъ* [14, с. 138]; на московских улицах можно увидеть *монаховъ* [14, с. 137]. Из иностранных священнослужителей Н.М. Карамзиным упоминается *Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ* [15, с. 269]. Что касается религиозной жизни Москвы XIX века, то Н.М. Карамзин о ней не говорит, упоминая лишь «Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей» [12, с. 100].

В большинстве случаев именование лиц у Н.М. Карамзина связано с указанием их профессиональной деятельности.

Должностные, официальные лица, чиновники, служащие

В статьях используются два общих обозначения для лиц при дворе русского царя XVII века — *вельможы* [7, с. 209] и *царедворецъ* [14, с. 141], а также специализированные номинации — *Дворецкій* [14, с. 133] и *Окольничій* [14, с. 124]. Общие обозначения должностных лиц того времени — слова *дьякъ*¹⁰ [15, с. 268], *подъячій* [15, с. 257] и *чиновникъ* [14, с. 127], специализированные — *Думный Дьякъ* [14, с. 123], *Дьякъ иностранныхъ дѣлъ* [15, с. 268], *судья уголовный* [14, с. 136] и *палачъ* [14, с. 136]. Иные номинации используются для обозначения иностранных чиновников, посещавших Москву, — *Посолъ* [15, с. 253], *Секретарь Посольства* [9, с. 126] и *Министръ*¹¹ [15, с. 258].

Описывая Москву XIX века, Н.М. Карамзин о царедворцах и должностных лицах не говорит, употребляя лишь слово *Министръ* [18, с. 263] в привычном для нас значении.

В военной, военизированной сферах деятельности

Говоря о военных XVI–XVIII вв., Н.М. Карамзин именуют их по тому, к какому «роду войск» они относятся, — *Опричные* [14, с. 120] и *Стрѣльцы* [7, с. 223], называя последних также оценочно-собирательным существительным *гвардія* («Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію (То есть, Стрѣльцовъ*)» [14, с. 138]). Намного чаще используются обозначения, отражающие принадлежность «воинским категориям и званиям», и во всех случаях говорится об иностранных воинах, нанятых на службу московскому царю, — упоминаются *иностранные солдаты* [15, с. 257], *солдаты Нѣмецкіе* [12, с. 96], *офицеры иностранные* [14, с. 133], *Нѣмецкіе Офицеры* [12, с. 97], *Полковникъ Леслей* [12, с. 102], *Генераль Бауеръ* [7, с. 213]. Также используется собирательное существительное *войско*, называющее как русских воинов (*войско* [7, с. 226], *Русское войско* [8, с. 284]), так и иностранных наемников (*войско иностранное* [14, с. 133]).

Что касается Москвы XIX века, то в статьях о военной жизни города не говорится, а потому не упоминаются и военные.

¹⁰ Интересно, что в одном случае Н.М. Карамзин поясняет значение этого слова, употребляя лексему *секретарь*: «Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ Государемъ и писалъ личные царскіе указы» [9, с. 127].

¹¹ «Министръ <...> 2. Дипломатический представитель одного государства в другом; посол, посланник» [20, с. 196].

В хозяйственной, экономической сферах деятельности

В Москве XVII века трудятся различные *работники* [14, с. 125], *ремесленники* [15, с. 257] и *мастеровые люди* [15, с. 266]. Особо упоминаются *хлебники* [15, с. 257], *ямщики* [14, с. 136], «работники торговли» — *продавцы* [15, с. 256] и *сидельцы*¹² [15, с. 262]. В домах своих господ работают *слуги* [14, с. 130] и *служанки* [15, с. 262], а в подмосковных имениях бояр за порядком следят *ключники* [15, с. 267].

В статьях о Москве XIX века встречаются те же общие обозначения трудящихся, что и в статьях об истории Москвы — *работники* [10, с. 70] и *ремесленники* [6, с. 281], однако список лиц по профессиям существенно отличается: упоминаются *портные* [6, с. 281], *сапожники* [6, с. 281], *пирожники* [19, с. 58], *книгопродавцы* [19, с. 60].

В сфере медицины

Упоминания работников медицины обнаруживаются исключительно в статьях о Москве XVII века, в которых встречаются слова *врачъ* [15, с. 270], *Докторъ* [12, с. 94], *лекаръ* [15, с. 270], *Медикъ* [15, с. 270], *Голландскій Фельдшеръ* [15, с. 268], называющие иностранных специалистов. Примечателен при этом комментарий Н.М. Карамзина, говорящего о врачевании в старой Москве: «Но только Дворъ и Бояре, говорить Маржереть, прибѣгали къ иностраннымъ врачамъ: всѣ другіе Московскіе жители не вѣрятъ ихъ искусству и лечатся по своему; а именно, виномъ съ растертымъ порошкомъ или чеснокомъ: что, вмѣстѣ съ жаркою банею, служить для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ» [15, с. 270, 271].

В сфере науки и просвещения

В статьях о Москве XVII века упоминается живший в городе немецкий *Астрономъ* [15, с. 268].

В XIX веке *въ Московскомъ Университетѣ* трудятся *ученые Мужи* [18, с. 267] — российские и иностранные *Профессоры* [18, с. 267], лекции которых посещают *студенты Заиконоспаской Академіи* [18, с. 263]. В домах состоятельных москвичей воспитанием детей занимаются *иностранные учителя* [18, с. 267].

В сфере искусства и творчества

Среди специалистов, работавших в Москве XVII века, упоминаются российский *Архитекторъ*

[15, с. 256] и *иностранные художники* [15, с. 267]. Также упоминаются *чужестранные Авторы* [15, с. 251], *чужестранные Писатели* [15, с. 252], посещавшие Москву и наряду с *нашими льтописцами* [7, с. 209], *Рускими Писателями* [14, с. 120] оставившие ее описания. Слово *Писатель* употребляется Н.М. Карамзиным и по отношению к современникам-соотечественникам [8, с. 285], а словом *Авторъ* он называет самого себя [14, с. 135].

По интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по восприятию кого-чего-н.

Н.М. Карамзин описывает москвичей XIX века, называя их увлечения: используются качественные имена — *любители* (*Исторіи* [7, с. 213], *отечественной славы* [7, с. 207], *просвѣщенія* [18, с. 263], *учености* [18, с. 266], *чтенія* [19, с. 57]) и *охотники* («Торгаши <...> нынѣ ѣздятъ они съ ученымъ товаромъ, и <...> желая прельстить охотниковъ, рассказываютъ содержаніе романовъ и комедій» [19, с. 59]).

По врожденному или приобретенному интеллектуальному или интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, качеству

Н.М. Карамзин обращает внимание на качества некоторых москвичей XVII века (*праздные люди* «На Красной Площади съ утра до вечера толпилось множество людей праздныхъ» [15, с. 256]) и XIX века (*безграмотные* «Самые безграмотные желаютъ знать, что пишутъ изъ чужихъ земель!» [19, с. 58]).

По социально-экономическому положению, по отношению к собственности, к средствам существования

Важной характеристикой москвича является его состоятельность: регулярно упоминаются *богатые* (XVII век: [14, с. 124]; XIX век: [6, с. 281]), *небогатые* (XVII век: [14, с. 124]; XIX век: [8, с. 281]), *бѣдные* (XVII век: [14, с. 123]; XVIII век: [7, с. 213]; XIX век: [19, с. 58]) и *нищие* (XVII век: [15, с. 267]). Характерно, что данные лексемы используются не только как прилагательные, но и как субстантивы.

Также необходимо отметить, что в статьях Н.М. Карамзина регулярно используются характеризующие именованія москвичей, образующие пару слов *богатые и/или знатные* (XVII век: «всякой знатной или богатой челоѡѣкъ» [15, с. 252], «другіе знатные или богатые люди» [15, с. 260], «богатые и знатные люди» [15, с. 261], «жены богатыхъ и знатныхъ мужей» [15, с. 263]).

¹² «Сиделецъ <...> Продавецъ в купеческой лавкѣ, а также продавецъ за стойкой в кабаке, трактире» [4, с. 306].

По характерному или разовому действию, поступку, функции

При описании Москвы XVII века Н.М. Карамзиным упоминаются различные *преступники* [15, с. 267] — *грабители* [14, с. 131], *мятежники* [14, с. 133], *бунтовщики* [14, с. 132]; связано это с тем, что в одной из статей автор описывает *Московскіи мятежъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича* [14].

Также среди москвичей XVII века обнаруживаются *утѣшенные* [14, с. 125] и *(народные) притѣснители* [14, с. 134], а также *благодѣтели (бѣдныхъ)* [14, с. 133], *(народные) благотворители* [14, с. 144] и *покровители (чужестранцевъ)* [15, с. 264]. Необходимо заметить, что четыре последних релятора употребляются исключительно в сочетании с объектными расширителями; также требует расширителя и актуальное имя *свидѣтели (присутствія)* [14, с. 135].

В описаниях Москвы XIX века обнаруживаются слова, называющие субъекты восприятия — *читатели* [6, с. 276] и *слушатели* [18, с. 263], которые в ряде контекстов замещаются собирательным *Публика* [19, с. 58]; [18, с. 264]. В качестве актуального имени используется слово *чтецъ* («<...> нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чтеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами» [19, с. 58]). Также в статьях употребляются релятор *благотворитель* [7, с. 212] и актуальное имя — субстантиват *гуляющіе* [6, с. 281].

Особо следует отметить употребление Н.М. Карамзиным слова *субскрибентъ* [19, с. 58]: слово *подписчикъ* на рубеже веков использовалось в значениях «1) Тот, кто обязался к чему подпискою. 2) Кто под руку, под почерк чей подписывается» [21, с. 846]. Как отмечает В.В. Виноградов, «слово *подписчик* в современном значении: “лицо, подписавшееся на какое-нибудь печатное издание” <...>, укрепилось в русском литературном языке не ранее начала XIX в., точнее: 10–20 годов XIX в.» [22, с. 494]. Примечательно, что в «Указателе к Вестнику Европы 1802–1830» (1861 г.) при изложении содержания статьи слово *субскрибентъ* замещается на *подписчикъ*: «Число *субскрибентовъ* ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000» (1802) [19, с. 58] > «черезъ десять лѣтъ число *подписчиковъ* возрасло до 4,000» (1861) [23, с. 3].

Названия родства, свойства, породнения¹³

Некоторые показатели степеней родства встречаются в описаниях Москвы как XVII, так и XIX веков — *мужъ* (XVII век: [15, с. 259]; XIX век: [7, с. 218]), *жена* (XVII век: [15, с. 269]; XIX век: [7, с. 221]), *отецъ* (XVII век: [7, с. 224]; XIX век: [7, с. 218]), *дѣти* (XVII век: [12, с. 102]; XIX век: [6, с. 281]). Другие обозначения обнаруживаются только в статьях о Москве XVII века — *супругъ* [7, с. 216], *супруга* [14, с. 126], *мать* [14, с. 122], *сынъ* [7, с. 224], *дочь* [12, с. 102], *дѣдъ* [7, с. 215]. В них же при номинации москвичек используются лексемы, а) отмечающие особо их отношение к браку — *замужніе* [15, с. 260], *дѣвицы* [15, с. 260], б) свидетельствующие потерю кормильца — *вдовы* [7, с. 214]¹⁴, в) характеризующие по социальному статусу супруга — *боярыни* [15, с. 263].

По полу, по возрасту, а также по полу и возрасту

В статьях встречаются именованія лиц разного возраста преимущественно мужского пола: в описаниях Москвы разных эпох — *старецъ*¹⁵ (XVII век: [7, с. 224]; XIX век: [9, с. 129]), *молодой человекъ (молодые люди)* (XVII век: [12, с. 101]; XIX век: [18, с. 264]); только XVII век — *мущина* ([15, с. 260]), *мальчикъ* ([14, с. 138]), *мальчишка* ([12, с. 98]); только XIX век — собирательное *юношество* [18, с. 266] и *старикъ* [7, с. 211]). Слово *старикъ* встречается также и в статьях про Москву XVII века, но обозначает не людей преклонного возраста, а предков современных автору москвичей («<...> старики наши съ похмѣлья ѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксусомъ и разсоломъ огурешнымъ» [15, с. 261]). Также автор употребляет релятор *предки*, оппозитивный слову *мы*, называющему современников автора («Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища» [6, с. 283], «Пусть мы умнѣе своихъ предковъ» [7, с. 209]).

В описаниях Москвы разных эпох встречается слово *женщина* (XVII век: [15, с. 260]; XIX век: [6, с. 277]), при этом оно может сочетаться с определениями, указывающими на возраст или социальный статус, — *молодая* (XVII век: [14, с. 130]), *знатная* (XVII век: [15, с. 258]) и *свѣтская* (XIX век: [18, с. 264]). Также однословные именованія лиц

¹³ К данной группе слов могут быть также отнесены некоторые слова, приведенные в разделе «Верховные правители, монархи, престолонаследники».

¹⁴ По тому же признаку выделяются *сироты* [7, с. 214].

¹⁵ Слово употребляется при упоминании мужей почтенного возраста, помнящих «старину».

женского пола разного возраста часто совмещаются с другими их характеристиками¹⁶.

По состоянию здоровья

В статьях о Москве XVII века встречаются субстантиваты *больной* [15, с. 270] и *пьяный* [14, с. 137].

Таким образом, для номинации лиц Н.М. Карамзин использует слова, создающие представление о жизни москвичей и не-москвичей в самых различных социальных сферах.

* * *

Как это видно из приводимых примеров, особый интерес в именовании лиц вызывает дистрибуция прописных и строчных букв.

Говоря об употреблении прописных букв в «Письмах русского путешественника», Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский отмечают, что «в прозе Карамзина они составляют целую продуманную партию, означая то смысловое и интонационное выделение, то перевод имени в другой смысловой класс, иногда уважение, иногда иронию» [24, с. 519].

Анализ номинаций лиц позволяет установить два «правила», которыми руководствовался Н.М. Карамзин при выборе прописных букв: а) принадлежность слова к определенной лексико-семантической группе (слова, указывающие национальную принадлежность, подданство; вероисповедание; именованья верховных правителей и членов их семей; священнослужителей; титулы; воинские звания; должности), б) тип выражаемого лексического значения: общие обозначения требуют использования строчных, а конкретные — прописных букв (ср. *иностранецъ*, *чужестранецъ* vs. *Руской*, *Голишинецъ*, *Нѣмецъ*; *иновьрцы* vs. *Католики*, *Лютеране*, *Реформаты*; *вельможя*, *царедворецъ* vs. *Дворецкій*, *Окольничій*).

В ряде случаев выбор Н.М. Карамзина представляет сложности для толкования. Так, при обозначении сословий преимущественно используются строчные буквы (*духовные*, *князья*, *дворяне*, *купцы*, *мѣщане*, *граждане*, *рабы*), однако обнаруживаются и прописные — *Духовенство* и *Дворянство* (при наличии тождественных по словообразовательной структуре собирательных *купечество*, *мѣщанство*, *гражданство*). Написание слова *бояре* (*Бояре*) вариативно и не мотивировано различиями в выражаемых значениях, в отличие от вариативного написания слов *дѣти* и *сынѣ*: при обозначении сословия используются прописные буквы

(*Дѣти Боярскіе*, *Сынѣ Боярскій*), при обозначении родственных отношений — строчные (*дѣти*, *сынѣ*).

Вариативное написание, объясняемое необходимостью выражения разных значений, обнаруживается также в следующих случаях:

Гражданинѣ — обозначение сословной принадлежности конкретного лица (*Гражданинѣ Мининѣ* [7, с. 225]), *гражданинѣ* — все остальные случаи;

Государь — обозначение монарха, *государь* — в качестве обращения к не-монарху;

Господинѣ — при именовании персон (*Господинѣ Новиковѣ*) или группы лиц (*Господа Московскіе Профессоры*), *господинѣ* — при именовании представителей привилегированных слоев общества («Рускимъ крестьянамъ не полюбились работать на чужестраннаго господина» [12, с. 102]) и в качестве обращения («Господинѣ! господинѣ! Не надобно ли вамъ цвѣтовъ?»);

Мужѣ — «заслуженный деятель на каком-н. общественном поприще» [4, с. 195] (*ученый Мужѣ*), *мужѣ* — при обозначении степени родства.

* * *

Как мы видим, в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. обнаруживается значительное количество слов, характеризующих москвичей и гостей города по тому или иному признаку. На основании анализа материала можно сделать следующие выводы:

1. Тематика статей определяет то, какие лексемы используются при именовании лиц. Например, только в статьях о Москве XVII века описываются мятежи и, как следствие, в них обнаруживаются слова *мятежники*, *бунтовщики* и под. Однако наблюдаются и определенные ограничения на использование слов, связанные с тем, какая именно эпоха описывается. Так, вполне логично, что в статьях о Москве XVII века упоминаются *Опричные* и *Стрѣльцы*, а в статьях о Москве XIX века — *Профессоры*, *учители* и *студенты*.

2. В сфере номинации лиц последовательно реализуется концепт «свой» vs. «чужой». Однако в некоторых тематических областях — именованья по возрасту, степеням родства и под. — деление на *своих* и *чужих* не наблюдается по причине того, что речь идет о характеристиках, касающихся любого человека.

3. Используются агентивные существительные различного семантического типа: актуальные (*свидѣтель*, *слушатель* и под.), результативные (*Авторѣ*, *грабитель* и под.), качественные (*любитель*, *охотникѣ* и под.), функциональные

¹⁶ См. приведенные выше слова *царица*, *царевна*, *жена* и др.

(*продавецъ, сидѣлецъ* и под.) и реляционные (*благотворитель, притѣснитель* и под.) имена. Некоторые из них выступают в функциях, не свойственных их современному употреблению (например, *чтець* в качестве актуального имени).

4. Достаточно часто номинации лиц употребляются в сочетании с определениями, позволяющими уточнить, какой именно объект имеется в виду (*знатныя Московскія Дамы, благородные молодые люди* и под.). В ряде случаев подобные атрибуты используются как субстантиваты (*чужестранный, нищий, больной* и под.).

5. Для обозначения групп людей наряду с конкретными используются собирательные существительные (*Духовенство, купечество, мѣщанство, гражданство* и под.).

6. Обнаруживаются отличия от современного употребления номинаций лиц: а) встречаются архаизмы (*субскрибентъ, дорожный человекъ, книгопродавецъ*), б) используются лексемы, некоторые ЛСВ которых вышли из употребления (*гость* в значении «купец», *гражданинъ* в значении «горожанин», *Министръ* в значении «посол» и под.).

7. В статьях встречается значительное количество историзмов, многие из которых неизвестны большинству современных носителей русского языка (*Дѣти Боярскіе, сиделець, Окольный* и под.).

8. Использование прописных и строчных букв в большинстве случаев мотивировано тем, какое значение выражает слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багрянцева Г.И. Наименования должностных лиц в двух регламентах Петровского времени // Вопросы филологических наук. 2013. № 1. С. 12–17.
2. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 224 с.
3. Лаврова Л.В. Лексико-семантические группы слов, характеризующие человека / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1984.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Азбуковник, 1998. 826 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
6. Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: [Очерк об улучшениях в Москве] // Вестник Европы. 1803. Ч. 10, № 16. С. 276–286.
7. Карамзин Н.М. Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802. Ч. 4, № 15. С. 207–226.
8. Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы // Вестник Европы. 1803. Ч. 7, № 4. С. 278–289.
9. Карамзин Н.М. О тайной канцелярии // Вестник Европы. 1803. Ч. 8, № 6. С. 122–131.
10. Карамзин Н.М. Известия и замечания. Москва // Вестник Европы. 1802. Ч. 6, № 21. С. 69–73.
11. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 13. Молдавский – Напрокудить. СПб.: Наука, 2003. 274 с.
12. Карамзин Н.М. Русская старина (продолжение) // Вестник Европы. 1803. Ч. 12, № 21/22. С. 94–103.
13. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 5. Выпить – Грызть. Л.: Наука, 1989. 257 с.
14. Карамзин Н.М. О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803. Ч. 11, № 18. С. 119–145.
15. Карамзин Н.М. Русская старина // Вестник Европы. 1803. Ч. 11, № 20. С. 251–271.
16. Словарь Академии Российской. Часть II. От Г. до З. СПб., 1790. 664 с.
17. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Том I. А – Кюрины. М.: ОГИЗ, 1935. 822 с.
18. Карамзин Н.М. О публичном преподавании наук в Московском Университете // Вестник Европы. 1803. Ч. 12, № 23/24. С. 261–268.
19. Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви к чтению в России // Вестник Европы. 1802. Ч. 3, № 9. С. 57–64.
20. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 12. Лытец – Молвотворство. СПб.: Наука, 2001. 253 с.
21. Словарь Академии Российской. Часть IV. От М. до Р. СПб., 1793. 639 с.
22. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 1138 с.
23. Указатель к Вестнику Европы 1802–1830. Сост. М. Полуденский. М.: В Университетской типографии, 1861. 310 с.
24. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 516–524.

REFERENCES

1. Bagryantseva, G.I. *Naimenovaniya dolzhnostnykh lic v dvuh reglamentah Petrovskogo vremeni* [Names of Officials In Two Regulations of Peter's Time]. *Voprosy filologicheskikh nauk* [Questions of Philological Sciences]. 2013, No. 1, pp. 12–17. (In Russ.)

2. Efimova, V.S. *Naimenovaniya lic v staroslavjanskom yazyke* [Names of Persons in Old Church Slavonic]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)
3. Lavrova, L.V. *Leksiko-semanticheskie gruppy slov, harakterizuyushchie cheloveka* [Lexico-Semantic Groups of Words Characterizing a Person]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1984. (In Russ.)
4. *Russkij semanticheskij slovar. Tolkovyj slovar, sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings]. Ed. N.Yu. Shvedova. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 826 p. (In Russ.)
5. Stepanov, Yu.S. *Konstanty: slovar russkoj kultury* [Constants: a Dictionary of Russian Culture]. 3^d Edition. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)
6. Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskago zhitelya: Ocherk ob uluchsheniyah v Moskve* [Notes of an old Moscow Resident: Essay on Improvements in Moscow]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803, Part 10, No. 16, pp. 276–286. (In Russ.)
7. Karamzin, N.M. *Istoricheskaya vospominaniya i zamechaniya na puti k Troice* [Historical Memories and Notes on the Way to Trinity]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1802, Part 4, no. 15, pp. 207–226. (In Russ.)
8. Karamzin, N.M. *Puteshestvie vokrug Moskvy* [Travel around Moscow]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803, Part 7, No. 4, pp. 278–289. (In Russ.)
9. Karamzin, N.M. *O tajnoj kancelyarii* [About the Secret Office]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803, Part. 8, No. 6, pp. 122–131. (In Russ.)
10. Karamzin, N.M. *Izvestiya i zamechaniya. Moskva* [News and Comments. Moscow]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1802, Part 6, No. 21, pp. 69–73. (In Russ.)
11. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Issue 13. Moldavskij – Naprokidit'. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 274 p. (In Russ.)
12. Karamzin, N.M. *Ruskaya starina (prodolzhenie)* [Russian Antiquity (Continued)]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803. Part 12, No. 21/22, pp. 94–103. (In Russ.)
13. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Issue 5. Vypit' – Gryzt'. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 257 p. (In Russ.)
14. Karamzin, N.M. *O moskovskom myatezhe v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha* [About the Moscow Rebellion During the Reign of Alexei Mikhailovich]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803, Part 11, No. 18, pp. 119–145. (In Russ.)
15. Karamzin, N.M. *Ruskaya starina* [Russian Antiquity]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803, Part 11, No. 20, pp. 251–271. (In Russ.)
16. *Slovar Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy]. Part II. G.–Z. St. Petersburg, 1790. 664 p. (In Russ.)
17. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. prof. D.N. Ushakov. Vol. I. A – Kyuriny. Moscow: OGIZ Publ., 1935. 822 p. (In Russ.)
18. Karamzin, N.M. *O publichnom prepodavanii nauk v Moskovskom Universitete* [On Public Teaching of Science at Moscow University]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1803, Part 12, No. 23/24, pp. 261–268. (In Russ.)
19. Karamzin, N.M. *O knizhnoj trgovle i lyubvi k chteniyu v Rossii* [About the Book Trade and Love of Reading in Russia]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe]. 1802, Part 3, No. 9, pp. 57–64. (In Russ.)
20. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Issue 12. L'stets – Molvotvorstvo. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 253 p. (In Russ.)
21. *Slovar Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy]. Part IV. M.–R. St. Petersburg, 1793. 639 p. (In Russ.)
22. Vinogradov, V.V. *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN Publ., 1999. 1138 p. (In Russ.)
23. *Ukazatel k Vestniku Evropy 1802–1830* [Index to the Bulletin of Europe 1802–1830]. Comp. M. Poludenskiy. Moscow: V Universitetskoj tipografii Publ., 1861. 310 p. (In Russ.)
24. Lotman, Yu.M., Uspenskiy, B.A. *Tekstologicheskie principy izdaniya* [Textual Principles of Publication]. Karamzin, N.M. *Pisma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 516–524. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 18 января 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 мая 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
 Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on January 18, 2024
 Revised on May 28, 2024
 Accepted on August 15, 2024
 Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050107

Юлий Айхенвальд в спорах о театре *Статья первая*

© 2024 г. Е.А. Тахо-Годи

Доктор филологических наук,
профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
takho-godi.elena@yandex.ru

Резюме. В статье впервые подробно рассматривается путь Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) как театрального критика. Дается обзор его публикаций о театральных постановках в журнале «Русская мысль», прослеживается эволюция эстетических взглядов, предопределивших айхенвальдовское «отрицание театра», анализируется роль критика в дореволюционных дискуссиях о театре, исследуется отношение к его позиции в 1900–1910-е годы современников – известных театральных критиков (Н.Е. Эфрос) и театральных деятелей (В. Немирович-Данченко, Н. Евреинов, В. Мейерхольд, Н.А. Попов и др.).

Ключевые слова: Ю.И. Айхенвальд, журнал «Русская мысль», театральная критика начала XX в., споры о театре, отрицание театра, Н. Евреинов, В. Мейерхольд.

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд в спорах о театре. Статья первая // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 113–127. DOI: 10.31857/S1605788024050107

Yuly Aykhenwald in the Debate About the Theatre. Article One

© 2024 Elena A. Takho-Godi

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Leading Research Fellow
at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
takho-godi.elena@yandex.ru

Abstract. The article, for the first time ever, examines in detail the route of Yuly Isaevich Aykhenwald (1872–1928) as a theatre critic. A review of his publications in the journal “The Russian Thought” (“Russkaya Mysl”) about theatre performances is given; the evolution of his aesthetic views which finally led to his “negation of the theatre” (antitheatricity) is traced; the role of a critic in the pre-revolutionary discussions about the theatre is analysed; closely examined is the attitude of his contemporaries, such as the famous theatre critics (Nikolai Efros) and theatrical figures (Vladimir Nemirovich-Danchenko, Nikolai Evreinov, Vsevolod Meyerhold, Nikolai Popov and others), to his stance in 1900–1910s.

Key words: Yuly Aykhenwald, the journal “The Russian Thought” (“Russkaya Mysl”), theatre criticism of the beginning of the 20th century, discussions about the theatre, antitheatricality, Nikolai Evreinov, Vsevolod Meyerhold.

For citation: Takho-Godi, E.A. *Yulij Aikhenvald v sporakh o teatre. Statia pervaja* [Yuly Aykhenwald in the Debate About the Theater. Article One]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 113–127. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050107

Имя Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) вспоминается при изучении Серебряного века все реже. История литературы задвинула в дальний книжный угол его главный труд жизни — «Силуэты русских писателей», — да и самого автора из первых критиков начала века потеснила во второй, а то и третий ряд. Тем не менее совершенно вычеркнуть Айхенвальда из литературной жизни первой четверти XX столетия немыслимо: его вклад в литературное строительство эпохи достаточно значим и очевиден. Гораздо менее очевидна роль Айхенвальда в театральной культуре его времени. Правда, он включен в словник «Театральной энциклопедии», но несколько скупых энциклопедических строк, зафиксировав основные факты, конечно, не могут воссоздать реальность во всей ее рельефности.

Театрал под маской

Первые публикации Айхенвальда в московских журналах появились на страницах «Вопросов философии и психологии» в 1896 г. и были посвящены философским проблемам, что было вполне логично для выпускника философского отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета. Однако, несмотря на должность секретаря редакции и общение с цветом тогдашней философской мысли Москвы — Вл. Соловьевым, М. Лопатиным, Н. Гротом, — Айхенвальд не забывает и свою давнюю склонность к критике (еще гимназистом он публиковал стихи и рецензии в одесских газетах). В 1902 г. Юлий Исаевич стал на два года сотрудником редакции известного литературного журнала «Русская мысль», где, как и в «Вопросах философии и психологии», печатал в библиографическом отделе обзоры книжных новинок. По воле официального редактора журнала В.А. Гольцева большинство подобных библиографических обзоров в журнале никогда не подписывались полным именем автора, и только после его смерти в ноябре 1906 г. и перехода журнала в руки П.Б. Струве Айхенвальд предстал перед читателями журнала как критик. К этому времени, в 1906 г., уже вышел первый выпуск его «Силуэтов русских писателей», включавший в том

числе очерки, печатавшиеся в «Русской мысли». С января 1907 г. до ноября 1908 г. Айхенвальд заведовал беллетристическим отделом журнала и определял его политику¹. Однако для читателей журнала так и осталось тайной то, что он долгое время выступал в «Русской мысли» в роли театрального критика. Следуя заведенным в журнале правилам, Айхенвальд-театрал скрывался под криптонимической маской, подписывая свои тексты буквами «Ю.А.»².

Театральные обзоры критика за этой подписью начали публиковаться в 1902 г. В февральском выпуске журнала в рубрике «Современное искусство» появились его отклики на новинки московских драматических театров: на постановку в «Художественном театре» «В местах» В. Немировича-Данченко, С. Найденова «Дети Ванюшина» в «Театре Корша», И.С. Платона «Напасть» в «Новом театре» и «В ответе» П. Боборыкина в Малом.

С 1902 по 1908 г. включительно Айхенвальд отзывался на несколько десятков постановок. Рецензировал он, преимущественно, спектакли, которые ставились в Малом, Художественном и Новом театрах, реже — в Театре Корша (1902 г. — о спектаклях: Н. Тимковский, «Сильные и слабые»; Г. Энгель, «Спасение» («Над водами»); А. Шницлер, «Сказка»; 1903 г. — С. Найденов, «Богатый человек»).

Из постановок в Малом он отзывался на следующие: 1902 г. — Шеридан, «Школа злословия»; А.Н. Островский, «Сердце не камень»; Г. Зудерман, «Да здравствует жизнь!»; Джером Джером, «Женская логика»; 1903 г. — А.С. Суворин, «Вопрос»; Шекспир, «Король Генрих VIII»; Э. Ожье, «Сын Жибуайе»; Н. Тимковский, «Дело жизни»; А. Сумбатов, «Измена»; 1904 г. — П. Капнист, «Сен-Марс»; В. Рышков, «Первая ласточка»; Брие, «Красная мантия»; А. Шницлер, «Одиноким путем»; Ибсен, «Джон Габриэль Боркман»; И.С. Платон, «Рабы»; 1905 г. — Шекспир, «Буря»;

¹ Об этом см.: [1].

² См.: [2, с. 313–314], а также составленную Д.В. Зуевым библиографию публикаций Айхенвальда, обширную, но, к сожалению, неполную, в приложении к диссертации: [3].

1906 г. — С. Найденов, «Авдотьяна жизнь»; Бар, «Мастер», М. Дрейер, «Молодежь»; Ибсен, «Борьба за престол»; 1908 г. — Шекспир, «Отелло».

Из постановок в Художественном театре: 1902 г. — Л. Толстой, «Власть тьмы»; М. Горький, «Мещане»; 1903 г. — М. Горький, «На дне»; Ибсен, «Столпы общества»; Шекспир, «Юлий Цезарь»; 1904 г. — А. Чехов, «Вишневый сад» и «Иванов»; Вильгельм Майер-Ферстер, «В старом Гейдельберге»; Метерлинк, «Слепые», «Непрощенная» и «Там внутри»; 1905 г. — П. Ярцев, «У монастыря»; А. Чехов, «Злоумышленник», «Хирургия», «Унтер Пришибеев»; Ибсен, «Привидение»; М. Горький, «Дети солнца»; 1906 г. — Грибоедов, «Горе от ума»; 1907 г. — Пушкин, «Борис Годунов»; 1908 г. — Ибсен, «Росмерсхольм»; Метерлинк, «Синяя птица».

Из постановок Нового театра были отрецензированы: 1902 г. — Гоголь, «Мертвые души» (переработка А. Потехина и В. Крылова); А. Федоров, «Жажда жизни»; 1903 г. — А.Н. Островский, «Не так живи, как хочется»; Ф. Филиппи, «Благотетели человечества»; Н. Персиянинова, «Пустоцвет»; И. Потапенко «Высшая школа»; 1905 г. — А. Стриндберг, «Отец»; 1906 г. — М. Драйер, «Фриц Гейтман»; Пшебышевский, «Золотое руно».

В 1906 г. внимание Айхенвальда привлекают постановки «Бесприданницы» А.Н. Островского и «Норы» Ибсена в ходе гастролей В. Коммисаржевской, хотя его похвалы в адрес актрисы небезоговорочны: «Г-жа Коммисаржевская очень тонко, в прелестных оттенках и полутонах, изобразила Нору веселую и Нору, испуганную приближающейся грозой; но ей гораздо меньше удалась Нора последнего действия, Нора серьезная, в прощальной беседе с мужем, в этой роковой тяжбе, которую искони ведут мужчина и женщина, в этом разладе-разговоре, который так решительно оборвала Нора и последнее слово которого поэтому еще не сказано...» [4, с. 228–229].

С 1906 г. все чаще появляются публикации, находящиеся на стыке театральной и литературной критики. Например, «Заметка о Гоголе (по поводу семидесятилетия “Ревизора”» (Ю. Альд. Русская мысль. 1906. № 5. С. 181–199), о пьесе Ибсена «Бранд» (Русская мысль. 1907. № 1. С. 220–226), о трехтомнике «Урусов А.И. Статьи о театре, о литературе и об искусстве. Письма. Воспоминания о нем» (Русская мысль. 1907. № 5. С. 91), о театре Еврипида (о переводах И.Ф. Анненского — 1907).

Такой синкретизм симптоматичен, так как чем дальше, тем меньше критик будет писать о театре, но для Айхенвальда он, в сущности, и не нов: с первых же своих театральных рецензий

он отдавал предпочтение не самому театру и театральной постановке, а текстам великих и дорогих его сердцу драматургов — Шекспира, Ибсена, Чехова. Для Айхенвальда спектакль — всегда лишь повод для развернутого разговора о пьесе, о самой же постановке он зачастую отделяется одной-двумя фразами, как в своей первой рецензии о не понравившейся ему пьесе В.И. Немировича «В мечтах»: «И если автор, по-видимому, замыслил своего поэта и философа буддистом, то в изображении г. Станиславского это — буддист и мечтатель кустарной выделки» [5, с. 241]. Аналогично будет поступать Айхенвальд и в конце творческого пути. Наиболее очевидный пример — его статья «Гамлет по-старому», появившаяся в 1927 г. в связи с публикацией в берлинской газете «Руль» статьи Ю. Офросимова «Гамлет по-новому», посвященной постановке «Гамлета» видным представителем театрального экспрессионизма Л. Йеснером в Берлине [6]³. Постановка Йесснера оказывается для Айхенвальда лишь трамплином, оттолкнувшись от которого он пускается в анализ самой шекспировской трагедии, полностью забывая о поводе для статьи — о спектакле [7].

Судя по рецензиям 1902–1908 гг., критику в большей степени импонировали постановки в Малом театре, где чудно играли «Женскую логику» Дж. Джерома Лешковская, Южин, Рыжов, Никулина, Берг, Арсеньева, Ильинский [8, с. 203], неподражаемо-хорошо исполнялся «Завтрак у предводителя» с Садовской, Федотовым, Правдиным, Жузиль, Садовским [8, с. 204] или А.И. Южиным воскрешался шекспировский «Отелло» [9, с. 214]. Если в рецензиях на спектакли Малого больше чувствуется благодарный зритель, то в откликах на спектакли Художественного — именно театральный критик, ведущий речь не только о пьесах, но и о самих постановках, которые явно вызывают у Айхенвальда нарастающее неприятие.

Уже в ноябре 1902 г., отзываясь на постановку горьковских «Мещан», он видит причину того, что пьеса потерпела на сцене Художественного театра «такое серьезное поражение», в изначальной установке самого театра: в давнем стремлении Художественного «принижать идеальные типы к уровню житейского масштаба» [8, с. 218]. Отсюда «флёр мещанства и пошлости», «бутафорский реализм» [8, с. 217], тщетное стремление «к сценическому правдоподобию» [8, с. 217]. Пьеса Горького дополняется мало приличным тисканьем

³ В «Руле» Йеснер фигурирует как Эснер.

на скамейке, игрой в ладошки, поволжским говором и иными режиссерскими нововведениями. По мнению Айхенвальда, простить этот натурализм — «все эти визжащие блоки и грязное белье», «этот дырявый платок, которым занавешивают окно» и прочее — можно было бы, если бы эта «печальная и роковая» бутафория не искажала «внутренний образ героя или героини», если бы не исчезало самое существенное: «Горе искусству, когда центр тяжести переходит в нем от внутреннего к внешнему, когда индивидуальный артист бледнеет перед обстановкой и живые струны его духовной игры заглушаются мнимой гармонией декоративного натурализма!» [8, с. 217]. Это тем более удручает критика, так как «Мещане» — первый спектакль театра на новой сцене, и публика пришла туда (да, по-видимому, и сам критик) в ожидании триумфа: «Новоселье симпатичной труппы привлекло многочисленных гостей, и все ожидали спектакля в каком-то возбужденном и праздничном настроении. Изящное и стильное здание театра, дорогая простота его обстановки и убранства, портреты артистов и писателей в уютном фойе и эта загадочная чайка, которая символически распростерла свои крылья над островком нового искусства, — все обещало чистые и светлые впечатления красоты. За то любовное и бескорыстное служение художественной драме, которое всегда отличало деятелей молодой сцены, за их чуткость и внимание к современному творчеству, за искреннее стремление к правде сценических образов — московская публика пришла им низко поклониться» [8, с. 214].

И даже тогда, когда на сцене Художественного ставятся вещи, с эстетической точки зрения значительно превосходящие горьковских «Мещан», как например, «Власть тьмы» Толстого, происходят все те же роковые ошибки, которые лишь отчасти возмещаются актерской «внимательностью ко всей конкретной стороне пьесы и необыкновенной стройностью совместной игры» [10, с. 225]. Драма Толстого в Художественном превратилась в нарядную, полную яркой роскоши изысканную «этнографическую постановку», в «бытовую картину», в результате чего был значительно ослаблен «великий трагический эффект, осуществленный у Толстого элементарными средствами и с наименьшей тратой изобразительных деталей» [10, с. 224]. Если судить театр по установленным им самим для себя законам, то можно сказать, что «в сфере своих эстетических принципов труппа Художественного театра с честью выдержала испытание», но беда в том, что «эта сфера слишком тесна для того, чтобы в ней мог воплотиться не только внешний облик трагедии, но и

внутренний дух ее» [10, с. 226]. А «для духа нужно индивидуальное творчество», «яркие артистические индивидуальности», которых нет в театре. Все это убеждает рецензента в том, что «сценическое исполнение — это лишь пример, образец, иллюстрация, и оно никогда не может играть роли чего-то самостоятельного и главного» [10, с. 226].

Айхенвальд уверен, что театральная постановка эфемерна, что искусство актера «носит временный характер» — актеры не вечны, исчезают «их конкретные фигуры, умолкают их голоса, они умирают, — а великое произведение драматурга вечно живет своей немой жизнью, и судьба его не зависит от случайного появления крупных артистических дарований» [10, с. 227]. Кроме того, зачастую «перевод на сценический язык искажает внутреннюю красоту драмы: Софокла лучше читать, нежели видеть на сцене, и какая-нибудь пьеса-грёза, пьеса-сказка теряет в своей воздушной прелести, когда на нее обрушивается грубый реализм сценического воплощения» [10, с. 227]. Вот почему Айхенвальд считает, что «падением драматургии было бы если бы она отказалась от своего права существовать отдельно, самостоятельно и не связывать своей вековой судьбы с временными похождениями своего спутника — театра» [10, с. 227]. Однако, несмотря на все эти упреки театру, в 1902 г. для него несомненно то, что само по себе «искусство театра — великое искусство» [10, с. 227].

Во многом аналогично подходит Айхенвальд и к постановке Художественным театром Грибоедовского «Горя от ума». Констатируя, что «Художественный театр “Горя от ума” транспонировал, т.е. центр ее тяжести из сферы общественной перенес в личную, — в область сердечных тревог и разочарований Чацкого» [11, с. 201], он вновь пытается судить театр по выработанным им самим законам, несмотря на их полную чуждость его собственным эстетическим убеждениям: «<...> оставаясь верным своей природе, он потратил много усердия и ума на воссоздание орнамента, стильной рамы для грибоедовских портретов и дал археологически точный сколок с внешней жизни 20-х годов. Можно оспаривать целесообразность и внутреннюю разумность этого тяготения к декоративной правде; можно придерживаться того мнения, что избыток бутафорского натурализма не способствует иллюзии, а мешает ей; можно думать, подобно пишущему эти строки, что в драматическом искусстве единственно ценное представляет собою живое лицедейство, а все безмолвное соучастие мертвых вещей является не игрой, а игрушкой,— но при оценке

Художественного театра надо становиться на его точку зрения, надо принять условие, которое он предъявляет своим посетителям, — иначе не следует и переступать за его порог. И вот, если не отрешаться от принципов, которые данная артистическая школа признала для себя неизблемыми, если не сходить с этой почвы, то вы должны будете сказать, что свою, быть может, искусственную задачу театр выполнил чрезвычайно искусно. <...> Перед зрителями прошла живая старина во всей характерности своих костюмов, привычек, обстановки; то, что мы видели только на старых гравюрах, облеклось в плоть и кровь, задвигалось и заговорило» [11, с. 200]. Айхенвальд признает, что «есть особые чары и наивная пленительность в картине такого отжившего, которое еще недавно жило и оставило свои следы, свое теплое дыхание на родственной современности» [11, с. 201], но на театральной сцене это все слишком эфемерно, чтобы быть подлинным искусством: «И если бы эти вещи, этот, старый барский дом, эти девушки в прическах давнишней моды жили на полотне, на картине Сомова, а не вели эфемерного и призрачного существования на подмостках сцены, мы имели бы бессмертное художественное воспоминание, мы имели бы художественное произведение, запечатленное духом старой, но не стареющей красоты» [11, с. 200].

Те же мысли, но уже под своим полным именем Айхенвальд озвучит в ноябре 1908 г. в последней из театральных рецензий, опубликованных в «Русской мысли», о постановке в Художественном театре «Синей птицы» Метерлинка. Как бы ни было «чутко, бережно, умело» прикосновение сцены, но от него метерлинковские «пьесы-мимозы сворачиваются и блекнут», так как «воздушная греза не выдерживает громоздкого реализма рамп, замирает под тяжестью ее бутафории». В итоге вышла «блестящая, изысканная, дорогая игрушка», «внешняя фееричность, волшебство и прелесть декораций», — эта любезная «книжка с картинками», которая угождает ребячливости всех возрастов». Но глядя на этот «роскошный пир, уготованный глазам», у зрителя «невольно возникало сомнение, нужно ли было тратить столько усилий и ума, чтобы непременно облечь резкой наглядностью мечтание поэта, реализовать сказку, которая, как синяя птица, линяет при свете и шуме театральной суеты». Если «Метерлинк изгнал телесность из вещей», то «театр ее вернул». И в таком воплощении, которое «опровергает излюбленную идею Метерлинка о мировой бесплотности», Айхенвальд видит «коренную и фатальную ошибку театра»: «Художественный театр с великим мастерством, благородно и тонко

преодолеет огромные технические препятствия, создал чудо, — но самой сказки не было, улетучился ее аромат, ее смысл; а вместо него был какой-то триумф электричества, который удивлял, но и утомлял» [12, с. 156].

Еще до появления этой рецензии в печати Айхенвальд выступил с докладом на ту же тему — о «Синей птице» Метерлинка — в Литературно-художественном кружке. Лекция состоялась во вторник 4 ноября 1908 г., а уже в четверг 6 ноября 1908 г. появился ее обзор в еженедельной театральной газете «Театр». «Большая публика любит широкие обобщения. <...> Они ей заменяют мирозерцание», — не без иронии писал корреспондент газеты, полагая, что «изящный критик, в котором всегда живет поэт», «не очень глубокий, но умный, с красивым, взволнованным словом», интерпретировал слишком на свой лад Метерлинка, когда уверял, «что “быть, как дети”, это единственное орудие истинно-глубокого, философского понимания мира и его тайн», что «панпсихизм — последнее слово метерлинковского мирозерцания», что оно позволило драматургу обрести в «Синей птице» тот «высокий оптимизм», который «кладет краеугольным камнем первородную добродетель», а не первородный грех [13, с. 6–7]. Не менее иронично изображен был один из оппонентов Айхенвальда, наоборот отстаивавший «высший трагизм» той же пьесы [13, с. 7]. Но в отчете о лекции Айхенвальда для нас важнее то, что он фиксирует поворот Айхенвальда к отрицанию театра, то, что уже в ноябре 1908 г. Айхенвальд сформулировал именно тот тезис, который через несколько лет будет воспринят театральной общественностью чуть ли не как потрясение основ:

Из своего комментария, который все-таки умнее, и тоньше, и красивее других, г. Айхенвальд сделал один грозный вывод:

— Возникает сомнение в том, имеет ли вообще театр внутреннюю разумность, является ли он законным видом искусства?

И еще:

— Если развитие драмы пойдет под знаком Меттерлинка <sic!>, театр должен погибнуть [13, с. 8].

К сожалению, в этом газетном отчете размышления Айхенвальда о судьбе современного театра нивелированы обозревательской насмешливостью. И только еще одна корреспонденция, появившаяся в той же газете спустя три месяца — 23 января 1909 г. — и посвященная лекции о кризисе театра режиссера Малого театра Н.А. Попова на очередном «вторнике» Литературно-художественного кружка, позволяет лучше понять ход айхенвальдовской мысли. Упрекая

Н.А. Попова в нежелании признать наличие «кризиса театра», то, что пришли в противоречие две его составляющие — «драма и сцена», — известный театральный критик Н.Е. Эфрос, скрывшийся под псевдонимом «Старый друг», обращал внимание на то, что о кризисе говорит не только Айхенвальд, но следующее его суждение «с достаточностью доказывает это»: «<...> Ю.И. Айхенвальд прямо заявил, что театру предстоит умереть, потому что он совершенно бессилён перед задачами, какие ставит новая драматургия, развивающаяся под знаком символизма. Меттерлинк — высшее выражение драмы, и Меттерлинк, меттерлинковское — не для театра» [14, с. 3]. Н.Е. Эфрос выражал надежду, что театр возродится, как только «новый театр, не отрекаясь от своей сущности, найдет формы для законных новых требований драматургии», и тогда «Айхенвальд сам первый возьмет свои черные пророчества назад и поклонится оживленному покойнику» [14, с. 4].

Очевидно, воззрения Айхенвальда на театр к 1908 г. претерпевают определенную эволюцию: человек, убежденный, что искусство театра велико и неуничтожимо, театрал, исправно посещающий все премьеры и публикующий о них свои отклики в печати, постепенно как эстетик приходит к скепсису, к пониманию того, что театр как таковой есть нечто второстепенное по отношению к тексту и что великие драматурги могут разыгрывать свои пьесы перед внимательным читателем один на один без всяких подмостков, декораций и артистов. Но пока Айхенвальд эту позицию не артикулировал публично, его эстетические воззрения не вызвали особого внимания у театральной общественности, для которой Айхенвальд как театральный критик 1900-х годов, по сути, не существовал, ибо на взгляды автора, спрятанного под маской-криптонимом «Ю.А.», никто не думал обращать внимания.

Эстетик-поджигатель

В 1913 г. ситуация кардинально изменилась: Айхенвальд анонсировал свои взгляды на театр перед культурной общественностью: 16 марта он прочел в московском Политехническом музее публичную лекцию «Литература и театр»⁴. Вот как передает ее содержание Н. Евреинов: «Ю.И. Айхенвальд прочел перед московской

публикой лекцию, в которой целым рядом остроумных доводов доказывалось, что современное человечество переросло театр, что перед судом эстетики само существование театра является парадоксом и что театр, как незаконный вид искусства, в силу своей принципиальной неоправданности, переживает в наше время не кризис, а конец» [18, с. 35].

Но на самом деле основные идеи лекции: театр не существует как самостоятельный вид искусства и постановка на сцене ничего не может прибавить к пьесе драматурга — были выражены Айхенвальдом публично еще раньше, в 1912 г., причем неоднократно.

Сначала его статья «Конец театра» появилась в журнале «Студия».

В 1911 г. этот только что возникший эстетски настроенный журнал, на страницах которого печатались видные театральные критики и режиссеры — С.М. Волконский, Ф.Ф. Комиссаржевский, В.Г. Сахновский, А.Я. Таиров, Н.Е. Эфрос⁵, предоставил Айхенвальду честь открыть первый номер статьей о пьесе Л. Толстого «Живой труп». Айхенвальд дал характеристику только самой драмы Толстого, которая при всей своей недоввершенности, по мнению критика, заняла достойное место в «Толстовском море» [20, с. 2], потому что гению принадлежит и «великая идея драмы», и глубина ее разработки: «Если бы Федя был Лопухов, если бы его сочинил Чернышевский, то в таком случае да, все могло бы кончиться приятно и плоско. Но Толстой не Чернышевский; из плоскости он сделал глубину, из анекдота — трагедию» [20, с. 3]. Появление этой статьи в журнале было связано с бурными полемиками вокруг постановки драмы Толстого в театрах, хотя Айхенвальд о них здесь не обмолвился ни словом⁶.

Зато напрямую о театре, вернее о его гибели, Айхенвальд заговорил через год. Основные положения его статьи 1912 г., названной «Конец театра», были таковы. В представлении Айхенвальда театр — это призрак, марево, ничто, «ложный и незаконный вид искусства», потому что искусство имеет дело с вечным, а театр существует во времени. Он не оставляет после себя следов, это мир иллюзии, которая в эпоху новой серьезности уже не берет человека в плен. Эстетически

⁴ Дата лекции указана в книге в подзаголовке статьи Айхенвальда: [15, с. 9]. Она также приводится в книге: *Немирович-Данченко В.И. Рождение театра* / Сост., вступ. статья и коммент. М.Н. Любомудрова. М.: Правда, 1989 [16], но автор комментариев не знал о публикации текста в 1912 г. и считал, что текст лекции появился после ее прочтения в 1914 г., однако это была републикация, хотя и с дополнениями [17].

⁵ О журнале см.: [19].

⁶ «Против постановки возражали знаменитые писатели, театральные критики и общественные деятели — А.Р. Кугель, Ю.И. Айхенвальд, Е.А. Зноско-Боровский, А.Ф. Кони и многие другие» [21]; см. также: [22].

театр не может быть оправдан и не имеет права на существование, потому что он не порождает новых эстетических ценностей. По сути, как искусство он никогда и не начинался, потому что возник из физиологической потребности человека к действию. В отличие от подлинного искусства, он не свободен, зависим от литературы, конкретизирует все отвлеченности текста. Он лишь навязчивая и парализующая воображение иллюстрация, угождающая ребячливости всех возрастов, необязательный «спутник» драмы, упрощающий все «тонкое и духовное». Слово, вымысел писателя, — идеально, аристократично, целомудренно, а театр — конкретен, зрим, «осязателен», он лишь грубо, бесстыдно и кощунственно копирует жизнь ради угождения плебсу. Стремясь уйти от иллюстративности, театр пытается встать на путь «символики, условности и стилизации», но этот путь хорош лишь тем, что в итоге через спектакль-драму приведет к самоупразднению театра. Видящие в театре некий «синтез искусств» глубоко ошибаются, так как такой синтез — это сама жизнь, а театр — лишь «подделка жизни», в театре реализуется механическое соединение искусств и не более. Недаром «театр не пустил к себе Метерлинка»: пьеса-мозаика гибнет от сценического реализма и грубости бутафора, Синяя птица линяет и превращается в триумф электричества. Аналогично зависим от автора-суфлера и сам актер, которому принадлежит лишь «внешняя сфера жеста», интонации, мимики. Без актера можно обойтись, так как «мы все — исполнители, мы все — актеры», тем более что истинное общение с автором происходит вне театра — в ходе уединенного чтения. Эстетически зрелому человеку театр-школа, театр-воспитатель не нужен. Попытки «эмансипировать сцену от автора» тщетны. Режиссер — лишь узурпатор, не просто пытающийся вытеснить со сцены автора, но принести его в жертву. Вот почему необходимо освобождать литературу от театра. Перемещение в новой литературе драматической ситуации в сферу «чистейшей идеальности» приведет в итоге также к «упразднению театра». Театр — коллективное детище, а истинное творчество и искусство требуют одиночества. Хотя как эмпирическое явление театр неистребим, но все попытки его реформировать свидетельствуют о том, что «современное человечество переросло театр»: «Я думаю, что театр переживает теперь не кризис, а конец. Современному человеку, избраннику высшей культурности, рампа становится все более и более ненужной». По прогнозу Айхенвальда, «если человечество движется под знаком возрастающего гамлетизма и духовности,

то, чем дальше мы будем идти по этой дороге прогресса и осложнений, тем меньше будет интересовать нас непобедимая элементарность и ребячливая суетность театра» [23, с. 2].

Нетрудно заметить, что все эти идеи уже процитируются в театральных рецензиях Айхенвальда 1902–1908 гг. Новизна тут в том, что они получили афористическое и концентрированное воплощение и вместе с тем окончательно вызрело убеждение, что драматический театр вообще нельзя относить к явлениям искусства.

Журнал «Студия», предоставив свои страницы Айхенвальду, не только сразу же отмежевался от его мнения в редакционном примечании, но и поместил в том же номере написанную беллетристом и драматургом К.А. Ковальским совместно с супругой, О.Н. Ковальской, отповедь Айхенвальду — «Театр, автор, актер... (Ответ Ю.И. Айхенвальду)» [24]. Вскоре в «Студии» был напечатан еще один ответ писателя Н.Н. Русова⁷. Чтобы отстоять театр, Русов прибег к остроумному ходу: он не только опровергал (как это делалось К. и О. Ковальскими) основные тезисы Айхенвальда, доказывая, что не только актер несвободен, но несвободен и любой творец, так как все они зависят от Высших сил, что театр не вечен, ибо невечно любое искусство, даже сам язык, но попытался нивелировать их, став на позиции самого Айхенвальда, взяв на вооружение его психологическую точку зрения и доказывая, что главное в искусстве — это личное впечатление от прочитанного или увиденного, поэтому как вечно живут в душе впечатления от других видов искусства, так живут и впечатления от спектаклей [27].

Следом за публикацией в «Студии» Айхенвальд выступил на ту же тему в московском Литературно-художественном кружке. По воспоминаниям Ходасевича, «в Кружке происходили постоянные бои молодой литературы со старой» [28]; [29, с. 297]. Аналогично здесь столкнулось старое и новое представления о театре, и Айхенвальд с его критикой театра вовсе не был среди «традиционалистов». Прошедшее заседание было иронично описано в № 2 за 1912 г. журнала «Маски» (сотрудником этого театрального журнала значился и Айхенвальд) Сергеем Глаголом: «На одном из последних вторников Литературно-Художественного Кружка состоялись пышные похороны Театра. Началось с того, что молодой эстет г. Степпун произвел для раскрытия тайны творчества вивисекцию над актером и

⁷ См. о нем: [25, с. 394–396]; [26, с. 118–133].

произвел это с таким успехом, что другой эстет Ю.И. Айхенвальд и г. Дурылин объявили театр тотчас же благополучно скончавшимся, а публика так этому обрадовалась, что даже покрыла возвешение о смерти Театра бурными аплодисментами. Странная в Кружке публика. Она всему аплодирует, и когда г. Степпун снова стал доказывать, что театр еще жив и над ним долго еще можно производить разные мучительные опыты, то аплодисменты покрыли и эти его слова» [30, с. 42]. По мнению С. Глаголя, эту попытку «похоронить театр» можно было бы проигнорировать, если бы не участие в ней Айхенвальда: «...когда это делает такой популярный критик, как Ю.И. Айхенвальд, то обходить эту попытку молчанием нельзя, тем более, что в устах Ю.И. Айхенвальда это не случайно оброненный в пылу спора парадокс», а уже не раз высказывавшееся убеждение [30, с. 42].

Нарастающее сопротивление подтолкнуло Айхенвальда «вывести данную проблему из круга специалистов» на «столбцы общего органа» — газеты «Речь», повторив и дополнив то, что им уже было высказано прежде. Если совсем лаконично попытаться определить отличие двух версий текста — изначальной и более краткой «Конец театра» и дополненной «Отрицание театра», то, наверное, это — усиление религиозно-философской составляющей. Отсюда возникающий лейтмотивы Творца жизни, созидающего в одиночестве, без сотрудников и помощников, из хаоса, метафизичности литературного слуха и вещей немоты литературы [31].

Именно после декабрьской публикации в «Речи» и публичного выступления в Политехническом весной 1913 г. полемика развернулась по-настоящему. На фоне длящегося не один год театрального кризиса, ощущавшегося в равной мере остро в России и в Европе актерами, режиссерами и театральными критиками, выступление Айхенвальда было воспринято современниками как чрезвычайно знаковое событие. Это видно даже в редакционном примечании в газете «Речь», сопровождавшем публикацию: «Статья Ю.И. Айхенвальда, несмотря на решительность его выводов, не является чем-то неожиданным. Содержащиеся в ней мысли уже были высказываемы. Но она ценна тем, что выдвигает выпукло такие *вопросы*, которые никогда не перестанут волновать театр» [31, с. 3].

Плоды полемики были частично собраны в вышедшей в 1913 г. книге «В споре о театре», составителями которой выступили С. Глаголь и С. Разумовский. Книгу открывал текст Айхенвальда, называвшийся, как и в «Речи», «Отрицание театра», но в очередной раз переработанный.

Помимо уточнения различных формулировок и усиления аргументации отдельных тезисов, появились, во-первых, новая небольшая вступительная часть, объясняющая авторский интерес к проблеме — к той парадоксальной ситуации, когда отрицание театра, расшатывание его теоретических устоев самими театральными деятелями происходит на фоне повышенного интереса публики к театральным постановкам; во-вторых, имена и мнения теоретиков и практиков театра — от Г. Крэга до развернутых дискуссионных отсылок в конце статьи к книге Н. Евреинова «Театр как таковой» (1912), которую критик определил как талантливую и красивую. «В мыслях автора, убежденного арлекина, фанатика театральности, я нашел значительную поддержку себе, скептику театра» [15, с. 30], — писал Айхенвальд. Одна из таких идей, привлекавшая Айхенвальда как философски мыслящего критика, — до-эстетическая природа театра. Другая — потребность человека к самоизменению, трансформации, в которой Айхенвальд видит результат преодоления человеком своей «физической ограниченности» [15, с. 32], но которая постепенно убывает, ибо жизнь стремится к упрощению, к естественности, к отказу от пустой бутафории: мир стал проще и глубже, вводит человека в тихий и уединенный «психический аквариум» духовной серьезности и сосредоточенности, противоположной театру [15, с. 36].

За текстом Айхенвальда в книге «В споре о театре» следовали опровергающие его статьи «Да здравствует театр!» Сергея Глаголя, «Искусство театра» Вл.И. Немировича-Данченко, «Писатель и актер» Ф. Коммиссаржевского, «Игра и спектакль» В. Сахновского, «Смерть или бессмертие?» М. Бонч-Томашевского, «К вопросу о задачах театра» Д. Овсяннико-Куликовского, а также отрывок из книги «Театр» А.И. Южина-Сумбатова.

В противовес Айхенвальду Немирович-Данченко утверждал, что хотя творчество драматурга — итог «какого-то бессознательного синтеза», однако актерами «созданный автором синтез подвергается обратному анализу, разложению», но «с единственной целью заставить зрителя прийти снова к тому же синтезу, но только более доступным для него путем» [17, с. 80]. По Немировичу, «актер — творец» не меньше драматурга, так как, играя на сцене, «вносит во всякое свое создание *свою собственную личность*», но искусство сцены получает самобытное существование, когда происходит полное «слияния двух индивидуальностей» — автора и актера [17, с. 80, 81]. При этом «высшее искусство наступает только

тогда, когда замысел автора умирает в душе актера вместе со словом». «Ю.И. Айхенвальд говорит, что я назвал однажды театр искусством грубым. Да, я сказал в своей статье о “Горе от ума”, что искусство театра есть искусство грубое, но я относил это ко всем тем *побочным* искусствам, которые театр в себя вбирает» [17, с. 86], — говорил Немирович-Данченко в своем ответном слове в Политехническом. Сознывая, что, отрицая театр, Айхенвальд метит прежде всего в Художественный театр, он одновременно и каялся, и защищался: «...на сценических подмостках наряду с простым наглядным иллюстрированием написанного диалогами рассказа возможно создание настоящего и самоценного художественного произведения. Но возможно это при такой работе и таком отношении к своим задачам, которых Ю.И. Айхенвальд, очевидно, совершенно не знает» [17, с. 75].

Н. Евреинов в статье «Об отрицании театра. Полемика сердца», вошедшей затем в переиздание его книги «Театр, как таковой», напротив, отдавал дань знанию Айхенвальдом законов сцены, предопределившее «режиссуру» его выступления. «Речь Ю.И. Айхенвальда эффектна, бьет на “диковинность”, полна остроумного притворства, красивых сценически-внешних, в смысле стиля оборотов, вмещает в себе типично-актерское *advocatio ad auditores*, кокетство тогой ученого и даже “подзавесное” заключение. Прелестный монолог!» [18, с. 40—41] — писал он. Конечно, Евреинов и минуты не верил в гибель театра: «Было бы обман, заводная игрушка, дурацкая потеха, заколдовывавшая миллиарды людей (странно представить себе — в продолжение тысячелетий!) и, в один прекрасный для ученых день, приконченная, как муха, ловким ударом увесистой книги?» [18, с. 51]. Но не даром он восклицал: «Благословляю Айхенвальда — поджигателя и всех присных его, всех тех, кто способствует преображению самого кладезя преobraжений» (кладезем Евреинов именовал сам театр). Для него выступление Айхенвальда — хороший повод, чтобы декларировать собственные взгляды и заодно поквитаться со своими противниками, в первую очередь с Художественным театром в лице Немировича-Данченко, который, с его точки зрения, оказался гораздо большим отрицателем театра, нежели Айхенвальд, и «конфузно провалился, бессильный сдать экзамен по театроведению» [18, с. 38], показав, что не имеет понятия о давно развернувшихся в Европе дискуссиях о судьбе театра и о сходных с айхенвальдовскими утверждениях европейских интеллектуалов (Э. Гонкур, Э. Золя, Р. Ролан, А. Стриндберг,

Гордон Крэг, Карл Боринский) о гибели театра — уже осуществившейся или предстоящей в недалеком будущем⁸.

В спорах о театре

Выход подготовленного С. Глаголем анти-айхенвальдовского сборника вовсе не означал финала полемики, скорее наоборот. Театральные дискуссии продолжались, хотя Айхенвальд уже принимал в них, если так можно выразиться, лишь косвенное участие, став на многие годы своего рода притчей во языцех: его цитировали, ругали, с ним полемизировали. В «эпоху какого-то невероятно-напряженного искания театральной истины», «невероятной разногласицы в понимании существенных задач сценического творчества», какой не знала история [33, с. 27], достаточно было искры, чтобы разгорелось пламя полемики. Выступление Айхенвальда о театре выражало общее ощущение кризиса театрального жанра, которое остро переживалось и в Европе, и в России в начале XX в., но критик сумел настолько заостренно и ярко выразить его для русской аудитории, что его статья «Отрицание театра» стала чрезвычайно удобной отправной точкой для ведущих театральных деятелей в их борьбе за новое искусство, которое каждый видел по-своему.

В феврале 1914 г. книгу «В спорах о театре» купил активный участник театральных диспутов этих лет, один из создателей символистской драматургии и ее теоретик Федор Сологуб, о чем тут же сообщил в письме к жене, А. Чеботаревской [34, с. 345]. Она как раз в это время, пытаясь подвести промежуточный итог различных околотеатральных дискуссий, писала в журнале «Любовь к трем апельсинам» о том, что символисты вовсе не преследуют реалистов, напротив, это их «новая драма» игнорируется «вершителями судеб русского искусства» [35, с. 59], которые и Шекспира, в отличие от Станиславского, не хотят играть по-новому и вульгаризируют на демократический лад «мечту о *соборности* грядущего театрального действия (см. “По звездам” Вяч. Иванова и “Театр Единой воли” Ф. Сологуба)» [35, с. 60]. Она солидаризировалась с Вс. Мейерхольдом в том, что театр можно и нужно критиковать ради новых сценических задач (тогда как, заметим в скобках, Айхенвальд критиковал театр ради новых задач *литературы*).

В следующем номере появилась публикация и издававшего журнал В. Мейерхольда «Глоссы

⁸ Об определенном сходстве позиций в отрицании театра Г. Крэга и Ю. Айхенвальда писал и Е. Зноско-Боровский в статье «Творчество актера и Гордон Крэг» [32, с. 14].

доктора Дапертутто к “Отрицанию театра” Ю. Айхенвальда» [36]⁹, построенная, как и полагается глоссе, в форме комментариев к отдельным положениям критика. Мейерхольд использовал предложенное В. Брюсовым в статье «Реализм и условность на сцене» (из коллективного сборника «“Театр”. Книга о новом театре» (СПб.: Шиповник, 1908)) деление современного театра на «реалистический» и «условный». Он полагал, что все претензии Айхенвальда относятся исключительно к «реалистическому» театру (театру-храму, школе и т.д.), что, отрицая театр в целом, критик на самом деле отрицал только один тип театра — натуралистический, не веря в возможность другого театра, освобожденного «от специфических черт литературы, педагогики, иллюстрации и т.п.» [36, с. 76]. Таким образом этот «идеально-грамотный человек» [36, с. 76] наконец выразил то, о чем все думали, начиная с 1905 г., — о необходимости положить конец натуралистическому театру, образцом которого являлся МХТ, ибо для Мейерхольда, как и для Евреинова, МХТ не идеал театра, как и Немирович-Данченко отнюдь не «идеально-театральный человек». Вот почему он, как и Евреинов, иронично благодарит Айхенвальда: «Прощаясь с Вами, я крепко жму Вашу руку в знак благодарности за то, что Вы кричите “долгой!” театру натуралистическому. <...> Вы сказали самое замечательное из всего, что было сказано по адресу натуралистического театра» [36, с. 76].

Мейерхольд убежден, что «ограничен только один театр, роковым образом подчиненный литературе» [36, с. 69]. Он считает, что путь к иному типу театра — условному, «по дороге символики», приведет не к самоотрицанию театра, как утверждал Айхенвальд, не к созданию «драмы-книги», но именно «драмы-спектакля» [36, с. 79]. Мейерхольд ставил Айхенвальда в один ряд с Леонидом Андреевым (автором, на самом деле, Айхенвальду чуждым), возмечтавшим в своих «Письмах о театре» (1912–1913) о «тишине одинокой комнаты» и о «театре-книге» [36, с. 68]. Они оба для Мейерхольда «господа панпсихисты, упорно вставляющие палки в колеса всем тем, кто мчится по пути к театру без психологии» [36, с. 69]. Он не верит, что наступившая эпоха — это время «ослабления театральности», он пророчит, что сразу же после окончания Первой мировой войны на Марсовом поле в Петербурге появятся «художественные

балаганы» [36, с. 80]. По мнению Мейерхольда, идеи Айхенвальда об эфемерности театральной постановки ложны: оживить спектакль прошлого может сам актер, который вовсе не является зависимым от суфлера-автора¹⁰. Кроме того, рано или поздно фотография или кинематограф зафиксируют то, что происходит на сцене [36, с. 70] (правда, для Айхенвальда как принципиального кинофоба этот тезис был явно не в пользу театра как искусства¹¹).

Если Айхенвальд рассматривал театр с точки зрения философа, прошедшего школу немецкой эстетики, то Мейерхольд — как реальный театральный деятель, которого не интересуют отвлеченные эстетические принципы. Противоположность их эстетических позиций очевидна не только в отношении к театру, но и вообще к культуре. Для Айхенвальда «культурное человечество» мыслит в тишине, а театр разрушает тишину и серьезность мира; Мейерхольда же, наоборот, радует то, что «современное человечество научается мыслить под шум машины взвизывающегося ввысь аэроплана» [36, с. 80]. Он убежден, что театру мешают не аэропланы, а люди вроде Айхенвальда или Леонида Андреева, идущие «под знаменем гамлетизма» [36, с. 80]. Беда Айхенвальда, по мнению Мейерхольда, заключается в том, что он ставит на интеллигентность, которая всегда уводит в одиночество.

Для Евреинова, убежденного, что в театре «важно не содержание, а форма» [33, с. 30]¹², равно неприемлемы и ультранатурализм на подмостках, и «сторонники “условно-условного театра”», претендующие на раскрытие зрителю некоей «тайны» [33, с. 30]. В перепечатанной в 1913 г. в журнале «Библиотека театра и искусства» как своего рода ответ на споры о театре «Апологии театральности», вошедшей в книгу «Театр как таковой», «с таким диалектическим аппетитом цитируемую Ю.И. Айхенвальдом в его статье “Отрицание театра”» [18, с. 38], Евреинов писал, что театр

¹⁰ О споре Мейерхольда с Айхенвальдом о роли актера в театре см.: [38, с. 92, 147–148].

¹¹ В 1920-е годы Айхенвальд, участвуя в полемике о кинематографе, подчеркивал, что кино «отучает от чтения»: «Его тени, его призраки, игра его пустоты — все это ему к лицу, к отсутствующему лицу его, потому что кинематограф — это именно, если можно так выразиться, воплощенное отсутствие, явленное ничто, олицетворенное небытие. Кинематограф — это нигилизм» (фрагмент статьи Ю. Айхенвальда «Вместо литературы» цит. по: [39, с. 360]).

¹² В том же номере журнала есть статья (без подписи) «Об упадке тона в театре». Автор выступает за то, чтобы подчинить в театре зрительное начало звуковому, декорации и пластику — тону, учитывая в том числе и отрицание театра Айхенвальдом [40].

⁹ Статья не включалась в сборник статей: *Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Часть первая: 1891–1917 / Сост., ред. текстов и коммент. А.В. Февральского; общ. ред. и вступ. статья Б.И. Ростоцкого. М.: Искусство, 1968* [37].

не должен быть «храмом, школой, зеркалом, трибуной или кафедрой», но должен быть самим собой — театром, «т.е. самодовлеющей художественной величиной, покоящей свою эстетическую сущность на синтезе всех искусств», но не жертвуя главным — театральностью, «так долго и так незаслуженно гонимой с нашей европейской сцены» [33, с. 29]. В 1915–1916 гг. выходят первые две части книги Н. Евреинова «Театр для себя», на которые Айхенвальд тут же откликнулся в газете «Утро России».

Однако, по мнению Айхенвальда, новая книга Евреинова не подлежит серьезному разбору, потому что сам автор несерьезен, небрежен, эксцентричен и потому что книга мало что прибавляет к предыдущей — «Театр как таковой». Автор излагает уже знакомые идеи о «театроκραтии», о врожденном инстинкте преображения, о вечном стремлении человека к игре, к актерству без публики. При этом «автор-арлекин», «умственный анархист» не может определить специфику театра, расширяет донельзя это понятие, так как «изысканная душа Евреинова не имеет своим спутником логического ума» [41]. В итоге «алогического размаха» понятие театра тонет в «расплывчатом мареве бессодержательного», а «беспечный и беззаконный» автор остается «tête-à-tête с пустотою», в которой тонет «то хорошее, что свойственно нашему театру, — его остроумие, красота литературного стиля, его живой писательский темперамент» [41]. На взгляд Айхенвальда, Евреинов «плавает изящно, но мелко», впадает в мещанство, потому что лишен меры, аристократической простоты и изысканного умения быть обыкновенным.

И вторая, «прагматическая», часть книги Евреинова представляется Айхенвальду плодом той же легкости мыслей, необузданных логикой, причем мыслей, уже утративших свою новизну. Айхенвальд опять пеняет Евреину за неаристократичность из-за его рассказов о личной жизни артистов и режиссеров, за сентиментализм, когда автор прославляет театр из пяти пальчиков девочки Верочки, а также за утилитаризм суждений о педагогическом значении театра, к которым негоже было прибегать «рыцарю самодовлеющей бесполезности и чистейшей театральности», и за фантазии о будущем усовершенствованном кинетофоне в кабинете каждого студента [42].

Зато поэт-футурист Василий Каменский, сравнив «Театр для себя» с «величайшей горой на Кавказе Искусства» [43, с. 89], не преминул вернуться назад и напомнить про роковой 1913 г., когда в Москве прошло несколько публичных диспутов об отрицании театра [43, с. 49] и когда «из какого-то обиженного угла, кто-то обиженный замогиленно читает, как по покойнику,

об отрицании театра, будто сегодня лишенному своего внутреннего оправдания» [43, с. 48]. Эта «отходная» жалкого читальщика-Айхенвальда противопоставляется «искренности истинного пророка» Евреинова, проповедующего «религию “Театра, как такового”» [43, с. 48]. Каменский полностью солидаризируется с идеей Евреинова, что театр существует для «постижения великих тайн преображения», и на этом фоне выступление Айхенвальда представляется ему как «жалкий жест нигилиста против Бога — “отрицание театра” — писк мыши против симфонии стихийной воли человечества» [43, с. 51]. Созданный Евреиновым «“Старинный театр”, в котором волшебным воскресла душа театра, и возвратился к нам потерянный рай», видится Каменскому лучшим ответом всем «отрицателям театра» [43, с. 51]. По его мнению, «основанием смешной идеи об отрицании театра», стало не что иное, как «естественное банкротство московского “Художественного театра”» [43, с. 50], который он именует «купеческим театром, духовно опустившимся» [43, с. 86]. «Квадратная голова» отрицателей театра не могла понять, что такой театр «с “художественной” претензией, лишенный яркой театральности» [43, с. 50], изначально обречен: «Н. Евреинов тонко-иронически понимает весь ужас положения всех Айхенвальдов и Овсяннико-Куликовских, которым, побывав в “Художественном Театре” можно (неизбежно) было приняться за сочинение “Отрицания театра”» [43, с. 49]. Каменский противопоставлял «великолепную поэму театрального аристократизма» Евреинова «демократическому засилию, превратившему храмы-театры в бакалейные лавки искусства» [43, с. 86]. Он уверял, что стремление «плебеев» демократизировать театр, «полуграмотное дилетантство “торгующих в храме”, развратившее театр до последней мерзости запустения, не даром привело Айхенвальдов к решительному отрицанию театра» [43, с. 87].

Ратовать за аристократизм в театре в 1917 г. вряд ли было своевременным. Но и после катастрофических революционных событий споры о театре, а вместе с тем и борьба с Айхенвальдом, были продолжены представителями разных театральных направлений: одни оспаривали Айхенвальда во многом по инерции, другие — исходя из новой социально-политической ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапоненков А.А. Журнал «Русская мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 228 с.

2. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): [в 6 т.]. СПб.: Семеновская Типо-литография (И. Ефрона), 1889–1904. Т. 6. 1904. X, 465 с.
3. Зуев Д.В. «Имманентная критика» Ю.И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя / Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 252 с.
4. Ю.А. Современное искусство // Русская мысль. 1906. № 4. С. 222–229.
5. Ю.А. Современное искусство // Русская мысль. 1902. № 2. С. 235–249.
6. Офросимов Ю. Гамлет по-новому // Руль. 1927. № 1856. 8 января. С. 2–3.
7. Айхенвальд Ю. Гамлет по-старому // Руль. 1927. № 1859. 12 января. С. 2–3.
8. Ю.А. Современное искусство // Русская мысль. 1902. № 11. С. 202–219.
9. Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Русская мысль. 1908. № 3. С. 214–218.
10. Ю.А. Современное искусство // Русская мысль. 1902. № 12. С. 223–228.
11. Ю.А. Современное искусство // Русская мысль. 1906. № 11. С. 200–207.
12. Айхенвальд Ю. Заметка о «Синей птице» // Русская мысль. 1908. № 11. С. 156–161.
13. Забытый. «Синяя птица» на «вторнике» // Театр. 1908. № 317. 6 ноября. С. 5–8.
14. Старый друг (Эфрос Н.Е.). Вопросы без ответов // Театр. 1909. № 388. 23 января. С. 3–5.
15. Айхенвальд Ю. Отрицание театра (Публичная лекция, прочитанная, под заглавием «Литература и театр», в Москве 16 марта 1913 г.) // В спорах о театре. Сборник статей: Ю. Айхенвальда, Сергея Глаголя, Вл.И. Немировича-Данченко [и др.]. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 9–38.
16. Немирович-Данченко В.И. Рождение театра / Сост., вступ. статья и коммент. М.Н. Любомудрова. М.: Правда, 1989. 576 с.
17. Немирович-Данченко В.И. Искусство театра. Речь, сказанная в ответ Ю.И. Айхенвальду на его лекции. (По записи, просмотренной автором) // В спорах о театре. Сборник статей: Ю. Айхенвальда, Сергея Глаголя, Вл.И. Немировича-Данченко [и др.]. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 71–86.
18. Евреинов Н. Об отрицании театра. Полемика сердца // Стрелец: Сборник первый. Пг.: Изд-во «Стрелец», 1915. С. 35–51.
19. Шур Ю.Е. Специальные театральные журналы Серебряного века // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2012. № 4. С. 135–141.
20. Айхенвальд Ю. Идея «Живого трупа» // Студия. 1911. № 1. С. 2–4.
21. Галанина Ю.Е. К истории первой петербургской постановки пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп» (1911 г.) // Театральное наследие и современность: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 255-летию Росс. гос. акад. театра драмы им. А.С. Пушкина и С.-Петерб. гос. театр. биб-ки. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 32–45.
22. Матвеева И.Ю. Драма Л.Н. Толстого «Живой труп» в зеркале русской критики начала XX века // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2010: Литературоведение. СПб.: Петербургский институт печати, 2011. С. 129–135.
23. Айхенвальд Ю. Конец театра // Студия. 1912. № 23. С. 2–5.
24. Ковальские К. и О. Театр, автор, актер... (Ответ Ю.И. Айхенвальду) // Студия. 1912. С. 5–7.
25. Богомолов Н.А. Русов Н.Н. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5: П–С / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2007. С. 394–396.
26. Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции. М.: Модест Колеров, 2014. 368 с.
27. Русов Н.Н. Ю.И. Айхенвальд против театра // Студия. 1912. № 26. С. 8.
28. Ходасевич В. Московский литературно-художественный кружок // Воспоминания о серебряном веке / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М.: Республика, 1993. С. 389–393.
29. Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. 414 с.
30. Глаголь С. Похороны театра // Маски. 1912. № 2. С. 42–46.
31. Айхенвальд Ю. Отрицание театра // Речь. 1912. № 338. 9 (22) декабря. С. 3–4.
32. Зноско-Боровский Е. Творчество актера и Гордон Крэг. 1. Постановка вопроса // Новая студия. 1912. № 10. 9 ноября. С. 14–15.
33. Евреинов Н. Апология театральности // Библиотека театра и искусства. 1913. № 1. С. 27–32.
34. Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 576 с.
35. Чеботаревская А. О театральном диспуте (СПб., 27 ноября и 21 декабря 1913 г.; Москва, 30 января 1914 г.) // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 2. С. 59–60.

36. [Мейерхольд В.] Глоссы доктора Дапертутто к «Отрицанию театра» Ю. Айхенвальда // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 4–5. С. 67–80.
37. Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Часть первая: 1891–1917 / сост., ред. текстов и коммент. А.В. Февральского; общ. ред. и вступ. статья Б.И. Ростоцкого. М.: Искусство, 1968. 350 с.
38. Русское актерское искусство XX века: [коллективное исследование] / Сост.: С.К. Бушуева, Н.А. Таршис. СПб.: Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2018. 880 с.
39. «Синефилы» и «антисинемисты»: Полемика русской эмиграции о кинематографе в 1920-х гг. (По страницам эмигрантской прессы) / Предисл. и подгот. текста Р.М. Янгирова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010 / Отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 345–362.
40. [Б.н.] Об упадке тона в театре // Библиотека театра и искусства. 1913. № 1. С. 3–5.
41. Айхенвальд Ю. [Рец.:] Евреинов Н. Театр для себя. Часть первая // Утро России. 1915. № 334. 5 декабря. С. 5.
42. Айхенвальд Ю. [Рец.:] Евреинов Н. Театр для себя. Часть II (прагматическая) // Утро России. 1916. № 120. 30 апреля. С. 5.
43. Каменский В. Книга о Евреинове. Пг.: Изд. «Современное Искусство» Н.И. Бутковской, 1917. 101 с.
5. Yu.A. *Sovremennoe iskusstvo* [Contemporary Art]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1902, No. 2, pp. 235–249. (In Russ.)
6. Ofrosimov, Yu. *Gamlet po-novomu* [Hamlet in a New Way]. *Rul* [Rudder]. 1927, No. 1856, January 8, pp. 2–3. (In Russ.)
7. Aykhenvald, Yu. *Gamlet po-staromu* [Hamlet in the Old Way]. *Rul* [Rudder]. 1927, No. 1859, January 12, pp. 2–3. (In Russ.)
8. Yu.A. *Sovremennoe iskusstvo* [Contemporary Art]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1902, No. 11, pp. 202–219. (In Russ.)
9. Aykhenvald, Yu. *Literaturnye zametki* [Literary Notes]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1908, No. 3, pp. 214–218. (In Russ.)
10. Yu.A. *Sovremennoe iskusstvo* [Contemporary Art]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1902, No. 12, pp. 223–228. (In Russ.)
11. Yu.A. *Sovremennoe iskusstvo* [Contemporary Art]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1906, No. 11, pp. 200–207. (In Russ.)
12. Aykhenvald, Yu. Zаметка о “Siney ptitse” [A Note about the “Blue Bird”]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1908, No. 11, pp. 156–161. (In Russ.)
13. Zabytyi. “Siniia ptitsa” na “vtornike” [“The Blue Bird” on “Tuesday”]. *Teatr* [Theatre]. 1908, No. 317, November 6, pp. 5–8. (In Russ.)
14. Staryi drug (Efros N.E.). *Voprosy bez otvetov* [Unanswered Questions]. *Teatr* [Theatre]. 1909, No. 388, January 23, pp. 3–5. (In Russ.)
15. Aykhenvald, Yu. *Otritsanie teatra* (Publichnaya leksiya, pročitannaya, pod zaglaviem “Literatura i teatr”, v Moskve 16 marta 1913 g.) [The Denial of the Theater (A Public Lecture Given, Under the Title “Literature and Theater”, in Moscow on March 16, 1913)]. *V sporakh o teatre. Sbornik statey: Yu. Aykhenvalda, Sergeya Glagolya, V.I. Nemirovicha-Danchenko [i dr.]* [In Disputes about the Theater. Collection of Articles: Yu. Eichenwald, Sergei Glagol, V.I. Nemirovich-Danchenko, et al.]. Moscow: Knigoizdatelstvo pisateley v Moskve Publ., 1913, pp. 9–38. (In Russ.)
16. Nemirovich-Danchenko, V.I. *Rozhdenie teatra* [The Birth of the Theater], comp., intro. article and comment by M.N. Lyubomudrova. Moscow: Pravda Publ., 1989. 576 p. (In Russ.)
17. Nemirovich-Danchenko, V.I. *Iskusstvo teatra. Rech, skazannaya v otvet Yu.I. Aykhenvaldu na ego leksii. (Po zapisi, prosmotrennoy avtorom)* [The Art of Theater. A Speech Given in Response to Y.I. Eichenwald at His Lecture. (According to the Entry Viewed by the Author)]. *V sporakh o teatre. Sbornik statey: Yu. Aykhenvalda, Sergeya Glagolya, V.I. Nemirovicha-Danchenko [i dr.]* [In Disputes about the Theater. Collection of Articles: Yu. Eichenwald, Sergei Glagol, V.I. Nemirovich-Danchenko, et al.]. Moscow:
1. Gaponenkov, A.A. *Zhurnal “Russkaya mysl” 1907–1918 gg. Redaktsionnaya programma, lite-raturno-filosofskiy kontekst* [The Magazine “Russian Thought” 1907–1918. Editorial Program, Literary and Philosophical Context]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2004. 228 p. (In Russ.)
2. Vengerov, S.A. *Kritiko-biograficheskiy slovar russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala russkoy obrazovannosti do nashikh dney): [v 6 t.]* [Russian Russian Critical and Biographical Dictionary of Writers and Scientists (From the Beginning of Russian Education to the Present Day): in 6 Vols.]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipo-litografiya (I. Efrona) Publ., 1889–1904, Vol. 6, 1904. X, 465 p. (In Russ.)
3. Zuev, D.V. “Immanentnaya kritika” Yu.I. Aykhenvalda doemigrantskogo perioda: problema pisatelya i chitatelya: dis. ... kand. filol. nauk [“Immanent criticism” by Yu.I. Eichenwald of the pre-emigrant period: the problem of the writer and the reader. Dissertation of Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 2006. 252 p. (In Russ.)
4. Yu.A. *Sovremennoe iskusstvo* [Contemporary Art]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1906, No. 4, pp. 222–229. (In Russ.)

REFERENCES

- Knigoizdatelstvo pisa-teley v Moskve Publ., 1913, pp. 71–86. (In Russ.)
18. Evreinov, N. *Ob otritsanii teatra. Polemika serdtsa* [About the Denial of the Theater. Polemic of the Heart]. *Strelets: Sbornik pervyy* [Sagittarius: The first collection]. Petrograd: Izd-vo "Strelets" Publ., 1915, pp. 35–51. (In Russ.)
 19. Shur, Yu.E. *Spetsialnye teatralnye zhurnaly Serebryanogo veka* [Special Theatrical Magazines of the Silver Age]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela* [News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing]. 2012, No. 4, pp. 135–141. (In Russ.)
 20. Aykhenvald, Yu. *Ideya "Zhivogo trupa"* [The Idea of a "Living Corpse"]. *Studiya* [Studio]. 1911, No. 1, pp. 2–4. (In Russ.)
 21. Galanina, Yu.E. *K istorii pervoy peterburgskoy postanovki piesy L.N. Tolstogo "Zhivoy trup"* (1911 g.) [On the History of the First St. Petersburg Production of L.N. Tolstoy's Play "The Living Corpse" (1911)]. *Teatralnoe nasledie i sovremennost: mat-ly nauch.-prakt. konf., posvyashch. 255-letiyu Ross. gos. akad. teatra dramy im. A.S. Pushkina i S.-Peterb. gos. teatr. bib-ki* [Theatrical Heritage and Modernity: Materials of the Scientific and Practical Conference Dedicated to the 255th Anniversary of the Russian State Academic Drama Theater named after A.S. Pushkin and St. Petersburg State Theatre Library]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2011, pp. 32–45. (In Russ.)
 22. Matveeva, I.Yu. *Drama L.N. Tolstogo "Zhivoy trup" v zerkale russkoy kritiki nachala XX veka* [L.N. Tolstoy's Drama "The Living Corpse" in the Mirror of Russian Criticism at the Beginning of the 20th century]. *Pechat i slovo Sankt-Peterburga: Peterburgskie chteniya – 2010: Literaturovedenie* [The Press and the Word of St. Petersburg: St. Petersburg Readings – 2010: Literary Criticism]. St. Petersburg: Peterburgskiy Institut Pechati Publ., 2011, pp. 129–135. (In Russ.)
 23. Aykhenvald, Yu. *Konets teatra* [The End of the Theater]. *Studiya* [Studio]. 1912, No. 23, pp. 2–5. (In Russ.)
 24. Kovalskie, K., O. *Teatr, avtor, akter... (Otvet Yu.I. Aykhenvaldu)* [Theater, Author, Actor... (Reply to Yu.I. Eichenwald)]. *Studiya* [Studio]. 1912, pp. 5–7. (In Russ.)
 25. Bogomolov, N.A. *Rusov N.N.* [Rusov N.N.]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar. T. 5: P–S* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary. Vol. 5: P–S], editor-in-chief P.A. Nikolaev. Moscow: Nauchnoe izdatelstvo "Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya" Publ., 2007, pp. 394–396. (In Russ.)
 26. Takho-Godi, E.A. *Aleksey Losev v epokhu russkoy revolyutsii* [Alexey Losev in the Era of the Russian Revolution]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2014, 368 p. (In Russ.)
 27. Rusov, N.N. *Yu.I. Aykhenvald protiv teatra* [Eichenwald Against the Theater]. *Studiya* [Studio]. 1912, No. 26, pp. 8. (In Russ.)
 28. Khodasevich, V. *Moskovskiy literaturno-khudozhestvennyy kruzhok* [Moscow Literary and Artistic Circle]. *Vospominaniya o serebryanom veke* [Memories of the Silver Age], comp., preface and commentary by V. Kreid. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 389–393. (In Russ.)
 29. Khodasevich, V. *Literaturnye statii i vospominaniya* [Literary Articles and Memoirs]. New York: Izdatelstvo imeni Chekhova Publ., 1954. 414 p. (In Russ.)
 30. Glagol, S. *Pokhorony teatra* [Funeral of the Theater]. *Maski* [Masks]. 1912, No. 2, pp. 42–46. (In Russ.)
 31. Aykhenvald, Yu. *Otritsanie teatra* [Denial of the Theater]. *Rech* [Speech]. 1912, No. 338, December 9 (22), pp. 3–4. (In Russ.)
 32. Znosko-Borovskiy, E. *Tvorchestvo aktera i Gordon Kreg. I. Postanovka voprosa* [The Work of the Actor and Gordon Craig. 1. Posing the Question]. *Novaya studiya* [New Studio]. 1912, No. 10, November 9, pp. 14–15. (In Russ.)
 33. Evreinov, N. *Apologiya teatralnosti* [Apologia of Theatricality]. *Biblioteka teatra i iskusstva* [Library of Theater and Art]. 1913, No. 1, pp. 27–32. (In Russ.)
 34. *Neizdannyy Fedor Sologub* [The Unpublished Fyodor Sologub], edited by M.M. Pavlova, A.V. Lavrov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 576 p. (In Russ.)
 35. Chebotarevskaya, A. *O teatralnykh disputakh (SPb., 27 noyabrya i 21 dekabrya 1913 g.; Moskva, 30 yanvarya 1914 g.)* [On Theatrical Disputes (St. Petersburg, November 27 and December 21, 1913; Moscow, January 30, 1914)]. *Lyubov k trem apelsinam* [Love for Three Oranges]. 1914, No. 2, pp. 59–60. (In Russ.)
 36. [Meyerkhold, V.] *Glossy doktora Dapertutto k "Otritsaniyu teatra" Yu. Aykhenvalda* [Dr. Dapertutto's Glosses on the "Denial of Theater" by Yu. Eichenwald]. *Lyubov k trem apel'sinam* [Love for Three Oranges]. 1914, No. 4–5, pp. 67–80. (In Russ.)
 37. Meyerkhold, V.E. *Statii. Pisma. Rechi. Besedy. Chast pervaya: 1891–1917* [Articles. Letters. Speeches. Conversations. Part One: 1891–1917], comp., ed. of texts and commentary by A.V. Febralsky; general ed. and the introductory article by B.I. Rostotsky. Moscow: Iskustvo Publ., 1968. 350 p. (In Russ.)
 38. *Russkoe akterskoe iskustvo XX veka: [kollektivnoe issledovanie]* [Russian Acting Art of the 20th Century: Collective Research], compiled by S.K. Bushueva, N.A. Tarshis. St. Petersburg: Izdatelstvo "Levsha. Sankt-Peterburg" Publ., 2018. 880 p. (In Russ.)
 39. "Sinefily" i "antisinemisty": *Polemika russkoy emigratsii o kinematografe v 1920-kh gg. (Po stranitsam emigrantskoy pressy)* ["Cinephiles" and "Antisinemists": The Polemic of Russian Emigration About

- Cinema in the 1920s (According to the Pages of the Emigrant Press)], preface and preparation. text by R.M. Yangirov. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2010* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, 2010], ed. by N.F. Gritsenko. Moscow: Dom Russkogo Zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna Publ., 2010, pp. 345–362. (In Russ.)
40. [B.p.] *Ob upadke tona v teatre* [About the Decline of Tone in the Theater]. *Biblioteka teatra i iskusstva* [Library of Theater and Art]. 1913, No. 1, pp. 3–5. (In Russ.)
41. Aykhenvald, Yu. [Rets.:] *Evreinov N. Teatr dlya sebya. Chast pervaya* [[Review:] Evreinov N. Theater for Yourself. Part One]. *Utro Rossii* [Morning of Russia]. 1915, No. 334, December 5, pp. 5. (In Russ.)
42. Aykhenvald, Yu. [Rets.:] *Evreinov N. Teatr dlya sebya. Chast II (pragmaticheskaya)* [[Review:] Evreinov N. Theater for Yourself. Part II (Pragmatic)]. *Utro Rossii* [Morning of Russia]. 1916, No. 120, April 30, pp. 5. (In Russ.)
43. Kamenskiy, V. *Kniga o Evreinove* [The Book about Evreinov]. Petrograd: Izd. “Sovremennoe Iskusstvo” N.I. Butkovskoy Publ., 1917. 101 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 13 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on March 13, 2024

Revised on July 15, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050115

Бестиарные образы в автобиографической книге Эудженио Монтале «Динарская бабочка»

© 2024 г. Л. Е. Сабурова

Кандидат филологических наук,
доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6,
старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
mila.saburova@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается типология бестиария, представленного в рассказах из автобиографической книги Эудженио Монтале «Динарская бабочка», которую сам поэт воспринимал как цельное произведение и именовал «квазироманом». Прозаические и поэтические произведения Монтале объединяет тематика, идейный пласт и образный ряд, поэтому стихи служат ценным комментарием к книге «Динарской бабочки». Особый интерес представляет и эпистолярное наследие поэта, помогающее выявить скрытую за художественным вымыслом автобиографическую основу книги. В рассказе «Войти во вкус» угорь представляется герою связующим звеном с миром природы, воскрешает воспоминания о детстве. В творчестве поэта угорь связан с моментами эпифании, являясь символом жизнестойкости. Рассказ «Клиция в Фоджи» содержит сюрреалистический вставной эпизод, главными героями которого становятся насекомые. Метаморфоза, описанная в рассказе, отсылает к обстоятельствам личной жизни поэта и проникнута автоиронией. В рассказе «Летучая мышь» животное выступает в роли посланника из потустороннего мира. Герои рассказа «Реликвии» рассматривают свое прошлое сквозь призму взаимоотношений с животными, которых воспринимают как чудо природы, дарующее надежду, прорицателей, указывающих дорогу. В рассказе «Пепел сигары» улитка выполняет функцию волшебной помощницы, подсказывающей правильное решение. В «Динарской бабочке» животные становятся проводниками в мир воспоминаний и, кроме того, посредниками между познаваемым и трансцендентным.

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01827 (<https://rscf.ru/project/23-28-01827/>)

Ключевые слова: итальянская литература XX века, Эудженио Монтале, бестиарные образы, бестиарий, животные, автобиографическая проза, эпистолярный, поэзия.

Для цитирования: Сабурова Л.Е. Бестиарные образы в автобиографической книге Эудженио Монтале «Динарская бабочка» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 128–136. DOI: 10.31857/S1605788024050115

Bestiary Images in the Autobiographical Book “The Butterfly of Dinard” by Eugenio Montale

© 2024 Liudmila E. Saburova

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia,
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,

25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
mila.saburova@gmail.com

Abstract. The article explores the typology of the bestiary presented in the stories from Eugenio Montale's autobiographical book “The Butterfly of Dinard”, which the poet himself perceived as a whole work and called a “quasi-novel”. Montale's prose and poetry are united by themes, ideological content, and imagery, so his poems serve as valuable commentary on the book “The Butterfly of Dinard”. Of particular interest is the poet's epistolary heritage, which helps to reveal the autobiographical basis hidden behind the fiction. In the story “Get a Taste”, the eel appears to the protagonist as a link to the world of nature, reviving memories of childhood. In the poet's work, the eel is associated with moments of epiphany, serving as a symbol of resilience. The story “Clizia in Foggia” contains a surrealist insert episode, the main characters of which are insects. The metamorphosis described in the story refers to the circumstances of the poet's personal life and is imbued with self-irony. In the story “The Bat”, the animal serves as a messenger from the other world. The characters in the story “Relics” view their past through the prism of relationships with animals, whom they perceive as a miracle of nature, givers of hope, and prophets pointing the way. In the story “Falling Ash”, the snail acts as a magical helper, prompting the right decision. In “The Butterfly of Dinard”, animals become guides to the world of memories and, moreover, intermediaries between the knowable and the transcendent.

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01827 (<https://rscf.ru/project/23-28-01827/>)

Key words: Italian literature of the 20th century, Eugenio Montale, bestiary images, bestiary, animals, autobiographical prose, epistolary, poetry.

For citation: Saburova, L.E. *Bestiarnye obrazy v avtobiograficheskoi knige E. Montale “Dinarskaia babochka”* [Bestiary Images in the Autobiographical Book “The Butterfly of Dinard” by Eugenio Montale]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 128–136. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050115

Обилие бестиарных образов — одна из примет творчества итальянского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе 1975 г. Эудженио Монтале. Осмыслению поэтического наследия Монтале посвящены многочисленные исследования, как правило, содержащие отсылки к рассказам из его автобиографической книги «Динарская бабочка». «Динарская бабочка», действительно, выполняет функцию автокомментария к зачастую сложным для понимания стихам и становится ключом к их дешифровке. Вместе с тем, используя определение самого Монтале, его «автобиографический квазироман» [1, p. 242] представляет собой цельное художественное высказывание, одной из главных тем которого является взаимосвязь мира людей и мира животных. Анималистические образы, встречающиеся в автобиографической книге поэта, несомненно, заслуживают отдельного исследования. Учитывая автобиографическую основу «Динарской бабочки», особенно интересным кажется составление функциональной типологии содержащегося в книге бестиария, при работе над которой следует обращаться как к поэзии, так и к эпистолярному наследию писателя.

Ценным материалом для дешифровки сложного литературного бестиария, созданного Монтале, является личная переписка поэта, буквально «населенная» животными. С литературным

наследием Монтале самым тесным образом связаны прежде всего так называемые письма к Клиции [2], т.е. эпистолярный, адресованный американскому дантологу и писательнице Ирме Брэндайс. Именуемая в поэзии Клицией Брэндайс становится ключевой фигурой второго и третьего поэтических сборников Монтале. Следуя традиции нового сладостного стиля [3], Монтале отводит Клиции роль не только музы, но и провидицы, спасительницы [4, p. 12]. В архиве писательницы насчитывается 155 посланий поэта, охватывающих шестилетний период с 1933 г. по 1939 г. Письма Ирмы к поэту не сохранились. Следует сказать, что за время многолетнего романа влюбленным в силу обстоятельств удалось провести вместе не больше месяца [4, p. 19], поэтому эпистолярный стал единственной доступной им формой общения. Основываясь на письмах, можно заключить, что Монтале доверяет литературному вкусу Брэндайс. Нередко поэт рассказывает Ирме о литературных замыслах, впечатливших его событиях или, на первый взгляд, незначительных деталях, затем легших в основу его произведений. Письма, повествующие о размышлениях и переживаниях автора, становятся комментарием как к его поэзии, так и к прозе. Интересно, что почти во всех посланиях к Клиции в самых разных контекстах упоминаются животные: они становятся частью метафор, приводятся в качестве сравнений, используются как

ласкательные наименования, выступают в роли героев повествования, тем самым образуя особый эпистолярный бестиарий. Вероятно, столь частое обращение к анималистической тематике объясняется тем, что в сознании писателя животным отведена роль тайных посредников между разлученными влюбленными [5]. К примеру, случайные встречи с животными, как правило, пробуждающими в Монте нежные чувства, представляются ему замаскированными визитами самой Ирмы [2, р. 92]. Так, бестиарные образы, содержащиеся в посланиях к Клиции, прежде всего, сопряжены с концептом тоски по возлюбленной.

Иную тональность приобретают письма Монте к жене Друзилле Танци и экономке Джине Тосси [6]. Атмосфера домашнего уюта, повседневной близости передана в них благодаря использованию особого интимного языка [7], понятного лишь узкому семейному кругу. Интересно, что и в этом случае исполненные нежности домашние прозвища и обозначения носят анималистический характер. Так, жена, еще в начале знакомства за громоздкие очки названная Монте мухой (в письмах *Moscaccia*, *Moschetta*, *Moscarina*, *Moscerilla*¹), и заботливая до самоотверженности экономка, в переписке именуемая «верной собакой» (*“cane fedele”*), становятся главными героинями семейного бестиария поэта.

По данным А. Музумечи, «поэтический зоопарк Монте населен 150 представителями животного мира, треть из которых птицы, чуть меньше трети — млекопитающие, еще меньше насекомых, затем следуют рыбы, рептилии и наконец амфибии» [8, р. 394]. Интерес поэта к анималистическим образам объясняется его особым отношением к животному миру. Согласно концепции Монте, взгляд людей затуманен, так как разум поражен губительной идеей технологического и индустриального прогресса². Если человеку, чтобы прозреть хотя бы на мгновение, приходится искать «брешь»³ в реальности, «ошибку природы»⁴, «прорванную в опутывающей нас сети петлю»⁵, то животным изначально дано видеть подлинную картину мира. Человек склонен рационализировать даже такие чувства, как любовь и привязанность, в то время как животные обладают инстинктивным, иррациональным

восприятием действительности, предполагающим особую искренность.

Составить представление о тех или иных бестиарных образах в творчестве Монте можно лишь, рассматривая их в совокупности. Упоминания определенных животных связаны друг с другом и, как правило, входят в диалектические отношения по крайней мере в рамках одного поэтического сборника, но зачастую и всего творчества в целом [8, р. 394]. Тесная взаимосвязь образов, тем и идей присуща всему литературному наследию поэта. Монте утверждал, что всю жизнь писал лишь одну единственную книгу. В первый период творчества (1925–1956), по словам поэта, он представил ее лицевую (*recto*), а во второй период (1971–1981) оборотную (*verso*) сторону [9, р. 1724]. Действительно, первые три поэтических сборника (*“Ossi di seppia”* (1925), *“Le occasioni”* (1939), *“La bufera e altro”* (1956)) отмечены печатью высокого трагизма, воплотившегося в стихах-ребусах, характеризующихся смысловой и стилистической усложненностью. Второй период творчества отличается: стилистически — тенденцией к упрощению и прозаизации, а тематически — стремлением к сатире с элементами автопародирования [10]. Монте с иронией отзывается о столь очевидном контрасте между своими литературными ипостасями: «Первые три книги написаны во фраке, другие в пижаме или, скажем, в дорожном платье» [11, р. 180].

Следует сказать, что идею перехода к другой манере письма и к экспериментам с прозаической формой поэт вынашивал еще в тридцатые годы. В одном из посланий к Ирме Брэндайс Монте писал: «Сейчас я работаю над вторым поэтическим сборником. Когда он будет опубликован, сделаю перерыв, попробую изменить стиль, разумеется, в определенных пределах. Если не получится, буду писать в прозе» [2, р. 81]. Первым серьезным прозаическим опытом Монте станет именно «Динарская бабочка», которая вместе с тем ознаменует переход поэта ко второму периоду творчества. Такие явления, как пародирование образов и тем, составляющих ядро поэзии первого периода, снижение трагического пафоса, ироническая интонация, сначала появятся в «Динарской бабочке», а затем перейдут в поэзию второго периода.

В соответствии с тенденциями, характеризующими обе творческие ипостаси, в первых трех поэтических сборниках животные скорее приобретают значение символов, а в произведениях после шестидесятых годов становятся объектами пародического автоцитирования или же выступают в роли проводников в мир воспоминаний. «Стремление рассматривать животных с точки зрения метафизики

¹ Уменьшительные формы, образованные от *mosca* — ит. муха.

² В «Динарской бабочке» этой теме посвящены рассказы: *“Il lacerato spirito”*, «Режиссер».

³ В стихотворении *“Casa sul mare”*.

⁴ В стихотворении *“I limoni”*.

⁵ В стихотворении *“In limine”*.

отступает, с ними устанавливаются дружеские, а нередко родственные связи, животные начинают восприниматься как накопленные за долгую жизнь ценности, которые способны воскресить воспоминания в настоящем, нацеленном на исследование прошлого» [8, р. 398–399].

Многие животные-символы переносятся Монтале в автобиографическую книгу, посвященную ироническому переосмыслению событий его жизни, давших импульс к сочинению стихов. Следует сказать, что в прозе бестиарий выполняет еще одну важную функцию, характерную для поэтики позднего Монтале: порой животные, играющие роль волшебных помощников, придают прозаическим зарисовкам сказочную тональность. Сам Монтале называет такие повествования версией волшебной сказки в форме короткого рассказа [2, р. 148]. Чаще всего фоном для таких рассказов служит современная действительность, высвечивающая незначительные подробности жизни самого обычного человека.

* * *

Главный герой «Динарской бабочки», как следует из рассказа «Бусакка», с самого раннего детства питал интерес к миру животных, которые в сознании мальчика были окружены ореолом таинственности. Отметим, что в книге чередуются рассказы от первого и третьего лица: автор то отождествляет себя с главным героем повествования, то смотрит на свое прошлое со стороны сквозь призму дня сегодняшнего. В зарисовке «Войти во вкус» детские приключения героя представлены как всплывающие в сознании взрослого рассказчика воспоминания. Сцены давно минувшей счастливой поры воскрешает в памяти героя угорь — один из ключевых представителей животного мира в бестиарии поэта [12]. Рассказ представляет собой диалог между неким господином и его спутницей, посетителями ресторана. С выбором блюд дама, уверенная в своих предпочтениях, справляется чрезвычайно быстро. Главная ее страсть — новомодный напиток манценил, «от него приятно мутится сознание» [13, с. 56], «с ним уходят любые воспоминания, после него чувствуешь себя, как последняя трусиха, которая перепрыгнула через глубокую канаву и теперь ничего не боится» [13, с. 59] (Пер. Е.М. Солоновича). Напротив, ее кавалер, дойдя до значащегося в меню «угря по-ливорнски», придает воспоминаниям о самом захватывающем развлечении своего детства, ловле бледно-желтых угрей в канавах с мыльной водой; на импровизированных пирах мальчуганов угри,

добытые после многочасовой охоты, становились главным «пахнущим дымом и грязью» блюдом. Внезапно нахлынувшие воспоминания слишком дороги рассказчику. Он отказывается делать заказ, не желая перебивать пригрезившийся вкус детства изысканной ресторанной трапезой. Тем более герою претит рассеивающий воспоминания манценил. По словам разочарованной спутницы, ее кавалер «предпочитает сидеть в канаве и ловить угрей прошлого» [13, с. 59]. В образе дамы, не склонной к ностальгии, угадывается одна из ипостасей Клиции-спасительницы [14] из стихотворения Монтале "Nuove stanze", побуждающей лирического героя забыть прошлые страхи и с уверенностью посмотреть в будущее. Отметим, что Ирма Брэндайс долгое время пыталась уговорить поэта покинуть фашистскую Италию и начать с ней новую жизнь в Америке [4]. Сходство между духовной наставницей поэта Клицией и героиней рассказа подтверждают финальные реплики диалога между посетителями ресторана. Отказавшийся от еды рассказчик обещает своей спутнице в следующий раз начать ужин с манценила. Ответ дамы содержит своего рода рецепт прощания с прошлым: «Начнешь и продолжишь. Чтобы войти во вкус, одного раза недостаточно» [13, с. 59]. Между тем угорь связан в сознании поэта не только с ностальгией по детским забавам. Он становится первым представителем животного мира, встречающимся в поэзии Монтале. В стихотворении "I limoni" угри упомянуты в контексте, схожем с рассказом «Войти во вкус». "Io, per me, amo le strade che riescono agli erbosi // fossi dove in pozzanghere // mezzo seccate agguantano i ragazzi // qualche sparuta anguilla" [15, р. 11] (Я же люблю дороги, которые ведут к заросшим травой // канавам, где в грязных полувысохших // лужах дети ловят // тощих угрей⁶). Стихотворение "I limoni" приобретает значение программного. Здесь Монтале дистанцируется от «дипломированных поэтов», которых вдохновляют лишь редкие благородные растения. В отличие от них, в «запахе лимонов», «тощих угрях», в «гомоне птиц», населяющих лигурийскую провинцию, Монтале находит «слабое звено в цепи», ту самую лазейку, которая на мгновение позволяет прозреть, познать истинный смысл вещей. Угорь видится Монтале неотъемлемой частью лигурийского детства, связывающего поэта с природой. Кроме того, угрю Монтале посвящает стихотворение "L'anguilla", которое, по собственному признанию [16], оценивает очень высоко. В угрях, представляющихся поэту «факелами, хлыстами,

⁶ Здесь и далее подстрочник наш — Л.С.

земными любовными стрелами», он распознает особый спасительный потенциал благодаря их способности выживать в самых тяжелых условиях, превращая канавы со стоячей водой в «рай оплодотворения». Угорь, в понимании поэта, являет собой пример стойкости и жизнелюбия, олицетворяет веру в непрерывность жизненного цикла [17, p. 116], дарует надежду. Согласно строкам из стихотворения Монтале, угорь — “*la scintilla che dice // tutto comincia quando tutto pare // incarbonirsi*” [15, p. 262] (искорка, которая говорит // все только начинается, когда все кажется // обуглившимся). Так, отказываясь от манцинилы, герой рассказа «Войти во вкус» не соглашается лишиться не только воспоминаний о детстве, но и драгоценных мгновений эпифании, а вместе с ними надежды на возрождение.

Вторая часть «Динарской бабочки», рассказывающая о жизни поэта во Флоренции, включает, пожалуй, самую ироничную зарисовку книги «Клиция в Фоджи», и в ней роль главных героев отведена насекомым. Представляется, что благодаря анималистическим образам рассказ воспринимается как скрытый намек на обстоятельства личной жизни поэта, на любовный треугольник, возникший между Ирмой Брэндайс (Клицией), Монтале и его будущей женой Друзиллой Танци (мухой). Сюрреалистическая составляющая «Клиция в Фоджи» заметно выделяется на фоне общей реалистической направленности книги. Эпизод с сюрреалистическими элементами, однако, помещен в реалистическую раму — на поверку он оказывается сновидением. Во сне Клиция переживает гротескную метаморфозу, отсылающую к «Превращению» Кафки и при этом содержащую аллюзии на рассказ Т. Ландольфи «Отец Кафки» [18]. «Клиция в Фоджи» — единственный рассказ в книге, повествующий о событиях внутренней жизни героини-женщины. В соответствии с тенденцией к ироническому снижению, характерной для «Динарской бабочки», образ Клиции, по сравнению с первым периодом творчества поэта, теряет символическую значимость, лишается мистицизма и, напротив, опрощается, пародируется. В рассказе содержится ироническая аллюзия на стихотворение Монтале “*La primavera hitleriana*”, знаменитое своей патетической интонацией. В стихотворении Клиция, «несущая в себе солнце», сумевшая сохранить «любовь в первозданном виде», представляется поэту единственной надеждой на спасение: “*Guarda ancora in alto, Clizia, è la tua sorte*” [15, p. 257] (Снова посмотри ввысь, Клиция, там твоя судьба). В рассказе опоздавшая на поезд раздосадованная Клиция тоже смотрит вверх, но ее

взгляд истолковывается иначе: «Она посмотрела наверх тем неосознанным, покорным и одновременно отчаянным взглядом, каким с помощью *ex voto* в деревенских церквах обреченные ищут на небе, кто помог бы им, подал обнадеживающий знак в оправдание их доверия. Однако потолок зала ожидания не разверзся, чтобы явить взору утешительное видение» [13, с. 107]. Следует сказать, что рассказ по тематике близок сочинениям самой Брэндайс, нередко описывающей пришедшую в упадок Италию; к некоторым из ее очерков он отсылает и сюжетно⁷. Не успевшая на поезд Клиция по сюжету рассказа вынуждена провести день в накалившейся от полуденного зноя провинциальной Фоджи. Более всего героине досаждают «эскадрильи огромных мух», в барах «хищно набрасывающиеся на посетителей и на съестное» [13, с. 108]. Спасаясь от жары и «тучи грозных мух», Клиция попадает на лекцию о метемпсихозе. Начав листать брошюру с изображением Пифагора, она быстро погружается в «черную топь» сна. Известно, что Ирма Брэндайс, будучи дантологом, изучала пифагорейские мотивы в сочинениях христианских философов. В возникшем в сознании Клиции видении ее охватывает невероятное чувство освобождения, окружающая действительность теперь предстает перед ней не в обычном горизонтальном положении, но в вертикальном, преобразившись благодаря трем дополнительным парам глаз — Клиция превращается в паука. Ее «прекрасную, прочного плетения паутинную сеть — лучшую из всех» [13, с. 110] смог по достоинству оценить юноша «в белом» с умным знакомым ей лицом, всегда погруженный в книгу. «Казалось, сеть была продолжением его мыслей, проникала на страницы книги» [13, с. 110]. Во сне Клиция легко справляется с назойливыми мухами, «что-то в слюне паука отнимало у них жизненные силы, судя по тому, как быстро они смирялись со своим положением жертвы» [13, с. 111]. Паук любил поживиться «крошками, крупинками, а порой и приторно-сладкими кожурками» [13, с. 111], остававшимися после трапезы юноши и его друзей-книголюбов. Но однажды паук, движимый «непомерной жадностью», увидев внизу оставленное блюдо с медом, влип в светлую гущу со сладким запахом и уже не смог из нее выбраться. Досаждающих Клиции мух можно истолковать как сатиру на ревностное неприятие Друзиллой Танци любовных отношений, связывающих Монтале и Брэндайс, возведенную в стихах в ранг музы.

⁷ Brandeis I. “A lady alone” (Harper’s Bazaar, февраль 1936), “Baggage” (New Yorker от 15 декабря 1934).

Вместе с тем в строках о крохах, достававшихся пауку со стола ученых юношей, вероятно, содержится намек на сюжеты, которые Ирма Брэндайс охотно черпала из историй об итальянской жизни, рассказанных ей поэтом в письмах. И все же главной движущей силой повествования становится автоирония, характерная для автобиографической прозы Монтале. Особое пророческое видение Клиции, воспетое в стихах, на поверку оказывается зоркостью паука, вдохновляющего комичного «юношу в белом», очевидно альтер эго автора, на плетение поэтической паутины. Следует отметить, однако, что многие представители фауны, традиционно вызывающие у большинства людей отторжение или страх, напротив, рождают в душе поэта нежные чувства. Более того, лишь самым дорогим людям Монтале имел обыкновение давать прозвища так называемых неприятных животных [19, p. 173] (такая привычка поэта в «Динарской бабочке» описана в рассказе «Трудный вечер»). Паук, несомненно, вписывается в этот ряд «милых чудовищ».

Тема животных, традиционно входящих в ряд «отталкивающих и пугающих», получает развитие в зарисовке «Летучая мышь». Внезапно залетевшая в гостиничный номер летучая мышь напугала героев рассказа. В ходе безуспешной борьбы с «судорожной тенью» герои вспоминают события, связанные в их жизни с летучими мышами. Похоже, летучие мыши приносили им удачу (местом их знакомства был ресторан «Летучая мышь», а желание побывать на «Летучей мыши» Штрауса когда-то уберегло героиню от бомбы, разрушившей ее дом). Напротив, главный герой рассказа провинился перед летучими мышами и теперь ждет возмездия. Он перечисляет три встречи с этими существами. Второй летучей мышью в жизни герой называет свою спутницу, третья — нынешняя посетительница их номера, а первая стала «единственным живым существом, которое он убил» [13, с. 148]. Посещение летучей мыши вызывает в памяти героя умершего и позабытого отца. Перед смертью отец пообещал не оставлять сына. Теперь он иногда навещает героя «в том или ином облики» [13, с. 149]. Напомнив герою об отце, мышь сразу покидает комнату, будто выполнив свою миссию. Летучая мышь, как и другие «неприятные» животные, оказывается жертвой беспричинной человеческой жестокости, вместе с тем именно она, как видится поэту, обладает магическими свойствами. Монтале представляет летучих мышей не только волшебными помощниками, но и посланниками потустороннего мира. Следует сказать, что посредниками между земной и загробной жизнью животные

выступают в «Динарской бабочке» и в зарисовке «Лимит времени». В рассказе «Летучая мышь», кроме того, просматривается автобиографическая основа. Как следует из писем к Клиции, Монтале нередко воображал, что отец приходит проведать его из царства мертвых в облики случайно встреченных на улице животных. Сначала поэт распознает отца в коричневом голубе, на мгновение присевшем ему на голову, затем в черно-белом котенке с обрубленным хвостом, увязавшемся за ним возле колбасного магазина [2, p. 184]. Рассказ «Летучая мышь» относится к серии зарисовок, связанных с фигурой жены поэта (взаимоотношения супружеской пары, проживающей в гостиничных номерах, описаны в рассказах «Ангелочек» и «Реликвии»). Представляется, что тематика и образный ряд «Летучей мыши», впервые опубликованной в 1948⁸, отчасти переходят в поэму Монтале «Xenia», сочиненную на смерть жены в 1964 г. По сюжету поэмы лирический герой, останавливаясь в гостиницах, где когда-то бывал с «дорогим крошечным насекомым, прозванным мухой» [15, p. 289], но обладающим «радаром летучей мыши» [15, p. 293], однажды вечером в темноте ощущает присутствие любимого существа. Лирическому герою не удастся увидеть гостью. С горечью он вспоминает, что вместе они пытались подготовиться к встрече в загробном мире, договариваясь о том, как узнают друг друга: «Avevamo studiato per l'aldilà // un fischio, un segno di riconoscimento» [15, p. 292] (Мы разучивали для потустороннего мира // свист, опознавательный знак). В поэме в роли ночной посетительницы — летучей мыши из потустороннего мира — выступает умершая жена поэта.

В зарисовке «Реликвии» жизнь семейной пары рассматривается сквозь призму взаимоотношений с самыми разными представителями животного мира (схожим образом в «Динарской бабочке» главный герой из рассказа «Тревога» восстанавливает историю своей жизни по воспоминаниям о домашних животных). Единственная ниточка, связывающая пожилых ворчливых супругов из рассказа «Реликвии», — «реликварий», «коробка их памяти», в которой хранятся изображения любимых существ — «собак, кошек, птиц, дроздов, горлиц, сверчков, червяков...» [13, с. 159]. Обладающие именем и индивидуальностью животные становятся для героев проводниками в мир воспоминаний. Образ реликвария воспоминаний уже встречается в одном из ранних

⁸ В 1960 г. при подготовке публикации всей книги Монтале меняет первоначальное название «Трудная ночь» на нынешнее.

стихотворений Монтале *"In limine"*: *"qui dove affonda un morto // viluppo di memorie, // orto non era, ma reliquiario"* [15, p. 7] (здесь, где затоплен мертвый // клубок воспоминаний // не огород, но реликварий). Реликварий становится в стихотворении символом полного страданий мира, расположенного «по эту сторону стены», где «сочиняются истории, а поступки стираются для будущих игр» [15, p. 7]. Но оказывается, что воспоминания героев рассказа связаны не только с событиями этого мира, они наполнены потусторонними мистическими знаками. Жизнь героев была «бестиарием, прямо-таки сералем» [13, с. 159], и в ней животные сыграли роль «сводней», скрепивших союз пары. Ответы на сложные мучительные вопросы супруги находили, гадая по, казалось бы, неосознанным действиям животных. Герои, не мыслящие себя вне загадочного и вместе с тем родственного мира животных, наделяют его представителей магическими способностями прорицателей. Описывая редкое «уморительное животное» окапи, герой отчасти объясняет столь сильную привязанность супругов к животным: «нечто среднее между бедлингтон-терьером и барсуком, между поросенком и косулей, между козой и осликом с острова Пантеллерия, недоразумение, что-то вроде ошибки природы, опечатки, ускользнувшей от внимания Главного Метранпажа, но праздник для глаз, несказанная надежда для души» [13, с. 159]. Благодаря своей уникальности окапи становится для героев квинтэссенцией главных достоинств животного мира: чудеса природы способны приоткрыть завесу мировой тайны, превратиться в «прорванную в опутывающей нас сети петлю» [15, p. 7] — еще один яркий образ из стихотворения *"In limine"*. Кроме того, окапи «трясется от страха при виде человека, слишком ранимый, чтобы жить среди таких зверей, как мы» [13, с. 157]. Животные, посвященные в загадку мироздания и подкупающие своей искренностью, противопоставляются в сознании супругов человеку, наделенному свойствами, обычно составляющими понятие зверь. Монтале, питавший особый интерес к окапи и участвовавший в 1948 г. в экспедиции на Ближний Восток [20, p. 284–291], снаряженной на поиски причудливого животного, упоминает о нем и в стихах. Если в рассказе окапи, пробуждающий самые нежные чувства, становится символом надежды, то в стихотворении *"Per album"* он причислен к сущностям, в которых лирический герой пытается разглядеть свою возлюбленную: *"No continuato il mio giorno // sempre spiando te, larva girino // frangia di rampicante francolino // gazzella zebù ocapi // nuvola nera grandine // prima della vendemmia"* [15, p. 270]

(Я продолжил свой день, // все выслеживая тебя, личинка головастика // бахрома плюща рябчик // газель зебу окапи // черная туча град // начало сбора винограда). Поэт ставит окапи в один ряд с существами и явлениями, способным вызывать в его душе чувства, близкие к любви.

Сцена гадания на животных описана и в рассказе *«Пепел сигары»*. Нередко поэт обращается к одной и той же теме в нескольких зарисовках, рассматривая памятные события с разных ракурсов. Здесь рассказчик со стороны наблюдает за гаданием, которое, как он понимает, может расторгнуть или скрепить союз случайно встреченной им пары. Судьба незнакомцев вверена улитке, которая должна повернуть вниз по паркету до того, как упадет пепел сигары. Фоном рассказу служит фашистское представление под названием *"18BL"* (имеется в виду знаменитая модель грузовика Фиат), состоявшееся во Флоренции 29 апреля 1934 г. Известно, что Монтале, действительно, был в числе его посетителей [21]. Грандиозный спектакль с участием машин и аэропланов, предназначенный в футуристической стилистике, предназначался «для одного выскочки и сотни тысяч толпы» [13, с. 172] и должен был навсегда покончить с буржуазным театром. Описание фашистского праздника отсылает [22] к образному ряду из стихотворения *"La primavera hitleriana"*. Монтале описывает в стихотворении визит Гитлера во Флоренцию: *"Da poco sul corso è passato a volo un messo infernale // tra un alalà di scherani"* [15, p. 256] (Недавно по проспекту пронесся дьявольский посланец // под ала⁹ молодчиков), схожим образом в *«Пепле сигары»* рассказывается о шествии фашистских иерархов: *"V'erano passati, poco prima, alcuni personaggi d'alto bordo, avvolti in neri pepi, fra scarsi applausi e gli ossequi di un gruppo di pirofori"* [19, p. 183] (Совсем недавно здесь прошло несколько важных особ, задрапированных в черные хламиды, под жидкие аплодисменты и знаки почтения команды огненосцев). Многие зарисовки *«Динарской бабочки»* построены на контрасте между разворачивающимися переломными историческими событиями и повествованием о частной жизни, всегда выходящем в автобиографической прозе на первый план. В *«Пепле сигары»* триумф фашистской власти не состоялся. Амбициозный замысел потерпел фиаско из-за технических сбоев и испортившейся погоды, «зрительский муравейник расплылся» [13, с. 174]. Между тем сюжетная линия, касающаяся частной жизни безымянных героев, приведена к счастливой развязке, которая согласуется с характерным для

⁹ Победный клич итальянских фашистов.

поэзии Монтале мотивом поиска спасения в объекте любви [23]. Улитка оправдала ожидания рыжеволосой женщины, выполнив возложенную на нее миссию тайной помощницы. «Липкий путь» улитки, оставляющий «влажный белый след, блестящий в свете фонаря» [13, с. 173], перекликается с образом, появившимся позже в поэзии Монтале. В стихотворении “Piccolo testamento”, дистанцируясь как от правого фланга (“chierico nero” — черное духовенство) итальянского общества, так и от левого (“chierico rosso” — красное духовенство), Монтале утверждает, что его питает не вера и не идеология (“non è lume di chiesa o d’officina” [15, р. 275] — это не свет церкви или фабрики). У поэта есть свой внутренний стержень: “Questo che a notte balugina // nella calotta del mio pensiero, // traccia madreperlacea di lumaca // o smeriglio di vetro calpestato” [15, р. 275] (То, что по ночам озаряет // купол моей мысли, // это перламутровый след улитки // или же толченное стекло). Ускользающий, завораживающий своей призрачностью след загадочной улитки-прорицательницы олицетворяет, согласно видению Монтале, его особую глубоко личную «веру, за которую он сражался (d’una fede che fu combattuta)» [15, р. 275], «надежду, сгорающую медленнее самого твердого полена в очаге (d’una speranza che bruciò più lenta di un duro ceppo nel focolare)» [15, р. 275].

* * *

Монтале свойственно мыслить символами, служащими подсказками для дешифровки реальности. «Динарская бабочка» ярче всего высвечивает особое видение поэта, приоткрывающее завесу мировой тайны [24]. Животные в этой системе координат воспринимаются как потенциальные хранители ключей и подсказок. Неслучайно главной героиней рассказа, давшего название всей книге, становится бабочка, доступная лишь взору поэта. Динарская гостья, не показывающаяся на глаза обывателям, символизирует иррациональную мистическую природу вдохновения, которое улетучивается при столкновении с серой действительностью. В автобиографической книге Монтале животные выступают связующим звеном с миром природы, с их помощью наступает долгожданный момент прозрения. Вместе с тем они врываются в людские сновидения для того, чтобы совершить неожиданное разоблачение. Животные-жертвы изобличают человеческую жестокость, пробуждают чувство вины. Они же становятся проводниками в мир воспоминаний, порой подсказывают правильные решения, олицетворяют надежду на спасение. В картине мира поэта животным отведена роль главных посредников

между познаваемым и трансцендентным. Героями большей части зарисовок «Динарской бабочки» являются животные, поэтому детальный анализ bestiaria, содержащегося в автобиографической книге Монтале, требует обширного исследования, в основу которого может лечь представленный в настоящей статье материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Eugenio Montale. Immagini di una vita* [a cura di Contorbis F.]. Milano: Librex A. Mondadori, 1985. 326 p. (In Italian)
2. *Montale E. Lettere a Clizia*. [a cura di Bettarini R., Manghetti G. e Zabagli F.]. Milano: Mondadori, 2006. 376 p. (In Italian)
3. *Топорова А.В. Поэзия нового сладостного стиля // История литературы Италии: средние века. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Т.1. С. 199–222. [Toporova, A.V. Poeziiia novogo sladostnogo stilia [Poetry of a Sweet New Style]. Istoriia literatury Italii: srednie veka. T.1 [The History of Italian Literature: the Middle Ages. Vol. 1]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2000, pp. 199–222. (In Russ.)]*
4. *Segre C., Marcenaro G., Bettarini R., Zabagli F., Manghetti G. Le Lettere a Clizia di Eugenio Montale. Antologia Vieusseux. 2006, No. 3, pp. 5–29. (In Italian)*
5. *Facchi F. Un “bestiario della memoria e del dolore”: gli animali nelle Lettere a Clizia di Eugenio Montale. Italica. 2016, No. 93, pp. 540–558. (In Italian)*
6. *Montale E. Moscerilla diletta, cara Gina. Lettere inedite. Genova: Fondazione Giorgio e Lilli Devoto, 2017. 148 p. (In Italian)*
7. *Senna P. Uno specialissimo bestiario. L’indice dei libri del mese. 2017, No. 12, p. 29. (In Italian)*
8. *Musumeci A. Il bestiario montaliano. Italica. 1978, No. 55 (4), pp. 393–401. (In Italian)*
9. *Montale E. “Ho scritto un solo libro” (1975). Montale E. Il secondo mestiere. Arte, musica, società [a cura di Zampa G.]. Milano: Mondadori, 1996, pp. 1720–1725. (In Italian)*
10. *Jacomuzzi A. La poesia di Montale. Dagli “Ossi” ai “Diari”. Torino: Einaudi, 1978. 182 p. (In Italian)*
11. *Montale E. “Le reazioni di Montale”. Eugenio Montale: profilo di un autore [a cura di Cima A. e Segre C.]. Milano: Rizzoli, 1977, pp. 192–201. (In Italian)*
12. *Orelli G. L’anguilla. Orelli G. Accertamenti montaliani. Bologna: il Mulino, 1984, pp. 79–94. (In Italian)*
13. *Монтале Э. Динарская бабочка. Пер. с итал. Соколов Е. М.: Река времен, 2010. 235 с. [Montale, E. Dinarskaia babochka Per. s ital. Solonovicha E. [The Butterfly of Dinard. Translated from the Italian by Solonovich E.] Moscow: Reka vremeni Publ., 2010. 235 p. (In Russ.)]*

14. *Segre C.* Invito alla “Farfalla di Dinard”. Montale E. Prose narrative. Milano: Mondadori, 2008, pp. V–XXIII. (In Italian)
15. *Montale E.* Tutte le poesie. [a cura di Zampa G.]. Milano: Meridiani Mondadori, 1990. 1245 p. (In Italian)
16. *Montale E.* “Montale: io e la politica”. *La Repubblica-Mercurio*. 22 settembre 1990, p. 4. (In Italian)
17. *Bo C.* Tra cielo e terra: viaggio attraverso i simboli animali della donna nella Bufera di Montale. *Studi novecenteschi*. 1990, No. XXXIX, pp. 103–129. (In Italian)
18. *Ландольфи Т.* Отец Кафки // Жена Гоголя и другие истории. М.: Аграф, 1999. С. 338–340. [Landolfi, T. *Otets Kafki* [Kafka's Father]. Landolfi, T. *Zhena Gogolia i drugie istorii* [Gogol's Wife and Other Stories]. Moscow: Agraf Publ., 1999, pp. 338–340. (In Russ.)]
19. *Montale E.* Prose narrative. Milano: Mondadori, 2008. 532 p. (In Italian)
20. *Montale E.* Prose e racconti [a cura e con introduzione di Forti M.]. Milano: Mondadori, 1995. 1253 p. (In Italian)
21. *Marcenaro G.* Eugenio Montale. Milano: Mondadori, 1999. 213 p. (In Italian)
22. *Forti M.* Montale: la prosa di fantasia e d'invenzione. Montale E. Prose e racconti [a cura e con introduzione di Forti M.]. Milano: Mondadori, 1995, pp. XI–XCIV. (In Italian)
23. *Casadei A.* Montale. Bologna: Il Mulino, 2008. 149 p. (In Italian)
24. *Antonielli S.* Eugenio Montale “Farfalla di Dinard”. *Belfagor*. 1961, No. 4, pp. 512–514. (In Italian)

Дата поступления материала в редакцию: 4 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on March 4, 2024

Revised on July 5, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050121

Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц

© 2024 г. А. С. Глаголева

Младший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
glagoleva.anastasiia@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются глаголы, ставшие диахронной основой для формирования частиц на разных этапах развития языка, а также семантические трансформации, сопровождающие процессы партикуляции. В качестве материала используются контексты из Национального корпуса русского языка (панхронический и параллельный корпус; корпус социальных сетей) и из нескольких современных интернет-источников.

В результате исследования определено, что продуктивными для партикуляции глаголами являются *видеть* и *глядеть*; производные от них частицы выполняют различные дискурсивные и прагматические функции, маркируя желание говорящего обратить внимание на что-либо ввиду его потребности в интерактивности коммуникации.

Ключевые слова: глаголы, частицы, семантический переход, грамматикализация.

Для цитирования: Глаголева А.С. Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 137–149. DOI: 10.31857/S1605788024050121

Verbs with the Meaning of Visual Perception as the Basis for the Formation of Particles

© 2024 Anastasiya S. Glagoleva

Junior Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
glagoleva.anastasiia@mail.ru

Abstract. The article examines verbs that have become the diachronic basis for the formation of particles at different stages of language development, as well as semantic transformations accompanying the processes of particularization. The material uses contexts from the National Corpus of the Russian language (panchronical and parallel corpus; the corpus of social networks) and from several modern Internet sources.

It was determined that the verbs productive for particularization are to *vider'* and *glyadet'*; the particles derived from them perform various discursive and pragmatic functions, marking the speaker's desire to pay attention to something due to his need for interactivity of communication.

Key words: verbs, particles, semantic transition, grammaticalization.

For citation: Glagoleva, A.S. *Glagoly so znacheniem zritel'nogo vospriyatiya kak osnova dlya formirovaniya chastic* [Verbs with the Meaning of Visual Perception as the Basis for the Formation of Particles]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 137–149. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050121

1. Введение

Традиционно дифференциация частиц в аспекте их происхождения определяется по признаку производности или непроизводности [1], при этом в поле зрения исследователей при изучении истории частиц нередко попадают оба типа (см., например, работу Т.М. Николаевой [2] о партикулах, в традиционной лингвистике признающихся непроизводными частицами; работу А.А. Зализняка [3] о древнерусских энклитиках, а также исследования [4]; [5]; [6]; [7] и др., посвященные синхронному и диахронному описанию частиц; сведения о производных и непроизводных частицах в этимологических словарях [8]; [9]; [10]; [11] и многие другие). Исследование развития производных частиц, также относящихся к категории дискурсивных единиц, тесно связано с явлением грамматикализации: «Существует целый ряд исследований, посвященных развитию дискурсивных маркеров из лексических единиц и конструкций и использующих аппарат современной “теории грамматикализации”» [12, с. 52]. Глагольные формы, как будет показано ниже, имеют высокий потенциал для формирования частиц, однако на современном этапе развития языка этот процесс может быть незавершенным, а производные языковые единицы могут функционировать как частицы с сохранением отдельных значений глагола.

Границы класса глаголов зрительного восприятия очерчены в современном научном дискурсе не вполне определенно (подробный обзор диапазона имеющихся исследовательских мнений представлен в работе Г.А. Карпушевой [13]). К ядру данной лексико-семантической группы возможно отнести прямые номинации зрительной перцепции — *видеть* и *глядеть* (квазисиноним глагола *смотреть*)¹.

2. Видеть и вишь, ишь

Глагол *видеть* описывается в лексикографических источниках набором значений: 1. ‘иметь зрение’; 2. ‘воспринимать зрением’; 3. ‘сознавать, понимать, чувствовать’; 4. ‘принимать за кого-л.’ [15]. Разнообразие сем, соотносящихся с восприятием окружающего пространства, способствует развитию метафорического потенциала во вторичных значениях и их оттенках, выделяемых в словарном описании глагола: ‘мысленно

представлять; испытывать, переживать’, ‘находить, обнаруживать’. Кроме того, широки его словообразовательные возможности: по данным словаря А.Н. Тихонова [16, с. 92] от глагола *видеть* образуются 42 деривата; их список, по-видимому, не ограничивается приведенными в словаре единицами.

В историческом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [17, с. 174] зафиксировано также значение расширенного восприятия ‘наблюдать что-л., воспринимая зрительно и на слух’, а также употребление в качестве вводного слова ‘видно, как видно’. В более позднем «Словаре русского языка XVIII в.» [18, с. 156], а также в большинстве словарей современного русского языка (см. [15]; [19], а также [20, с. 104–105]; [21]) указанные значения уже не выделяются. На периферии глагольной семантики в «Большом универсальном словаре русского языка» [20] фиксируется ряд употреблений *видеть* в качестве компонента вводного словосочетания *видит Бог, видите ли*. В «Академическом толковом словаре русского языка» [22, с. 658–659] вводное слово *видите ли* дается в терминологии, близкой к описанию частиц, и приводится со значением ‘употребляется при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.’, которое в значительной мере соотносится со значениями частицы *вишь* в том же словаре: ‘употребляется для привлечения внимания к чему-л., указания на что-л.’, ‘употребляется для выражения удивления, неудовольствия и т.п. (в сочетании со словами: «как», «какой», «сколько»)» [23, с. 30]. Дифференциация вводных слов и частиц является актуальной проблемой: как отмечено в «Русской корпусной грамматике», вводные слова рассматриваются как синтаксический класс, примыкающий к частям речи [24, с. 32], а в РГ-80 [25, с. 229] отмечено, что, «вводные слова <...> объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому».

Этимологические словари также возводят *вишь* к *видеть*. М. Фасмер отмечает, что, согласно мнению А.И. Соболевского и Н.Н. Дурново, *вишь* является старой формой 2 лица единственного числа повелительного наклонения *вижь* (старославянский аналог — *виждь*). По мнению самого М. Фасмера, *вишь* — фонетическое сокращение от *видишь* [9]. Аналогичная позиция отражена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [26]: «Вишь, частица

¹ Здесь приводятся только наиболее продуктивные для формирования частиц глаголы, вне аспектуальных пар, так как для глаголов восприятия характерно общефактическое результирующее значение ([14, с. 118]), имплицитно предполагающее наличие результата.

(сокращение слова *видишь*, происшедшее в устной речи) (простореч., обл.), а также в «Русском этимологическом словаре» А.Е. Аникина [27, с. 287]: «аллегроформа из *видишь* 2 ед. през. к *видеть*. <...> Менее вероятно, что речь идет об отражении формы типа др.-рус. *вижь* 2 ед. импер. того же *видеть*».

В ряде случаев глагольное значение презенса *видишь* проявляется в *вишь*, в особенности при употреблении глагольной формы и частицы в пределах одного дискурсивного высказывания:

(1) «Время ненадежно: ветер слегка подымается; — *Вишь*, как он сметает порошу». — *Что ж за беда! «А видишь там что?»* (Ямщик указал кнутом на восток.) — *Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]².

(2) — *Одна, вишь, четверть лошади приходится, изволите видеть, на каждую какую-то там квадратную, что ли, душу* [Г.И. Успенский. Живые цифры (1888)].

(3) — *Не лаяй, говорят, — проговорил Ергушов, подсыпая порох на полку ружья. — Вишь, не шелохнется, уж я вижу. До утра недалеко, дай с кордона прибегут* [Л.Н. Толстой. Казаки (1863)].

(4) — *Какой Норич! Болван!.. Любопытно, вишь, мне знать, видел ли ты Норича! Что я его не видал, что ли, никогда!* [Е.А. Салиас. Кудесник (1885)]³.

Пример (1) иллюстрирует взаимозаменяемость *вишь* и *видишь* в вопросительных конструкциях: фразы *вишь* (= *видишь*), *как он сметает порошу* и *видишь* (= *вишь*) *там что* одинаково естественны в обоих вариантах. В этом контексте функционирование и значение *вишь* практически совпадает с глагольным употреблением в значении зрительного восприятия и может являться отражением фонетической синкопы, характерной для разговорной речи и использующейся в художественном тексте для стилизации речи ямщика.

Пример (2) демонстрирует большую свободу от глагольного значения, которая выражается в формировании вводного словосочетания из глагольной формы *видеть* с модальным императивным *изволи*, и выполнение частицей *вишь*, соответственно, функции акцентирования внимания адресата речи на расчетах, важных для говорящего.

В примерах (3) и (4) параллелизм частицы и глагола нивелирован именно прямым значением глагола: *я вижу* — подтверждение достоверности

высказанного ранее через восприятие зрением, *видел ли ты* — косвенный вопрос, целью которого также является верификация, а *не видал что ли никогда* — языковая игра, основанная на уточнении временных рамок действия по глаголу *видеть*. Частица же в этих контекстах выполняет именно дискурсивную функцию установления достоверности в примере (3) и причинности в примере (4), хотя и допускает замену на глагольные формы *видишь* и *видишь ли*.

При этом во всех контекстах, кроме (4), также стабильно проявляется семантика императивности. Повелительное наклонение «одновременно выражает желание говорящего, чтобы некоторое действие было совершено (не совершено) и является попыткой заставить адресата реализовать это желание» [29, с. 498]; кроме того, в исследовании В.С. Храковского [30, с. 21–22] выделяется группа парадигм императива, словоформы которой «выражают прямое побуждение, которое адресуется одновременно слушающему / слушающим и самому говорящему. <...> Тенденция к грамматикализации наиболее отчетлива у конъюнкций группы <...>, в которых исполнителем совокупно выступают оба участника речевого акта». Это напрямую согласуется с функцией *вишь* — говорящий выражает свое желание обратить внимание собеседника на субъективно важную для него информацию, и это иногда подкрепляется повторением императива в другой форме, как в примере (2). Перечисленное позволяет предположить, что производящей основой для *вишь* в таком употреблении является именно древнерусская императивная форма *вижь*. То же мнение выражено в работе В.Б. Крысько: «Основные изменения в парадигме и функционировании повелительного наклонения: <...> 8) Отмирание особых форм V класса, иногда заменяемых регулярными формами однокоренных глаголов <...> ... форма *вижь* превратилась в частицу *вишь* букв. ‘смотри’» [31, с. 297–298]. Эта точка зрения подтверждается также соответствиями в других славянских языках (по данным Параллельного корпуса НКРЯ):

(5) белорусский:

а. — *Бач, асмялелі без нас... Кружаць вакол плыта.*

б. — *Вишь, осмелели без нас. Кружат возле плота.*

[Павел Мисько. Грот афаліны (1980–1982) | Павел Мисько. Грот афаліны (А. Чеснокова, 1988)].

(6) болгарский:

а. *Ребята говорят, так и катился — со спины на брюхо, с брюха на спину: ползти-то ему по снегу, вишь, не под силу было, — вот он какой!*

б. *Децата казват, така се търкалял — от гръб на корем, от корем на гръб, не е имал сила да пълзи по снега човека, виж го какъв е!*

² Все примеры, кроме специально оговоренных случаев, взяты из Национального корпуса русского языка [28].

³ Наиболее активно частица *вишь* употреблялась с 30-х годов XIX в. по 40-е годы XX в. (представленные примеры иллюстрируют этот период), а затем частота постепенно снижалась; в современных текстах *вишь* используется преимущественно как средство стилизации народной речи.

[Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)].

(7) болгарский:

а. *Федя отвел глаза. — Вишь как... Не спрашивает, понимает, о каком медведе идет речь.*

б. *Федя извърна очи. — Глейти... Не разпитва, разбира за каква мечка става дума.*

[Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966–1983) | Анатолий Рыбаков. Децата на Арбат (Здравка Петрова, 1988)].

В белорусском языке форма *бач*, как и в русском, грамматикализована, и определяется как производная от *бачыць* ‘видеть’ [32], совпадая при этом с формой повелительного наклонения; в болгарском языке обнаружены два соответствия: *виж* и синонимичное *глей* (‘гляди’), также являющиеся императивными формами.

Таким образом, для контекстов функционирования частицы *вишь* как акцентного маркера возможно предположить, что диахронным источником является императивная форма глагола *видеть*, а возможность контекстуальной замены на презенс 2 л. ед. ч. *видишь* обусловлена сближением формы *вишь* с естественными для разговорной речи фонетически измененными формами (это явление описано в [33, с. 45]), что ставит вопрос о двойной мотивации в отношении использования этой частицы на разных исторических этапах.

В ряде случаев (в сочетании с вопросительными словами *куда*, *каков*, *как*, *сколько*) *вишь* выполняет роль главной клаузы в предложениях, а следовательно, функционирует одновременно как глагол (управляя придаточной частью) и как частица (выступая как триггер презумпции предложения):

(8) — *Вишь, вишь, куда метит, вишь, каков? у! у! а!* [И.С. Тургенев. Контора (1847)].

(9) — *А ты почаще приходи сюда. Бабушка-то Паруша, вишь, как тебя привлекает* [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)].

(10) *Вот я тебе, вишь, сколько хлеба-то оставляю; вишь, не жалею! — присовокупил он, высыпая из мешка почти все свои корки* [Д.В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)].

Контексты, в которых *вишь* равняется по значению вводному сочетанию *видите ли* (как в примере (4)), в значительно меньшей степени проявляют императивное глагольное значение:

(11) *Царю не зазорно, а тебе, вишь, зазорно!* [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)].

(12) *А меня, вишь, давным-давно в покойники записали они: где, дескать, жить ему, давно убит, чай, где-нибудь, — за помин души отслужили, да и дело в шапке* [В.И. Даль. Бедовик (1839)].

(13) — *«Да, голубушка, я лакей.» — Какой-то, вишь, ендараль прїѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за ендаралы такіе* [Д.Н. Бегичев. Семейство Холмских. Части 5 и 6 (1832–1841)].

Вишь здесь используется как маркер негативной или иронической оценки при противопоставлении (см. пример (11)) и упоминании третьих лиц (см. примеры (12), (13)). *Вишь* функционирует как частица ввиду десемантизации глагольности и сохранения модальности и интерактивности восприятия важных для говорящего ситуаций, однако сохраняет первичное императивное значение производящей основы.

В электронной пополняемой версии словаря «Прагматические маркеры русской повседневной речи» [34] по отношению к синонимичному *видите ли* функции сформулированы похожим образом: «Отдельного внимания заслуживают также формы *видишь/те ли* <...>: говорящий считает то, что он говорит, важным и таким образом обращает на это внимание собеседника. Интересно, что в таких употреблении *видишь/те ли* является довольно нейтральным, в функции же маркера-ксеропоказателя, которую также можно усмотреть в подобных контекстах, эта форма приобретает экспрессивно-оценочную коннотацию».

Фонетически сближается с *вишь* частица *ишь*. Лексикографические данные о ней в исторических словарях отсутствуют, а современные словари фиксируют значения, близкие к значениям частицы *вишь*, прямо к ней отсылая (см., например, [15, с. 400]); при этом *ишь* может употребляться в тех же синтаксических структурах, что и *вишь*:

(14) *«Ишь куда ползет!» Здесь он опять хлынул его кнутом, примолвив: «У, варвар!»* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

(15) *Ишь, какие резвые молодцы! Ишь, как приловчились! Да как они смели, молокососы!* [А.И. Красницкий. Трон и любовь (1910)].

(16) — *Позвольте узнать, что это за потемкинские деревни? — Его не Потемкин фамилия, а Тимохин, — хмуро ответил немолодой рабочий. — А что? Ему тоже приказали. Он себе не хозяин. Ишь чудят. По всей Москве нынче такую карусель строят.* [И. Грекова. Первый налет (1960)].

Ишь чаще, чем *вишь*, употребляется в современных текстах, что иллюстрируется сравнительным графиком частотности употреблений этих двух частиц (по Панхроническому корпусу), см. Рис. 1.

В работе И.Б. Левонтиной [35] для частицы *ишь* выделяются значения: ‘о людях, их деятельности и результатах’, ‘избыток чего-л.’, ‘немедленная реакция на что-л. неожиданное’. Как показывают

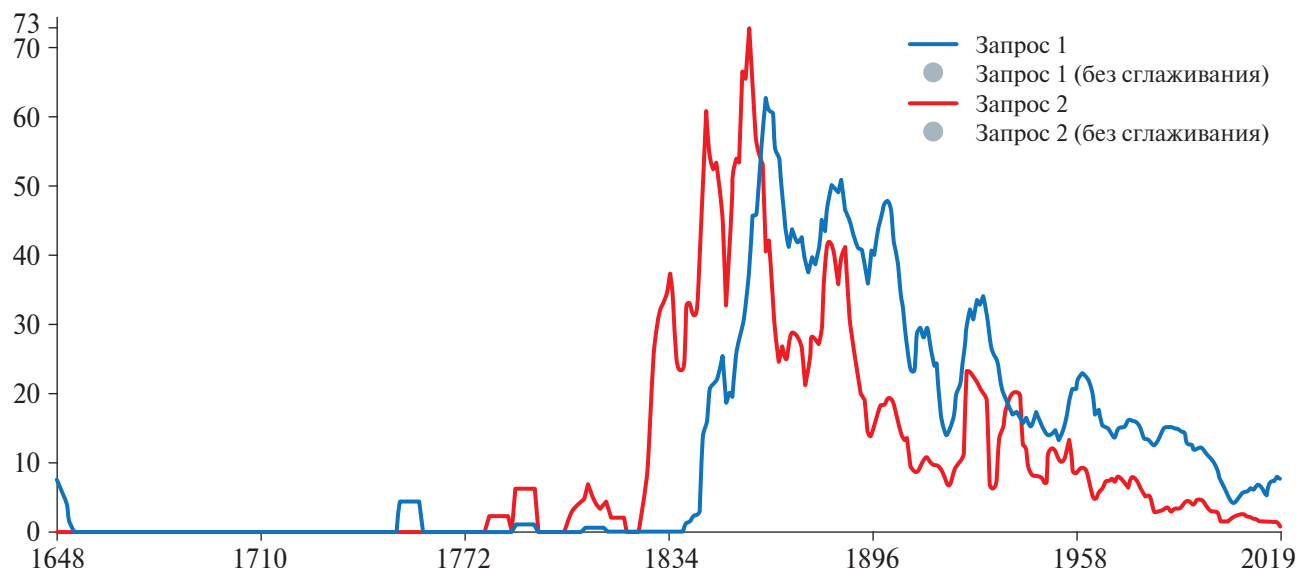

Рис. 1. График частоты употребления *ишь* (запрос 1) и *вишь* (запрос 2) по НКРЯ

примеры, *ишь* в ряде контекстов не демонстрирует взаимозаменяемость с *вишь* и имеет несколько иное семантическое наполнение:

(17) — Дядя он мне. — Дядя? — человек с усами удивленно скосил глаза. — Ну, ну... *Ишь* какой у тебя дядя-то. — А что? — *Шибко* монету гонит. Коммерсант с рынка [С.С. Заяицкий. Шестьдесят братьев (1927)].

(18) Матвей услышал, как она ласково говорила Матришке: — *Вишь*, какой у тебя тятяшка хороший. Пошел вот в лес и птиц набил [Г.М. Марков. Строговы. Кн. 2 (1936–1948)].

Конструкции примеров (17) и (18) при детальном рассмотрении обнаруживают значительные отличия: у этих высказываний разный просодический контур — в случае с *вишь* естественна нисходящая интонация, а для *ишь* — восходящая; кроме того, *ишь* используется для описания человека, причем описания неоднозначного, с оттенком неодобрения, в то время как *вишь* является именно индикатором акцентирования внимания.

Ввиду вышесказанного возможно предположить, что процесс перехода глагольной формы в частицу *вишь* протекал в двух вариантах — с утратой глагольного значения (которое проявляется в контекстах описания, прежде всего негативного, признака ситуации или объекта речи) и с его сохранением (при явном желании говорящего обратить внимание собеседника на что-либо, а также при усилении интенсивности последующей информации в препозиции перед вопросительными словами). При этом в результате фонетического развития сформировалась частица *ишь*, в современном языке являющаяся более частотной по сравнению с *вишь*.

3. Глядеть и глядь, глянь, гля, ля

Глядеть в современных толковых словарях определяется набором следующих значений: ‘направлять взор на кого-л.’, ‘иметь какую-л. точку зрения на что-л.’, ‘наблюдать, заботиться о ком-, чем-л.’, ‘внимательно смотреть на кого-, что-л.’, ‘быть направленным в какую-л. сторону’, ‘виднеться’, ‘напоминать кого-л.’ [22, с. 528].

Словообразовательный словарь А.Н. Тихонова [16, с. 124] дает 49 производных от этого глагола слов, без учета частиц. Между тем, на современном этапе развития языка именно этот глагол является одной из наиболее продуктивных для партикуляции основ — от него образуются частицы *глянь*, *гля* (и амплификат *гля-гля*), *ля* и *глядь*.

Глянь в современном русском языке занимает промежуточное положение между глаголом и собственно частицей. Этому способствует сохранение в глагольной парадигме современного русского языка омонимичной формы повелительного наклонения (в отличие от *вижь*, послужившей основой для *вишь* и являющейся древнерусской формой, не употребляющейся на современном этапе в первичном глагольном значении):

(19) — *Глянь*, — говорит, — на это дерево! Я *поглядел*, — дерево как дерево, — ничего особенного нет. Говорю ему: — Я *ничего не вижу* [Н.С. Лесков. Темняк (1880–1890)].

При этом в части контекстов трудно однозначно дифференцировать глагольное императивное и партикулярное употребление:

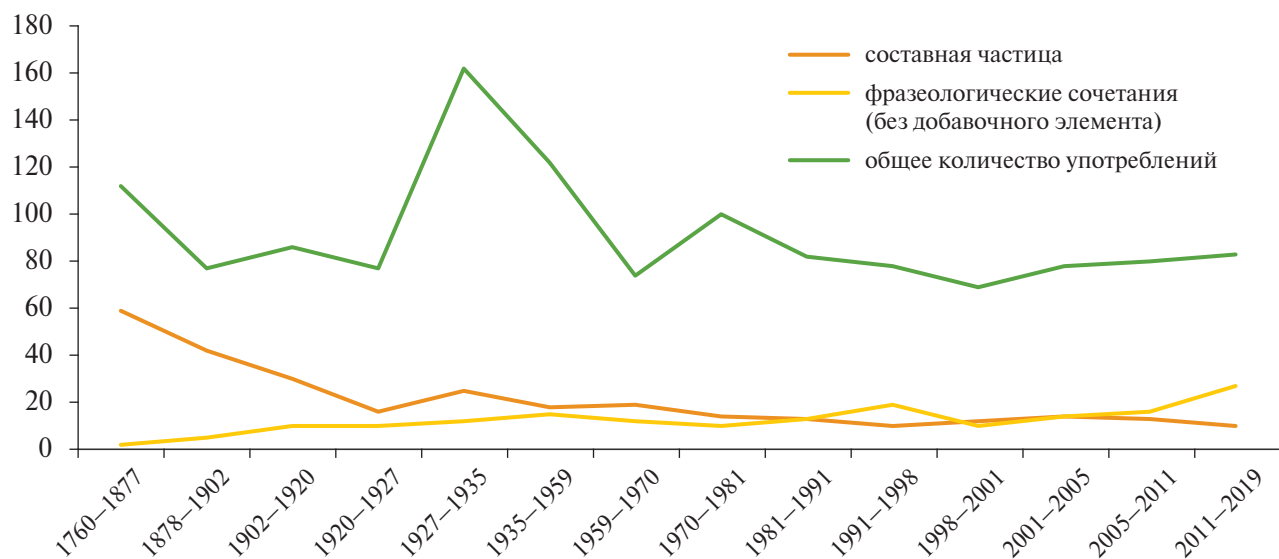

Рис. 2. График частоты употребления формы *глянь* в сочетании с *-ко* (*-ка*, *-кось*, *-кась*) в сравнении с общим количеством употреблений

(20) *На забор прыгала, здоровущая, а забор-то у нас большой-большаинский... Глянь какой!* [С.Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906–1907)].

В примере (20) указание на невербальный жест подчеркивает прямое значение зрительного восприятия, а следовательно, и глагольную семантику лексемы *глянь*, однако эмоциональность контекста, выраженная повторяющейся описательной конструкцией и усилительным словом *какой*, сближает рассматриваемую лексику с частицами — говорящий обращает внимание собеседника на что-либо, желая разделить с ним положительную оценку.

То же справедливо и для контекстов с повтором формы в сочетании с частицей *-ко* (встречаются также формы с *-ка*, *-кось*, *-кась*):

(21) *Худошава лошадь директора гимназии, скромно питаемая пансионским овсом, вдруг почему-то вздумала молодецество пороть землю ногою и тем ужасно расстелила длинновязого дуралея, ассессорского кучера. — Глянь-ко, глянь, как лапы выкидывает!.. Штукарка же она, паря, у тебя! — сказал он директорскому кучеру* [А.Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)].

(22) — *Глянь-ка, малый, да ты левое ухо отморозил* [Вл.А. Гиляровский. Мои скитания (1927)].

Для рассматриваемой единицы сочетание с *-ко* и другими вариантами этой частицы является характерным: из 1236 вхождений в Панхроническом корпусе 295 — составные, причем количество употреблений снижается с середины XX в. (периоды обозначены в соответствии с 50 текстами выдачи поискового запроса, см. рис. 2).

График показывает, что количество употреблений с *-ко* (*-ка*, *-кось*, *-кась*) постепенно снижается, что может быть связано с семантической нагрузкой добавочного компонента. И.Б. Левонтина отмечает, что «если высказывание само по себе является побудительным, то введение *-ка*, за счет элемента смысла ‘говорящий хочет...’, усиливает побудительный смысл [36, с. 136].

В противоположность этому процессу увеличивается количество фразеологизированных употреблений *наречие + ни глянь* (*куда ни глянь*, *как ни глянь*), в которых нивелируется побудительность. Кроме того, *глянь* в этих сочетаниях является полностью грамматикализованной, неизменяемой формой (контексты вроде **куда ни глянь-ка* вряд ли возможны).

Интересно, что в оценочных описательных контекстах *глянь* употребляется в тех же конструкциях, что и *вишь* (в препозиции перед существительным с определением или без него), но, в отличие от *вишь*, маркирует позитивную оценку высказываний:

(23) *Откуда берется у нее все это? И светскость, и остроумие, и кокетство! Вот оно, что значит кровь! Думаешь, нигилистка, нигилистка, а тут, глянь, — светская барышня!* [С.В. Ковалевская. Нигилистка (1884)].

Встречаются также контексты с обеими лексемами:

(24) *А он-то кормилец наш... Глянь на него: вишь тихий какой? Нешто кулаки такие?* [Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989–1993)].

(25) — *Что ты на нас, касатик? разве мы? — бойко возразили две бабы, торопливо сбрасывая платки,*

— *вишь* вон энта-то... *глянь-кась*, *вишь* что навертела! [Д.В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)].

Пример (24) отличается от ранее представленных наличием дополнения *на него*, что может указывать на функционирование формы *глянь* в этом контексте в качестве глагола; однако как было описано выше по отношению к *вишь*, дискурсивно продуктивные формы, находящиеся на промежуточном этапе партикуляции, могут брать на себя роль управления; особенностью формы *глянь* является возможность управления предложно-падежными формами. Если в примере (24) нельзя отрицать явную глагольность *глянь*, то в следующих примерах она значительно десемантизирована:

(26) *Да ничего. Надо поосторожнее теперь. Ты иди глянь на этого бухгалтера! Глянь! Нож воткнёт и не задумается! Бухгалтер!* [Василий Шукшин. Калина красная, к/ф (1973)].

(27) — *Тож не подходит, — не сдержался Векшин, — камердинер тот же лакей, ему ливрея положена, а ты глянь на себя, ровно пугало в баретках на босу ногу* [Л.М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927, 1959)].

(28) — *Нет, ты только глянь на эту неряху* [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].

(29) *Гляньте на него — историю изучал! — дразнил и неистовствовал Нестор* [Юрий Казаков. Нестор и Кир (1961)].

Иллюстративный материал показывает, что *глянь* может употребляться с обозначением собеседника (27), третьего лица, в том числе и в пренебрежительной речи (28), с усилителем побудительности в виде глагола движения *иди* (26) и в форме множественного числа для обозначения некоторого множества лиц, чье внимание привлекается к какому-либо объекту (29), причем подобная ограниченная изменяемость свидетельствует о незавершившейся партикуляции лексемы *глянь*. В примерах (26)–(29) конструкция с *глянь(-те)* функционирует как обозначение резко негативной оценки ‘обрати(-те) внимание на то, какими очевидно отрицательными качествами обладает объект речи’.

Переводные эквиваленты *глянь* в белорусском и болгарском языках передаются формами повелительного наклонения и будущего времени:

(30) белорусский:

а. — *Глядзі, каго мы прывезлі, — прагучала над самым вухам, і Якаў з вялікай напругаю адкрыў вочы.*

б. — *Глянь, каго мы прывезлі, — прозвучало над самым ухом, і Яков с огромным усилием открыл глаза.*

[Леанід Дайнека. Меч князя Вячкі (1987) | Леонид Дайнеко. Меч князя Вячки (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)].

(31) болгарский:

а. *Днес си стъпил тук на твърдо, а като идеш утре и погледнеш — на същото място гьол!*

б. *Сегодня ты здесь посуху ступал, а наутро глянь — трясина!*

[Андрей Гуляшки. История с кучета (1984) | Андрей Гуляшки. История с собаками (С. Драгомирецкий, 1984)].

(32) болгарский:

а. *А вон и дедя с Федькой, глянь!*

б. *А это го и дядо с Федка, гледай!*

[Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)].

Таким образом, лексема *глянь* в современном русском языке находится в промежуточном положении между глаголом и частицей, в дискурсивном употреблении функционирует для привлечения внимания лица или группы лиц, к которым обращена речь, с целью побуждения к той же оценке объекта или ситуации, которую предлагает говорящий.

Другое образование от глагольной основы *глядеть* — лексема *глядь*, зафиксированная в части словарей ([15]; [21] и [26]) как междометие, а в словарях С.И. Ожегова [37] и Т.Ф. Ефремовой [38] — как частица; к ней в «Большом толковом словаре русского языка» [21] приравнена частица *гляди*, являющаяся, по всей видимости, более ранней формой в словообразовательном плане.

Проблема различения частиц и междометий актуальна в современном лингвистическом дискурсе: «Эмоционально-экспрессивные частицы, выражающие различные эмоциональные характеристики: угрозу, удивление, недовольство, досаду, иронию, насмешку (“вишь”, “ж”, “ишь”, “просто”, “прямо”) некоторые исследователи относят к междометиям как слова, обслуживающие сферу эмоций <...> В.В. Виноградов отнес к классу междометий неизменяемые слова, произведенные от однократных глаголов и выражающих краткое и внезапное действие (напр., “глядь”, “шась”, “прыг”, “толк”); такие слова иногда называют глагольными междометиями или междометными глаголами» [39, с. 839, 337].

В [40, с. 18] содержится словарная статья о составной частице *ан глядь* со значением ‘служит для выражения резкого, иногда неожиданного противопоставления содержания одной части высказывания содержанию другой’. Сформулированное значение позволяет рассматривать эту единицу (как представляется, и в простой форме *глядь*) в рамках категории митаривности. В работе В.С. Храковского [41, с. 619] приводится определение митаривности (или адмиративности) как категории, которая «характеризует информацию, получаемую говорящим (из какого-либо источника или с помощью анализа некоторых наблюдаемых фактов, или с помощью собственного умозаключения, или путем непосредственного наблюдения),

как соответствующую его картине мира или как несоответствующую»; в работе В.А. Плунгяна [42, с. 374–375] содержится указание на то, что мимативное значение является модальным, так как связано с особым видом суждения.

Именно модальная составляющая рассматриваемой единицы, на наш взгляд, является главным аргументом для отнесения ее к частицам, так как прагматическая эпистемическая надстройка в значении лексемы *глядь* в большей степени указывает на состояние говорящего и его восприятие некой ситуации, чем на выражение эмоции удивления в чистом виде.

Наиболее типичными являются контексты употребления *глядь* в структуре «ситуация 1, *глядь* — неожиданная ситуация 2»:

(33) *Я сбирался уж выбить окно... глядь! слава богу, проснулись.* [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

(34) *Как заглянул он в одну комнату — нет; в другую — нет; в третью — еще нет; в четвертой даже нет; да в пятой уже, глядь — сидит сама, в золотой короне, всерой новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест.* [Н.В. Гоголь. Пропавшая грамота (1831–1832)].

Встречаются контексты (преимущественно диалектные), в которых форма *глядь* употреблена в значении рассмотренных ранее *глянь* и *вишь*:

(35) *Глядь-ка сюда, боярин, видишь — чернеется вдали?* [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(36) *Прожила во восемьдесят лет пролепотала глядь сколько.* [Рассказ Родиной о потере слуха (Калужская область, 1988)].

(37) *Медведя и то/говорю/выламывают/я в Москве видела/глядь/как выламывают!* [О жизни (Деулино, Рязанский район, Рязанская область, 1961)].

Так как лексема *глядь* имеет значение неожиданности, она может сочетаться с «блуждающей» частицей *-то*, привносящей в контекст значение невыгодной для объекта речи ситуации, которую, ввиду определенных факторов, возможно было бы предусмотреть, но которая стала очевидной в неудобный момент:

(38) *Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок, к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабы, женины, — мадам Барабанчикова, и удостоверение — беременная!* [М.А. Булгаков. Бег (1937)].

(39) *Эта весть о взыскании подушных сильно озаботила его. Первому указу он не придал значения. Ан глядь, срок-то и подошел. Еще бы!* [Ф.Е. Зарин-Несвицкий. Тайна поповского сына (1913)].

Показателем большей грамматикализованности, по сравнению с *глянь*, является также неизменяемость формы числа при согласовании с актантом во множественном числе:

(40) *Мы глядь туда, сюда! где Федька Хомяк?* [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(41) *А на следующий день ведьма вышла из своей избы, мы глядь — а у нее рука замотана тряпкой.* [Владимир Дудинцев. Белые одежды / Первая часть (1987)].

В других славянских языках *глядь*, в отличие от рассмотренных ранее лексем, передается широким арсеналом синонимичных разнокоренных форм глаголов зрительного восприятия:

(42) белорусский:

а. *А ты і праўда з баярскага роду. Бач, якая апрадка багатая на табе.*

б. *А ты і правда боярского рода. Глядь, какая богатая одежка на тебе.*

[Леанід Дайнека. След ваўкалака (1988) | Леонид Дайнеко. Тропой чародея (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)].

(43) белорусский:

а. *Тады я зірк — божа мой, трэба было і мне з мамай ісці!*
б. *Тогда я глядь — боже мой, надо было и мне с мамой ити!*

[Алесь Адамовіч, Янка Брыль, Уладзімір Калеснік. Я з вогненнай вёскі... (1975) | Алесь Адамовіч, Янка Брыль, Владимир Колесник. Я из огненной деревни... (Д. Ковалев, 1977)].

(44) болгарский:

а. *Чуть отвлечешься, глядь — стула нет.*

б. *Малко да се разсееш и току виж — столът го няма.*

[А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Парень из преисподней (1974) | Аркадий Стругацки, Борис Стругацки. Човекът от преизподнята (Маргарита Златарова, 1997)].

(45) болгарский:

а. *А сегодня стал проверять кассу, глядь, а вместо денег — резаная бумага.*

б. *А днес, като седнах да проверя касата, гледам — вместо пари нарязани хартийки.*

[Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940) | Михаил Булгаков. Майстора и Маргарита (Лиляна Минкова, 1989)].

Перечисленные иноязычные примеры являются иллюстрацией универсальности семантики глаголов зрительного восприятия и их взаимозаменяемости в контекстах, интенционально обусловленных привлечением чьего-либо внимания.

В русском языке производные от таких глаголов формы объединены общим акцентным значением, но выбор конкретной языковой единицы обусловлен методами, которыми это внимание будет достигнуто: усиление через дополнительную информацию (для *вишь*), общность эмоциональной сферы (для *глянь*), неожиданное противопоставление (для *глядь*).

Частица *гляди*, помимо характерного и для *глядь* значения неожиданного эффекта, употребляется в значениях ‘весьма вероятно’, ‘как оказывается’, а междометие — как возглас для выражения предостережения [43]. Примечательно, что для *гляди* наиболее характерно именно значение предугадывания, обращения к предполагаемому будущему — то есть, в отличие от других частиц этой группы, акцентирование внимания второго участника коммуникации не на окружающем мире, а на абстрактной временной шкале. Эта лексема используется в контекстах ожидаемого ненаступившего результата, в противоположность значению внезапности, неожиданности в *глядь*:

(46) *Вот я посмотрю недельку время, да к штурвалу его поставлю... А там, гляди, лоцманом будет...* [Максим Горький. Фома Гордеев (1899)].

(47) *Отчетливее стали видны льдины на море, между ними сновали, гоняясь за моржами, вельботы. — Пошли, ребята, — поднимаясь, сказал Рычип. — А то, гляди, и поесть нам ничего не оставят.* [Юрий Рытхэу. Время таяния снегов (1967)].

(48) *Гляди, дадут вам конец. Расшеперились, а сами на смерть лезете.* [Л.Н. Сейфуллина. Виринея (1924)].

Результат транспозиции императивной формы в данном случае отличается от других рассматриваемых в этой статье частиц, так как в ряде контекстов (как в (46)–(48)) практически утрачивается значение побудительности.

Частицы, образованные от глаголов зрительного восприятия, получают дальнейшее развитие в фонетическом упрощении. Так, для частицы *глянь* характерно также употребление в редуцированной форме *гля*:

(46) *Солнце, гля-кошь, куда влезло, почти в обеды.* [М.А. Шолохов. Путь-дороженька (1925)].

(47) *До собрания всегда за час околачиваются рязанские писатели, дома-то делать нечего, — а тут, гля, пустая комната.* [А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967–1974)].

Характерная для разговорной устной речи краткость обусловила развитие амплифицированной формы:

(48) — *Гля, гля, пошел!.. Серый, как выточенный из самородного камня, стоял зверь, палкой вытянув хвост.* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)].

В НКРЯ содержится только один пример (48) подобного употребления, но в современной художественной прозе, заметках в СМИ и социальных сетях эта частица активно используется:

(49) *Она услышала за спиной: «Гля-гля, за углом — с пустой головой идет.»* [44].

(50) *Но вот начинал светиться экран, и все замирали, словно впервые увидев чудо. Лишь изредка пронесется шепот: «Гля, гля, Москва!.. Надо ж — тысяча верст и как будто вот она...»* [45].

(51) *Это невероятное чувство, когда ты видишь хорошо. Я ещё месяц всех донимал фразами — гля, гля вон номер на машине вижу* [46].

Во всех приведенных примерах форма с повтором усиливает намерение говорящего привлечь внимание собеседника в сопровождении с эмоциональной оценкой, следовательно, повторяет значение частицы *глянь*, и в примерах (48) и (50) может быть заменена амплификатом ее полной формы (например, *глянь, глянь, Москва!* или *глянь-ка, глянь, Москва!*). При этом в других примерах такая замена не представляется возможной без искажения смысла: в (49) основной функцией частицы является не акцентирование чьего-либо внимания, а передача пренебрежительной оценки самим говорящим; факт зрительного восприятия здесь находится на периферии, так как устанавливается через сравнение внешнего вида объекта речи (отсутствие головного убора) с общепринятыми, по мнению говорящего, нормами. В контексте (51) частица по значению сближается с *глядь*, так как передает усиленное удивление, но без называния ситуации, предшествующей неожиданному результату.

В социальных сетях и сленговой речи в последние 3–4 года возникла вторично редуцированная частица *ля*, являющаяся сокращением от *глянь* (через *гля*) и ставшая широко употребительной в составе интернет-мема «Ля ты крыса», который обозначает хитрого человека, ищущего личную выгоду путем обмана. Специфика интернет-коммуникации и функционирования «новой фразеологии» обуславливает минимальное контекстуальное окружение: общедоступные тексты, как правило, состоят из комментариев, которые являются реакцией на исходный текст, а потому зачастую ограничиваются устойчивой конструкцией, которая, как предполагается, является известной для всего круга адресатов:

(52) *ля ты крыса* [Rozetked Discuss. Telegram (11.01.2021)].

Скорость трансформации фразеологизмов в интернет-коммуникации обусловила следующие ветви преобразования первичной конструкции (далее в виде цитаты приводятся примеры из подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ, орфография сохранена; остальные предложения существуют как текстовая составляющая графического материала):

ля + местоимение-существительное + зооним (*ля ты кот, ля ты лиса*);

15. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. А–Й. 702 с.
16. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. 3-е изд. М., 1996. 576 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. В – ВОЛОГА / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 319 с.
18. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3 (Вѣк – Воздуть) / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1987. 296 с.
19. Большой академический словарь русского языка. Т. 2. Благо – Внять / Гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2005. 658 с.
20. Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка. Том I. А–О / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: АСТ-ПРЕСС, 2022. 1472 с.
21. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
22. Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А – ВИЛЯТЬ / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 672 с.
23. Академический толковый словарь русского языка. Том 2: ВИНА – ГЯУР / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 680 с.
24. Сичинава Д.В. Части речи // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III: Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 9–39.
25. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. М., 1980. 717 с.
26. Толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Кюрины / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
27. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершы – внятыяII) / А.Е. Аникин. М.: Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2013. 352 с.
28. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.05.2024).
29. Добрушина Р.Н. Повелительное наклонение // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 498–500.
30. Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. М.: Едиториал УРСС, 2001. 271 с.
31. Крысько В.Б. Повелительное наклонение // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 296–300.
32. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. Факсімільнае выданьне: Менск: Народная асвета, 1993. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]: <https://slounik.org/search?dict=&search=%D0%B1%D0%B0%D1%87&un=1> (дата обращения: 07.05.2024).
33. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 283 с.
34. Богданова-Бегларян Н.В. (сост.) Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Н.В. Богданова-Бегларян (сост.). СПб.: Нестор-История, 2021. 517с.
35. Левонтина И.Б. Ишь // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / Ю.Д. Апресян (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–318.
36. Левонтина И.Б. Словарная статья частицы -КА // Семиотика и информатика. 1991. № 32. С. 136–140.
37. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.:Азъ, 1992. 960 с.
38. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. А–Л. М.: АСТ, 2000. 1168 с.
39. Шведова Н.Ю. Междометия / Н.Ю. Шведова, доп. Р.Н. Добрушиной // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 337–338.
40. Пахомов В.М. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник / В.М. Пахомов, В.В. Свинцов, И.В. Филатова. М.: Эксмо, 2012. 576 с.
41. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность / В.С. Храковский // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сборник статей памяти Н.А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. 634 с.
42. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2009. 383 с.
43. Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 2006.
44. Марийская правда. [Электронный ресурс]: <https://www.marpravda.ru/news/society/vse-delo-v-shlyape/> (дата обращения: 03.05.2024).
45. Можяев А.Н. Мокеич. [Электронный ресурс]: <http://pro-don.dspl.ru/quoteinfo/hutor-durnovka-v-vospominaniyah-o-detstve> (дата обращения: 03.05.2024).
46. Pikabu.ru. [Электронный ресурс]: https://pikabu.ru/story/miopiya_blizorukost_9204307 (дата обращения: 03.05.2024).

REFERENCES

1. *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya.*

- [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, 1982. 783 p. (In Russ.)
2. Nikolaeva, T.M. *Neparadigmatische lingvisti-ka (Istoriya "bluzhdayushchikh chastic")* [Nonparadigmatic Linguistics (The History of "Wandering Particles")]. Moscow: Languages of Slavic cultures Publ., 2008. 376 p. (In Russ.)
3. Zaliznyak, A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Ancient Russian Enclitics]. Moscow: LRC Publishing House, 2008. 280 p. (In Russ.)
4. Starodumova, E. A. *Russkiechasticy* [Russian Particles]. Vladivostok, 1997. 68 p. (In Russ.)
5. Levontina, I.B. *Chasticy rechi* [Particles of Speech]. Moscow, 2022. 431 p. (In Russ.)
6. Pekelis, O.E. *Ob odnom sluchae pragmatikalizacii v russkom yazyke: mikrodiahronicheskoe issledovanie chasticy zhe v sostave voprosa* [A case of Pragmatization in Russian: Microdiachronic Analysis of the Particle *že* in Questions]. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2020, No. 9(1), pp. 340–361. (In Russ.)
7. Glagoleva, A.S. *Bish: bayat' ili byt'? O proiskhozhdenii odnoj chasticy* [Bish': Bayat' or Byt'? About the Origin of One Particle]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2024, No. 1, pp. 60–69. (In Russ.)
8. Anikin, A.E. *Russkij etimologicheskij slovar. Vyp. 3 (be – boldyhat')*. [Russian Etymological Dictionary. Vol. 3 (Be – Boldyhat')]. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia Publ., 2009. 344 p. (In Russ.)
9. Fasmer, M. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. T. 1 (A–D)*. [Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1 (A–D)]. Moscow: Progress Publ., 1986. 574 p. (In Russ.)
10. Kopečný, F. *Etymologický slovník slovanských jazyků – Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmennáadverbia* [Etymological Dictionary of Slavic Languages-Grammatical Words and Pronouns. Vol. 2, Conjunctions, Particles, Pronouns and Adverbs]. 1980. 783 p. (In Czech)
11. Shanskiy, N.M. *Kratkij etimologicheskij slovar russkogo yazyka. Posobie dlya uchitelya* [A Short Etymological Dictionary of the Russian Language. Teacher's Manual]. S.G. Barkhudarov (Ed.), Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p. (In Russ.)
12. Maysak, T.A. *Tipologiya grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizheniya i glagolami pozicii* [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Movement and Verbs of Position]. Moscow: LRC Publishing House, 2005. 471 p. (In Russ.)
13. Karpusheva, G.A. *O diapazone glagolov zritel'nogo vospriyatiya v lingvisticheskoy literature* [On the Range of Visual Perception Verbs in Linguistic Literature]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and Language in the Communicative Space]. 2019, No. 10, pp. 34–39. (In Russ.)
14. Glovinskaya, M.Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenij russkogo glagola* [Semantic Types of Specific Oppositions of the Russian Verb]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 155 p. (In Russ.)
15. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. Evgenieva, A.P. (Ed.). Vol. I. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 702 p. (In Russ.)
16. Tikhonov, A.N. *Shkolnyj slovoobrazovatelnyj slovar russkogo yazyka*. [The School's Word-Formation Dictionary of the Russian Language.]. 3rd ed. Moscow, 1996. 576 p. (In Russ.)
17. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2. V – VOLOGA* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 2. VOLOGDA]. S.G. Barkhudarov (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1975. 319 p. (In Russ.)
18. *Slovar russkogoyazyka XVIII v. Vyp. 3 (Vek – Vozduvat')* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. Iss. 3 (Vek – Vozduvat')]. Yu. S. Sorokin (Ed.). Leningrad: Nauka Publ., 1987. 296 p. (In Russ.)
19. *Bolshoj akademicheskij slovar russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. S.A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 1534 p. (In Russ.)
20. Morkovkin, V.V. *Bolshoj universalnyj slovar russkogo yazyka. Tom I. A–O* [A Large Universal Dictionary of the Russian Language. Vol. I. A–O]. Moscow: AST-PRESS Publ., 2022. 1472 p. (In Russ.)
21. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 1534 p. (In Russ.)
22. *Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo yazyka. Tom 1: A – VILYAT'* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A – VILYAT']. L.P. Krysin (Ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2016. 672 p. (In Russ.)
23. *Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo yazyka. Tom 2: VINA – GYAUUR* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 2: VINA – GYAUUR]. L.P. Krysin (Ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2016. 680 p. (In Russ.)
24. Sichinava, D.V. *Chasti rechi* [Parts of Speech]. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Vypusk III :Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Materials for the Corpus Grammar of the Russian Language. Issue III: Parts of Speech and Lexico-Grammatical Classes]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 9–39. (In Russ.)
25. *Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2: Syntax]. Moscow, 1980. 717 p. (In Russ.)
26. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka. T. 1: A – Kyuriny* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A – Kyuriny]. D.N. Ushakov (Ed.). Moscow, 1935. (In Russ.)

27. Anikin, A.E. *Russkij etimologicheskij slovar. Vyp. 7 (versh' I – vnyat'sya II)*. [Russian Etymological Dictionary. Vol. 7(versh' I – vnyat'sya II)]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 352 p. (In Russ.)
28. *Natsionalny korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of application: May 7, 2024) (In Russ.)
29. Dobrushina, R.N. *Povelitelnoe naklonenie* [Imperative]. *Russkij yazyk: enciklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. A.M. Moldovan (Ed.). 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 498–500. (In Russ.)
30. Khrakovskiy, V.S. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ* [Semantics and Typology of the Imperative. The Russian Imperative]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 271 p. (In Russ.)
31. Krysko, V.B. *Povelitelnoe naklonenie* [Imperative]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Enciklopedicheskij slovar* [Historical Grammar of the Russian Language: An Encyclopedic Dictionary]. Krysko, V.B. (Ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2020, pp. 296–300. (In Russ.)
32. *Belaruska-rasijski sloynik* [Belarusian-Russian Dictionary]. URL: <https://slounik.org/search?dict=&search=%D0%B1%D0%B0%D1%87&un=1> (date of application: May 7, 2024).
33. Zemskaya, E.A. *Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 283 p. (In Russ.)
34. Bogdanova-Beglaryan, N.V. *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar-monografiya* [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Monograph Dictionary]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 517 p. (In Russ.)
35. Levontina, I.B. *Ish' [Ish']*. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kultura* [The Innermost Meanings. Word. Text. Culture]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2004, pp. 305–318. (In Russ.)
36. Levontina, I.B. *Slovarnaya statya chasticy -KA* [Dictionary Entry of the Particle -KA]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science]. 1992, No. 32, pp. 136–140. (In Russ.)
37. Ozhegov, S.I. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language : 72500 Words and 7500 Phraseological Expressions]. Moscow: Az Publ., 1992. 960 p. (In Russ.)
38. Efremova, T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 3 t. T. 1. A–L*. [A Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 Vols. Vol. 1. A–L.]. Moscow: AST Publ., 2000. 1168 p. (In Russ.)
39. Shvedova, N.Yu. *Mezhdometiya* [Interjections]. *Russkij yazyk: enciklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. A.M. Moldovan (Ed.). 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 337–338. (In Russ.)
40. Pakhomov, V.M. *Trudnye sluchai russkoj punktuacii: Slovar-spravochnik* [Difficult Cases of Russian Punctuation: A Reference Dictionary]. Moscow: EKSMO Publ., 2012. 576 p. (In Russ.)
41. Khrakovskiy, V.S. *Evidencialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost* [Evidentiality, Epistemic Modality, (Ad)Mirative]. *Evidencialnost v yazykah Evropy i Azii: sbornik statej pamyati N.A. Kozincevoj* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N.A. Kozintseva]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 634 p. (In Russ.)
42. Plungian, V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World]. Moscow, 2009. 383 p. (In Russ.)
43. Efremova, T.F. *Bolshoj sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. T. 1* [A Large Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, 2006. (In Russ.)
44. Mariiskaya pravda. URL: <https://www.marpravda.ru/news/society/vse-delo-v-shlyape/> (date of application: May 3, 2024) (In Russ.)
45. Mozhaev, A.N. Mokeich. URL: <http://pro-don.dspl.ru/quoteinfo/hutor-durnovka-v-vospominaniyah-odetstve> (date of application: May 3, 2024) (In Russ.)
46. Pikabu.ru. URL: https://pikabu.ru/story/miopiya-blizorukost_9204307 (date of application: May 3, 2024) (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 8 августа 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 августа 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
 Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on August 8, 2024
 Revised on August 13, 2024
 Accepted on August 15, 2024
 Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050138

Идейный субстрат «Слова о полку Игореве» в интерпретациях китайских русистов

© 2024 г. Ли Цзивэй

Аспирант кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
zwli1563107653@outlook.com

Резюме. История рецепции «Слова о полку Игореве» в Китае насчитывает сто лет. Самой значимой проблемой в этом процессе стало обсуждение китайскими русистами идейного субстрата произведения. В данной статье основное внимание уделено возникшей в Китае в 1980-х годах полемике о ведущей теме поэмы. Обозначаются основные взгляды участников дискуссии, в том числе инициатора полемики Лю Вэньсяо, который отрицал наличие патриотической идеи в «Слове», и его оппонентов Вэй Хуанну, Бао Лянцзюня и Лу Цзяюя, уверенно поддерживавших мнение о патриотическом характере древнерусского шедевра. В качестве сопоставительного материала также рассматриваются размышления китайских исследователей о теме «Слова» и самих дебатах в XXI веке. Прослеживаются исторические условия, повлиявшие на специфику интереса китайских читателей к «Слову», анализируется личный опыт, способствовавший формированию взглядов Лю Вэньсяо.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», патриотическая идея, китайская русистика, рецептивная теория, Вэй Хуанну, Лю Вэньсяо, Бао Лянцзюнь.

Для цитирования: Ли Цзивэй. Идейный субстрат «Слова о полку Игореве» в интерпретациях китайских русистов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 150–156. DOI: 10.31857/S1605788024050138

How Did the Chinese Russianists Interpretate the Leading Theme in “The Tale of Igor’s Campaign”

© 2024 Li Ziwei

Postgraduate student of the Department of the History of Russian Literature,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
zwli1563107653@outlook.com

Abstract. The reception of “The Tale of Igor’s Campaign” in China can be traced back to a hundred years ago. The most significant issue in this process was the discussion about the leading theme in this epic, initiated by the Chinese Russianists. This article mainly focuses on an important controversy about the patriotic idea in the “The Tale of Igor’s Campaign” that arose in China in the 1980s. Firstly, the author overviews the main works and their basic views in this discussion, including the “initiator” of this debate, Liu Wenxiao, who denied the presence of patriotic ideas in this epic, and his opponents Wei Huangnu, Bao Liangjun and Lu Jiayu, who firmly support the patriotic character of it. In addition, the Chinese researchers’ cogitation on the main idea of this epic and the debates themselves in the 21st century are also presented as comparative material. Subsequently, this article attempts to examine the aesthetic subjectivity reflected in this process from the perspective of receptive theory. The historical conditions that influenced the specific interest of Chinese readers in the “The Tale of Igor’s Campaign” are considered, and thus the personal experience that contributed to the formation of Liu Wenxiao’s views is recognized.

Key words: “The Tale of Igor’s Campaign”, patriotism, Chinese Russian studies, receptive theory, Wei Huangnu, Liu Wenxiao, Bao Liangjun.

For citation: Li, Ziwei. *Idejnyj substrat “Slova o polku Igoreve” v interpretatsiakh kitaiskikh rusistov* [How Did the Chinese Russianists Interpretate the Leading Theme in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 150–156. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050138

Интерпретация идейного содержания «Слова о полку Игореве» занимает особое место в китайских исследованиях по древнерусской литературе. В частности, полемика об оценке авторской идеи «Слова», возникшая в первой половине 1980-х годов, является единственной в Китае опубликованной дискуссией по проблематике изучения древнерусского памятника. В ней участвовали исследователи, стоящие на совершенно противоположных позициях, и их полемика дает интересный материал для раскрытия специфики восприятия «Слова» в Китае.

* * *

Доминирующее в китайской науке мнение по поводу идейного содержания древнерусского памятника было впервые предложено в 1955 г. при переводе на китайский язык русскоязычного учебника «История русской литературы» под редакцией Н.Л. Бродского¹. В переводе четко передается характерное для оригинала представление о том, что «Слово» «пропизано патриотизмом»².

Затем в 1957 г. в послесловии к первому полному переводу «Слова» на китайский язык переводчик — преподаватель Пекинского университета Вэй Хуанну — более подробно и обосновано раскрыл патриотическую тему произведения [1, с. 52–66]. Суждение китайского литературоведа основывалось на ряде русскоязычных материалов по «Слову», в первую очередь — на трактовке «Слова» в учебном пособии «Литература» под редакцией Л.И. Тимофеева³ с учетом зна-

менитого «Золотого слова русской литературы» Д.С. Лихачева⁴.

Во всех исходных источниках отмечается патриотический характер памятника. Советские авторы считают, что художественные образы и поэтическое повествование в «Слове» служат выражению патриотической идеи произведения. Китайский литературовед-переводчик, следуя за их мыслью, также характеризует автора «Слова» как патриота и объясняет причину популярности древнерусской поэмы во всем мире его патриотической темой: «Горячее чувство любви к земле Русской, одухотворяющее каждое слово поэмы неизвестного нам поэта-патриота XII века, делает “Слово о полку Игореве” близким и дорогим не только народам СССР, но и всем людям, любящим родину и мирное сосуществование» [1, с. 66]⁵. Переводчик отмечает, что в художественных образах, особенно в образе Русской земли, «наиболее ярко выражена автором мысль о необходимости объединения родной земли, об устранении политической разобщенности ее земель» [1, с. 55]⁶.

Главные положения, отраженные в послесловии к китайскому переводу «Слова», в основном соответствуют господствующим взглядам в русской науке. Они довольно сильно повлияли на интерпретацию древнерусского текста в более поздних учебниках по истории зарубежной литературы, написанных на китайском языке. Так, в учебном пособии «История европейской литературы» (1964) читаем: «Патриотизм, отраженный в “Слове”, имел актуальное значение для той эпохи»⁷; в «Хрестоматии зарубежной литературы» (1979): «Эпопея

¹ См.: История русской литературы / Перев. Цян Лу, Сунь Вэя. Пекин, 1954. Часть I. С. 1216. (俄国文学史 / 蒋璐, 孙玮译. 北京, 1954. 上卷. 1216页.); ср.: Русская литература: учебник для VIII класса сред. школы / Н.И. Поспелов, П.В. Шаблюковский, А.А. Зерчанинов; под. общ. ред. Н.Л. Бродского. 10-е изд. М., 1950. С. 343.

² История русской литературы. 1954. С. 44; Русская литература. 1950. С. 31. В тех случаях, где цитаты идут на китайском и русском языках параллельно, мы выделяем их курсивом и приводим сначала китайские источники в качестве оригиналов цитат, а потом русские — для сопоставления.

³ См.: Литература: учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений / М.А. Беляев, К.Я. Гарницкая, Е.В. Квятковский, Н.В. Колокольцев; под ред. Л.И. Тимофеева. М., 1954. С. 10–20.

⁴ Работа Д.С. Лихачева «Золотое слово русской литературы» публиковалась много раз. Скорее всего, Вэй Хуанну опирался на издание «Слова» 1954 года (см.: Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954 (обл. 1955). С. 5–42.), так как сам перевод был осуществлен на основании текста на современном русском языке именно из этого издания.

⁵ См. также: Литература: учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений. 1954. С. 19–20.

⁶ См.: Там же. С. 14.

⁷ История европейской литературы / Под ред. Ян Чжоуханя, У Да, Чжао Ложуй. Пекин, 1964. Часть I. С. 96. (欧洲文学史 / 杨周翰, 吴达, 赵萝蕤著. 北京, 1964. 上卷. 96页.)

полна патриотизма»⁸; в «Пятидесяти пяти лекциях по зарубежной литературе» под редакцией специалистов из 19 китайских вузов (1980): «Данное произведение... прославляет патриотизм»⁹.

Следует обратить внимание на то, что слова К. Маркса («Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»¹⁰) цитируются в качестве аргумента как в русскоязычных источниках, так и в работах китайских исследователей.

Первая попытка оспорить мнение о патриотическом характере древнерусского шедевра относится к 1982 г., когда молодой преподаватель Юньнаньского педагогического университета Лю Вэньсяо опубликовал свою статью «К определению “патриотизма” в “Слове о полку Игореве”» [2]. По его мнению, призыв к объединению родной земли не всегда означает патриотизм, иногда он может служить предпосылкой для начала агрессии против других народов [2, с. 55–56]. Из истории событий, описанных в «Слове», известно, что Игорь и его войска вторглись в Половецкую степь после того, как пленный половецкий хан Кобяк был убит в Киеве на Святославовом дворе, что, по мысли исследователя, указывает на несправедливость описываемого «агрессивного» похода [2, с. 54]. Более того, после победы они занимались насилием и грабежом («Съ зарания въ пятькъ ... помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволоки, и драгыя оксамиты»), что также якобы подтверждает агрессивный характер похода [2, с. 55].

Обращая особое внимание на приведенную выше цитату Маркса, Лю Вэньсяо предполагает, что в ней лишь отмечается историческое совпадение: половцы, которых атаковало войско Игоря, как раз были одной из ветвей монголов, впоследствии вторгшихся на Русскую землю [2, с. 56–57]. Поэтому, как утверждает исследователь, заключение о присутствии в ней «антиагрессивной патриотической мысли» оказывается необоснованным. По его мнению, Маркс и Энгельс заинтересовались «Словом» как раз потому, что «в тот же период панслависты в качестве свидетельств начали собирать и изучать материалы на славянских языках в разных областях, особенно в сфере

языкознания и художественной литературы». Из этого следует, что они изучали «Слово» «из необходимости критиковать русскую царскую диктатуру и панславизм, а не для того, чтобы найти и утвердить в нем русский патриотизм», и говорили именно об «экспансионизме» и «непатриотическом характере» «Слова» [2, с. 57, 58–59].

Такая точка зрения, резко отличающаяся от общепринятых взглядов на древнерусский памятник, сразу же встретила жесткое сопротивление. Значительной фигурой в этом споре был Вэй Хуанну. Он не только еще более четко подчеркнул патриотическую тему произведения в первом же абзаце предисловия к второму изданию (1983) своего перевода «Слова»¹¹, но и призвал своих коллег совместно отстаивать позицию о патриотическом характере древнерусского шедевра.

В 1984 г. в ответ на статью Лю Вэньсяо преподаватель исторического факультета Пекинского университета Бао Лянцзюнь опубликовал работу «“Слово о полку Игореве” — патриотическое произведение» [3]. В заголовке уже была заявлена позиция автора. Отталкиваясь от общественно-исторических предпосылок конфликтов и войн между русскими и половцами, китайский историк указывает на то, что на протяжении двух столетий они не переставали нападать друг на друга, что доказывает двустороннюю ответственность в долговременных конфликтах. Он пишет: «...термин патриотизм имеет разные коннотации в разные эпохи. Мы не можем мерить древних по сегодняшним стандартам. В силу исторических условий неудивительно, что патриотизм в “Слове” является исторически ограниченным» [3, с. 36].

В 1985 г. русист из Пекинского университета Лу Цяюй перевел «Золотое слово русской литературы» Д.С. Лихачева на китайский язык¹². В переводе, как и в оригинале, многократно повторяются такие выражения, как «любовь к родине» и «патриотическая идея» произведения. По воспоминаниям Вэй Хуанну, перевод также был создан в целях опровержения тезисов Лю Вэньсяо, так как Лу Цяюй «осознал, что некоторые читатели в нашей стране <в Китае — Ц.Л.> все еще недостаточно глубоко уловили смысл «Слова»» [4, с. 19]. Переводчик стремился познакомить китайских читателей с «изложенными в статье <Д.С. Лихачева> передовыми идеями и мнениями», которые «отражают основные тенденции, принятые в слововедении советского периода» [Там же].

⁸ Хрестоматия по зарубежной литературе / Под ред. Чжоу Сюйляна и др. Шанхай, 1979. Т. I. Древняя литература. 316 с. (外国文学作品选 / 周煦良等著. 上海, 1979. 第一卷 古代文学部分. 316页.)

⁹ Пятьдесят пять лекций по зарубежной литературе. 贵州, 1980. Часть I. 130页. (外国文学五十五讲. 贵州, 1980. 上. 130页.)

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. Переписка 1954–1860. М.; Л., 1929. С. 122.

¹¹ Вэй Хуанну. Предисловие // Слово о полку Игореве. Пекин, 1983. С. 1. (魏荒弩. 前言 // 伊戈尔远征记. 北京, 1983. 1页.)

¹² Лихачев Д.С. Золотое слово русской литературы / Перев. Лу Цяюй // Зарубежная литература. 1984. № 2. С. 63–98. (利哈乔夫. 俄罗斯文学的金言 / 陆嘉玉译 // 外国文学. 1984. № 2. 63–98页.)

Статья «Слово о полку Игореве» в Китае», написанная Вэй Хуанну позже в этом же году [4], считается подведением итогов полемики. В статье он обобщил все затронутые китайскими исследователями проблемы. В отдельном разделе статьи автор подробно представлял аргументы Лю Вэньсяо и Бао Лянцзюня, упоминая перевод Лу Цяюя [4, с. 17–19]. Вэй Хуанну в конце раздела утверждал: «Следует признать, что работа товарища Бао Лянцзюня, оспаривающая мнение Лю Вэньсяо, выполненная с учетом неопровержимых исторических фактов и стремлением к поиску истины, убедительна» [4, с. 19]. В этом пассаже еще раз отражается его твердая позиция относительно патриотического характера «Слова».

Обращения к этой теме в новом столетии дают любопытный сопоставительный материал для интерпретации этих дебатов. К проблеме темы «Слова» в 1999 г. еще раз обратился преподаватель-русист Ван Жэньфа, откликнувшийся на гипотезу А.Л. Никитина¹³. Китайский русист предполагает, что квалификация А.Л. Никитиным Игоревых похода как свадебного предприятия является «наиболее блестящим выходом»¹⁴. Она хорошо объясняет ряд темных мест, связанных с мотивировкой похода Игоря [5, с. 24–25]¹⁵. Ван Жэньфа считает, что предположение Никитина «открывает перед нами новые возможности для изучения “Слова”» [5, с. 25], так как оно не только доказывает ложность суждений обеих рассмотренных выше сторон, но даже лишает смысла само обсуждение, возникающее при патриотическо-героической трактовке «полка Игоревых» [5, с. 26].

Работа Ван Жэньфа не отличается логической строгостью, так как она опирается лишь на одну научно-популярную статью и не учитывает точки зрения других исследователей¹⁶. Однако эти

недостатки не лишают значения его трактовку полемики о патриотической теме «Слова» в Китае. По его наблюдениям, то, какую идейную суть «Слова» видит конкретный исследователь, обуславливается точкой зрения, с которой он рассматривает проблему: некоторые истолковывают намерения, симпатии и антипатии автора произведения, другие рассматривают идеи, вытекающие из его содержания, а третьи изучают исторические события, описываемые в нем [Там же]. Именно поэтому Ван Жэньфа считает, что исследователь должен скептически рассматривать все мнения об идейном субстрате «Слова» [5, с. 22].

В 2002 г. молодой исследователь Чжу Хунвэнь в своей работе отметил, что ни патриотизм, ни агрессия не охватывают идеологического содержания «Слова» полностью, по сути, поэма содержит смесь патриотической и агрессивной идей¹⁷. Как и Ван Жэньфа, Чжу Хунвэнь также отталкивается от отрицания изначальных односторонних определений идеологической трактовки похода, описываемого в древнерусском памятнике.

* * *

В обсуждении китайской аудиторией патриотической темы древнерусского эпоса заметны некоторые общие черты, характерные для рецепции «Слова» в Китае. Их можно проанализировать в деталях с точки зрения рецептивной теории.

Основные тезисы рецептивной эстетики заключаются в том, что литературное произведение не существует отдельно от его читателя, а чтение представляет собой диалог или встречу читателя и литературного произведения. Несмотря на то, что данная теоретическая система «еще далека от завершения»¹⁸, она дает нам возможность разработать проблему восприятия «Слова» китайскими реципиентами в рамках процесса художественной коммуникации, концентрируя внимание не на литературном шедевре как таковом, а на «эстетической дистанции» не столько между автором произведения и читателями, сколько между разными категориями читателей.

в изучении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве»: сборник. Л.: Наука, 1986. С. 184–189.)

¹⁷ Чжу Хунвэнь. Дуэт патриотизма и экспансионизма — по поводу темы «Слова о полку Игореве» // Русская литература и искусство. 2002. № 5. С. 3–7. (朱洪文. 爱国主义与扩张主义的二重奏——关于《伊戈尔远征记》的主题 // 俄罗斯文艺. 2002. № 5. 3-7页.)

¹⁸ Дранов А.В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1999. С. 127.

¹³ Гипотеза была впервые предложена статье: Никитин А.Л. Поход Игоря: Поэзия и реальность // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 123–134. Но Ван Жэньфа узнал о ней из статьи И.Н. Данилевского в научно-популярном журнале «Знание — сила» (см.: Данилевский И.Н. В поисках «Слова» // Знание — сила. 1997. № 4. С. 76–83.).

¹⁴ Прилагательное «блестящий» употребляется И.Н. Данилевским, описывающим гипотезу А.Л. Никитина (Данилевский И.Н. В поисках «Слова». С. 80). Эпитет был процитирован и переведен в статье Ван Жэньфа как «令人瞩目的» [5, с. 24].

¹⁵ См. также: Данилевский И.Н. В поисках «Слова». С. 79–82.

¹⁶ Так, как признает И.Н. Данилевский, «идея Никитина дает явные сбои в попытке распространить ее на описание в “Слове” первой стычки с половцами» (Данилевский И.Н. В поисках «Слова». С. 81.). Более того, трактовка Никитиным «Слова» в целом вызвала немало сомнений. Например, Д.С. Лихачев довольно жестко критикует концепцию Никитина не только за «многословность» и «непроясненность», но также за его ложное представление о древнерусской литературе в целом («отрицание вообще древней литературы домонгольского периода»). Подробнее см.: Лихачев Д.С. Против дилетантизма

По словам В.Е. Хализева, эстетические эмоции неизменно включаются во «внеположные им сферы» и «соединяются с человеческим опытом совсем иного рода», в том числе, «физиологическими ощущениями», «самоутверждением человека в обществе», «межличностным общением» [6, с. 29]. Х.Л. Борхес писал, что «одна и та же книга меняется уже потому, что меняемся мы...»¹⁹. Эстетическое — понятие субъективной природы. Его субъективность определяется и обстановкой жизни индивида, и общими социально-историческими условиями. В исследуемом нами процессе она отражается как в макроскопическом (коллективном) плане, так и в микроскопическом (индивидуальном).

Выбор аспектов восприятия древнерусского памятника объединяет всех китайских интерпретаторов. Китайских читателей в первую очередь волнуют культурно-литературные и историко-литературные аспекты восприятия «Слова». Так, помимо патриотической темы произведения, в «Слове» их интересуют еще образы князей и женщин, языческие и христианские традиции, изображение природы и т.д. Кроме того, трактовка китайскими русистами «Слова» в значительной степени опирается в основном на советские и новейшие российские труды.

Сложно обвинять китайских читателей в неоригинальности большинства их интерпретаций. Фокус на общих, менее специфических вопросах и пассивный (а не активный) характер восприятия «Слова» связаны, прежде всего, со статусом китайцев как иностранных читателей. «Своеобразие языка, — пишет В. фон Гумбольдт, — влияет на сущность нации» [7, с. 377]. «Различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [8, с. 324]. Китайский и русский — совершенно разные языки, они «по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» [7, с. 370]. Это объясняет, почему эстетическое как составная часть национального мышления также имеет «свою специфику в сознании людей разных <...> народов» [6, с. 32]. Своеобразие национальных картин мира создает между китайским и русским народами естественные культурные барьеры. Как отмечает В.Н. Топоров, «соотнесение-сравнение *того* и *этого*, *своего* и *чужого* составляет одну из основных и вековечных работ культуры» [9, с. 7]. Восприятие «Слова» в Китае довольно часто и вполне логично облегчается интерпретациями русских ученых и акцентом на более общих проблемах. В нем раскрывается понимание

сравнения в более широком плане: в него включаются переводы «с языка на язык», «с пространства на пространство», «с времени на время», и в конце концов, «с культуры на культуру» [Там же].

Комплементарный отклик китайской аудитории на «Слово» обусловлен не только высокой оценкой этого памятника русскими исследователями. Симпатии к русской литературе как таковой в значительной степени определяются историческими условиями. Любой художественный процесс, в том числе и литературный, и литературоведческий, представляет собой развивающуюся систему. Ее внешняя движущая сила — историческая действительность. Начиная с движения 4 мая, в Китае развернулись энергичные социальные реформы. Русская культура входила в кругозор китайской элиты вместе с марксизмом. Переводы русской и советской литературы стали модными и популярными, так как «красная революция русских большевиков <...> оказывала влияние на воззрения всего мира <...>»; китайцы, которые давно желали открыть новый путь в жизни, тоже не могут не испытывать интереса к ним. Поэтому все рассуждают о России, <...> хотят проследить исторические причины событий, рассмотреть культуру страны»²⁰. Пристрастие к российской и советской литературе присуще китайским интеллектуалам даже в 1970–1980-е годы, когда отношения между Китаем и СССР ухудшились. Об этом свидетельствуют описания древнерусского эпоса в ряде китайских учебных пособий, появившихся в этот период.

Субъективность эстетических ценностей обусловлена тем, что разные китайские читатели понимают «Слово» совершенно по-разному. В их интерпретациях несложно заметить некоторую ограниченность, в которой отражается внешняя движущая сила, влияющая на восприятие «Слова» отдельными китайскими русистами.

Так, критика Лю Вэньсяо не совсем объективна и даже искажает некоторые факты. Маркс и Энгельс действительно обращали внимание на «Слово» из интереса к русской царской диктатуре и панславизму. Но контекст оригинального письма Маркса показывает, что он критикует панславистскую идею, которой пронизаны многие произведения, противопоставляя русский эпос чешскому. Он дал «Слову» поистине комплиментарную оценку²¹. Вывод,

¹⁹ Борхес Х.Л. Поэзия // Человек читающий, Homo Legens. М., 1989. С. 602.

²⁰ Цюй Цювай. Собрание сочинений Цюй Цювая. Т. 2. Пекин, 1953. С. 543–544. (瞿秋白. 瞿秋白文集. 第二卷. 北京, 1953. 543-544页.)

²¹ Стоит отметить, что советские ученые тоже достаточно подробно анализировали слова Маркса, см.: Изучение «Слова» в 50–60-е годы XIX в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 82. Вып. 6. М., 1955. С. 129–130.

что Маркс критикует «Слово» за его экспансивную идею, явно необоснован. Сложно игнорировать и публицистическую окраску суждений Лю Вэньсяо, когда он пишет: «В самом деле, в истории нет ни одного агрессора, большого или малого, который не осуществил бы сначала “великое дело” внутреннего “единства” и “объединения”. Александр Македонский в Древней Греции, правитель Восточно-Римской империи Юстиниан, Петр Великий в новой России, Вильгельм II, развязавший Первую мировую войну, а также хулиганская группа Ле Зуан на Востоке, разве не все они сначала работали над внутренним “единством” и объединением страны перед тем, как начали агрессию? Разве “объединение”, за которое ратует автор “Слова”, не было заявлено в целях покорения чужих народов? Что это за патриотизм?» [2, с. 56] (курсив мой — Ц.Л.)

Встает вопрос, по какой причине у Лю Вэньсяо сложилось такое ярко враждебное произведению мнение в отличие от общей дружественной атмосферы?

Очевидную логическую ошибку, скорее всего, невозможно объяснить без представления текста как «продукта исторической ситуации, зависящей от позиции интерпретирующего читателя»²². Напомним, что в 1979 г. грянула Китайско-вьетнамская война. Провинция Юньнань, где Лю Вэньсяо начал работать преподавателем с 1960-х годов²³, как раз находилась на переднем крае во время войны. Война разразилась на фоне того, что вьетнамская армия начала полномасштабную интервенцию в Камбоджу в 1978 г. после воссоединения двух частей Вьетнама в 1975 г. Стремление Вьетнама к созданию нового индокитайского союза сильно обеспокоило китайское руководство. Интенсификация советско-вьетнамского военного сотрудничества также считалась одним из толчков к войне, так как именно поддержка из СССР способствовала тому, что Вьетнам активно провел кампанию по выдавливанию этнических китайцев со своей территории, вызвав конфликты на китайско-вьетнамской границе. Вполне логично предполагать, что, увидев страдания народа своими глазами, Лю Вэньсяо выдвигает обвинение в адрес тех общественных сил, действия которых приводят к различным народным бедствиям.

То, что размышления Лю Вэньсяо, в отличие от русистов из Пекинского университета, вышли

за пределы литературоведческого анализа, обусловлено его особым жизненным опытом. Молодой ученый стоит вне позиции автора и размышляет о мотивации Игоря, упоминая «честолюбие и жадность феодальной знати» [2, с. 54], которая не только побудила Игоря покорить половцев, но и привела к «туге и тоске» в Русской земле. Работа имеет скорее социологический и философский характер. Его взгляды совпадают с мнениями как русских и советских ученых, так и китайских. В журнале «Хундоу» (1934), где был опубликован перевод отрывков ряд эпосов, в том числе и «Слова», китайские авторы замечают: «...даже на сегодняшний день мы не можем похвастаться миролюбием этих народов <...> Эти “мировые исторические эпосы” <...> полны крови, убийств и жестокости. Они не такие “нежные” или “цивилизованные”, как в наше время» [10, с. 2]. Русские историки тоже отмечают, как в период раздробленности в русских княжествах постепенно образовалась собственная знать, которая отстаивала свои права вместо того, чтобы поддерживать великого князя Киевского (см. например: [11, с. 365–378]). Научный статус работы Лю Вэньсяо оказывается спорным из-за ее публицистической окраски. Но его работа в определенной степени восполняет пробел в философских трактовках идеи об исторической ограниченности человека, заложенной в рассказе о походе Игоря, на которое советские и русские слововеды редко обращали внимание.

* * *

Г.В. Плеханов недаром заявляет, что «человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»²⁴. Если «произведение “возникает” и “реализуется” только в процессе “встречи”, контакта литературного текста с читателем»²⁵, то катализатор встречи неизменно находится в самой жизни. Утилитарная природа литературы и литературоведения ярко отражается в восприятии патриотической темы «Слова» в Китае в XX в. Концепция, изложенная в статье Лю Вэньсяо, возникла из его собственного жизненного опыта. При всех ее крайностях и нелогичностях она стала наиболее значимой в рассматриваемой полемике в целом. Благодаря этому суждению нарушалась ситуация полного единогласия в процессе пассивного восприятия произведения. Было спровоцировано более глубокое

²² Дранов А.В. Рецептивная эстетика. С. 118.

²³ См. краткое резюме Лю Вэньсяо «История Высшей школы экономики: Расскажу Вам о своей специальности на факультете языков и литературы» (商学院故事 | 我在语言文学学院把我的专业讲给你听) (URL: <https://www.027art.com/yunnanbenke/HTML/8039709.html> (дата обращения: 20 июля 2022)).

²⁴ Плеханов Г.В. Письма без адреса // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 108.

²⁵ Дранов А.В. Рецептивная эстетика. С. 118.

осмысление тематики древнерусского шедевра китайской аудиторией. Таким образом, соприкасаюсь с китайским контекстом, текст «Слова» приобщается к диалогу, освещающему и прошлое (исторические тайны) и будущее (перспективу обмена между китайской и русской культурами).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вэй Хуанну. Послесловие // Слово о полку Игореве. Пекин, 1957. С. 52–66. (魏荒弩. 译后记 // 伊戈尔远征记. 北京, 1957. 52–66页.) (На кит. яз.)
2. Лю Вэньсяо. К определению «патриотизма» в «Слове о полку Игореве» // Вестник Куньминского педагогического колледжа. Серия философских и социальных наук. 1982. № 3. С. 54–59. (刘文孝. 《伊戈尔远征记》«爱国»辨 // 昆明师范学院学报 (哲学社会科学版). 1982. № 3. 54–59页.) (На кит. яз.)
3. Бао Лянцзюнь. «Слово о полку Игореве» – патриотическое произведение // Советская история. 1984. № 1. С. 33–37. (鲍良骏. 《伊戈尔远征记》是爱国主义的 // 苏联历史. 1984. № 1. 33–37页.) (На кит. яз.)
4. Вэй Хуанну. «Слово о полку Игореве» в Китае // 外国文学研究 Исследования иностранной литературы. 1985. № 4. С. 14–21. (魏荒弩. 《伊戈尔远征记》在中国 // 外国文学研究. 1985. № 4. 14–21页.) (На кит. яз.)
5. Ван Жэньфа. К проблеме темы «Слова о полку Игореве» // Вестник Аньканского педагогического специального курса. 1999. № 2. С. 22–26. (王人法. 关于《伊戈尔远征记》的主题问题 // 安康师专学报. 1999. № 2. 22–26页.)
6. Хализев В.Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М., 2004. 405 с.
7. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 450 с.
8. Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 324–326.
9. Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 6–17.
10. Вступительное слово // Хундоу манькань. 1934. Т. II. № 3. Специальный номер «Исторические эпосы мира». С. 2. (卷头语 // 红豆漫刊. 1934. Т. II. № 3. 世界史诗专号. 2页.) (На кит. яз.)
11. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М., 2013. 622 с.

REFERENCES

1. Wei Huangnu. *Postscript. The Tale of Igor's Campaign*. Beijing, 1957, pp. 52–66. (In Chinese)
2. Liu Wenxiao. *On the Definition of "Patriotism" in "The Tale of Igor's Campaign"*. *Bulletin of Kunming Normal College. Series of Philosophical and Social Sciences*. 1982, No. 3, pp. 54–59. (In Chinese)
3. Bao Lingjun. *"The Tale of Igor's Campaign" – a Patriotic Work*. *Soviet History*. 1984, No. 1, pp. 33–37. (In Chinese)
4. Wei Huangnu. *"The Tale of Igor's Campaign" in Chinae. Research of Foreign Literature*. 1985, No. 4, pp. 14–21. (In Chinese)
5. Wang Renfa. *On the Theme of "The Tales of Igor's Campaign"*. *Bulletin of the Ankan Normal Special Course*. 1999, No. 2, pp. 22–26. (In Chinese)
6. Khalizev, V.E. *Teoriia literatury [Theory of Literature]*. Moscow, 2004. 405 p. (In Russ.)
7. Humboldt, W. von. *Iazyk i filosofiiia kultury [Language and Culture of Philosophy]*. Moscow, 1985. 450 p. (In Russ.)
8. Humboldt, W. von. *O vliianii razlichnogo kharaktera iazykov na literaturu i dukhovnoe razvitie [On the Influence of the Different Nature of Languages on Literature and Spiritual Development]*. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected Works on Linguistics]*. Moscow, 1984, pp. 324–326. (In Russ.)
9. Toporov, V.N. *Prostranstvo kultury i vstrechi v nem [Space of Culture and Meetings in it]*. *Vostok–Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii [East–West. Research. Translations. Publications]*. Issue. 4. Moscow, 1989, pp. 6–17. (In Russ.)
10. *Opening words. Hongdou mankan*. 1934, Vol. 2, No. 3. *Special issue "Historical Epics of the World"*. p. 2. (In Chinese)
11. Rybakov, B.A. *Kievskaiia Rus i russkie kniazhestva XII–XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti [Kievan Rus and Russian Principalities of the 12th–13th Centuries. The Origin of Rus and the Formation of its Statehood]*. Moscow, 2013. 622 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 января 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 мая 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on January 14, 2024

Revised on May 16, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S1605788024050147

**Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения:
коллективная монография / Сост. О. А. Богданова; отв. ред.
В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024.
Вып. 8. 672 с.
(Серия: «Русская усадьба в мировом контексте»)**

**[Review:] Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses
and Gains: a Collective monograph, comp. by O. A. Bogdanova, ex. ed.
V. G. Andreeva, O. A. Bogdanova. Moscow: IWL RAS Publ., 2024.
Issue 8. 672 p. (Series: “Russian Estate in a Global Context”). [In Russ.]**

Коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» знаменует новый этап в развитии уникальной научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», издающейся Институтом мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) с 2019 года. Рецензируемый восьмой выпуск указанной серии подготовлен в 2024 году по итогам Международной научной конференции «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения», проходившей при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» и проведенной совместными усилиями ИМЛИ РАН и Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля 22–24 июня 2023 года. Монография объединяет статьи сорока двух авторов, представителей разных городов России (Красноярска, Оренбурга, Екатеринбурга, Уфы, Санкт-Петербурга, Пскова, Перми, Казани, Самары, Череповца, Тулы), и одиннадцати зарубежных стран (Венгрии, Беларуси, Испании, Италии, Черногории, Польши, Японии, Китая, Ирана, Индии, Грузии). Это обеспечивает многомерность осмысления рассматриваемой в книге проблематики. Издание, несомненно, вносит масштабный вклад в исследование «усадебного текста» и генетически связанного с ним «дачного топоса» — художественных констант не только русской, но и мировой литературы XX века.

Книга открывается ёмким и содержательным предисловием доктора филологических наук О.А. Богдановой, руководителя научного проекта [С. 20–38]. Оно успешно играет роль навигатора для читателя, помогая ему ориентироваться в многоплановой научной проблематике издания, позволяя осмыслить комплексную стратегию исследования, задействованную в представленной коллективной монографии. В предисловии чётко определено место новой работы в контексте книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», точно и аргументированно сформулированы главные исследовательские задачи, направленные главным образом на выявление диалектики трансформации усадебного текста, сопряжённой как с новыми «обретениями», творческими преломлениями, открытиями, так и с неизбежными «утратами». О.А. Богданова убедительно характеризует основные «узлы» концепции монографии, опираясь на аналитический обзор тематики её разделов и содержащихся в них статей. Важно, что в предисловии конкретно и обоснованно спрогнозированы векторы будущего движения инновационного исследовательского проекта, дающие импульсы для научных изысканий литературоведов, в том числе интересующихся смежной проблематикой.

Искреннее желание авторов и составителей монографии привлечь к эвристическим размышлениям над историческими судьбами феномена литературной усадьбы и дачи не только профессиональных исследователей, специалистов-гуманитариев, но и

самого широкого читателя выражается в характере стилистики рецензируемого издания. Так, в заглавиях предисловия («Сокровенный сосуд: усадьбы XX в. и мировая история»), некоторых разделов («Усадебные узоры в прозе русской эмиграции», «Блеск и нищета» литературной дачи) и отдельных статей вполне удачно и оправданно сочетаются самая строгая научность и образно-метафорический компонент, который для заинтересованного читателя срабатывает как своеобразный «манок».

Композиция монографии адекватно моделирует концепцию исследования, наглядно транслирует его логику и даёт представление о комплексности методологического подхода, использованного в работе. Каждый из пяти разделов книги очерчивает определённую систему историко-литературных, культурологических и эстетических координат, в которой интерпретируются топосы усадьбы и дачи, ставшие стержневыми скрепами в русском и шире — мировом литературном сознании.

Первый раздел монографии «Усадебный мир в советской литературе» включает в себя статьи пяти авторов: Н.В. Ковтун, Т.М. Жапловой, А.В. Маркова, Д.М. Борисовой, Е.Ю. Кнорре. Они убедительно показывают, что на волне официального отторжения от социокультурного феномена усадьбы в период 1920—1960-х годов в советской литературе происходил либо нигилистический отказ от топоса усадьбы, либо очевидное редуцирование его художественных смыслов, открытых русскими писателями Золотого и Серебряного веков. Как выявляет Н.В. Ковтун, наиболее ярко это видно на примере романа Ф.В. Гладкова «Цемент» (1925) [С. 40—60]. В то же время авторы статей, вошедших в первый раздел монографии, правомерно приходят к заключению о том, что в произведениях ряда советских писателей происходит латентное усвоение и творческое преобразование традиции «усадебного текста», сформированной в литературе предшественников. По версии Д.М. Борисовой [С. 88—103] и Е.Ю. Кнорре [С. 104—116], в творчестве К.Г. Паустовского и М.М. Пришвина, щедро подпитанном художественной энергией Серебряного века, в глубинах подтекста, рождённого особым «китежским мировоззрением», возникают образно-мотивные «отголоски», восходящие к трактовке топоса усадьбы, утвердившейся в литературе дореволюционного периода. Но в своей потаённой форме бытования эти «отголоски» также несут и элементы нового содержания, проявленные в следующих аспектах тематики советской литературы: усадьба как убежище, усадьба и война, усадьба и лес. Показательно, что в художественной

аксиологии и Паустовского, и Пришвина усадьба прошлого остаётся неким «градом невидимым» (в связи с этим вспоминается ранняя повесть Пришвина «У стен града невидимого»), «вселенским домом», сохраняющим вечные начала русской жизни, воплощающие добро и красоту.

Во втором разделе коллективной монографии («Усадебные узоры в прозе русской эмиграции») рассматривается художественная модификация усадебного мифа, запечатлённая в творчестве писателей старшего поколения литературы русского зарубежья: И.А. Бунина (статьи Ван Юе, Н.В. Пращерук, Ильдико Марии Рац), И.С. Шмелева (статья В.И. Абрамовой), Б.К. Зайцева (статья В.Г. Андреевой). Авторы работ солидаризируются в выводе о том, что в истолковании этих художников слова феномен усадьбы во многом сакрализируется: он становится символом нравственной устойчивости, верности национальным идеалам, причастности к родному духовному пространству. Топос усадьбы в контексте произведений названных писателей выступает как знак принадлежности к русской культурной традиции, как основа для творческой самоидентификации в условиях ситуации изгнания. Как показывает В.И. Абрамова, убежищем героев романа Шмелёва «Пути небесные», местом их духовного спасения становится именно усадьба, воспринятая сквозь призму тургеневской традиции [С. 175—184]. В центре внимания статьи В.Г. Андреевой находится «мотив путешествия по дому и комнате», реализующийся в тетралогии Зайцева «Путешествие Глеба» и участвующий в создании ключевой в творчестве писателя философской метафоры духовного пути, нравственного роста главного героя [С. 185—203].

Несколько иной подход к осмыслению топоса усадьбы Н.В. Михаленко обнаруживает в творчестве писателя русского зарубежья С.Р. Минцлова, художественно воплотившего в своих произведениях мистически окрашенные сюжеты [С. 165—174].

Логическую точку в эволюции усадебного текста в эмигрантской литературе во втором разделе монографии ставит статья А.Е. Агратина, в которой анализируется повесть С.Д. Довлатова «Заповедник» (1983), жёстко пародирующая абсурдные стороны советской реальности. Автор работы убедительно доказывает: «усадебный универсум» в этом произведении, в отличие от соответствующего в творчестве Бунина, Шмелёва, Зайцева, не просто, согласно исторической логике, трансформируется в музей-усадьбу. Он откровенно снижается, «утрачивает привычный ценностный ореол» [С. 204—216]. Однако, думается, что,

несмотря на иронию и сарказм, определяющие тональность повествования, эта десакрализация усадьбы, как и русской культуры в целом, в довлатовском «Заповеднике» не схематична и не абсолютна, поскольку она осложнена и оттенена лирической рефлексией героя, транслирующего авторскую позицию; окрашена неподдельной болью и исповедальной горечью писателя: «На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать»¹.

В третьем разделе «Усадебно-дачные темы в литературах мира: компаративный подход» сконцентрированы результаты сравнительных наблюдений, начатых участниками исследовательского проекта ещё в самом начале их работы и позволяющих установить общее и особенное в интерпретациях топосов усадьбы и дачи, представленных в литературах Испании, Англии, Франции, Сербии, Ирана, Индии и других стран.

Существенный вклад в исследование механизмов эволюции усадебного текста вносит статья Е.Е. Дмитриевой «Судьбы замков в XX и XXI вв.: проблемы музеефикации и потребность доместикации», завершающая третий раздел монографии [С. 326–346]. Она укрепляет и обогащает методологический фундамент для компаративных соотношений исторических трансформаций феномена усадьбы, происходивших в России и Западной Европе. Автор работы выявляет сходные и отличные факторы, определяющие тенденции модификации усадеб в российском и европейском пространстве. Дмитриева наглядно демонстрирует, что разрушение усадеб и приспособление их к потребностям новой эпохи в целом универсально, оно характерно и для России, и для Европы. В качестве иллюстраций своих концептуальных построений автор статьи, в частности, привлекает истории двух художественных коммун, английского Редхауса и немецкого Ворпсведе, а также двух артистических вилл, расположенных на Лазурном берегу Франции (Иер маркизы де Ноай и Керилос Теодора Рейнаха).

В четвёртом разделе «Формы литературных усадеб в XX в.: генезис и трансформация» реконструируется типология модификаций литературной усадьбы, сформировавшаяся в противоречивую эпоху XX века. Авторы статей этой части монографии продуктивно используют элементы междисциплинарного подхода, поэтому их наблюдения и выводы обретают особую

теоретическую и практическую значимость. Так, в работе Л.Н. Летягина конкретизируются типологические свойства феномена усадьбы (функциональные, аксиологические, семиотические) [С. 348–369]. В статье О.Р. Демидовой уточняются существующие в гуманитарном знании представления о структуре «усадебного текста», включающей множество составных элементов, в частности «биографические, поведенческие, экзистенциальные реалии» [С. 370–386].

Благодаря статьям, собранным в четвёртом разделе монографии, значительно обогащается тезаурус исследовательского проекта. Вводятся в научный оборот или обкатываются новые термины, в ряде случаев обозначающие те презентации «усадебного топоса», которые возникли в переломный период XX века, при этом обладая ценным социокультурным потенциалом. Это, например, — «музейно-усадебный топос», «усадебный габитус», «музеефицированное усадебное пространство» (статья М.С. Федосеевой [С. 398–416]); «усадьба-санаторий» (статья Н.А. Трубецкой [С. 417–435]), «коллективная усадьба» (статья А.А. Козновой [С. 452–464]).

Точнее обозначить смысловые параметры и границы «усадебного текста», прошедшего через трансформацию советского времени, несомненно, помогают статьи пятого, заключительного раздела представленной монографии. В нём сконцентрированы многоаспектные исследования топоса «дачи», генетически связанного с образом усадьбы и в то же время явно дистанцировавшегося от него в процессе социокультурных перестроек XX века. Обзорно-аналитическая статья О.А. Богдановой во многом программирует координаты движения научной мысли в этой части книги. Истоки амбивалентного осмысления топоса «дачи», так или иначе проявившегося в произведениях таких разных писателей XX века, как Г.И. Чулков, Ю.Н. Трифонов, А.Н. Варламов, Ю.В. Мамлеев, Е.Г. Водолазкин, автор работы обнаруживает в прозе Достоевского. Позитивные коннотации в образе дачи О.А. Богданова справедливо связывает с его наследованием аксиологических характеристик «усадебного текста» [С. 474–489].

Достоверность научных наблюдений и обоснованность выводов, сконцентрировавшихся в этом разделе книги, обусловлена широтой исследуемого материала (в центре внимания авторов статей оказываются тексты литературных произведений В.Ф. Ходасевича, Б.Л. Пастернака, А.П. Гайдара, Ю.О. Домбровского, В.В. Перуанской и др.). Свою лепту в постижение утрат и обретений топоса

¹ Довлатов С. «Заповедник»: повесть // Довлатов С. Собрание прозы: в 4 т. СПб.: Азбука, 2017. Т. 1. С. 406.

дачи вносит и жанровое богатство привлечённых вспомогательных источников, в том числе малоизученная советская периодика, воспоминания, художественные фильмы. Важно и то, что в контексте этого раздела концептуально «ответвляется» перспективная в научном отношении линия исследования, связанная с разработкой «дачной» темы сквозь призму детского сознания. Её по-своему обозначают и интерпретируют в своих работах Л.Х. Насрутдинова, Н.Г. Махихина, М.А. Перепёлкин, Е.А. Ерохина.

Резюмируя сказанное, хочется отметить, что ресурсы исследования «усадебно-дачного текста», ставшего предметом рассмотрения в рецензируемой монографии, далеко не исчерпаны. Думается, что впереди у участников, представляющих в своих работах результаты исследовательского проекта, ещё много интересных, ярких и неожиданных открытий. Тем более, что многие векторы дальнейшего пути научного коллектива вполне уверенно и конкретно обозначены О.А. Богдановой

в предисловии к книге. В стратегических планах учёных отчётливо просматривается весьма актуальный в современной социокультурной ситуации «разворот к Востоку»: приоритетной для дальнейшей разработки объявлена тема «Русская усадьба и Азия». Один из перспективных ракурсов исследования видится и в стремлении охарактеризовать феномены усадьбы и дачи в качестве элементов особой евразийской цивилизации. Новые исследовательские задачи диктует и потребность описать варианты семантики и поэтики «усадебно-дачного топоса» в соотношении с эстетическими парадигмами литературных направлений и течений, функционирующих в советский период, например, таких как авангард, неореализм, экзистенциализм, социалистический реализм, магический реализм, концептуализм.

Остаётся пожелать авторам рецензируемой монографии новых научных достижений. Дорогу осилит идущий!

Н.Г. Коптелова,
Доктор филологических наук,
профессор Костромского государственного университета,
Россия, 156005, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11
nkoptelova@yandex.ru

Nataliya G. Koptelova,
Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Kostroma State University,
17/11 Dzerzhinskogo Str., Kostroma, 156005, Russia
nkoptelova@yandex.ru

Для цитирования: Коптелова Н.Г. (рец.) Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / Сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 8. 672 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 157–160. DOI: 10.31857/S1605788024050147

For citation: Koptelova, N.G. (Rev.) *Usadba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia: kollektivnaia monografiia*. Sost. O.A. Bogdanova; otv.red. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. M.: IMLI RAN, 2024. Vyp. 8. 672 s. (Serija: "Russkaja usadba v mirovom kontekste") [[Review:] Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: a Collective Monograph, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow: IWL RAS Publ., 2024. Issue 8. 672 p. (Series: "Russian Estate in a Global Context"). [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 157–160 (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050147

Дата поступления материала в редакцию: 13 мая 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 31 мая 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on May 13, 2024
Revised on May 31, 2024
Accepted on August 15, 2024
Date of publication: October 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050159

**Хроника конференции с международным участием
«Пятые Григорьевские чтения»
по теме «Художественный текст: корпусные методы исследования»**

**Chronicle of the Conference with International Participation
“Fifth Grigoryev’s Readings”
on the Topic “Literary Text: Corpus Methods of Research”**

Пятые Григорьевские чтения с международным участием по теме «Художественный текст: корпусные методы исследования» состоялись 14–16 марта 2024 года в Институте русского языка им. В.В. Виноградова в смешанном формате.

Чтения открыл зам. директора ИРЯ РАН академик РАН **В.А. Плунгян**. Он отметил, что они посвящены 99-летию со дня рождения Виктора Петровича Григорьева (1925–2007), известного специалиста в области лингвистической поэтики, стилистики и языка художественной литературы, поэтического словотворчества, поэтической лексикографии; ученого, определившего многие направления развития науки и воспитавшего целое поколение исследователей. В.А. Плунгян очертил круг вопросов, предложенных к обсуждению на чтениях в этом году: это проблемы, связанные с корпусными и статистическими исследованиями языковых процессов и явлений в художественных текстах, у истоков которых стоял В.П. Григорьев.

Первое пленарное заседание под названием «**Общие вопросы лингвистической поэтики в свете корпусного подхода**» открыл доклад д. ф. н. **Н.А. Фатевой** (Москва) «*Тоска, печаль, грусть* как креатемы (на материале поэтического корпуса текстов Б. Пастернака и поэтического подкорпуса НКРЯ)». Докладчица рассмотрела основные индивидуально-авторские приращения смысла у креатема *тоска, печаль, грусть* в поэзии Б. Пастернака на фоне общей картины их семантических преобразований в поэтическом языке 1900–1960 гг. (для этого использовался поэтический подкорпус НКРЯ). Было подчеркнуто, что несмотря на то, что креатемы *тоска, печаль, грусть* сопровождают поэзию Пастернака на протяжении всего творческого пути

(количественно среди них преобладает *тоска*), отчетливо заметно стремление поэта преодолеть обозначаемые ими подавленные состояния духа и превратить их в жизнеутверждающую поэзию.

Далее выступил академик РАН **В.А. Плунгян** (Москва) с докладом «Между “дольником” и “паузником”: о ранних теориях русской неклассической метрики». В.А. Плунгян отметил, что формирование научных представлений о природе русских неклассических метров происходило существенно позже, чем сами эти метры вошли в практику русских поэтов; начало этого процесса можно отнести к 1920-м годам. В последнее время, сказал докладчик, интерес к ранним теориям неклассического стиха растет, поскольку внимательное изучение авторов этого круга показывает, что, наряду с устаревшими и часто наивными тезисами, в их работах встречаются и проницательные наблюдения, несправедливо отброшенные теоретиками следующих поколений. В особенности интересна в этом отношении «леймическая теория» Г.А. Шенгели (1894–1956): первые подступы к ней были намечены уже в многочисленных работах Шенгели начала 1920-х годов, но окончательное оформление она получает в его главной монографии «Техника стиха» (наиболее полное издание которой вышло лишь посмертно, в 1960 г.). В докладе была подробно разобрана «леймическая теория» с точки зрения современного стиховедения; показана ее значительная близость к так называемым деривационным подходам к описанию неклассической метрики.

Продолжил заседание доклад д. ф. н. **С.Т. Золяна** (Калининград) «Слово как смыслопорождающая модель». Докладчик высказал мысль, что принципы поэтической семантики лексикологии,

разработанные в значительной мере благодаря исследованиям В.П. Григорьева, предполагают, что источником смыслообразования является не лексикон, а обусловленное контекстом взаимодействие между контекстом и лексическим значением слова. Тот же подход С.Т. Золян предложил перенести и на лексическое значение слова. Предполагается, что в этом случае как текст выступает само слово (слово как законоситель, или означающее) и как контекст — его коллокации, синтаксически формализованные сочетаемостные связи. В этом случае контекст и слово рассматриваются как операторы, воздействующие друг на друга. Два законосителя, в результате сочетаемости, наделяются соответствующим контекстуальным значением. Предложенный подход, по мнению выступающего, позволяет найти основу, объединяющую структурно-семантический подход к лексическому значению с корпусным и контекстуальным.

Далее слово было предоставлено д. ф. н. **М.Ю. Мухину** (Екатеринбург). Он выступил с докладом «Корпусные методы в изучении авторской лексической сочетаемости». Докладчик подчеркнул, что создание «грамматики идиостиля» (термин В.П. Григорьева) предполагает систематизацию индивидуального словоупотребления единиц языка, т.е. фактически нетривиальной лексической синтагматики. Современные корпусные методы позволяют предложить решение этой проблемы. В качестве единицы анализа авторской лексической сочетаемости М.Ю. Мухин предложил термин «биграмма» — два слова, употребленные в одном контексте. С его помощью были обсуждены результаты исследования авторской лексической синтагматики в прозе XIX в.: массивы авторских лексических биграмм и индивидуально-авторские синтагматические особенности.

Заседание продолжил доклад д. ф. н. **Л.В. Зубовой** (Санкт-Петербург) «Динамика двух архаизмов по данным Национального корпуса русского языка». В нем содержался анализ информации об употреблении слова *крава* 'корова' в разных формах и формы *бысть*. В результате корпусного анализа подтвердилась гипотеза об увеличении активности этих архаизмов в поэзии конца XX — начала XXI в. по сравнению с поэзией XIX — первой половины XX в. Архаизм *крава* употребляется только в косвенных падежах и более свойствен поэзии, чем прозе. Применительно к форме *бысть* такого вывода сделать нельзя из-за значительного преобладания текстов в Основном корпусе.

Д. ф. н. **А.Н. Баранов** и д. ф. н. **Д.О. Добровольский** (Москва) представили доклад «К проблеме

идиоматичности писателя (на примере авторов второй половины XIX в.)». В докладе были отражены результаты корпусного эксперимента по оценке идиоматичности авторского стиля писателей XIX в. В качестве корпуса текстов использовались все тексты 17 писателей, которые входят в коллекцию НКРЯ: А.Т. Аверченко, И.А. Бунин, И.А. Гончаров, Максим Горький, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, Н.С. Лесков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, П.И. Мельников-Печерский, Д.С. Мережковский, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов. Исследовалось частотное распределение идиом семантического поля 'смерть'. Проведенное исследование показало, что по индексу идиоматичности первые места занимают П.И. Мельников-Печерский, А.П. Чехов, Д.С. Мережковский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский. Был введен также индекс однородности частоты употребления идиом. Оказалось, что степень неоднородности употребления идиом очень высока, что подтверждает основной вывод доклада, согласно которому употребление идиом следует рассматривать как индивидуальную речевую практику.

В совместном докладе д. ф. н. **П.Ф. Успенского**, магистра **Д.А. Луговской** и д. ф. н. **А.В. Вдовина** (Москва) «Циркуляция литературы в ГУЛАГе: корпус, статистика, кейсы» была представлена база данных «Бытование литературных текстов в ГУЛАГе». Докладчики описали принципы отбора материала и составления базы данных, включающей в себя больше 2 тыс. записей. Такой объем датасета — небольшой для bigdata — скорее предполагает не автоматическую, а ручную обработку материалов. Исследователи показали, какие тексты и авторы суммарно оказываются в топе, и объяснили получившуюся картину со вмещением дореволюционного и раннесоветского канона в мемориальных практиках узников ГУЛАГа. Отдельное внимание было уделено бытованию в лагерях одного из самых каноничных текстов русской литературы — «Евгения Онегина». Этот доклад завершил первое пленарное заседание.

Второе заседание первого дня под названием «**Квантитативные исследования в поэтике**» открыл доклад д. ф. н. **С.А. Крылова** (Москва) «Опыт апостериорного подхода к определению состава поэтического канона». Докладчик отметил, что для решения ряда задач, связанных с количественным изучением русских поэтических текстов (РПТ), целесообразно опираться на такой корпус, который бы включал не просто какие-то (любые)

русские РПТ, а максимально приближающиеся к ядерному подмножеству «усреднённо представленного» множества «канонических» РПТ. В качестве средства моделирования поэтического канона был предложен пробный замер степени каноничности РПТ, получаемый путём количественного анализа оглавлений к доступным антологиям (и хрестоматиям) РПТ. Количественной мерой каноничности можно считать количество оглавлений (антологий и хрестоматий), в которых данный текст упомянут. Составлена сводная база данных, охватывающая значительное число таких оглавлений. Так, можно выделить 1055 РПТ, отобранных на основании степени каноничности, превышающей пороговое значение (он содержит лишь РПТ, включённые не менее чем в 8 оглавлений) или «верхушку» («топ-лист») из 25 наиболее каноничных РПТ (с рейтингом более 30) и т.п.

К. ф. н. **С.В. Лесников** (Санкт-Петербург) в докладе «Квантитативный анализ произведений поэтов XVIII–XIX вв.» рассказал, что в качестве корпуса текстов для исследования взяты произведения 34 поэтов Золотого и Серебряного века, в отношении подлинности и авторства которых сомнений нет. В процессе квантитативного анализа значений накопленной энтропии, индексов итерации, исключительности, плотности, дистрибуции и предсказуемости была произведена оценка общего вклада поэтов в русский язык и литературу, в культуру России. В итоге получилось, что А. Блок, А. Пушкин, Н. Некрасов, М. Лермонтов, В. Жуковский внесли больший вклад, чем остальные поэты.

Продолжил заседание совместный доклад д. ф. н. **А.А. Кретова** и д. ф. н. **О.Г. Артемовой** (Воронеж) «Квантитативный подход к анализу системы персонажей художественного текста (на примере романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”»)». Докладчики отметили, что целью их исследования является визуализация системы персонажей художественного текста. Осуществлено измерение силы связей каждого персонажа романа с другими, выделены пары с максимальной силой связи. Визуализация таких связей дает ориентированный нагруженный граф, иллюстрирующий отношения между персонажами. Анализ графа позволил выявить прямые (ближний круг) и опосредованные (дальний круг) связи персонажей с главным героем романа. Установлено, что коллизию романа составляет противостояние Раскольникова и следователя Порфирия Петровича. Функция других персонажей видится в дополнении этой коллизии.

Доклад д. ф. н. **А.М. Ранчина** (Москва) был посвящен теме «Союз *зане* в поэтическом идиостиле И.А. Бродского и в русской поэзии по данным Национального корпуса русского языка: особенности функционирования». Докладчик установил, что употребление *зане* у И.А. Бродского высокочастотно — 14 примеров на 13 стихотворений. Почти ни у кого из других поэтов оно не превышает 10, чаще всего это 1 или 2 случая. У Бродского употребление *зане* в отличие от тоже используемого им *потому что*, по-видимому, указывает на экзистенциальные причины: на неотменимость судьбы, на волю Бога, на общие законы бытия и призвано привлечь к ним внимание. Еще одна отличительная особенность употребления *зане* в поэзии Бродского — довольно частая постановка его в конец строки. Такое употребление, создающее enjambement, акцентирует фонетико-артикуляционные особенности союза и тем самым — обрыв причинно-следственной связи.

Завершил второе заседание доклад д. ф. н. **Г.А. Дырхеевой** (Улан-Удэ) «О богатстве художественного текста: лингвостатистический анализ на примере бурятского художественного текста». В докладе был представлен анализ лексического богатства классика бурятской литературы Х. Намсараева, проведенный на основе составленного частотного словаря его прозаических произведений. Сопоставительный лингвостатистический анализ произведений писателя подтвердил умозрительные заключения о «богатстве» словарей рассказов, повестей «Цыремпил», «Нэгэтэнхуни».

Третье заседание 14 марта было посвящено теме «**Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой: проблемы корпусного изучения идиостиля**».

В первом докладе этой секции «Четыре имени императора: конкорданс и “облако слов” как методы отбора имен собственных в дифференциальный авторский словарь» д. ф. н. **Н.В. Козловская** и **А.Ю. Козловский** (Санкт-Петербург) обозначили проблему отбора имен собственных из текста художественного произведения с целью лексикографического представления в дифференциальном объяснительном словаре военной лексики романа «Война и мир». Авторами доклада была разработана методика, облегчающая решение данной проблемы. С помощью аналитических инструментов библиотек Rymorphy2, Wordcloud и Matplotlib осуществлены отбор и формирование облаков существительных (с последовательным увеличением количества выбранных единиц от 100 до 300) из нескольких фрагментов романа. В основе эксперимента лежит предположение о том, что в «облако существительных»

батального эпизода входят наиболее значимые имена собственные, которые подлежат включению в словник: Наполеон, Раевский, Кутузов, Бенигсен. Визуализация данных выявила ключевые единицы эпизодов Шенграбенского и Аустерлицкого сражений: Багратион и Пьер. Это ставит проблему включения в словник некоторых имен персонажей, входящих в ядро лексической структуры проанализированных фрагментов. На следующем этапе планируется использование инструментов нейросети для автоматизации отбора имен собственных из полного текста романа.

Затем последовал совместный доклад **М.М. Коробовой** и к. ф. н. **С.Н. Шепелевой** (Москва) «“Фантазия” и “действительность” в текстах Ф.М. Достоевского». В докладе было отмечено, что Ф.М. Достоевский в текстах художественной прозы превосходит всех авторов XIX в. по частоте употребления слова *фантазия*. Основная часть доклада была посвящена особенностям употребления слова *фантазия* в художественной прозе Достоевского. В числе особенностей слова *фантазия* указано: а) сквозное употребление во всех жанрах и периодах творчества; б) встречаемость в большинстве художественных произведений; в) связанность с конкретными персонажами; г) преимущественная встречаемость в прямой речи, а также в произведениях, написанных от лица персонажа; д) особая роль в раскрытии собственного мироощущения персонажей в контекстах саморефлексии и некот. др. Было обращено внимание на то, что Ф.М. Достоевский исследует *фантазию* как феномен духовной жизни человека, и в этом смысле *фантазия* — это часть действительности, и именно как таковые фантазия и действительность интересны писателю.

Совместный доклад к. ф. н. **Н.К. Онипенко**, к. ф. н. **Е.Н. Никитиной** и **М.А. Станкевича** (Москва) «Эмотивные деепричастия в художественном нарративе (на материале корпуса художественных текстов Достоевского)» был посвящен функционально-семантическому анализу деепричастий в рамках одного идиостиля. Для анализа были выбраны деепричастия неизосемических глаголов, образующих перфектную видовую пару: эмотивных (типа *удивиться*, *обидеться*) и обозначающих проявления эмоции в поведении (типа *покраснеть*, *рассмеяться*), которые выступают в качестве зависимых предикатов при глаголах речи в конструкции, постпозитивно оформляющей прямую речь. В плане грамматики рассматривались (1) временные отношения между основным предикатом — глаголом речи и деепричастием неизосемического глагола с семантикой

стативности, неконтролируемости (таксис или присоединение); (2) соотношение типов модуля в одном высказывании (наблюдение и мнение); (3) наличие в анализируемых конструкциях слов-спутников семантического комплекса определенности-неопределенности (эпистемическая модальность, эвиденциальность, количественность). В плане анализа текста (лингвистической поэтики) были затронуты такие аспекты: (1) обнаружение авторской точки зрения (внешняя / внутренняя), (2) соотношение драматургических и эпических приемов при изображении прямой речи, (3) создание психологического напряжения.

В докладе «“Женская тема” у Достоевского в лингвистической статистике: парные свойства и лингвопсихологические этюды» к. ф. н. **Е.А. Осокина** (Москва) представила материалы для создания тематического словаря на базе данных полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского в электронном варианте и «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий» [2010, 2012]. Статистика и полная выборка контекстов словоупотребления дала возможность получить объективную картину представлений автора по данной теме, при этом исследование было дополнено обработкой материала вручную — это возможно благодаря структуре словарной статьи Идиоглоссария. Лексикографическая комбинаторика позволила выявить и описать символические пары с общими свойствами: *женщина—дама*, *женщина—жена*, *женщина—мать*, *мать—жена*, *мать—дама*, *дама—жена*, — которые объединены одинаковой характеристикой и создают цельный лингвопсихологический этюд женского персонажа в произведениях Достоевского.

Д. ф. н. И.В. Ружицкий (Москва) в докладе «‘Человек’ как ключевой концепт тезауруса Достоевского» на материале «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий» привел аргументы того, что концепт ‘человек’ является ядром авторского тезауруса. Были описаны некоторые идиостилевые особенности слова *человек*, прежде всего его гипотаксис (в основном — индивидуально-авторские определения, часто выполняющие оценочную функцию) и паратаксис, сочинительные связи. Выводы о концептуальной значимости лексемы *человек* были сделаны на основе анализа генерализованных высказываний, в состав которых входит эта идеологема. Такого рода анализ позволил исследователю определить области пересечения текстового семантического поля ‘человек’ с текстовыми семантическими полями ‘неопределённость’, ‘время’, ‘жизнь’, ‘смерть’, ‘Бог’, ‘страдание’, ‘болезнь’, ‘любовь’, ‘радость’ и др.

Завершил данное заседание доклад д. ф. н. **Н.В. Халиковой** (Мытищи) «Перцептивно-образная семантика *поразить* / *быть поразительным* в произведениях Л.Н. Толстого». Докладчица заметила, что вторичная перцептивная модусная функция невозвратных форм эмоциональных глаголов со значением 'способность своими свойствами вызывать состояние лица' (доминанта ряда — *поразить*) в прозе Толстого отчетливо выражена, семантически обусловлена и характеризует восприятие через призму этического и эстетического идеала-нормы. Показано, что синтагматика словесного ряда *поразить* с частотными существительными ЛСГ «Звук», «Запах», «Вид» на материале НКРЯ фиксирует идиостилевое отличие от лингвокогнитивных моделей И.С. Тургенева (*поразил вид*) и Ф.М. Достоевского (*поразила мысль*).

Заключительное заседание дня было посвящено теме «**Корпусные исследования и перевод**». В его рамках было прослушано три доклада. В первом докладе магистранта **М.В. Якимовой** (Москва) «Ритмические особенности белорусских переводов русской классической поэзии» были рассмотрены переложения романа в стихах «Евгений Онегин», а также нескольких поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Применение лингвостатистического метода к текстам переводов и к корпусу стихотворений, написанных на белорусском языке четырехстопным ямбом, позволило определить две различные переводческие традиции. Одна характеризуется сходством ритмики перевода с оригиналом, переводчики следуют за ритмом русского четырехстопного ямба, в то время как вторая обнаруживает особенность, не свойственную ни русскому, ни белорусскому стиху исследуемых периодов — стремление к одинаковой ударности первых двух иктов. Данное обстоятельство указывает на формирование определенной ритмической традиции белорусского тетраметра, свойственной переводным сочинениям.

Второй доклад д. ф. н. **Т.В. Устиновой** (Москва) касался рассмотрения возможностей сочетания количественных и качественных методов при оценке качества перевода. Было подчеркнуто, что одним из параметров анализа текста перевода является определение степени «видимости» переводчика, то есть проявленности идиолекта переводчика на фоне идиолекта автора исходного текста. Был представлен обзор современных технологий установления видимости переводчика с помощью специальных компьютерных программ по статистической обработке формально-языковых параметров текста и соответствующих

«стилометрических» исследований продуктов перевода. В докладе была доказана необходимость сочетания машинного анализа текстов на основе стилометрических классификаторов и качественных методов переводоведческого анализа, позволяющих описать решения переводчика по перевыражению сложного эстетико-смыслового целого в условиях объективной невозможности полного сохранения содержательности формы исходного художественного текста.

В заключительном докладе доктора филологии **А. Молнар** (Дебрецен, Венгрия) «Корпусное исследование художественных переводов текстов Л.Н. Толстого» были рассмотрены результаты совместного российско-венгерского проекта, в рамках которого комментируются, адаптируются и поясняются тексты Л.Н. Толстого, которые в наше время особенно актуальны («Кавказский пленник», «После бала», «Севастопольские рассказы», произведения из «Русских книг для чтения»). Самая крупная работа при этом заключалась в том, чтобы собрать трудные для понимания слова «Войны и мира» в глоссарий и перевести их на венгерский язык. В презентации были приведены примеры компаративного анализа терминов, специальных слов, перечислены формы комментирования также и культурных явлений, вещей и предметов, что является новшеством для современных носителей обоих языков.

Второй день конференции 15 марта начался с заседания секции «**Корпусные исследования семантических преобразований**». В центре внимания первого доклада к. ф. н. **А.В. Гик** (Москва) «“Золотые мысли — словно пчелы”: сравнение в поэзии Серебряного века (сравнительные конструкции с союзом *словно*)» находился один из художественных приемов поэтического языка, а именно сравнение. Основное внимание было направлено на исследование словесно-ассоциативных связей, основанных на лексическом, лексико-семантическом и образном содержании сравнения. Докладчица отметила, что в идиостиле М. Кузмина сравнениям как художественному приему отводится весьма существенное место. Было показано, что сравнительные конструкции с союзом *словно* в творчестве Кузмина являются уникальными не только среди авторов Серебряного века, но и для творчества самого поэта.

В докладе «Система компаративных тропов С.А. Есенина в корпусном измерении» к. ф. н. **А.А. Мамедов** (Иркутск) продемонстрировал подход к изучению идиостиля поэта, позволяющий выявлять особенности авторского сознания и художественного мира текста. В ходе анализа

образов сравнения было установлено доминирование персонифицирующих компаративных тропов. Установлено также, что большинство предметов сравнения рассматриваемых единиц относится к классу «Природа», при этом преобладают образные описания небесного пространства. Константы авторского сознания, по мнению докладчика, составляет все, что имеет отношение к природе русской деревни. Планируемое создание корпуса компаративных тропов может стать основой для словаря доминант идиостиля С.А. Есенина, построенного по идеографическому принципу.

Следующие три доклада заседания были подготовлены в рамках проекта РНФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе». Первый из них — доклад к. ф. н. **Н.А. Николиной** и к. ф. н. **З.Ю. Петровой** (Москва) «Корпусный метод исследования динамических процессов в системе компаративных тропов (на материале зооморфных тропов современной прозы)». В нем рассмотрены основные направления эволюции одного из основных семантических классов компаративных тропов в современной русской прозе — зооморфных метафор и сравнений — в сопоставлении с предшествующими литературными периодами, с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ): 1) появление новых элементов в составе семантических классов образов сравнения; 2) расширение круга предметов сравнения у ряда образов сравнения; 3) появление новых оснований сравнения у устойчивых образных соответствий. Результатом работы можно считать доказательство эффективности обращения к НКРЯ при исследовании эволюции системы компаративных тропов языка художественной литературы.

К. ф. н. **Д.В. Дозорова** (Москва) в рамках проекта выступила с докладом «Метафора болезни в современной русской художественной прозе (по данным НКРЯ)». Исследование выполнено на материале контекстов, извлеченных из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка за период с 2000 г. по настоящее время. Докладчица отметила, что метафора болезни является частью более широкого морбуально-го кода, представленного в русской литературе XX–XXI вв. Проанализированы типы метафор с точки зрения частеречной классификации (отмечены частотные генитивные конструкции, а также адъективные метафоры), охарактеризована специфика образов сравнения, выделены основные классы предметов сравнения. Подчеркнуто,

что метафора болезни и болезненных состояний употребляется для концептуализации общественно-политических процессов и конфликтов, эмоциональной и когнитивной сфер человека, различных абстрактных феноменов, а также для описания материальных предметов вещного мира.

Доклад к. ф. н. **Е.В. Шараповой** (Москва) «Метафорика романа Екатерины Манойло “Ветер уносит мертвые листья”» также является частью проекта по изучению компаративных тропов в современной русской прозе. В нем были рассмотрены семантические классы образов сравнения, из которых строится метафорика указанного романа Екатерины Манойло: классы слов с семантическим компонентом ‘смерть’, «предметы быта», «продукты и еда», «животный мир», «кино и театр», а также олицетворения. Показана связь языковых метафор с другими уровнями художественного текста (сюжет, художественное пространство) и их роль в выражении авторской интенции и оценки.

Доклад д. ф. н. **М.Г. Соколовой** (Тольятти) «Способы эволюции образов сравнения “ракита — человек” в русской поэзии XIX–XXI веков: корпусный анализ» был посвящен описанию способов эволюции образов сравнения компаративных тропов «ракита — человек» в русской поэзии XIX–XXI вв. Установлен количественный состав антропоморфных образов сравнения в динамике их развития, представленный тремя тематическими группами. Выявлены способы лексического и формального варьирования отдельных устойчивых образных ассоциаций.

Заключительный доклад секции «Лексемы с корнем *-лыс-* и их синонимы: репрезентация символа “Голгофа” в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» был представлен д. ф. н. **И.В. Якушевич** (Москва). В нем анализировались языковые средства символа ГОЛГОФА в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» при помощи НКРЯ. Исследовательская стратегия заключалась в наложении такого явления художественного текста, как суггестия, на структуру символа ГОЛГОФА — его означающее (перцептивный образ горы) и означаемое (библейские символические смыслы ‘человек’ и ‘наказание, смерть’).

Заседание «**Корпусные исследования поэзии и прозы**» открыл совместный доклад д. ф. н. **Г.В. Векшина**, к. м. н. **М.Н. Герцева** (Москва) и **Я.Е. Лоскота** (Тбилиси) «Фоносиллабика русского стиха по данным корпусного исследования (проект Phonotext)». В нем были показаны возможности квантитативного измерения звуковой связности стихотворного текста с помощью разработанной

авторами программы и веб-сервиса Phonotext, в основе которого лежит силлабоцентрический подход к звуковой структуре поэтического текста, понимаемой как единая с просодикой и ритмом текстура, образуемая сериями слогаобразных звуковых сегментов — фоносиллабов. Программа позволяет наблюдать неравномерность распространения фоносиллабических повторов в тексте, образование плотных цепей повторов одного рода на фоне исключения цепей другого и прочие свойства звуковой композиции стиха, существенно отличающие поэзию от нехудожественной прозы.

В докладе д. ф. н. **Т.Б. Радбиля** (Нижний Новгород) «Общесеночные предикаты “хорошо” и “плохо” в моделях “ценностных сдвигов” (по данным поэтического подкорпуса в НКРЯ)» были рассмотрены «ценностные сдвиги», реализованные в репрезентативных контекстах употребления общесеночных предикатов *хорошо* и *плохо* в роли слов категории состояния (безлично-предикативных слов). Освещаются следующие модели: *хорошо* + *инфинитивная конструкция* (обозначающая что-то плохое) / *хорошо, что Р.* (обозначающее что-то плохое) ↔ *плохо* + *инфинитивная конструкция* (обозначающая что-то хорошее), *плохо, что Р.* (обозначающее что-то хорошее). Наличие подобных контекстов, по мнению Радбиля, означает дискурсную реализацию индивидуально-авторской оценки в качестве чего-то хорошего по отношению к тому, что в обыденном представлении является чем-то плохим (и наоборот). С другой стороны, в поэтическом дискурсе имеет место явление *разрешения или элиминации «ценностных сдвигов»*. Также анализ материала подтверждает ценностную асимметрию членов оппозиции *хорошо* / *плохо*, где *плохо* выступает как маркированный член, контекстно обусловленный и тем самым более специализированный в сочетаемости.

В рамках заседания прозвучали два доклада, сделанные д. ф. н. **И.В. Романовой** и д. ф. н. **Л.В. Павловой** (Смоленск). Первый из них «От армянского корпуса к армянскому тексту русской поэзии» был посвящен созданию корпуса текстов русских авторов XVIII–XXI веков об Армении, составившего 721 стихотворение. Работа выполнялась в рамках проекта № 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы», поддержанного РНФ. На основе этого корпуса разработана теоретико-методологическая модель рассмотрения локального текста, выделены его формальные признаки, позволяющие

всесторонне описать языковую картину мира Армянского текста. Статический (описание) и динамический (нарративность) аспекты объектов (паттернов) Армянского текста представлены в виде образно-мотивных ситуаций, обеспечивающих семантизацию и символизацию паттернов локального текста.

Второй доклад «Лексические комбинации в Армянском тексте русской поэзии», подготовленный в рамках того же проекта РНФ, был посвящен устойчивым, повторяющимся в разных текстах группам слов. Лексические комбинации сигнализируют о притяжениях текстов, которые трудно или невозможно обнаружить «невооруженным глазом». Чаще всего это типологические сходства, указывающие на формирование некой общности — сверткста. В случае армянского текста речь идет о локальном тексте и маркирующих его лексических комбинациях. Лейтмотивные компоненты лексических комбинаций в Армянском тексте русской поэзии — это самые частотные лексемы корпуса. Самым частотным именем собственным после Армении является Арарат. Будучи именем собственным, Арарат изначально формирует два сюжета — библейский (потоп) и исторический (отчуждение территорий и разлученность Армении и Арарата).

В следующем совместном докладе д. ф. н. **Е.В. Маркасовой** (Пекин) и к. т. н. **О.А. Митрофановой** (Санкт-Петербург) «Анализ геминии (троекратного контактного повтора) на основе корпусного подхода» были показаны возможности корпусного подхода к изучению геминии. Корпусные данные позволяют характеризовать геминии как разновидность микросинтаксических единиц, «сильно лексикализованные синтаксические фраземы» (Л.Л. Иомдин). Специально отмечено, что обновление термина «геминия» в русистике обусловлено ростом употребления тройных повторов в поэзии и прозе конца XX — начала XXI в. Живые процессы дали импульс к изменению терминологии, поскольку терминологические системы зависимы от появления новых объектов и возможности наблюдения за ними.

Заседание продолжил доклад к. ф. н. **Г.Р. Насибулловой** (Казань) «Особенности выражения неопределенности в произведениях Ольги Славниковой и Джоан Харрис (в русле корпусных исследований)». Данное исследование направлено на изучение лингвистического хеджинга как особенности идиостиля писателя. Приведены выделения и перечислены некоторые лингвистические средства хеджирования, а также методы их

корпусного исследования на примере квантитативного и контекстного анализа.

К. ф. н. **К.М. Корчагин** (Москва) в своем докладе ««Метроtonика» Михаила Малишевского и современное стиховедение» отметил, что одной из первых русскоязычных работ, направленных на создание общей теории стиха, была небольшая книга М.П. Малишевского «Метроtonика» (1925), где предлагался единый взгляд на устройство метрики. Позднее ряд идей Малишевского был разработан А.П. Квятковским, предложившим единую трактовку для классического и неклассического стиха. Стиховедение гапаровской школы считало эти теории ненаучными, однако более пристальный их анализ позволяет показать, что они были закономерными предшественниками современной метрической типологии. В докладе были разобраны теоретические взгляды Малишевского — как в контексте стиховедения 1920-х годов, так и в более широком контексте тактометрической теории, до Малишевского представленной прежде всего работами А.М. Кубарева. Показана эволюция тактометрической теории от Кубарева до Малишевского и то, каким образом она вписывается в развивающуюся чуть позднее метрическую типологию — субдисциплину, программа которой впервые предлагается в работах Р. Якобсона и Дж. Лотца.

В совместном докладе д. ф. н. **О.В. Соколовой**, д. ф. н. **В.В. Фещенко**, к. ф. н. **Е.В. Самостиенко** и **Е.В. Захаркив** (Москва) «Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ» были рассмотрены особенности прагматического измерения поэтического дискурса, вступающего в активное взаимодействие с обыденным языком в эпоху новых медиа, на материале русского, английского и итальянского языков. Докладчики рассмотрели основные этапы анализа, включающие количественные и качественные методы. Были представлены общие выводы, основанные на различии в частотности употребления и специфике функционирования прагматических единиц в поэтическом корпусе и в разговорной речи, включая как общие для всех трех языков параметры (более высокая частотность употребления глаголов говорения; интерперсональных маркеров; единиц, выражающих путативность (мнение) и т.д.), так и специфические для разных языков показатели прагматического эксперимента.

Далее последовал совместный доклад к. ф. н. **К.Л. Киселевой** и к. ф. н. **А.Д. Козеренко** (Москва) «Глагольные идиомы с компонентом *глаз* / *глаза*: распределение и особенности употребления

в текстах классиков XIX века». В докладе рассматривались такие глагольные идиомы, которые имеют компонент значения ‘пристально смотреть’, а именно: *глаз не спускать* / *не сводить*, *с глаз не спускать*, *пялить глаза*, *бросить глаза*, *смотреть* / *глядеть в оба [глаза]* и некоторые другие. Используя корпус «Русская классика» НКРЯ, докладчицы выяснили, как эти идиомы употребляют М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой и И.С. Тургенев, и сравнили эти данные с корпусными данными XIX века в целом, а затем XX века. Анализ показал, что рассматриваемые идиомы одного семантического поля представлены неравномерно у четырех авторов и в XIX веке в целом; частично эти различия объясняются стилистически (*пялить глаза* у Лескова) и авторскими предпочтениями (*глаз не спускать* / *не сводить* у Тургенева и Толстого). Также в докладе обсуждалось изменение значения некоторых идиом в XX веке по сравнению с XIX веком.

В докладе к. ф. н. **Н.К. Онипенко** (Москва) «О семантике возвратного глагола на интертекстуальном фоне» анализировались стихотворные тексты с глаголом *двигаться* (и его синонимами) в связи с противопоставлением акциональности и каузативности, полисубъектности и моносубъектности. Речь шла о паре глагольных словоформ *движет* — *движется* в текстах поэтов XX века на фоне заключительной строки «Божественной комедии» Данте (*Любовь, которая движет солнце и другие звезды*; в пер. Лозинского: *что движет солнце и светила*). Анализ поэтических текстов был подкреплен наблюдениями над каузативными конструкциями с абстрактными существительными в творительном падеже (*Им движет алчность* — односубъектная конструкция). Докладчица обосновывала мысль о том, что строка *И море, и Гомер — все движется любовью* прочитывается неоднозначно, поскольку изменилась семантическая структура глагола *двигаться* (произошло затухание у него страдательного значения). Семантика возвратного глагола характеризуется синтаксической и текстовой обусловленностью, поэтому глагол *двигаться* может сохранить связь со страдательным залогом в том случае, если в сознании интерпретатора есть интертекстуальный фон (связь с текстом Данте).

Доклад к. ф. н. **П.С. Дронова** (Москва) «Контаминация идиом на различных уровнях языка» был посвящен одному из феноменов вариантности, проявляющемуся на различных уровнях языка, — контаминации идиом. Анализировалось употребление контаминаций идиом в Национальном корпусе русского языка. Докладчик

пришел к выводу, что контаминация идиомы основана или на незнании внутренней формы исходной единицы, или, наоборот, на рефлексии над ее внутренней формой. Пределом контаминации является образование новых автономных фразеологических единиц, которые уже нельзя в полной мере считать вариантами или синонимами исходных.

В докладе д. ф. н. **Л.Д. Бадмаевой** (Улан-Удэ) «Анализ семантики бурятской лексемы зун(г) 'предчувствие, чутьё, инстинкт' с её синонимами» рассматривались особенности семантической структуры бурятской лексемы зун(г) 'предчувствие, чутьё, инстинкт, предзнаменование, ясновидение' в сравнении с её синонимами. Лексический материал, выбранный из словарных бурятско-русских, русско-бурятских, толковых изданий, а также корпусных материалов, анализировался на контекстных данных, извлеченных из художественных текстов бурятской литературы. Выделен ряд смысловых признаков у лексем бурятского языка с искомым значением «предчувствие». Рассмотренные в докладе лексемы и выражения бурятского языка в определенной степени характеризуют способности человека к иррациональному пониманию.

Заключительное заседание второго дня конференции было посвящено теме «**Корпусные исследования и лексикография**». Его открыл к. ф. н. **А.А. Лебедев** (Петрозаводск) докладом «База данных "Риторический и медитативный вопрос как фигуры речи в лирике XVIII века": структура, использование, пополнение». В докладе были рассмотрены основные принципы создания вышеуказанной базы данных, разработанной на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета в рамках проекта «Поэтический синтаксис русского языка XVIII в. в риторическом аспекте», а также дополняемой в ходе проекта РНФ «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича в аспекте тропо- и фигуροобразования» (№ 24-28-00696). Были предложены количественные показатели базы данных, рассмотрены проблемы, связанные с пополнением базы данных. Отмечено, что содержащаяся в базе данных информация может быть использована как инструмент определения индивидуально-авторского стиля и жанра, а также сравнения творческой манеры разных авторов как по отдельно взятым стихотворениям или группам стихотворений, так и глобально — среди всех имеющихся в базе данных контекстов по различным параметрам.

Во втором докладе этой секции — **Н.А. Ребецкой** (Москва) «База данных "Словаря языка Пушкина" как инструмент исследования творчества поэта» исследовалась информация, включенная в словарные статьи Словаря языка Пушкина: употребления в переносном значении, со стилистическими оттенками, такими как шутливое, ироническое, каламбурное, народно-поэтическое, с помощью которых составители оттеняют, уточняют значения слов, а также употребления в составе фразеологических сочетаний. Инструментом исследования является информационно-поисковая система Базы данных Словаря языка Пушкина, позволяющая осуществлять выборки по заданным параметрам. Проанализированы данные 9 подкорпусов поэтического корпуса БД, наглядно отображены особенности употребления слов с указанными характеристиками в разных жанрах и периодах создания поэтических произведений. Инструментарий базы данных предоставляет возможности для изучения и других лексических параметров, например употребление в составе заголовков, цитат, пословиц и поговорок.

В докладе д. ф. н. **И.Б. Дягилевой** (Санкт-Петербург) «Н.А. Лейкин в корпусе текстов "Словаря русского языка XIX в."» было отмечено, что важной составной частью корпуса «Словаря русского языка XIX в.» является подкорпус текстов Н.А. Лейкина, для авторского стиля которого свойственны предметная изобразительность, этнографическая точность, сближение с живой речью. Подкорпус и составленный на его основе конкорданс позволили дополнить словник Словаря, выявить редкие слова и проиллюстрировать их, а также дали возможность включить в Словарь авторские окказионализмы, образованные по регулярным моделям русского языка. Подчеркнуто, что в произведениях Н.А. Лейкина широко отражается процесс вхождения областных и народно-разговорных слов в литературный язык, а также их движение с периферии к центру лексической системы. Характерное для идиостиля писателя использование большого числа фразеологизмов, слов с эмоционально-экспрессивными суффиксами, глагольной лексики также представляет особый интерес при работе над историческим словарем.

Д. ф. н. **А.Я. Шайкевич** (Москва) в своем докладе «Маркеры прозы XIX века (сравнение через столетие)» сравнил частотный словарь прозы середины XIX века (Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг.

Т. 1. М., 2013) со словарем О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009), точнее — с жанром «Художественная литература», охватывающим период 1950–2007 гг. и включающим 35 миллионов словоупотреблений. Было выделено более тысячи лексических маркеров XIX века, то есть слов, статистически значительно отличающихся от слов XX века, рассмотрены важнейшие семантические группы маркеров.

Выбор темы доклада кандидата культурологии **Н.Т. Тарумовой** (Москва) «Колоративная синестезия в поэтических текстах Андрея Белого» был обусловлен тем, что синестезия — один из ключевых приемов, который несет как эмоционально-смысловую, так и символическую нагрузку, что моделирует образную структуру поэтического текста Андрея Белого. В докладе осуществлена попытка рассмотреть явление цветовой синестезии в поэтических текстах писателя. На материале рабочей выборки из составленного корпуса для «Словаря цвета поэзии А. Белого» рассматривается компонентный разбор слов, являющихся базой для формирования синестезийных слово-сочетаний. Так как синестезия скрещивает два или более чувственных образа, то были выделены двучленные синестезийные конструкции и многочленные. Произведено описание выделенных слов, даны параметры для их характеристики и предложена схема классификации.

К. ф. н. **Е.В. Суrowцева** (Москва) в докладе «Русская художественная литература XX — начала XXI века о Сергии Радонежском в корпусных исследованиях» поставила вопрос о необходимости как литературоведческого, так и лингвистического изучения этой литературы («Один за всех. Повесть о жизни великого подвижника Земли Русской» Л.А. Чарской, «Преподобный Сергей Радонежский» Б.К. Зайцева, «Похвала Сергию» и «Сергий Радонежский» Д.М. Балашова, «Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского» С.А. Летуновского). Изучение лексики перечисленных произведений проводилось с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум». Были выделены такие лексические пласты, как церковная лексика, историзмы и архаизмы, имена собственные, сложные слова (данная работа сопровождается работой с омонимией и многозначностью).

В докладе к. ф. н. **С.А. Чурикова** (Воронеж) «На пути к созданию “Комплексного интертекстового

словаря поэзии А.В. Кольцова”» была представлена концепция лексикографического труда, который может стать первым опытом комплексного лексикографического описания совокупности «входящих» и «исходящих» интертекстовых единиц определенного корпуса текстов. В основе предлагаемой концепции лежат четыре принципа: 1) функционально-содержательный принцип; 2) принцип текстоцентричности; 3) принцип комплексности; 4) принцип объяснительности. Представлена макроструктура создаваемого словаря, структура словарной статьи. В словаре будут описаны интертекстовые связи не менее 80 кольцовских стихотворений.

В докладе к. ф. н. **Т.В. Сивовой** (Гродно, Республика Беларусь) «Потенциал НКРЯ в реконструкции цветовой концептосферы русского языка (цвет груши)» были раскрыты возможности НКРЯ в реконструкции на материале цветowych дескрипций груши сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Полученные данные значимы для формирования целостного представления о цветовой репрезентации груши, для создания полной версии описания цветовой концептосферы русского языка.

Последний день конференции 16 марта начался с заседания секции «**Корпусные исследования разных видов дискурсов**». Первым прозвучал доклад **О.В. Евсеева** (Тюмень) «Специфика искусственного текста». Данное исследование было посвящено проблеме специфики искусственного текста, сгенерированного при помощи GPT. Были отмечены положительные и отрицательные стороны нейросетей как сервисов для генерации текстов. Рассмотрены взгляды отечественных и зарубежных лингвистов касательно таких понятий, как «искусственный текст», «текстовая категория» и «текстоид». Особое внимание уделено некоторым текстовым категориям или критериям текстуальности, которые имеют особое отражение в искусственно созданных текстах: информативность, модальность, интенциональность, завершенность.

В докладе **М.Ю. Ефремовой** (Москва) «*Почему*-высказывания в текстах Е. Гришкова» рассматривались интонационные средства выражения модусных смыслов в вопросительных предложениях с местоименным наречием *почему*. Анализировалось интонационное оформление вопросительных предложений в текстах Е. Гришкова, озвученных самим автором и разными чтецами. Основное внимание уделялось интонационным конструкциям, которые используются

при оформлении вопросительных предложений (тип ИК), и месту центра ИК. Сравнение типов интонирования одного и того же предложения у разных исполнителей позволило выявить функционально-коммуникативный потенциал одного типа ИК и интонационный потенциал вопросительной конструкции с причинным значением.

В докладе к. ф. н. **И.Н. Коржовой** (Москва) «Поэтическая формула «топоним женского рода + эпитет *счастливой*» в русской литературе» на основе данных поэтического подкорпуса НКРЯ исследована поэтическая формула «топоним женского рода в косвенных падежах + эпитет *счастливой*», занимающая позицию конца строки. Обнаружено более 45 вхождений, установлены варианты формулы (конструкции с эпитетом *прекрасной* и заменой топонима словом *страна*), отмечена тенденция включения в формулу неофициальных или исторических наименований (*Аркадия*, *Гесперия* и т.д.). Формула появилась в 1810 г. в «Надписи на гробе пастушки» К. Батюшкова (*жила в Аркадии счастливой*) и вплоть до конца XX в. устойчиво указывала на идиллическое пространство в настоящем или в прошлом (золотой век). Семантические трансформации формулы связаны с романтической попыткой представления мятежного, негармоничного идеала или с противопоставлением своего неидеального, но дорогого пространства чужому счастливому. Популярность формулы подтверждает ее ироническое обыгрывание начиная с 1824 г. и до середины XX в. в поэзии и в прозе.

К. ф. н. **Е.Ю. Кукушкина** (Москва) в своем докладе ««Черный квадрат» Малевича по данным интернета» оценила «Черный квадрат» Казимира Малевича как, быть может, наиболее знаковое и, во всяком случае, одно из самых обсуждаемых произведений изобразительного искусства, относящихся к раннему русскому авангарду. Предложенное сообщение было посвящено комментариям к этой картине, извлеченным из Интернета, который в данном случае рассматривается как специфический корпус текстов. При анализе материала учитывался характер площадки, на которой размещен документ, жанр документа, а также целевая аудитория, на которую он ориентирован.

Доклад **Е.Р. Скрыпник** (Ростов-на-Дону) «Невербальные компоненты в ремарках к репликам персонажей повести А.П. Чехова «Три года»» был посвящен рассмотрению способов представления невербальных компонентов в ремарках к репликам Алексея Лаптева и Юлии Белавиной — персонажей повести А.П. Чехова «Три года». Поиск невербальных компонентов осуществлялся с

помощью частотного словаря, созданного в корпусе-менеджере AntConc. Выбор лексем и словосочетаний, представляющих невербальные компоненты, происходил вручную. В результате было определено, что невербальные компоненты в ремарках к репликам Алексея Лаптева и Юлии Белавиной выражены глаголами и глагольными формами, именными словосочетаниями и чаще всего включены в интерпозитивные и постпозитивные ремарки.

К. ф. н. **Ю.А. Ненашева** (Челябинск) прочитала доклад «Просодические выразительные средства (на материале аудиокниги)». Докладчица отметила, что художественные тексты представляют информацию о влиянии прагматических и лингвокультурных факторов на просодию. Просодия прямой речи персонажей аудиокниги характеризует лингвокультурный типаж, речевое поведение которого конкретизируется и реализуется при помощи просодических выразительных средств: от членения звуковой последовательности до тональных движений в интонационном контуре.

В докладе «Корпусный анализ творческого использования языка в юмористических миниатюрах» д. ф. н. **К.М. Шилихина** (Воронеж) представила результаты корпусного анализа текстов юмористических миниатюр М.М. Жванецкого и Славы Сэ. Проведенный анализ позволил выделить наиболее частотную лексику в произведениях двух авторов, а также проанализировать лексическую сочетаемость с точки зрения ее нетривиальности. Частотные списки позволяют делать выводы о тематических доминантах юмористических текстов: если у Славы Сэ тематика связана преимущественно с повседневной бытовой жизнью человека, то у М.М. Жванецкого, помимо повседневной жизни обычного человека, затрагивается тема жизни страны. Анализ наиболее частотных прилагательных показывает, что в текстах М.М. Жванецкого положительная и отрицательная оценка событий, действий и людей выражается с примерно одинаковой частотой. В произведениях Славы Сэ преобладает положительная оценка. Сравнение языка писателя на уровне лексической сочетаемости с контекстами из НКРЯ показывает, за счет чего создается юмористический эффект: основной прием — это нетривиальная лексическая сочетаемость, в которой возникает смысловое противоречие.

Г.И. Шляхова (Москва) в докладе «*Душа, мечта и вдохновение* как семантические доминанты идиостиля Игоря-Северянина» представила частотный и контекстный анализ лексико-семантических полей *душа*, *мечта* и *вдохновение*

в поэтическом языке эгофутуриста Игоря-Северянина. Данные ЛСП рассматриваются как ключевые доминанты идиостиля автора, что подтверждается как высокой частотностью их употребления в произведениях, так и их смысловой нагрузкой. Иррациональные компоненты ментальной сферы в стихах эгофутуриста являются основой близости лирического героя с природным миром и при этом образуют оппозицию всему рассудочному и искусственному, наделяемому, в свою очередь, негативной коннотацией в поэтических текстах.

В докладе д. ф. н. **Н.Г. Бабенко** (Калининград) «Поэтика художественной детали в ракурсе корпусной лингвистики: *лампада* в прозе А. П. Чехова» рассматривалось, каким образом и с какой целью на фоне традиционного контекста функционирования детали *лампада*, объективированного данными панхронического и поэтического подкорпусов НКРЯ, происходит деформация символики культового артефакта. Докладчица пришла к выводу, что сдвиг в изображении детали-символа обеспечивается профанирующим, дискредитирующим контекстным окружением ее имени и воспринимается читателем с опорой на каноническое представление о высоком назначении *лампады*. Чеховская интенция состоит не в секуляризации, не в умалении значения и назначения *лампады*, а в оценочном взгляде на человека в его отношении к вере, к добру и злу, свободе и рабству, семье и обществу посредством предметно-психологической характерологической детали *лампада*.

Доклад **П.С. Барановского** (Калининград) «Количественный и качественный подходы к изучению поэтической системы (на материале поэзии Бориса Рыжего)» был посвящен изучению лексического наследия Бориса Рыжего в количественном и качественном аспектах. Анализ поэтической системы осуществлялся посредством составления частотного индекса и перечня лексических комбинаций, а также интерпретации исследуемых материалов при рассмотрении контекстного окружения. В результате проведенного исследования было определено, что доминантные цвета в лирике Бориса Рыжего активно взаимодействуют друг с другом: *синий*, *белый* и *голубой* противопоставляются *черному* как небесные и земные цвета. В ходе исследования лексических комбинаций на материале 513 стихотворений (46201 словоформа) было обнаружено, что для поэтической системы Бориса Рыжего характерны слова-спутники, повторяющиеся в разных поэтических текстах. Примеры интерпретации

лексических комбинаций, приведенные в исследовании, свидетельствуют об эффективности применения данной методики в ракурсе анализа ключевых слов, образного ряда и индивидуально-авторских ассоциаций.

Заключительное пленарное заседание последнего дня конференции «**Общие вопросы корпусных исследований художественного текста**» открылось докладом к. ф. н. **С.О. Савчук** (Москва) «Фонетические средства выразительности в звучащем стихе (на материале Мультимедийного поэтического корпуса)». В докладе были представлены результаты исследования нескольких приемов фонетической выразительности стихотворений и способов их реализации в звучащих версиях. Полезным инструментом для такого исследования служит Мультимедийный поэтический корпус, в котором содержатся стихотворные тексты в разных вариантах исполнения, что дает возможность сравнивать письменный текст с его звучанием, сопоставлять разные интерпретации звучащего стиха. При анализе материала учитывался также опыт работы известных чтецов над звуковой выразительностью стиха.

Д. ф. н. **И.В. Зыкова** (Москва) выступила с докладом «Новые пути развития авангардной (не) вербальной идиоматики (корпусный подход)». В докладе были представлены результаты корпусного анализа вербальных и невербальных идиом, составляющих ядро идиоматики русского авангарда (например, *(с)бросить с парохода современности*, *самовитое слово*, *черный квадрат*). Показано, что, возникая в работах кубофутуристов (манифестах, статьях, стихотворениях, живописных произведениях и т.д.), они получают распространение в разных типах дискурса (газетном дискурсе, публицистическом дискурсе, социальных сетях и др.) и, соответственно, новые векторы осмысления и развития. Проведенный корпусный анализ проясняет механизмы адаптации авангардных идиом к прагматическим задачам определенного дискурса, а также факторы, которые обуславливают их переход в общеязыковой узус или, напротив, препятствуют этому переходу.

В докладе д. ф. н. **Ю.Б. Орлицкого** (Москва) «Свободный стих в НКРЯ» была сделана попытка проанализировать положение помещенных составителями в корпус стихотворных произведений, написанных свободным стихом. Отмечая огромную роль корпуса для изучения русского языка в целом и его верлибровой ветви в частности, докладчик отметил ряд недоработок, касающихся именно этого сегмента поэтического подкорпуса. Прежде всего, это расплывчатое определение

свободного стиха и, соответственно, его границ, которым руководствовались составители. Далее — нечетко обозначенные принципы отбора текстов каждого автора, особенно при сложности выбора основного источника. Конкретные замечания были сделаны на материале представленной в корпусе части верлибрического наследия Александра Добролюбова.

Далее выступила д. ф. н. **Н.В. Патроева** (Петрозаводск) с докладом «Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка как инструмент для выявления формульности поэтического текста». Она рассмотрела функционирование формульных *гой еси* и *исполать* в русской поэзии и проанализировала динамику частотности формульного этикетного элемента. Специально было отмечено, что первоначально контексты *гой еси* или *исполать* использовались как инструмент фольклорной стилизации, а в более поздних текстах — для пародирования, — как правило, в структуре произведений, воспроизводящих особенности языка былинного жанра и речи персонажей устной поэзии, чаще во фрагментах с прямой речью. Частотность использования фольклоризмов, фиксируемых в поэтическом подкорпусе НКРЯ, достигала максимумов в последней трети XVIII в., в позднеромантическую эпоху 1830-х годов, в 1870-е годы и в эпоху Серебряного века. Первоначально стилизация наблюдалась в жанре «русской песни», «повести» или басни. Частотны также стихотворения с *гой еси* и *исполать*, написанные песенным хореем, тоническим стихом либо полиметрическими композициями, ритмически напоминающими мелодику устнопоэтических произведений.

В совместном докладе д. ф. н. **Л.Л. Шестаковой** и к. ф. н. **А.С. Кулевой** (Москва) под названием «Национальный корпус русского языка как источник данных в работе над авторским словарем» основное внимание было уделено вопросам использования ресурсов НКРЯ при составлении многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века», идея которого принадлежит В.П. Григорьеву. Было показано, что корпусные данные востребованы прежде всего при описании слов, требующих повышенного внимания составителя. К ним относятся авторские новообразования, редкие лексемы (устаревшие, областные, специальные, также низкочастотные имена собственные), иноязычные вкрапления и другие единицы. Докладчики привели примеры соответствующих словарных статей, сопроводив их необходимыми комментариями.

Д. ф.-м. н. **В.В. Аристов** (Москва) в докладе «Возможность создания корпуса текстов, связанных с понятием *Idem-forma*» обозначил понятие *Idem-forma* (*idem* — лат., тот же, тождественный) как новый метод компаративистики, изучающий резонансные соответствия литературных (и других художественных) произведений в поиске «тождества в несходном». При этом была поставлена задача представить многочисленные примеры (с включением фактов, найденных другими исследователями, не использовавшими такую терминологию) — в виде соединенных по сути одним подходом корпусов текстов на основе электронного ресурса. Для наглядности и выявления имплицитных совпадений было предложено использовать метод геометризации с помощью графов, т.е. системы узлов (произведений) и ребер (связей между произведениями). Обсуждена структура такого графа и его гипотетические свойства.

В докладе д. ф. н. **И.А. Тарасовой** (Саратов) «Концептуализация сферы небесных явлений в русской поэзии XVIII–XXI вв. (на материале НКРЯ)» был предложен анализ корпусных данных посредством методики концептуального моделирования. Показано, что лексемы, принадлежащие тематической группе небесных явлений (*восход — заход — закат*), являются именами концептов разного типа: предметно-образное ядро отчетливо выделяется у *заката*. *Заход* — концепт с логическим ядром, *восход* занимает промежуточное положение между ними. Члены предметной парадигмы обнаруживают определенную симметричность вторичной концептуализации, соотносясь с началом / концом человеческой жизни, эпохи и т.д. Однако если символика *заката* базируется на чувственных характеристиках образа (цвет, красота и т.п.), перенос в сферу абстрактных понятий у *восхода* и *захода* строится на логических принципах.

В докладе к. ф. н. **О.И. Северской** (Москва) «Музыка языка или музыка языка? Корпусное исследование поэтического метра и рифмы» на примере использования в поэзии XVIII–XX вв. лексем *музыка* и *язык* рассматривалась динамика акцентологической нормы: знакомая поэтическая метафора музыка языка (*и сверкнёт прощанье музыкой языка* — Б. Кенжеев) в XVIII в. и в начале XIX в. звучала непривычно для современного уха — *музыка язы́ка*. Поэтический корпус дал много примеров колебания нормы, в том числе и в текстах одного автора, а также материал для размышлений, чем объясняется выбор того или иного, «старшего» или «младшего» варианта

ударения — следованием новой речевой моде или стилистическими задачами.

Завершил конференцию совместный доклад к. ф. н. **Т.В. Скулачевой**, д. ф. н. **Н.А. Слюсарь**, к. ф. н. **А.Э. Костюка**, **М.А. Грановской**, **Я.С. Иванова**, **Б.А. Савиной** (Москва) «Стих и проза: восприятие семантики», в котором были представлены результаты серии экспериментов по восприятию семантики стиха. Было показано, что в стихе, в отличие от прозы, где все читатели стремятся выбрать самую логичную, наиболее обоснованную трактовку, в стихе каждый информант запускает свою собственную цепочку

ассоциаций, в результате чего трактовки даже очень простого стиха могут иметь взаимоисключающий характер, исчисляться десятками и оказываться очень далекими от наиболее логически обоснованного понимания текста. Можно предположить, что речь идет о разных типах обработки информации мозгом, традиционно ассоциируемых с образным и логическим мышлением.

В заключение председатель оргкомитета **Н.А. Фатеева** подвела итоги конференции, отметив высокий научный уровень докладов и их вклад в развитие корпусных и количественных методов исследования художественного текста.

З.Ю. Петрова

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
zoyap@mail.ru

Н.А. Фатеева

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
nafata@rambler.ru

Zoya Yu. Petrova

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
nafata@rambler.ru

Для цитирования: Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Хроника конференции с международным участием «Пятые Григорьевские чтения» по теме «Художественный текст: корпусные методы исследования» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 161–174. DOI: 10.31857/S1605788024050159

For citation: Petrova, Z.Yu., Fateeva N.A. *Hronika konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "Pyatye Grigorevskyie chteniya" po teme "Hudozhestvennyy tekst: korpusnye metody issledovaniya"* [Chronicle of the Conference with International Participation "Fifth Grigoryev's Readings" on the Topic "Literary Text: Corpus Methods of Research"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 161–174 (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050159

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июня 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on April 11, 2024

Revised on June 10, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024

Подписано к печати 99.99.2024 г.		Дата выхода в свет 99.99.2024.		Формат 60 × 88 ¹ / ₈	
Уч.-печ. л. 99,99.	Уч.-изд. л. 99,99.	Тираж	экз.	Зак.	Цена свободная
Учредитель: Российская академия наук					

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика	Лёд и Снег
Агрохимия	Лесоведение
Азия и Африка сегодня	Литология и полезные ископаемые
Акустический журнал	Мембраны и мембранные технологии
Астрономический вестник. Исследования Солнечной системы	Металлы
Астрономический журнал	Микология и фитопатология
Биологические мембраны	Микробиология
Биология внутренних вод	Микроэлектроника
Биология моря	Молекулярная биология
Биоорганическая химия	Нейрохимия
Биофизика	Неорганические материалы
Биохимия	Нефтехимия
Ботанический журнал	Новая и новейшая история
Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук	Общественные науки и современность
Вестник древней истории	Общество и экономика
Вестник Российской академии наук	Океанология
Вестник российской сельскохозяйственной науки	Онтогенез
Водные ресурсы	Палеонтологический журнал
Вопросы истории естествознания и техники	Паразитология
Вопросы ихтиологии	Петрология
Вопросы языкознания	Письма в Астрономический журнал
Вулканология и сейсмология	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
Высокомолекулярные соединения. Серия А	Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования
Высокомолекулярные соединения. Серия Б	Почвоведение
Высокомолекулярные соединения. Серия С	Приборы и техника эксперимента
Генетика	Прикладная биохимия и микробиология
Геология рудных месторождений	Прикладная математика и механика
Геомагнетизм и аэрономия	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология и палеогеография	Проблемы машиностроения и надежности машин
Геотектоника	Проблемы передачи информации
Геохимия	Программирование
Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиозкология
Дефектоскопия	Радиотехника и электроника
Дифференциальные уравнения	Радиохимия
Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления	Расплавы
Доклады Российской академии наук. Науки о жизни	Растительные ресурсы
Доклады Российской академии наук. Науки о Земле	Российская археология
Доклады Российской академии наук. Физика, технические науки	Российская история
Доклады Российской академии наук. Химия, науки о материалах	Российская сельскохозяйственная наука
Журнал аналитической химии	Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова
Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова	Русская литература
Журнал вычислительной математики и математической физики	Русская речь
Журнал неорганической химии	Сенсорные системы
Журнал общей биологии	Славяноведение
Журнал общей химии	Современная Европа
Журнал органической химии	Социологические исследования
Журнал прикладной химии	Стратиграфия. Геологическая корреляция
Журнал физической химии	США & Канада: экономика, политика, культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии	Теоретические основы химической технологии
Журнал экспериментальной и теоретической физики	Теплофизика высоких температур
Записки Российского минералогического общества	Успехи современной биологии
Зоологический журнал	Успехи физиологических наук
Известия Российской академии наук. Механика жидкости и газа	Физика Земли
Известия Российской академии наук. Механика твердого тела	Физика и химия стекла
Известия Российской академии наук. Серия биологическая	Физика металлов и металловедение
Известия Российской академии наук. Серия географическая	Физика плазмы
Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка	Физикохимия поверхности и защита материалов
Известия Российской академии наук. Серия физическая	Физиология растений
Известия Российской академии наук. Теория и системы управления	Физиология человека
Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана	Химическая физика
Известия Российской академии наук. Энергетика	Химия высоких энергий
Известия Русского географического общества	Химия твердого топлива
Исследование Земли из космоса	Цитология
Кинетика и катализ	Человек
Коллоидный журнал	Экология
Координационная химия	Экономика и математические методы
Космические исследования	Электрохимия
Кристаллография	Энтомологическое обозрение
Латинская Америка	Этнографическое обозрение
	Ядерная физика